P. O. rel. 3340

Pjesni

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

—

ЧАСТЬ I.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ,

СТАРИНЫ И ПОБЫВАЛЬЩИНЫ.

(Собственность собирателя).

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1861.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 18-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

МОСКОВСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ОТЪ ИМЕНИ

ПОКОЙНАГО ЕГО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

П. Н. Рыбниковъ пользовался особенною пріязнію и справедливымъ уваженіемъ со стороны Алексѣя Степановича Хомякова: въ своихъ переходахъ изъ Москвы въ губернію Черниговскую, изъ Черниговской въ Пермскую и оттуда въ Олонецкую, обратившись къ изученію простаго русскаго народа въ его неподдѣльномъ творчествѣ, собиратель предлагаемыхъ пѣсень, движимый естественнымъ чувствомъ, прислалъ первые плоды трудовъ своихъ первому тому, кто умѣлъ цѣнить всякое живое направленіе молодости, и, согрѣвая ее сочувствіемъ, успѣвалъ превращать всякую истинную жизнь молодаго развитія въ жизнь направленія русскаго.

Получивши первыя тетради собранныя пѣсень, А. Ст. Хомяковъ выразилъ непремѣнное намѣреніе: издать ихъ отъ себя и посвятить Московскому Обществу Любителей Россійской Словесности, которому онъ, какъ предсѣдатель, подарилъ послѣднее время своей сочувственной дѣятельности.

Свидѣтели такой мысли исполняютъ ее нынѣ съ согласія Общества и Собирателя.

*

Собраніе, обогащенное изученіемъ трехъ отдаленныхъ русскихъ областей, мало по малу возрасло до значительныхъ размѣровъ и полнѣетъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ и часомъ. На первый разъ и для первой части пришлось огра-

ничиться выборомъ Пѣсень Былевыхъ, вынесенныхъ народнымъ творчествомъ слова изъ были, прожитой долгою и своеобразною жизнію Руси. Отдѣлъ этотъ записанъ исключительно въ губерніи Олонецкой.

Начала, руководившія изданіемъ, тѣ же, какія положены въ основу изданія Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

Поясненія, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, допущены только самыя необходимыя, на сколько было нужно для ближайшаго уразумѣнія данныхъ. Гдѣ принадлежатъ они Издателямъ, тамъ вездѣ объ этомъ упомянуто (въ сокращеніи « *Изд.* »); все остальное (иногда съ прибавкою « *Собир.* ») относится къ Собирателю.

П. Безсоновъ.

Д. Хомяковъ.

1861 года,
Марта 12 дня.

ВРЕМЯ
ДО ВЛАДИМІРА.

БОГАТЫРИ
СТАРШІЕ.

I.

ОЛЕГЪ СВЯТОСЛАВИЧЬ.

*

1.

О ВОЛЬГѢ БУСЛАЕВИЧѢ *).

(Петразаводскаго уѣзду, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы).

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буслаевичь
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичь до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичь по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичь
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языко́въ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буслаевичь на семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ;
Обучался хитростямъ, мудростямъ,
Всякимъ языкамъ разныимъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,

*) *Вольга́*, вездѣ удареніе въ концѣ; *Буслаевичь* испорчено изъ *Святославичь*.

Собиралъ тридцат богатырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатыимъ.
« Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
« Слухайте большаго братца, атамана-то:
« Вейте веревочки шелковыя,
« Становите веревочки по темну лѣсу,
« Становите веревочки по сырой земли,
« И ловите вы куницъ и лисицъ,
« Дикихъ звѣрей и черныхъ со́болей,
« И ловите по три дня и по три́ ночи. »
Слухали большаго братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лѣсу, по сырой земли *),
Ловили по три дни и по три́ ночи,—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь левымъ **) звѣрёмъ,
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
« Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
« Слушайте большаго братца, атамана-то:
« Вейте силышка шелковыя,
« Становите силышка на темный лѣсъ,
« На темный лѣсъ, на самый верхъ,
« Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
« И малую птицу пташицу,

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Становили веревочки по темну лѣсу,
По темну лѣсу, по сырой земли. — *Изд.*

**) Львомъ. — *Изд.*

« И ловите по три дни и по три́ ночи. »
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили сильшка шелковыя,
Становили сильшка на темный лѣсъ, на самый верхъ *);
Ловили по три дни и по три́ ночи,—
Не могли добыть ни одной птички **).
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь Науй птицей ***),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Со своей дружинушкой хороброю,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Слухайте большаго братца, атамана-то,
« Дѣлайте вы дѣло повелёное:
« Возьмите топоры дроворубные,
« Стройте судёнышко дубовое,
« Вяжите путевья шелковыя,
« Выѣзжайте вы на сине море,
« Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
« Щученьку и плотиченку,
« И дорогую рыбку осетринку.
« И ловите по три дни и по три́ ночи. »
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелковыя,

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Становили сильшка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ.—*Изд*.

**) Удареніе на *одной*, а *птички* безъ ударенія.

***) *Науй* птица, « великая, страховитая », является и въ стихѣ о Егоріѣ хабромъ, и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ, который на ней подымается на небеса.—*Собир*.—Иначе *ногъ* и *нога*; серб. *ной*, страусъ —*Изд*.

Выѣзжали на сине море;
Ловили по три дни и по три́ ночи,—
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбку осетринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
« Дружина моя до́брая, хоробрая!
« Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
« Провѣдати про думу про царскую,
« Что̀ царь думы думаетъ,
« Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
« Стараго послать,—будетъ долго ждать;
« А середняго послать-то,—виномъ запоятъ,
« А малаго послать,—
« Маленькій съ дѣвушкамы заиграется,
« Со молодушкамы распотѣшится,
« А со старыма старушкамы разговоръ держать:
« Это намъ будетъ долго ждать.
« Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти! »
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь
Малою птицею пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя Турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
« Ай же ты, царица Панта́ловна!
« Я знаю про то, вѣдаю:
« На Руси-то трава растетъ не по старому,
« Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
« А видно, Вольги-то живаго нѣтъ. »
Говоритъ царица Панталовна:

— Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
— На Руси трава все ростетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежнему.
— А ночесь спалось, — во сняхъ видѣлось:
— Бывъ *) сподъ восточнія сподъ сторонушки
— Налетѣла птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетѣла птица черныи воронъ;
— Слеталися оны во чистомъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая-то птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— По перышку она повыщипала
— И на вѣтеръ все повыпускала. —
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
« Ай же ты, царица Панталовна!
« А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
« Возьму я девять городовъ
« И подарю своихъ девять сыновей,
« Привезу себѣ шубоньку дорогую. »
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновей,
— И не привезти тебѣ шубоньку дорогую! —
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
« Ахъ ты, старыи чортъ!
« Сама спала, себѣ сонъ видѣла! »
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется, — по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю второй-то разъ:
« А поѣду я на святую Русь,
« Возьму я девять городовъ,
« И подарю своихъ девять сыновей,
« Привезу себѣ шубоньку дорогую! »
Повернулся Вольга сударь Буславичь

*) Быдто, будто. — *Изд.*

Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки перéломалъ,
И шелковыя тетивочки пéрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перéзалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю *)! »
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу Турецкую во полонъ брали.
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Станемъ-те теперь полону подѣлять! »
Чтò было надѣлу дорого
И чтò было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей.
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево,—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

(Записано отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова).

*) Очевидно—набѣгъ Олега на Византію.

2.

О ВОЛЬГѢ ВСЕСЛАВЬИЧѢ.

(Пудожскаго уѣзда, Шальскій погостъ).

Когда возсіяло солнце красное
На нашу на землю Свято-русскую,
Тогда народился младый богатырь,
Младый богатырь Вольга Всеславьевичь.
Будетъ Вольга семи годовъ,
Передастся Вольга семи мудрецамъ,
Понимаетъ Вольга всѣ хитрости,
Всѣ хитрости и всѣ мудрости;
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ,
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцат молодцевъ безъ единаго,
Самъ Вольга былъ во тридцатыихъ.
Будетъ Вольга на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Воспроговоритъ Вольга таковы слова:
« Братцы вы, дружина хоробрая,
« Тридцат молодцевъ безъ единаго,
« Самъ я Вольга во тридцатыихъ!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное;
« Нынѣча теперь я вамъ скажу:
« Отъ моей отъ слова богатырскія
« Куницы и лисицы ушли въ темны лѣса,
« Рыба ушла во сине море,
« Во сине море, въ глубоки станы;
« Вяжите вы тоневья *) шелковыя,
« Путевья кладите позолоченыя,
« И спускайте эти тоневья въ сине море. »
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичь
Обернулся Вольга рыбой-щукою,

*) Тони, сѣти.—*Изд.*

Пошелъ Вольга во сине море,
Всѣхъ рыбъ онъ повыпугалъ
Со тыхъ становъ со глубокіихъ
Во тои во тоневья шелковыя;
Всю кунную *) рыбу повыловилъ
Со своей дружиной со хороброей.
Будетъ Вольга на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Братцы вы, дружина хоробрая!
« Теперь кунная рыба вся повыловлена
« Во томъ ли во славномъ во Синемъ морѣ;
« Теперь куницъ и лисицъ повыловимъ.
« Слушайте же большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Вяжите вы тоневья шелковыя,
« Вы пускайте тоневья въ лѣса темные,
« По ближности славнаго Синя моря **). »
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичь
Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ Вольга въ темны лѣса.
Его братья, дружина хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вязали тоневья шелковыя,
Пускали тоневья во темны лѣса,
По ближности славнаго Синя моря.
Сам-о-тъ Вольга сударь Всеславьевичь
Побѣжалъ во ты во ломы ***) во великіе:
Изъ тыхъ изъ ломовъ изъ великіихъ
Всѣхъ куницъ, лисицъ повыпугалъ
Ко тому ко славному Синю морю
Во тыя во тоневья шелковыя.

*) *Кунный*—обильный, дорогой

**) По словоупотребленію Русскихъ Славянъ, « Синее море » есть Хвалынское, Каспійское.—*Изд.*

***) Завалы въ лѣсу.

Будетъ Вольга на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Самъ говорилъ таково слово:
«Кунная рыба вся повыловлена,
«И куницы, лисицы всѣ повыловлены.
«Отъ моей отъ славы богатырскія
«Уѣхалъ царь Салтанъ Бекетовичъ
«Со своей царицей съ Давыдьевной
«Во славну Золоту орду.»
Говоритъ Вольга не съ упадкою:
«Братцы вы, дружина хоробрая!
«Есть ли удалый дородній добрый молодецъ,
«Сослужилъ бы мнѣ службу великую,
«Сходить во славну Золоту орду,
«Узнать про царя Салтана Бекетовича,
«Что̀ онъ царь совѣтуетъ
«Со своей царицей со Давыдьевной,
«На своемъ на ложѣ на царскоемъ?
«Того молодца я буду жаловать
«За его услугу за великую.»
Тутъ его братцы, дружина хоробрая,
Большій туляется *) за средняго,
Средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичь:
«Видно въ моей дружины хороброей
«Нѣтъ удала дородня добра молодца,
«Сослужить мнѣ службу великую!
«Видно быть—итти самому Вольгѣ!
«Побудь ты, дружина хоробрая,
«Я самъ слетаю въ Золоту орду,
«Провѣдаю про царя Салтана Бекетовича.»
Обернулся Вольга птицей пташицей,
Полетѣлъ Вольга въ Золоту орду,
Прилетѣлъ сударь въ Золоту орду,
Садился на царское окошечко

*) Тулится, прячется.—*Изд.*

И слушалъ рѣчи царскія,
Того ли царя Салтана Бекетовича,
Со своею со царицею Давыдьевной.
Приходитъ она на ложню на спальную,
И говоритъ царь Салтанъ Бекетовичь:
— Супруга моя возлюбленная,
— Молода царица Давыдьевна!
— Знаешь ли мою выдумку?—
Говоритъ царица Давыдьевна:
« Ай же ты, царь Салтанъ Бекетовичь!
« Что̀ же будешь дѣяти
« И какова твоя выдумка? »
Говоритъ царь Салтанъ Бекетовичь:
— Поѣду я воевать на святую Русь,
— Завоюю на Руси девять городовъ,
— Подарю городами девять сыновъ,
— А самъ я возьму славенъ Кіевъ-градъ. —
Говоритъ ему царица Давыдьевна:
« Когда возсіяло солнце красное
« На эту на землю Свято-русскую,
« Тогда народился младый богатырь,
« Младый богатырь Вольга Всеславьевичь.
« Отъ его отъ славы богатырскія,
« Куницы и лисицы ушли во темны лѣса,
« Во темны лѣса, во велики ломы;
« Рыба ушла во сине море,
« Во сине море, въ глубоки станы;
« Стало Вольгѣ семнадцать лѣтъ,—
« Научился Вольга всѣмъ хитростямъ,
« Всѣмъ хитростямъ и всѣмъ мудростямъ;
« Прибиралъ себѣ дружину хоробрую,
« Тридцать молодцевъ безъ единаго,
« Самъ Вольга во тридцатыихъ;
« Они куньную рыбу всю повыловили,
« Куницъ и лисицъ всѣхъ повыловили;
« Самотъ Вольга Всеславьевичь
« Полетѣлъ онъ къ намъ въ Золоту орду,
« И сидитъ на нашихъ на окошечкахъ,

« И выслушиваетъ наши рѣчи царскія. »
Этыя рѣчи царю не слюбилися:
Ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу,
И пролилъ у царицы кровь напрасную,
Напрасную кровь безповинную.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичь:
« Ай же ты, царь Салтанъ Бекетовичь!
« Не бывать тебѣ на Святой Руси,
« Не владѣть тебѣ градомъ-Кіевомъ!
« Скоро обирайся во свою землю! »
Тутъ Вольга сударь Всеславьевичь
Отлетѣлъ отъ царскаго окошечка,
Полетѣлъ ко дружины ко хоробрыя.
А царь Салтанъ Бекетовичь,
По его Вольгину повелѣнію,
Обирался скоро во свою землю.

(Записано отъ крестьянина).

1. 2.

ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЬ *).

(Древнія Россійскія Стихотворенія. Кирша Даниловъ).

По саду—саду, по зеленому, ходила-гуляла
Молода княжна Мароа Всеславьевна.
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя,
Обвивается лютой змѣй около чебота—зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры княгиня понесъ понесла,
А понесъ понесла и дитя родила.

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ:
А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичь;

*) Хотя печатаемый Сборникъ достаточно полонъ безъ всякой добавки, но мы рѣшаемся припечатать эту былину, болѣе позднюю и искаженную, но разительно сходную съ предыдущей. *Всеславьевичь* испорчено изъ *Святославичь*; *Волхъ*—*Вольгъ*, *Олегъ*.—*Изд.*

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будеть Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
« А и гой еси, сударыня матушка,
« Молода Марѳа Всеславьевна!
« А не пеленай во пелену червчатую.
« А не поясивъ поясья шелковые,—
« Пеленай меня, матушка,
« Въ крѣпки латы булатные,
« А на буйну голову клади златъ шеломъ.
« Во праву руку палицу,
« А тяжку палицу свинцовую,
« А вѣсомъ та палица въ триста пудъ *). »

*) Это начало былины, о рожденіи и первыхъ годахъ Олега Вѣщаго, близко сходно съ отрывкомъ, помѣщеннымъ въ Приб. къ Изв. А. Н. II отд., т. III, стр. 279, 280:

Ходила княгиня по крутымъ горамъ,
Ходила она съ горы на гору,
Ступала княгиня съ камня на камень;
Ступила княгиня на люта змѣя,
На люта змѣя, на Горынича.
Вокругъ ея ножки змѣй обвился,
Вокругъ ея башмачка сафьянова,
Кругомъ ея чулочка скурлатъ сукна **);
Хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыи груди.
А княгиня втопоры поносъ несла ***);
Носила въ утробѣ чадо девять мѣсяцовъ;
На десятой-то мѣсяцъ чадо провѣщилось,

**) Сукна пурпуроваго — *Изд.*
***) Понесла. — *Изд.*

А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила его ужъ перомъ писать:
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву.
Индѣйской царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить

Провѣщилось чадо, проговорилось:
«Ужь ты гой еси, матушка родимая!
«Не дамъ я тебя змѣю во обиду.
«Когда я буду на возрастѣ,
«На возрастѣ—*пятнадцати лѣтъ* *),
«Ужь ты скуй мнѣ палицу боевую,
«Боевую палицу во сто пудъ;
«Когда та палица легка покажется,
«Ужь скуй, матушка, въ полтораста пудъ;
«Тогда-то я, матушка, буду со змѣемъ воевать:
«Я заѣду-то къ нему въ пещерички змѣиныя,
«Сниму ему буйную головушку,
«Подниму его головушку на острый колъ,
«Поднесу его головушку къ твоему дворцу.»

*) Въ тѣ же лѣта начинаетъ Волхъ—Олегъ свои подвиги.—*Изд.*

И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хораброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, мѣдвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимой кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Волхъ поилъ-кормилъ дружину хорабрую,
Обувалъ - одѣвалъ добрыхъ молодцовъ,
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ - кормилъ дружинушку хорабрую,
А всѣ у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.

А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы,
«Не много не мало васъ, семь тысячей!
«А и если *), братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
«Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
«А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
«Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
«Про царя Салтыка Ставрульевича,
«Про его буйну голову Батыевичу?»
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
— Нѣту у насъ такого молодца,

*) Есть ли?—*Изд.*

—Опричь тебя, Волха Всеславьевича.—
А тутъ таковой Всеславьевичь
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ—золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому;
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому.
И будетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю Индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по насту тянутъ:
Царь со царицею въ разговоры говоритъ.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
—А и гой еси ты, славной Индѣйской царь!
—Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
—Про то незнаешь, не вѣдаешь:
—А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
—А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
—Тебѣ царю сопротивничикъ.—
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ-то, де, рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорабрыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:

« Гой еси вы, дружина хорабрая!
« Не время спать, пора вставать!
« Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому! »
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Вороты у города желѣзные,
Крюки-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны-нощны,
Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
—Потерять будетъ головки напрасныя,
—А и какъ намъ будетъ стѣна пройти?—
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулъся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Въ славномъ царствѣ Индѣйскіимъ.
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
« Гой еси вы, дружина хорабрая!
« Ходите по царству Индѣйскому,
« Рубите стараго, малаго,
« Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
« Оставьте только вы по выбору,
« Не много не мало—семь тысячей
« Душечки красны дѣвицы. »
А и ходитъ его дружина по царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красны дѣвицы.
А самъ онъ Волхъ во полаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко Индѣйскому;
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичь:
« Хотя нога изломить, а двери выставить! »

Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
«А и васъ-то царей не не бьютъ, не казнятъ.»
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Разшибъ его въ крохи....
И тутъ Волхъ самъ церемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та-то его дружина хорабрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ царемъ насѣлъ,
А то стали люди посадскіе;
Онъ злата-серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякого брата по сту тысячей.

—

3.

О Вольгѣ Святославгичѣ.

(Петрозаводскаго уѣзду, Кижской волости).

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославговичь.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ о̀болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о̀болока,

Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ ощѐ Вольга̀ во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городамы со крестьянамы:
Пѐрвыимъ городомъ—Гу́рчевцомъ,
Другіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичь
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ *).
Ѣхалъ Вольга̀ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хоробреей.
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ощѐ дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешка̀мъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга ощѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья.
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;

*) Совершенно мѣстный образъ: въ Заонежьѣ и Пудожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усѣяны камнями.

Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая *),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
« Божья ти помочь, орàтаюшко!
« Орать, да пахать, да крестьянствовати,
« Съ края въ край бороздки пометывати,
« Коренья, каменья вывертывати! »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичь
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
« Ай же ты, рàтаю, ратаюшко!
« Ѣду къ городамъ за получкою:
« Ко первому городу ко Гурчевцу,
« Ко дрýгому ко городу къ Орѣховцу,
« Ко третьему городу ко Крестьяновцу. »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Оны просятъ грошѐвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой **) подорожною,
— Платилъ имъ грошѝ подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольгà таковы слова:

*) По разсказу другаго пѣвца, кобылу оратая звали: « *Обнеси голова* ».
**) Тоже, что *шелепуга*: плеть, съ обвязанной пулей, кистень.—*Изд.*

« Ай же, оратай, оратаюшко,
« Поѣдемъ со мною въ товарищахъ! »
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ *),
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля-ради мужика деревенщины.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичь
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичь
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

*) *Повыстегнулъ:* г здѣсь не произносится.

Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
« Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
« Этая кобылка конькомъ бы была,—
« За эту кобылку пятьсотъ бы дали. »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичь!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга Святославговичь:
« Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
« Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
« Какъ звеличаютъ по отечеству? »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дóма вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,

— Пива наварю, да и мужичковъ напою. —
— Станутъ мужички меня покликивати:
— «Молодой Микулушка Селяниновичъ *)! » —

(Записано отъ крестьянина Рябинина).

4.

О ВОЛЬГѢ СВЯТОСЛАВГИЧѢ.

(Пудожскаго уѣзду, Купецкой волости).

Народился Микулушка Селяниновичъ **):
Птицы улетѣли за сини моря,
А звѣри ушли во темны лѣса,
А рыбы ушли въ глубоки станы.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ неводка шелковые,
Плутивца ***) клалъ серебрены,
Проволоки клалъ позолочены:
Этую рыбушку повыловилъ.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ оружьица цѣльныя:
Этыхъ звѣрьевъ онъ пострѣливалъ.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поладилъ петелки шелковыя:
Этую птичку повыловилъ.

*) Въ другомъ разнорѣчіи роль Микулы приписана Вольгѣ; за то побывальщина, записанная мною въ Шалахъ, совершенно сходна съ этою. Микула Селяниновичъ уже оказался сильнѣе Вольги; а изъ продолженія былины, которой, къ сожалѣнію, пѣвецъ не могъ припомнить вполнѣ, видно, что онъ мудрѣе Вольги. Въ городѣ, куда они поѣхали, имъ готовили засаду: разобрали мостъ и Вольга погибъ бы тутъ со всей своею дружиною, еслибы его не спасъ Микула Селяниновичъ. — Потомъ Микула угощалъ Вольгу у себя, и послѣ угощенья отпустилъ въ Кіевъ. Было у того Микулы три дочери-поленицы: Василиса, Настасья и Марья: всѣ онѣ наслѣдовали и силу, и мудрость отцовскую. См. другія былины.

**) Пѣвецъ пѣлъ про Микулушку Селяниновича: но, когда я ему замѣтилъ, что такая былина обыкновенно поется про Вольгу, то онъ сознался, что перепуталъ дѣйствующія лица.

***) *Плутивца* — поплавки.

Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ
Поѣхалъ раздольицемъ-чистымъ полемъ.
Ѣдетъ Микула по чисту полю:
Оретъ оратай во чистомъ полѣ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.

День онъ ѣдетъ и другой ѣдетъ, все не можетъ доѣхать до ратая. Говоритъ Микулушка Селяниновичъ:

« Божья ти помочь, оратаюшка!
« Орать тебѣ, сошка наскрипливать,
« Дубья-колоды о борозду валить! »
— Благодарствуешь, Микулушка Селяниновичъ!—
И другъ друга они здравствуютъ.
« Ай же ты, Вольга Святославговичъ!
« Поѣдемъ со мной во товарищахъ? »
— Поѣхалъ бы, Микулушка Селяниновичь,
— Да сошка у меня не обрана.—
Говоритъ Микулушка Селяниновичь:
« А пошлю я свою силу великую,
« Пускай сошку съ земельки повыдернутъ,
« Камешки съ омѣшиковъ повытрясутъ,
« Въ ракитовъ кустикъ сошку повыкинутъ. »
Пришла-то силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сошку повертывать:
А не могутъ сошки повыдернуть.
Тутъ-то Вольга Святославговичь
Подъѣзжалъ ко сошкѣ кленовыя.—
А сошка была позолочена,
Омѣшики были булатніе,—
Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
Этую сошку попихивалъ:
Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рогача въ землю.
Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую,
Тыи-то омѣшики булатніе.
Ѣхали впередъ добры молодцы.
Поѣхали они въ Гуршевецъ, да Орѣховецъ.

Прiѣхали къ мужикамъ ко Гуршевскимъ,
Прiѣзжали къ мужикамъ къ Орѣховскимъ,
На бой на драку на великую.
Тыи мужики Гуршевскiе,
Тыи мужики Орѣховскiе,
Они были, злодѣи, догадливы:
Подѣлали мосточки поддѣльные;
Они также были, молодцы, догадливы:
Посылали свою силушку великую
На тыи на мосточки на калиновы.
Пошла тая силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки всѣ подломалися,
Тая сила вся въ рѣченькѣ подвалялася,
Начала силушка тонуть да гинуть.
Тутъ-то Микулушка Селяниновичь,
Тутъ-то Вольга Святославговичь
Приправили своихъ добрыхъ коней
За тую за рѣченьку Волхову.
Скочили ихъ добры кони
За тую за рѣченьку за Волхову;
Какъ начали они мужиковъ чевствовать,
Чевствовать мужиковъ, жаловать,
Оплетьми они нахлыстывать;
Тутъ клянутся мужики, проклинаются:
« А будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы,
« Кто съ вами съ молодцамы свяжется,
« Да заведетъ драку великую! »
Нахлыстали мужиковъ они дò люби,
Начевствовали добрыхъ молодцевъ,
Поѣхали назадъ въ свою сторону.
Такъ ѣдетъ Вольга Святославговичь,
Ѣдетъ Вольга сударь передомъ,
А Микула ѣдетъ въ слѣдъ сугонею:
Да едва ѣдетъ, едва гонитъ,
Едва держитъ на яву его,—
Началъ махать колпакомъ за нимъ.
Увидалъ Вольга Святославговичь,

Одержалъ свою кобылу соловую;
Пріѣхалъ Микула Селяниновичь,
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
« Ай же ты, Вольга Святославговичь!
« Кобыла у тя есть соловая:
« Кабы эта кобыла конемъ была,—
« Такъ за этого коня цѣла тысяча;
« А нонѣ кобыла кобылой стала,—
« Дать за эту кобылу пятьсотъ рублевъ. »
— Ай же ты, Микулушка Селяниновичь!
— Не знаешь ты кобылушки цѣну цѣнить:
— Кабы эта кобыла конемъ была,—
— Такъ за этого коня цѣны не было;
— А нонѣ эта кобыла кобылой стала,—
— Дать за эту кобылу цѣла тысяча.—

Тутъ они добры молодцы поразъѣхались,
Поразъѣхались они, пораспростилися.

(Записано со словъ Никифора Прохорова, крестьянина деревни Бураковой).

5.

О ВОЛЬГѢ ВСЕСЛАВЬИЧѢ.

(Пудожскаго уѣзду, Шальскій погостъ).

Поѣхалъ Вольга сударь Всеславьевичь
Ко стольному городу ко Кіеву
Со своей дружиной со хороброей.
Не доѣзжучи до города до Кіева,
Услыхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ратай въ чистомъ полѣ посвистываетъ,
У ратая сошка поскрипываетъ.
День онъ ѣхалъ до ратая,
И не могъ до ратая доѣхати;
И другой ѣхалъ до ратая,
И не могъ до ратая доѣхати;
Наѣхалъ онъ ратая по третій день,

Видитъ Микулу Селяниновича.
Воспроговоритъ Вольга Всеславьевичь:
« Богъ помочь, Микула Селяниновичь! »
— Надоть Божья помочь, Вольга Всеславьевичь!—
« Что же, Микула Селяниновичь,
« Брось свою сошку о ракитовъ кустъ,
« Поѣдемъ ко городу ко Кіеву? »
Послушалъ Микула Селяниновичь,
Кобылку изъ сошки повыложилъ,
Самъ говоритъ таково слово:

—Ай же, Вольга Всеславьевичь, брось мою сошку о ракитовъ кустъ!—Вольга Всеславьевичь принимается за эту сошку за Микулину, не можетъ и поднять сошки. А Микула Селяниновичь схватилъ сошку и бросилъ о ракитовъ кустъ. Сѣлъ Микула Селяниновичь на свою кобылку соловую, соловую кобылку « Обнеси голова », и поѣхалъ ко своему ко посельицу. Микула-то ѣдетъ ступою впереди, а Вольга съ дружиною хороброю ѣдутъ во всю конскую рысь и не могутъ догнать его. Пріѣхали къ палатамъ Микулинымъ. Выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честію...

(Неокончено; записано отъ крестьянина лодочника).

*

СУХАНЪ или СУХМАНЪ.

6.

О СУХМАНТІѢ ДИХМАНТЬЕВИЧѢ.

(Тамъ же).

У ласкова у князя у Владиміра
Было пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На Русскіихъ могучіихъ богатырей

И на всю паленицу *) удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ:
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Безумный хвастаетъ золотой казной,
А умный хвастаетъ старой матерью,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тымъ за столомъ за дубовымъ
Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантьевичь:
Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичь!
« Что̀ же ты ничѣмъ не хвастаешь,
« Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
« Бѣлыя лебеди не рушаешь?
« Али чара ти шла не рядобная **),
« Или мѣсто было не по отчинѣ,
« Али пьяница надсмѣялся ти? »
Воспроговоритъ Сухманъ Одихмантьевичь:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Чара-то мнѣ-ка шла рядобная,
— А и мѣсто было по отчинѣ,
— Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.
— Похвастать не похвастать добру молодцу:
— Привезу тебѣ лебедь бѣлую,
— Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
— Не ранену лебедку, не кровавлену.—

*) *Паленица, поленица, поляница:* удалая голова, что рыскаетъ *по полю* ради подвиговъ.— *Изд.*

**) Не по ряду. – *Изд.*

Тогда Сухмантій Одихмантьевичь
Скоро вставаетъ на рѣзвы ноги,
Приходитъ изъ гридни изъ столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Взимаетъ палицу воинскую,
Взимаетъ для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище,
Садился Сухмантій на добра коня,
Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,
Ко тоя ко тихія ко заводи.
Какъ пріѣхалъ ко первыя тихія заводи,
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко другія ко тихія ко заводи:
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко третія ко тихія ко заводи:
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Тутъ-то Сухмантій пораздумался:
— Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
— Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
— Поѣхать мнѣ,—живу не бывать;
— А поѣду я ко матушкѣ Нѣпры *) рѣкѣ!—

Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ:
Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по старому,
Не по старому текетъ, не по прежнему,
А вода съ пескомъ помутилася.
Сталъ Сухмантьюшка выспрашивати:
— Что̀ же ты, матушка Нѣпра рѣка,
— Что̀ же ты текешь не по старому,
— Не по старому текешь, не по прежнему,

*) Днѣпръ; *д* не произносится.

— А вода съ пескомъ помутилася?—
Испроговоритъ матушка Нѣпра рѣка:
« Какъ же мнѣ течи было по старому,
« По старому течи, по прежнему,
« Какъ за мной за матушкой Нѣпрой рѣкой
« Стоитъ сила Татарская невѣрная,
« Сорокъ тысячей Татаровей поганыихъ?
« Мостятъ они мосты калиновы;
« Днемъ мостятъ, а почью я повырою:
« Изь силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась. »
Раздумался Сухмантій Одихмантьевичь:
— Не честь-хвала мнѣ молодецкая
— Не отвѣдать силы Татарскія,
— Татарскія силы, невѣрныя.—
Направилъ своего добра коня
Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:
Его добрый конь перескочилъ.
Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивалъ дубъ со кореньямы,
За вершинку бралъ, а съ комля *) сокъ бѣжалъ.
И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой,
Напустилъ онъ своего добра коня
На тую ли на силу на Татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началъ Татаръ покалачивати;
Махнетъ Сухмантьюшка,—улица,
Отмахнетъ назадъ,—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ,—переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ Татаръ поганыихъ.
Бѣжало три Татарина поганыихъ,
Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичь
Ко той ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,—

*) *Комель*—корень. — *Изд.*

Пустили три Татарина поганыихъ
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его въ бока во бѣлыя:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичь
Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
Сорвалъ въ раны кровавыя листочики маковы.
А трехъ Татаровей поганыихъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
Садился Сухмантій на добра коня,
Припустилъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому двору княженецкому.
Привязалъ коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Самъ бѣжалъ во гридню во столовую.
Князь Владиміръ стольно-Кіевскій
По гриднѣ столовыя похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичь!
« Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую,
« Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
« Не ранену лебедку, не кровавлену? »
Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичь:
— Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
— Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
— А за той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Стояла сила Татарская невѣрная,
— Сорокъ тысячей Татаровей поганыихъ;
— Шла же эта сила во Кіевъ градъ,
— Мостила мосточки калиновы:
— Они днемъ мосты мостятъ,
— А матушка Нѣпра рѣка ночью повыроетъ;
— Напустилъ я своего добра коня
— На тую на силу на Татарскую,
— Побилъ всѣхъ Татаръ поганыихъ.—
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Приказалъ своимъ слугамъ вѣрныимъ

Взять Сухмантья за бѣлы руки,
Посадить молодца въ глубокъ погребъ;
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Нѣпру рѣку
Провѣдать заработки Сухмантьевы.
Сѣдлалъ Добрыня добра коня
И поѣхалъ молодецъ во чисто поле.
Прiѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ
И видитъ Добрынюшка Никитинецъ:
Побита сила Татарская;
И видитъ дубиночку-вязиночку,
У тоя рѣки розбитую на лозиночки.
Привозитъ дубиночку въ Кiевъ-градъ
Ко ласкову князю ко Владимiру,
Самъ говоритъ таково слово:
— Правдой хвасталъ Сухманъ Одихмантьевичь:
— За той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Есть сила Татарская побитая,
— Сорокъ тысячей Татаровей поганыихъ;
— И привезъ я дубиночку Сухмантьеву,
— На лозиночки дубиночка облочкана *).—
Потянула дубина девяноста пудъ.
Говорилъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
« Ай же, слуги мои вѣрные!
« Скоро идите въ глубокъ погребъ,
« Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
« Приводите ко мнѣ на ясны очи:
« Буду его молодца жаловать-миловать,
« За его услугу за великую,
« Городами его съ пригородками,
« Али селамы со приселкамы,
« Аль безсчетной золотой казной дô люби. »
Приходятъ его слуги вѣрные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, Сухмантiй Одихмантьевичь!

*) Расщеплена, оббита.—Изд.

« Выходи со погреба глубокаго:
« Хочетъ тебя солнышко жаловать,
« Хочетъ тебя солнышко миловать
« За твою услугу великую. »
Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
Выходилъ на далече-далече, чисто поле,
И говорилъ молодецъ таковы слова:
« Не умѣлъ меня солнышко миловать,
« Не умѣлъ меня солнышко жаловать:
« А теперь не видать меня во ясны очи! »
Выдергивалъ листочики маковые
Со тыихъ съ ранъ со кровавыихъ,
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
« Потеки Сухманъ-рѣка
« Отъ моя отъ крови отъ горючія,
« Отъ горючія крови отъ напрасныя! »

(Записано отъ того же).

*

СВЯТОГОРЪ.

7.

ПРО СВЯТОГОРА БОГАТЫРЯ *)

(Святозерской волости, деревни Прятокъ).

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.

*) Бывальщина въ сплошномъ разсказѣ; хотя мы и раздѣлили ее на стихи, но они не возведены народнымъ творчествомъ до художественной отдѣлки.— *Изд.*

Вотъ и говоритъ Святогоръ:
« Какъ бы я тяги нашелъ,
« Такъ я бы всю землю поднялъ! »
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется:
« Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
« А эдакова чуда не наѣзживалъ,
« Такова дива не видывалъ:
« Маленькая сумочка переметная
« Не скрянется, не сворохнется, не подымется! »
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончепіе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила разскащица, а Богъ его и попуталъ за похвальбу.

(Со словъ крестьянки).

8.

СВЯТОГОРЪ СЪ ИЛЬЕЮ МУРОМЦЕМЪ *).

(Петрозаводскаго уѣзду, Кижскаго погоста).

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ **),

*) Побывальщина; она также раздѣлена нами на стихи, какъ предыдущая; но разсказъ здѣсь ближе къ стиху.— *Изд.*

**) Стихъ долженъ быть таковъ:

Илья Муромецъ крестьянскій сынъ.— *Изд.*

Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
« Ай же ты, Илья Муромецъ,
« Крестьянскій сынъ!
« Отворяй каликамъ ворота широкія,
« Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ. »
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
— Не могу отворить воротъ широкіихъ,
— Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
— Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—
Опять говорятъ калики перехожія:
« Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
« Отворяй-ка ворота широкія,
« Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ. »
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
« Что чувствуешь въ собѣ, Илья? »
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку великую.—
Говорятъ калики перехожія:
« Будешь ты, Илья, великій богатырь,
« И смерть тобѣ на бою не писана:

« Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
« И со всею паленицею удалою;
« А столько не выходи драться
« Съ Святогоромъ богатыремъ:
« Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
« Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
« У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
« Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
« Его любитъ матушка-сыра земля;
« Не ходи ощё на Вольгу Сеславьича:
« Онъ не силою возметъ,
« Такъ хитростью-мудростью.
« Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
« Выходи въ раздольице чисто поле,
« Покупай перваго жеребчика,
« Станови его въ срубу на три мѣсяца,
« Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
« А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
« Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
« И въ три росы жеребчика выкатывай,
« Подводи его къ тыну ко высокому:
« Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
« И въ ту сторону, и въ другую сторону,
« Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
« Будетъ носить тебя. »
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и шелъ домой.
Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна—испужалися *):

*) Стихъ вѣроятно таковъ:

Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
Выстали они, испужалися.—*Изд.*

« Что это за чудо подѣялось?
« Кто бы намъ это сработалъ работушку? »
Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой.
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избы.
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Илья и разсказалъ имъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питьицемъ медвянымъ:
И съ того онъ сталъ владать рукамы и ногамы,
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ;
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой;
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три ночи въ саду поваживать,
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ
Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,
Бралъ у батюшка, у матушки
Прощеньице-благословеньице,
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.
Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,

Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать-сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
« Ай же ты, Илья Муромецъ!
« Спишь себѣ, прохлаждаешься,
« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
« Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
« Ты спущай меня во чисто поле,
« А самъ полѣзай на сырой дубъ. »
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ выскалъ во сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая *),
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,

*) Мелкая, щегольская.—*Изд.*

Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женою въ шатеръ прохлаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.
Тутъ богатырь и спать заснулъ.
А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю,
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
« Ай же ты, дороднiй добрый молодецъ!
« Сойди-ка со сыра дуба,
« Сойди, любовь со мной сотвори;
« Буде не послушаешься,
« Разбужу Святогора богатыря
« И скажу ему *),
« Что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ. »
Нечего дѣлать Ильѣ:
Съ бабой не сговорить,
А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить;
Слѣзъ онъ съ того сыра дуба
И сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,

*) Думаемъ, стихъ таковъ:

Разбужу Святогора и скажу ему.—*Изд.*

И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ *),
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
« Оперёжь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
« А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
« Дивья **) мнѣ потыкатися! »
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ ***)?

Илья ему сказалъ все по правды по истины ****). Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и называлъ меньшимъ братомъ *****).

*) Плеткою шелковою по тучнымъ бедрамъ.—*Изд.*

**) *Дивья*: дивно ли, не чудо!—*Изд.*

***) Какъ попалъ къ нему во глубокъ карманъ?—*Изд.*

****) По другимъ разнорѣчіямъ этой побывальщины, Святогоръ узналъ о невѣрности жены изъ того, что она не могла уже войти въ хрустальный ларецъ.

*****) Вотъ кстати разсказъ о свадьбѣ Святогора:

Поѣхалъ Святогоръ путемъ-дорогою широкою, и по пути встрѣлся ему прохожій. Припустилъ богатырь своего добра коня къ тому прохожему, никакъ не можетъ догнать его: поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступою ѣдетъ, прохожій идетъ впереди. Проговоритъ богатырь таковы слова: « Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись не со множечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ. » Пріостановился прохожій, снималъ съ плечь сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: « Что у тебя въ сумочкѣ? »—А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь.—Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма рукамы, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говоритъ богатырь таковы слова: « Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу. »—Въ сумочкѣ у меня тяга земная. — Да кто жь ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по взотчины? » — Я

Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ,
И поѣхали они къ Сивернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ,
На томъ гробу подпись подписана:
« Кому суждено въ гробу лежать,
« Тотъ въ него и ляжетъ. »

есть Микулушка Селяниновичъ.—« Ты още скажи, Микулушка, повѣдай-ка, какъ мнѣ узнать судьбину Божію? » — А вотъ поѣзжай путемъ-дорогою прямоѣзжею до розстани, а отъ розстани сверни влѣво и пусти коня во всю прыть лошадиную, и подъѣдешь къ Сивернымъ горамъ. У тыхъ у горъ, подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты спроси у кузнеца про свою судьбину. — Поѣхалъ Святогоръ дорогою прямоѣзжею, отъ розстани свернулъ влѣво, пустилъ коня во всю прыть лошадиную: сталъ его добрый конь поскакивать, рѣки, моря перескакивать, широкія раздолья промежь ногъ пущать. Ѣхалъ Святогоръ богатырь три дня и доѣхалъ до Сиверныхъ горъ, до того до дерева великаго и до той кузницы: въ кузницы кузнецъ куетъ два тонкіихъ волоса. Говоритъ богатырь таковы слова: « А что ты куешь, кузнецъ? »—Отвѣчаетъ кузнецъ:—Я кую судьбину, кому на комъ жениться. — « А мнѣ на комъ жениться? » —А твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ.—Стоитъ богатырь, пораздумался: « Дай-ка я поѣду въ тые царство Поморское и убью тую невѣсту. » Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней, точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечь, и билъ ее мечемъ по бѣлой груди, а за тымъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги почала она торговать и наживала безсчетну золоту казну, строила кораблики черленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на Свя-

Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
«Возьми-тко крышку, Илья,
«Закрой меня.»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
— Не возьму я крышки, большій братъ,
— И не закрою тебя:
— Шутишь ты шуточку не малую,
— Самъ себя хоронить собрался. —
Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ;
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ и силился поднять,
И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
«Ай меньшій братъ!
«Видно судьбина поискала меня,
«Не могу поднять крышки,
«Попробуй-ка приподнять ю.»

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: «Возьми мой мечь кла-

тыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про нея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ богатырь посмотрѣть на красавицу, — полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него за мужь. Какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди и спрашивалъ жену: «Что у тебя за рубецъ на бѣлой груди?» Отвѣчала ему жена: — Въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избы денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась: у меня рубецъ на бѣлой груди, и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. — Тутъ Святогоръ богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь.

денецъ и ударь поперегъ крышки. » Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: « Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ. » Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ: почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечь-кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечь-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: « Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй още ударить мечемъ вдоль крышки. » Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговоритъ Святогоръ богатырь: « Задыхаюсь я, меньшій братецъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну още на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую. » Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:—Будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на собѣ носить не станетъ.—Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: « Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владай моимъ мечемъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ. » Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечь-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

(Со словъ крестьянина Леонтія Богданова).

*

ВРЕМЯ

ВЛАДИМІРОВО.

БОГАТЫРИ

КІЕВСКІЕ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

9.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.

(Пудожскій уѣздъ, Купецкая волость).

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
Поѣзжаетъ въ тую субботу Христосьскую,
А надоть поспѣть къ заутрени Христосьскія,
Во стольный во городъ во Кіевъ-градъ.
Поѣзжаетъ Илья—самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:
« Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,
« Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
« Рукъ чтобы мнѣ не кровавити. »
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись,
И не знаютъ, въ кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ приправливалъ Ильюшенька добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
« Первая поѣзка Ильи Муромца. »
Опять приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
« Другая поѣзка Ильи Муромца. »
Третій разъ приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
« Третія поѣзка Ильи Муромца. »
Пошелъ, поскакалъ его добрый конь,

Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежь ногъ пущалъ.
Пріѣхалъ онъ во городъ во Бекетовецъ:
И наѣхала проклята погана Литва,
Одолѣли тутъ поганые Татарове
Тыихъ мужиковъ Бекетовскихъ.
Ходятъ они во слезахъ во великіихъ,
Приходитъ на нихъ кроволитье великое,
Хочутъ ихъ бить поганые Татарове.
Тутъ пріѣхалъ Илья и раздумался:
« Всякой-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
« А не всякой заповѣдь исполняетъ. »
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Какъ почалъ онъ бить поганыихъ Татаровей,
Конемъ-то топтать и копьемъ колоть,
Прибилъ-то онъ поганыхъ въ единый часъ,
Не оставилъ поганыхъ и на сѣмяна.
Тутъ-то мужики Бекетовцы
Молятся къ нему они, клонятся:
— Ай же ты, удаленькій добрый молодецъ!
— Не знаемъ тебѣ ни имени, ни изотчины,
— Коей ты орды, коей земли,
— Коего ты отца, коей матери,
— Царь ли ты, царевичь ли,
— Король ли ты, королевичь ли?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Есть я изъ города Муромля
« Старый казакъ Илья Муромецъ. »
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Пожалуй-ка къ намъ воеводою
— Будемъ мы тебя поить-кормить,
— Виномъ-то поить будемъ до пьяна,
— Хлѣбомъ-солью кормить тебя до сыта,
— А денегъ давать тебѣ до люби.—
« Ахъ вы братцы, мужики Бекетовцы!
« Нельзя мнѣ-ка здѣ жить,
« Есть у меня кладена заповѣдь великая:
« Надоть поспѣть къ заутрени Христосьскія

« Во стольный-то городъ во Кіевъ-градъ,
« Ко стольному ко князю Володиміру. »
Какъ тутъ мужики Бекетовцы
Насыпали ему чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью насыпали скатна жемчуга,
Подносятъ, подаваютъ ему;
Принялъ старичекъ, самъ проговоритъ:
« Это, братцы,—мое заработчее. »
Распростился молодецъ, самъ поѣхалъ впередъ.
Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Пріѣзжаетъ онъ удалый ко разстаночкамъ,
Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосьскіимъ,
Ко тому кресту ко Леванидову.
Стоитъ столбъ бѣлоду́бовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
« Прямо ѣхать, столько пятьсотъ верстъ,
« А на околъ-то ѣхать, семьсотъ верстъ. »
Смотритъ Илья на эту подпись-то:
« Какъ пряму ѣхать, живу не бывать,
« Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
« Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ. »
Стоитъ Илья, пораздумался:
« Прямоѣзжая дорога переломана,
« Калиновы мосточки переворочены.
« Не честь мнѣ хвала молодецкая
« Ѣхать той дорожкой окольноей:
« А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею. »
Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.

Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго,
Отъ того отъ свиста соловьинаго,
Отъ того отъ мызганья собачьяго.
Бьетъ онъ коня промежу уши,
По тыимъ още по тугимъ ребрамъ:
« Ахъ ты волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
« Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго,
« Развѣ не слыхалъ ты свиста соловьинаго,
« Развѣ не слыхалъ ты мызганья собачьяго? »
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника;
Стрѣлилъ-то онъ его во правый глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени Черкасскому,
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.
Ѣдетъ мимо Соловьиное помѣстьице:
Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
Смотрятъ въ окошечко косявчето,
Сами оны воспроговорятъ таково слово:
— Нашь-то батюшка чужаго мужика везетъ.—
Увидитъ Соловьиная молода жена,
Во окошечко по поясъ бросалася,
Смотритъ въ окошечко косявчето,
Сама она вспроговоритъ таково слово:
— Чужой-то мужикъ везетъ вашего батюшку.—
Похватали оны тутъ шалыги подорожнія.

*) Волчій кормъ, чѣмъ волкъ сытъ; волкъ тебя ѣшь! — *Изд.*

Она имъ воспроговоритъ таково слово:
« Не взимайте шалыгъ подорожніихъ:
« Не васъ-то стоитъ вашь батюшка,
« А попалъ во стремена во Черкасскія!
« А лучше насыпьте чашу красна золота,
« А другую насыпьте чиста серебра,
« А третью чашу скатна жемчуга,
« Приходите съ разговоромъ-прелестью,
« Улещите мужика, уговаривайте. »
Тутъ оны бросали шалыги подорожнія,
Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И приходятъ съ лестью, прелестью,
Улещаютъ Илью, уговариваютъ:
— Ай же ты, удалый, добрый молодецъ!
— Отдай-ка намъ батюшку,
— А на-тко тебѣ злата и серебра!—
Принималъ онъ эти подарочки великіе,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
« Это, братцы, мое зарабочее,
« А не отдамъ я вашего батюшку:
« Онъ будетъ опять разбой держать. »
Хочетъ Ильюшенька поѣхати;
У того у Соловья разбойника
Была дочька Пелька паленица удалая;
Ѣдетъ Илья мимо самаго Соловьинаго помѣстьица,
Какъ хватила она подворотнею въ сорокъ пудъ,
Бросила она ею въ буйную голову
Со тыихъ со выходовъ высокіихъ:
Чуть Илья на конѣ усидѣлъ,
Чуть Ильюша на конѣ не палъ.
Тутъ-то Илья пріотшатался,
Пріотшатался, пріомотшался *),
Скоро выскакалъ съ добра коня,

*) Пришелъ въ себя. *Собир.* — Справился съ силой съ мочью. — *Изд.*

Хватилъ онъ эту дѣвку Пельку паленицу удалую,
Хватилъ за тресту за заднюю:
.
Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей соборніихъ,
Выше тыхъ крестовъ животворящiихъ,
Пала она на сыру землю;
Тутъ у ней и кожа треснула,
Тутъ у ней рубашка лопнула
Отъ бѣлой шеи до

Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія,
А не могъ поспѣть къ обѣденькѣ Христосьскія.
Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
На широкій дворъ княженецкиій,
Ко тому ко столбу ко точеному,
Привязывалъ къ кольцу ко золоченому,
Не разсѣдлывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ хлѣбницу князя Владиміра:
« Гдѣ есть князь Владиміръ стольно-Кіевскій? »
— Князь Владиміръ къ обѣднѣ сшёлъ.—
Садился онъ на лавочку брусовую,
Ажно приходитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Отъ тыя обѣденьки Христосьскія.
Тутъ оны здоровье сдѣяли,
Другъ друга здравствуютъ:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Не знаю тебѣ ни имени, ни отчины:
— Царь ли ты, царевичь ли,
— Король ли ты, королевичь ли?—
« Есть я изъ города изъ Муромля,
« Старый казакъ Илья Муромецъ. »
Сѣли оны за столъ хлѣба кушати,
Бѣлы лебеди рушати.

Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
« Поѣзжалъ я добрый молодецъ
« Во тую субботу во Христосьскую,
« Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія,
« А не могъ поспѣть и къ обѣднѣ Христосьскія:
« Обѣдня была на отходѣ здѣ.
« А было путемъ-дорогою,
« Было три помѣшки великія.
« Первая помѣшка: пріѣхалъ въ городъ во Бекетовецъ,
« И наѣхала проклята погана Литва,
« Одолѣли тутъ поганые Татарове
« Тыихъ мужиковъ Бекетовскихъ.
« Ходятъ они во слезахъ во великіихъ,
« Приходитъ на нихъ кроволитье великое,
« Хочутъ ихъ бить поганые Татарове.
« Какъ разгорѣлось мое сердце богатырское,
« Какъ началъ я бить поганыихъ Татаровей,
« Конемъ-то топтать и копьемъ колоть,
« Прибилъ-то поганыхъ въ единый часъ,
« Не оставилъ поганыхъ и на сѣмяна.
« Вторая помѣшка: пріѣхалъ къ разстаночкамъ,
« Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосьскіимъ,
« Ко тому кресту ко Леванидову,—
« Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
« На столбѣ есть подпись подписана:
«« Прямо какъ ѣхать, столько пятьсотъ верстъ,
«« А на околь-то ѣхать, семьсотъ верстъ. »
« Поѣхалъ я дорожкою прямоѣзжею.
« Пріѣзжалъ я ко сырымъ дубамъ:
« Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
« Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
« Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
« Замызгалъ собака по собачьему:
« Тутъ мой добрый конь на колѣнки палъ.
« Скоро я натянулъ тугій лукъ,
« Кладывалъ-то стрѣлочку каленую,
« Стрѣлилъ-то Соловья разбойника;

« Стрѣлилъ-то злодѣя во правый глазъ,
« А вышла стрѣла во лѣво ухо:
« Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
« Взималъ-то я Соловья разбойника
« Пристегивалъ ко стремени Черкасскому,
« Повезъ-то злодѣя съ собой его.
« Третья помѣшка: у того у Соловья разбойника
« Была дочка Пелька паленица удалая;
« Какъ ѣхалъ мимо Соловьевое помѣстьице,
« Хватила она подорожнею *) въ сорокъ пудъ,
« Со тыихъ со выходовъ высокіихъ:
« Чуть я на конѣ успдѣлъ,
« Чуть я на конѣ не палъ,
« Скоро выскакалъ съ добра коня,
« Хватилъ эту дѣвку Пельку паленицу удалую,
« Хватилъ за тресту за заднюю:
« Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей соборніихъ,
« Выше тыхъ крестовъ животворящіихъ,
« Пала она на сыру землю;
« Тутъ у ней кожа треснула. »
— А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
— А былъ на царевомъ большомъ кабакѣ!
— Не напился ли зелена вина,
— Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?—
« Ахъ же дурень, князь стольно-Кіевскій!
« У меня Соловей разбойникъ у стремены у Черкасскія. »
Какъ тутъ оны всѣ пометалися,
Пометалися оны, покидалися,
Бѣжатъ да трутъ **) промежу собой;
Прибѣжали какъ къ Соловью разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
— Ахъ ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичь!

*) Подворотнею. — *Изд.*
**) Отъ корня *тр*, поспѣшать, откуда и *туркій*—поспѣшный, *туриться*—спѣшить.

— Кричи-тко, Соловей, по звѣриному,
— Засвищи, злодѣй, по соловьиному,
— Замызгай, собака, по собачьему!—
Говоритъ Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
« Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю,
« И не васъ хочу и слушати. »
Скоро оны поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ оны, молятся:
— Ай же ты, Илья Муромецъ!
— Позволь ты, Соловью-то разбойнику,
— Закричать Соловью по звѣриному,
— Засвистать злодѣю по соловьиному,
— Замызгать собакѣ по собачьему?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же ты, князь стольно-Кіевскій!
« Теперь у него уста запечатаны,
« Запеклись уста кровью горючею:
« Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
« Вышла стрѣла во лѣво ухо.
« Налейте ему чашу зелена вина,
« Вѣсомъ чашу полтора пуда,
« Мѣрой чашу полтора ведра. »
Налили ему чашу зелена вина,
Вѣсомъ чашу полтора пуда,
Мѣрой чашу полтора ведра,
Принесли къ Соловью разбойнику.
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый вздохъ,
Самъ говорилъ таково слово:
«« Другу чашу налейте пива пьянаго,
«« Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,
«« Мѣрой чаша полтора ведра;
«« Третью чашу налейте меду сладкаго,
«« Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,
«« Мѣрой чаша полтора ведра. »»
Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,

Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый вздохъ,
Тутъ Соловей пьянъ сталъ.
Проговоритъ Илья Муромецъ:
« Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичь!
« Кричи, разбойникъ, по звѣриному,
« Свищи, злодѣй, по соловьиному,
« Замызгай, собака, по собачьему! »
Закричалъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Князи-бояре всѣ мертвы лежатъ;
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Заходилъ раскорякою,
Ходитъ князь, ему молится:
— Уйми Соловья разбойника,
— Чтобы не свисталъ по соловьиному!
— Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!—

Здѣсь въ былинѣ пропускъ, изъ котораго пѣвецъ упомнилъ только, что Соловья зовутъ въ монастырь: « поди во честные во монастыри. » Оказалось, что Соловей « не стротелемъ во честные во монастыри, а разрушителемъ. » Тогда Илья Муромецъ разсердился, разсѣкъ Соловья на мелки на часточки, раскидалъ косточки по чисту полю.

(Записано со словъ Никифора Прохорова; см. выше).

10.

ТОЖЕ.

(Петрозавод. уѣздъ, Кижская волость).

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго

На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времяни,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
« Ай же вы, мужики Черниговцы!
« Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
« А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
« Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ. »
Говорили ему мужички Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравила;
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—

Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедры,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,

Мелки рѣченьки, озерка межу ногъ спущать;
Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людюшекъ, мертвы лежатъ,
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедры,
Билъ коня, самъ выговаривалъ:
«Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Ты итти не хошь, али нести не мошь *)?
«Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,
«И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
«И не видалъ, видно, ударовъ богатырскiихъ,
«Что ты, собака, потыкаешься!»
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Свой тугiй лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремечка булатняго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спущалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею **),
Палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристенулъ ***) его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремечку булатнему.
Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И со этого со гнѣздышка Соловьяго

*) Хошь вм. хочешь, мошь вм. можешь.
**) Вискомъ.
***) Пристегнулъ.

Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ *),
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
— И везетъ онъ мужичища деревенщину,
— Ко стремени булатнему прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
Говоритъ Ненила таковы слова:
« Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ,
« И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
« И везетъ онъ мужичища деревенщину,
« Ко стремени булатнему прикована. »
Посмотрѣла Пелька его третья дочь,
Говорила Пелька таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище деревенщина
— Раздольицемъ чистымъ полемъ,
— И везетъ-то государя батюшку
— Къ стремени булатнему прикована:
— Ему выбито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
— Бѣжите-ка въ раздольице чисто поле,
— Побейте мужичища деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольице чисто поле,
Оны хочутъ бить мужичища деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
« Ай же, зятевья мои любимые!
« Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
« Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
« Во мое во гнѣздышко Соловьее,

*) Стихъ конечно таковъ:

Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ,
Раздольицемъ—чистымъ полемъ.—*Изд.*

« Кормите его ѣствушкой сахарнею,
« Пойте его питьицемъ медвянымъ,
« Дарите ему дары драгоцѣнные *) ».
.
Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьее,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
Становилъ онъ коня посередъ двора,
Шелъ онъ въ палату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церквы,
Отъ той отъ обѣденьки Христосьскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарніихъ,
Пити питьицевъ медвяныихъ.
Илья Муромецъ шелъ въ палату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дороднiй добрый молодецъ,
— Тобя какъ молодца именемъ назвать,

*) Побывальщина такъ замѣщаетъ этотъ пропускъ·

Какъ поѣхалъ онъ ко зятю ко большему,
Старшая сестра была догадлива,
Поднимала въ верёхъ подворотенку,
Подворотня вѣсомъ-то ста пудовъ,
Хочетъ спустить на буйную головушку,
Хочетъ убить Илью Муромца.
Ильѣ-то было не къ суду пришло,
Увидалъ онъ надъ собою подворотенку,
Отбивалъ ю ручкой правою,
Убивалъ-то сестрицу большую.

— Звеличать удалаго по отечеству?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Есть я изъ города изъ Муромля,
« Со славнаго съ села Карачарова,
« Именемъ меня Ильей зовутъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь. »
Сталъ Владиміръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Стоялъ-то я заутрену во Муромлѣ,
« Поспѣвалъ-то къ обѣденькѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
« Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
« Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
« Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
« Мимо славную рѣченьку Смородинку. »
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Свищетъ-то Соловей по соловьему,
— Кричитъ злодѣй-разбойникъ по звѣриному.—
Говорилъ Илья таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ
« И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатнему *). »
Тутъ Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,

*) Стихъ опять таковъ:

И прикованъ онъ ко правому ко стремячку,
Ко стремячку ко булатнему.—*Изд.*

Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
Подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
Говорилъ онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по соловьему.
— Воскричи-тко ты, злодѣй, по звѣриному! —
Говорилъ Соловей князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Я сегодни не у васъ вѣдь обѣдаю,
« Не васъ я хочу и слушати.
« А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
« И его хочу я слушати. »
Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвитать по соловьему,
— Прикажи-тко воскричать по звѣриному! —
Говоритъ Илья Соловью разбойнику:
« Засвищи-тко ты, Соловей, по соловьему,
« Воскричи-ка, Соловей, по звѣриному! »
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
«« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«« Мои раночки кровавы запечатались,
«« И не ходятъ уста мои сахарнія:
«« Не могу я засвитать по соловьему
«« И не могу я воскричать по звѣриному. »»
Говорилъ Илья князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Наливай-ка ты чару зелена вина,
« Не малую стопу—полтора ведра,
« И разводи-тко медамы стоялыма,
« Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
« Тутъ уста его сахарнія расходятся,
« И онъ засвищетъ намъ по соловьему,
« Воскричитъ онъ намъ по звѣриному. »
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Скорешенько шелъ въ палату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,

И не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ-то медамы стоялыма,
Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,
Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
« Засвищи-тко ты, Соловей, столько въ полсвиста соловьяго,
« Закричи-тко столько въ полкрика звѣринаго *). »
Какъ засвисталъ Соловей по соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Очень великъ шумъ пошелъ:
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались,
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Стоитъ—куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
« Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
« Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
« Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ! »
Тутъ Соловью и славу поютъ **.

(Записано со словъ крестьянина Рябинина).

*) Стихи слѣдуетъ раздѣлить и дополнить по вышеприведеннымъ образцамъ.—*Изд.*

**) То есть, тутъ Соловью и конецъ.—*Изд.*

11.

ТОЖЕ.

(Пудожскій уѣздъ, въ Колодозерѣ).

Ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Пріѣхалъ старый на розстани;
На розстани-то бѣлъ горючь камень,
На камешкѣ подпись подписана:
« Въ розстань ѣхать—убиту быть,
« А въ другую ѣхать—женату быть,
« А въ третью ѣхать—богату быть. »
И раздумался старый своимъ разумомъ:
« Почто мнѣ-ка ѣхать во ту розстань,
« Во ту розстань ѣхать, гдѣ богату быть?
« По карману золотой казны смѣты нѣтъ,
« На косматомъ бурушкѣ цѣны нѣтъ.
« Почто мнѣ-ка ѣхать во ту розстань,
« Во ту розстань ѣхать, гдѣ женату быть?
« Хороша жена—чужая корысть,
« А худа-то—мнѣ-ка не надобна.
« Я поѣду во ту розстань,
« Во ту розстань поѣду, гдѣ убиту быть,
« Ко тому ко городу Латынскому,
« Ко той-ли заставушкѣ великія. »
А была тамъ застава великая:
Было сорокъ человѣкъ разбойничковъ,
Ночныхъ все подорожничковъ,
Все сильные могучіи богатыри;
Заперта была земля Латынская,
Не было ни выходу, ни выѣзду
Изъ той земли Латынскія.
Пріѣзжаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
Они сидятъ подъ сырымъ дубомъ,
И говоритъ атаманъ таковы слова:
— Ай же вы, ребята-разбойники,
— Ночные вы подорожники!

— А куда-то старая собака поразъѣхалась?—
И говоритъ старый таковы слова:
« А нечего вамъ взять у стараго:
« Золотой казны у меня съ собой нѣтъ,
« А платья цвѣтнаго у меня на собѣ нѣтъ:
« Только взять вамъ у стараго:
« Кожа на плечахъ въ пятьсотъ рублей,
« А чуденъ крестъ на груди въ три тысячи,
« По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
« А косматому бурушкѣ у меня и цѣны нѣтъ. »
И зарычалъ атаманъ во всю голову:
— Ай же вы, ребята-разбойники,
— Ночные вы подорожники!
— Още старая собака хвастаетъ!
— Снимайте стараго съ добра коня!—
Какъ натягивалъ старый свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Самъ къ стрѣлочкѣ приговаривалъ:
« Полети, моя стрѣлочка, во сырой дубъ,
« Разорви на мелкія на ножовыя черепьица,
« И всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ,
« Всѣхъ убей ночныхъ подорожниковъ. »

И будетъ онъ у стѣны городовыя,
И не воротмы ѣхалъ, приворотенкамы,
Прямо черезъ стѣну городовую.
И приходитъ онъ во царевъ кабакъ:
Въ кабакѣ сидятъ голя—смѣты нѣтъ.
И тутова голи догадалися,
По полушечкѣ голи сметалися,
И скупили вина полтора ведра,
И подносили старой собакѣ матерой выпить съ дороги.
И говоритъ онъ таково слово:
« Ай же вы, голи Латынскія!
« Коли умѣли съ пути съ дороги встрѣтить богатыря,
« Такъ подите—скажите королю Латынскому,
« Чтобы несъ дары драгоцѣнные:
« Я разбилъ заставу великую. »
И налилъ король Латынскій чашу золоту,

Красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга,
И несетъ ему великіе даровья.
Возговоритъ старый таковы слова:
« Ай же ты, король земли Латынскія!
« Не надоть мнѣ даровьевъ драгоцѣнныихъ,
« А отвори-тко ты погреба съ напиткамы. »
Онъ зашелъ во погреба глубокіе,
Взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
А другую бочку подъ другую,
А третью бочку ногой катилъ,
И самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же вы, голи Латынскія!
« Коли умѣли старую собаку матерую
« Съ пути-дороги стрѣтити,
« Такъ теперь пейте вина, сколько надобно. »

И повыѣхалъ опять къ этому горючему камешку,
И поѣхалъ въ ту розстань, гдѣ-ка женату быть.
Пріѣзжаетъ онъ къ палаты бѣлокаменной,
И привязалъ бурушка косматаго къ столбику точеному,
Ко тому ли ко колечику золоченому.
Идетъ въ палаты бѣлокаменны,
И стрѣтитъ его прекрасная королевична,—
У дѣвушки у прекрасной королевичны
Кроватка была овёршая,—
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ въ уста во сахарнія,
И сама говоритъ таковы слова:
« У тя есть ли охота, горитъ ли душа
« Со мной съ дѣвицей позабавиться?
« Ложись-ка на кроватку тесовую,
« На ту ли на перинку на пуховую! »
И беретъ-то старый казакъ Илья Муромецъ
Прекрасну королевичну за бѣлы груди
И металъ-то на кроватку тесовую,
На ту ли на перинку пуховую.
А у злодѣйки кроваточка подложная,—
И упала во погреба глубокіе;

И наобманывано у ней туда
Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Онъ оттуль ихъ всѣхъ повыпустилъ,
А ей головку отрубилъ.
И выѣхалъ опять къ бѣлъ-горючему камешку,
И поѣхалъ въ ту розстань, гдѣ богату быть.
И въ третью-то розстань съѣхалъ,
Побилъ поганаго Чудища,
И побралъ золотой казны—смѣты нѣтъ.
И выѣхалъ опять во Кіевъ градъ.

Записано отъ девяностолѣтняго старика).

Отъ этого же старика я слышалъ про Илью Муромца побывальщину. Илья Муромецъ, разъѣзжая по бѣлу свѣту, наѣхалъ на паленицу Авдотью Горынчанку и одолѣлъ ее съ бою. Отъ него Авдотья поносъ понесла и родила сына богатырскаго. Возросъ сынъ и отправился поляковать по раздольицу чисту полю. Въ стрѣту ему попался Илья Муромецъ, послѣ долгаго упорнаго боя повалилъ на земь и подъ кинжалищемъ выпыталъ у него, что онъ есть сынъ Авдотьи Горынчанки. Сынъ, узнавши о своемъ происхожденіи, рѣшился отомстить за позоръ матери, сковалъ себѣ палицу во триста пудъ и пагналъ стараго въ чистомъ полѣ. Илья спалъ богатырскимъ сномъ, какъ Бориска ударилъ его палицей стопудовою, уголилъ было прямо въ бѣлую грудь, да не могъ просѣчь чуднаго креста. Тутъ же Илья и убилъ его. Какъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву, видитъ—мать дерется съ Добрыней, а Добрыня кричитъ ему во всю голову: «Убилъ меня богатырь великій, пособи мнѣ съ богатыремъ дратися!»

Говорилъ Илья таковы слова:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
«Ты не знаешь у богатыря мѣста пухлаго,
«Пухлаго мѣста, ...:
«А ты бей-ка богатыря по щекѣ,
«Пинай-ка богатыря *)».

*) Сравни слѣдующія за симъ пѣсни и въ I-мъ выпускѣ «Пѣсень П. В. Кир.» весь I-й разрядъ, особенно № 6.—*Изд.*

12.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ И ПАЛЕНИЦѢ УДАЛОЙ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

На славной на Московской на заставы
Стояло двѣнадцать богáтырей безъ единаго.
По нихъ, по славной Московской заставы,
Пѣхотою никто не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ.
Проѣхала паленичища удалая,
Конь подъ нею какъ сильна гора,
Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
И надѣта на головушку у ней шапочка пушистая.
Пушистая шапочка и завѣсистая:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзаду не видно шеи бѣлыя.
Она ѣхала, собака, насмѣялася,
Не сказала Божьей помочи богáтырямъ,
Проѣхала въ раздольце въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
«Ежели Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
«Не дастъ онъ мнѣ поединщика,
«Супротивъ меня да супротивника,
«Самого-то я Владимiра подъ мячь *) склоню,
«Подъ мячь склоню. да голову срублю,
«Церныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спущу.»
Стоятъ багатыри, пораздумались.

*) Мечь.

Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же вы, братьица мои крестовые,
« Дружинушка добрая, хоробрая!
« Стоимъ мы на славной Московской на заставы;
« По той ли по славной Московской заставы
« Пѣхотою никто не прохаживалъ,
« На добрóмъ конѣ никто не проѣзживалъ,
« Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
« Птица черный воронъ не пролетывалъ:
« Проѣхала паленичища удалая,
« Ѣхала, собака, въ глазахъ насмѣялася,
« Не сказала Божьей помочи богáтырямъ.
« На головкѣ у ней шапочка пушистая,
« Пушистая у ней шапочка и завѣсистая:
« Спереду-то не видать лица румянаго
« И сзаду не видно шеи бѣлыя.
« Ѣздитъ-то она по раздольицу чисту полю,
« Посвистываетъ она по соловьему,
« Покрикиваетъ она во всю голову,
« Выкликаетъ она поединщика,
« Супротивъ себя да супротивника.
« Кого же намъ послать въ раздольице въ чистó поле
« Поотвѣдати-то силы у поганаго? »
— Послать молода Алешеньку Поповича. —
Повыѣхалъ Алеша во чисто поле,
Посмотрѣлъ на паленицу за *) сыра дуба,
То не смѣй онъ къ паленицы и подъѣхати,
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Говорилъ-то Алеша таковы слова:
« Ай же, братьица мои крестовые!
« Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистóмъ полѣ,
« Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба,
« И не смѣй я къ паленицы и подъѣхати,
« И не смѣлъ-то ея силушки отвѣдати. »
— Послать молода Добрынюшку Никитинца. —
Повыѣхалъ Добрыня во чисто поле,

*) Изъ за.

Подъѣхалъ къ паленицы ко удалыя,
То не смѣй у ней онъ силушки отвѣдати,
По скорешеньку Добрыня поворотъ держалъ,
И пріѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
И говорилъ-то Добрыня таковы слова:
« Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
« Посмотрѣлъ на паленицу на удалую:
« На правой-то рукѣ сидитъ соловей,
« На лѣвой-то рукѣ жавролёночекъ.
« Не смѣлъ я къ паленичищѣ подъѣхати,
« Не смѣлъ я у ней силушки отвѣдати. »
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« А на бою-то мнѣ-ка смерть не писана:
« Поѣду я въ раздольице чисто поле,
« Поотвѣдаю я силы у поганаго. »
Садится-то Илья на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ со Скатъ-горы высокія.
Говорилъ ему Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Поѣзжаешь ты въ раздольице чисто поле,
— На этыи побои на смертные,
— На этыи удары на тяжелые:
— Намъ куда велишь итти, да куда ѣхати? —
Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые!
« Поѣзжайте-тко на гору Сорочинскую,
« Посмотрите-тко на драку богатырскую:
« Когда надо мною будетъ безвремяньице,
« Поспѣшайте-то, братьица, ко мнѣ на выруку. »

Онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
И подъѣхалъ онъ подъ гору Сорочинскую,
Сходилъ тамъ съ добра коня богатырскаго,
И вшелъ-то онъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ на паленичище удалое:
Ѣздитъ паленица по чисту полю,
Ѣздитъ паленица въ полѣ, тѣшится,
Шутитъ она шуточку не малую,—
Кидаетъ она палицу булатнюю

Подъ эвтую подъ облаку ходячую,
Подъѣзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
Подхватитъ эту паличку одной рукой,
То какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ;
И не велика эта палица булатняя,
Вѣсомъ-то она до девяноста пудъ.
У стараго казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское пріужахнулось.
Сходилъ онъ со горы Сорочинскія,
Приходилъ онъ къ доброму коню богатырскому,
Палъ-то онъ на бедра лошадиныя,
И говорилъ-то онъ таковы слова:
« Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
« Послужи-тко ты мнѣ вѣрою и правдою,
« Послужи по старому и по прежнему,
« Чтобъ не побилъ бы насъ поганый во чистымъ полѣ,
« Не срубилъ бы онъ моей буйной головушки,
« Не распласталъ бы моей онъ груди бѣлыя. »
Садился-то Илья на добра коня,
Онъ ѣхалъ раздольицемъ чистымъ полемъ
И наѣхалъ паленичницу удалую,
Онъ подъѣхалъ къ паленицы со бѣла лица.
Становили оны коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударити во палицы булатнія.
Разъѣхались съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палицы булатнія,
Оны другъ друга били нежалухою
И со всея силы богатырскія,
И били оны другъ друга по бѣлымъ грудямъ,
Какъ подъ нима были доспѣхи очень крѣпкіе:
У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
По макомкамъ *) отломилися;

*) По маковки.— *Изд.*

Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья Муржамецкія.
Какъ разъѣхались съ раздольица чиста поля,
Пріударили во копья Муржамецкія,
Оны другъ друга били по бѣлой груди,
По бѣлой груди били нежалухою
И со всея силы богатырскія;
Подъ нима доспѣхи были очень крѣпкіе:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ копья отломилися;
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ
И сходили со добрыхъ коней на матушку сыру землю:
Надо биться молодчамъ имъ боемъ-рукопашкою
И отвѣдать надо силушки великоей.
Эта паленичища удалая
Она была зла-догадлива,
Подходила ко богáтырю могучему,
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то его на косу бодру *)
И здынула выше гóловы,
И ступила на бѣлую грудь,
И беретъ свою рогатину звѣриную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотѣла ниже пояса.
Тутъ по Божьему повелѣнію
Рука правая въ плечй застоялася,
Въ очахъ у ней свѣтъ помущается;

*) Бедру.

[Она стала у богатыря выспрашивать:
« Ты скажи-то мнѣ, богатырь свято-русскій:
« Какъ-то молодца по имени зовутъ,
« Звеличаютъ удалаго по отечеству ? »] *)
На бою-то Ильѣ смерть не написана.
Разгорѣлось его сердце богатырское:
Какъ отмахнетъ свою руку правую,
И сшибъ онъ паленицу со бѣлой груди.
Онъ скорешенько скочилъ да на рѣзвы ноги,
Схватилъ-то паленицу за желты кудри,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ-то на матушку сыру землю,
Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,
Беретъ свой ножь булатній во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка **),
— Ты съ коёй земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга ***) ново-древняя!
« Тобѣ просто ****) надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
« Во рукахъ держишь кинжалище булатное!
« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
« Пластала бы я твои груди бѣлыя,
« Доставала бы твое сердце со печенью,
« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,

*) Изъ послѣдующихъ словъ паленицы видно, что она, въ случаѣ побѣды, никакъ не стала бы спрашивать объ имени и отчествѣ побѣжденнаго; поэтому я эти четыре стиха почитаю вставными.

**) Пропровѣдай, повѣдай.— *Изд.*

***) Хрычь.— *Изд.*

****) Легко.— *Изд.*

« Ни твоего роду и ни племени. »
Берет свой ножь булатній во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застояласи,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, поировѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга ново-древная!
« Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
« Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
« Пластала бы я твои груди бѣлыя,
« Доставала бы твое сердце со печенью,
« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
« Ни твоего роду и ни племени. »
Беретъ свой ножь булатній во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застояласи,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица и заплакала:
« Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ!
« Есть-то я изъ темной орды, хороброй Литвы,
« Есть-то я вдовина дочь;
« У меня была матушка колачница,
« Калачи пекла, поторговывала,
« Тымъ меня и воспитывала;

« И я возрасла до полнаго до возраста,
« Имѣю силу великую въ могучихъ плечахъ;
« Избирала я коня богатырскаго,
« И послала меня матушка
« На славину на святую Русь
« Попровѣдати про батюшка. »
Старый казакъ Илья Муромецъ
Скорешенько соскочитъ со бѣлыхъ со грудей,
Беретъ ю за ручушки за бѣлыя
И за нея за перстни за злаченыя,
Становилъ-то ю да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ онъ ю во уста во сахарнія
И говорилъ онъ съ ней таковы слова:
— Жилъ я въ хороброй Литвы
— По три году поры-времени,
— Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
— И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
— Спалъ я на кроватки на тесовыя,
— На той на перинкѣ на пуховоей,
— У нея у самой на правой ручкѣ.—
И называлъ ю дочерью себѣ любимою.
Оны сѣли на добрыхъ коней богатырскіихъ,
И поѣхали по славну по раздольицу чисту полю,
И въ раздольицѣ чистомъ полѣ разъѣхались.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Послѣ бою, послѣ драки великія
Пораздернулъ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ онъ спать да прохлаждатися.
А паленица-то удалая,
Она ѣздитъ во чистомъ полѣ,
Сама она да и пораздумалась:
« Хоть я ѣздила на матушку святую Русь,
« То я сдѣлала насмѣшку на святой Руси:
« Онъ назвалъ мою-то матку б.....,
« А меня-то назвалъ вы.....й.
« А поѣду я ко городу ко Кіеву
« И наѣду я богатыря въ чистомъ полѣ,
« Убью-то я богатыря въ чистомъ полѣ,

« Не спущу этой насмѣшки на святой Руси. »
Подъѣзжаетъ къ шатру бѣленькому полóтняну,
Бьетъ она рогатиной звѣриной по бѣлу шатру
Со всея со силы богатырскія.
Отлетѣлъ-то шатеръ бѣленькой въ чистó поле:
Спитъ Илья Муромецъ, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырскаго.
Реветъ-то его добрый конь, бурушко косматенькій,
Бьетъ во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сыра земля продрыгиваетъ,
Илья Муромецъ, онъ спитъ не прохватится,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Эта паленичища удалая
Бьетъ рогатиной звѣриною по его бѣлóй груди:
У Ильи-то чуденъ крестъ на воротѣ,
Не малый крестъ—полтора пудà.
Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
Скинулъ *) свои очи ясныя:
Стоитъ паленичища на добромъ конѣ
Нáдъ верхомъ какъ сильна гора,
И бьетъ его рогатиной звѣриной по бѣлóй груди.
Отмахнулъ свою онъ руку правую,
Онъ отшибъ коня-то отъ бѣлóй груди;
Скорешенько скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ паленицу за желтỳ кудри,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ онъ паленицу о сыру землю,
Спустилъ онъ паленицу, выговаривалъ:
— Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть
— И не тобѣ убить Илью Муромца!—
Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу
И подернулъ паленицу за праву ногу:
Онъ ю на двое порóзорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,

*) Вскинулъ.

Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мелкі куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ воронамъ.
Тутъ паленицы и славу поютъ [*].

(Записано со словъ крестьянина Рябинина).

13.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ И СОКОЛЬНИЧКѢ-ОХОТНИЧКѢ.

(Пудожскій уѣздъ, Бережнодубровскій погостъ, деревня Кузнецова).

Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ Добрынюшка Никитиничь,
Во третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Да стояло семь братцевъ Грядовичевъ [**],
Ребята-то были молодые,
Стоялъ Ѳома Долгополый,
Стояли-то мужики Залѣшане.
Мимо эту заставу крѣпкую
Проѣзжаетъ удалый дородній добрый молодецъ:
Сидитъ на конѣ молодецъ во двѣнадцать лѣтъ;
Подъ нимъ конь какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ;
Молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ.
Проѣзжаетъ-то заставу крѣпкую,
На заставы не приворачиваетъ,
Ихъ-то молодцевъ ничѣмъ зоветъ,
На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ;
Проѣзжалъ заставу крѣпкую.

[*]) Тутъ сй и конецъ.—*Изд.*
[**]) Збродовичей.—*Изд.*

Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Кого мнѣ послать за богáтыремъ?
« Послать мужиковъ Залѣшаньевъ:
« Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
« Продремлютъ богатыря во чистомъ полѣ;
« Послать Ѳому Долгополаго:
« Ѳома Долгополый—бѣда зѣвать,
« Прозѣваетъ богатыря въ чистомъ полѣ;
« Послать семь братьевъ Грядовичевъ:
« Ребята-то были молóдые,
« Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ;
« Послать Алешеньку Поповича:
« Алеша Поповичь зарывчатъ былъ,
« Изорветъ силу до богатыря;
« Послать Добрыню Никитича! »
И посылалъ Добрыню Никитича.
Скоро Добрыня коня сѣдлалъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю,
Ко матушкѣ Сахатарь-рѣкѣ,
И наѣхалъ его у синя моря:
Ѣздитъ по тихіимъ заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернасту утушку.
Закричалъ Добрыня во всю голову:
« Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
« На нашу заставу не приворачиваешь? »
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ахъ ты, шишига, б.... деревенская!
— Не за мной бы тебѣ ѣздить во чисто поле:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ.
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву;
Лежалъ три часа за мертво,

Просыпается будто отъ крѣпка сна,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ къ заставы крѣпкія,
И выходилъ въ стрѣту Илья Муромецъ:
« Пособилъ ли ти Богъ побить богатыря? »
Сходилъ Добрыня съ добра коня,
Бьетъ челомъ — поклоняется:
— Я наѣхалъ у батюшка синя моря:
— Ѣздитъ богатырь по тихіимъ заводямъ,
— Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ;
— Какъ закричитъ во всю голову:
— Отъ его ли крику богатырскаго
— Тихая заводь сколыбалася,
— Съ пескомъ вода помутилася,
— У меня конь на колѣнки палъ.
— И упадалъ я со добра коня
— На сыру землю въ ковыль траву,
— Лежалъ цѣло три часа за мертво,
— Проснулся будто отъ крѣпка сна,
— Скоро садился на добра коня
— И поѣхалъ къ заставы крѣпкія.—
Говоритъ старый таковы слова:
« Не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
« Замѣнитися своей старой, буйной головой! »
Скоро сѣдлалъ добра коня,
Затягивалъ двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Двѣнадцать пряжекъ золота краснаго,
Двѣнадцать шпенечковъ булатніихъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю:
Только видѣли стараго сѣдучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ старый во всю голову:

« Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
« На нашу заставу не приворачиваешь? »
Отъ его ли крику богатырскаго,
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася.
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ахъ ты, старый, сѣдатый песъ!
— Не за мной бы ти ѣздить по чисту полю:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти. —
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У Ильи конь на колѣнки палъ.
И бьетъ коня по крутымъ бедрамъ:
« Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья драпь *)!
« Не слыхалъ ты гарканья вороньяго? »
Разъѣхалися на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхалися на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы **) кольчужныя.
Скоро они соходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися.
Отмахнулась у Ильи ручка правая,
Подвернулась ножка лѣвая,
Упадалъ Илья на сыру землю.
Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И сталъ смѣяться-ругатися:
— Пора ти старому въ монастырь итти,

*) Чтò медвѣдь деретъ; медвѣдь тебя дери! — *Изд.*

**) Зазубрились объ латы. — *Изд.*

— Постричься во старцы, въ игумены;
— А ежели нѣтъ безсчетной золотой казны,
— Я тебѣ далъ бы до люби.—
Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди,
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой какъ пивной котелъ.
Онъ скоро ускочилъ на добра коня
И поѣхалъ въ свою орду къ своей матери,
Ко матушкѣ бабѣ Латымиркѣ.
Ѣдетъ на конѣ, шатается,
Подъ нимъ добрый конь потыкается.
И встрѣчала его баба Латымирка:
« Что же ты, дитя мое милое,
« Ѣдешь на конѣ — шатаешься,
« Подъ тобой добрый конь потыкается?
« Напился ты зелена вина? »
Говорилъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ай же ты, родная матушка!
— Наѣхалъ я стараго-то во чистомъ полѣ:
— Мы много съ нимъ боролися
— И много съ нимъ ломалися;
— Я уронилъ его на сыру-землю,
— Садился ему на бѣлы груди,
— Не разстегивалъ *) пуговку вальявочну **),
— Вынималъ ножище-кинжалище,
— Сталъ надъ нимъ смѣяться-ругатися;
— Онъ ударилъ меня во бѣлы груди
— Вышибъ выше лѣсу стоячаго,
— Выше облака ходячаго;
— Тутъ я скоро скочилъ на добра коня
— И поѣхалъ въ свою орду, къ тебѣ, матушкѣ.—

*) Поразстегивалъ? — *Изд.*
**) Вальяцату, вырѣзную. — *Изд.*

Говорила баба Латымирка:
« Тугъ не старый сѣдатый песъ,
« А тутъ ѣздитъ старый казакъ Илья Муромецъ. »
— Спасибо, матушка, баба Латымирка,
— Сказала про батюшка Илью Муромца!
— Поѣду—распорю ему груди бѣлыя,
— Выну сердце со печенью:
— Онъ теперича спитъ во бѣломъ шатрѣ.—
Пріѣзжаетъ ко тому бѣлу шатру,
Скоро соходитъ съ добра коня,
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный:
Онъ спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ.
И садился Сокольникъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И ударилъ его въ бѣлы груди:
Не сдержали латы кольчужныя,
Не сдержало цвѣтно платьице,
Сдержалъ чуденъ крестъ,
Вѣсомъ крестъ во три пуда,—
Отъ креста ножище погибается.
Пробуждается старый отъ крѣпка сна
И видитъ: сидитъ Сокольникъ на бѣлыхъ грудяхъ.
Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячего;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ,
Выскочитъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На̀ полы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку,
А другую оставилъ на своей стороны:
« Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
« Раздѣлилъ я Сокольничка-охотничка! »

(Записано отъ калики Латыпова).

14.

О младомъ Соловниковѣ.

(Пудожскій уѣздъ, Купецкой волости, деревня Буракова).

На наше на село на прекрасное,
На стольный на городъ на Кіевъ-градъ
Наѣзжаетъ изъ далеча изъ чиста поля
Молодой-младой Соловниковъ.
Ужь онъ кличетъ-выкликаетъ поединьщика:
« Дайте мнѣ изъ города поединьщика!
« Не дадите изъ города поединьщика,—
« Такъ съ конца зажгу и головней покачу. »
Пришло извѣстьице ко тому ко Ильѣ ко Муромцу:
Скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Какъ ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
Разлетѣлся столъ во всѣ стороны;
Говоритъ Илья таково слово:
« Я могу служить-стоять за Кіевъ-градъ! »
Скоро онъ сѣдлалъ добра коня,
Кладываетъ потнички на потнички,
Кладываетъ войлочки на войлочки,
И сѣделко кладываетъ на сѣделко,
Черкасское сѣделко на верёхъ еще.
Кладываетъ, самъ выговариваетъ:
« Не для, братцы, красы-басы,
« Не для, братцы, угожества,
« А ради укрѣпы богатырскія. »
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись,
Не знаютъ, во кою сторону уѣдучись.
Какъ наѣзжаетъ онъ изъ далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ—не стряхнется,
Желтыя кудéрка не сворохнутся.
Отъѣзжалъ Илья и раздумался:
« Это, братцы, не бѣда ль пришла?

« Сколько я Татаръ на вѣку бивалъ,
« А все съ одного разу пошибалъ;
« А этого Татарина не могъ сшибить! »
Какъ приправливалъ опять добра коня
Изъ того далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ—не стряхнется,
Желтыя кудерка не сворохнутся.
Отъѣзжалъ Илья и раздумался:
« Это, братцы, не бѣда ль пришла?
« Сколько я Татаръ на вѣку бивалъ,
« А все съ одного разу пошибалъ;
« А этого Татарина не могъ съ двухъ разъ сшибить! »
Опять приправливалъ добра коня
Изъ того далеча изъ чиста поля,
Ударилъ Соловникова въ буйну голову:
Сидитъ Соловниковъ не стряхнется,
Желтыя кудерка не сворохнутся.
Тутъ у младаго Соловникова
Рѣчистый языкъ у него мѣшается,
Мозги въ головѣ у него потрясаются,
Со ясныхъ очей свѣтъ теряется;
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!
— Идьте-ко *) вы со извѣстьицемъ
— За тое за славное сине море,
— Ко моей ко родноей ко матушкѣ,
— Ко матушкѣ идьте ко Настасьюшкѣ,
— Скажите ей таковы слова:
— Не знаю, какой невѣжа наѣхалъ изъ чиста поля,
— Ударилъ меня въ буйну голову,—
— Рѣчистый языкъ у меня мѣшается,
— Мозги въ головѣ у меня потрясаются,
— Со ясныхъ очей свѣтъ теряется.—
Тутъ слуги его вѣрные
Поѣхали они, съѣхали

*) Поѣзжайте; и = ѣ.

За тое славное сине море,
Ко его ко родноей ко матушкѣ,
Ко матушкѣ его ко Настасьюшкѣ;
Сказали ей таковы слова:
— Не знаю, какой невѣжа наѣхалъ изъ чиста поля,
— Ударилъ Соловникова въ буйну голову,—
— Рѣчистый языкъ у него мѣшается,
— Мозги въ головѣ у него потрясаются,
— Со ясныхъ очей свѣтъ теряется.—

*

Становилъ Илья добра коня,
Самъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Полно намъ биться и ратися *),
« Пойдемъ-ка мы биться рукопашкою. »
Тутъ спускалися они съ добрыхъ коней.
Какъ Илья былъ свыченъ, догадливъ былъ:
Заскочилъ онъ, обскочилъ околъ его,
Ударилъ сутычь по шеѣ-то,
Сбилъ-то его на сыру землю,
Садился ему на бѣлую грудь,
Занесъ онъ свою праву руку,
Занесъ-то ножище-кинжалище:
Рука въ плечѣ застоялася.
Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты скажи, скажи, не утай себя,
« Ты коей орды, ты коей земли,
« Ты коего отца, коей матери? »
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдой песъ!
— Какъ былъ бы я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы у тебя ни имени, ни изотчины,
— Пласталъ бы тебѣ бѣлую грудь;

*) **Ратиться.**— *Изд.*

— А ты у меня на бѣлой груди:
— Вольно тебѣ насмѣхатися!—
Занесъ Илья свою праву руку,
Занесъ-то ножище-кинжалище:
Рука въ плечѣ застоялася.
Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Ты скажи, скажи, не утай себя,
« Ты коей орды, ты коей земли,
« Ты коего отца, коей матери? »
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдой песъ!
— Когда ты началъ допрашивати,
— Скажу тебѣ и порозскажу:
— Есть я изъ-за славнаго синя моря,
— Есть я молодой-младой Соловниковъ,
— Отъ тоя отъ матушки Настасьюшки,
— А батюшка, не знаю, кто есть.—
Какъ выскочитъ со бѣлыхъ грудей
Со этого со младаго Соловникова,
Выскочитъ, самъ испроговоритъ:
« Ай же ты, сынъ мой возлюбленный,
« Молодой-младой Соловниковъ!
« Почему ты раньше не сказалъ мнѣ?
« Не билъ бы я тебя съ перваго раза! »
Тутъ они сѣли, пили, кушали.
Тутъ Илья и спать-то легъ,
Спать-то легъ во бѣлой шатеръ:
А спитъ, молодецъ, прохлаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую:
Какъ стрѣлилъ-то во Илью скрозь бѣлой шатеръ.
Да тутъ Ильюшѣ не къ суду пришло:
Былъ-то у него крестъ на бѣлой груди,
Вѣсомъ крестъ въ полтора пуда,—
Стрѣла въ крестѣ застоялася.

Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу самъ пометается,
Выскакалъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ,
Въ тонкой бѣлой рубашечкѣ безъ пояса.
Какъ прибѣгалъ ко младому Соловникову,
Хватилъ его за желты кудри,
Какъ бросилъ о матушку сыру землю,
Какъ занесъ свою правую руку,
Занесъ тое ножище-кинжалище,—
Тутъ рука въ плечѣ не застоялася:
Пласталъ онъ его груди бѣлыя,
Разсѣкъ онъ его на мелкія часточки,
Раскидалъ часточки по чисту полю.
Тутъ Соловникову славу поютъ,
А Ильюшѣ слава не минуется,
Отнынѣ и вѣкъ по̀ вѣку.

(Записано со словъ крестьянина Никифора Прохорова).

—

15.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ И ПОГАНОМЪ ИДОЛИЩѢ.

(Петрозав. уѣздъ, Кижской погостъ).

Пріѣзжалъ Одолище *) поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
« Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

*) Идолище.

« Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
« Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
« Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться. »
Тутъ Владимiръ князь ужахнулся,
Прiужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
« Не кручинься, Владимiръ, не печалуйся:
« На бою мнѣ-ка смерть не написана,
« Поѣду я въ раздольице чисто поле
« И убью-то я Идолища поганаго. »
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнiя
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
« Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
« Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
« И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться? »
На тую пору на то времячко
Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
« Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому? »
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
« Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
« Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется. »
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,

Пошелъ каличище,—завбрыдалъ.
Илья Муромецъ одва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—
Говоритъ ему Илья таковы слова:
« Толь великъ Илья, какъ и я. »
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?—
Говоритъ Илья таковы слова:
« По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
« По стольку пьетъ Илья, какъ и я. »
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья:
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,
— По семи пудъ хлѣба кушаю.—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
« У его была корова ѣдучая:
« Она много пила-ѣла и лопнула. »
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатнее
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько.
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воинную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схатилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

(Отъ Рябинина; ср. выше).

16.

ТОЖЕ.

(Святозерской волости, деревни Пряток).

Въ Муромскомъ княжествѣ жилъ могучій русскій богатырь Илья Муромецъ. Былъ Илья Муромецъ такъ силенъ, что подъ конецъ не стало никого, кому бы съ нимъ силою помѣряться. Прослышалъ онъ, что въ землѣ идольской есть Идолъ богатырь и восхотѣлъ его видѣть, каковъ есть. Надѣлъ Илья Муромецъ латы желѣзные, а по нихъ накрутился каликой перехожею, обсѣдлалъ своего добра коня и поѣхалъ къ Идольскому царству. Приходитъ въ обѣднее время, сталъ подъ окошечко и запросилъ милостыни, какъ калика. Идолъ богатырь случился обѣдавши, слышитъ голосъ-то богатырскій [богатырь богатыря знаетъ], а платье видитъ на немъ калики перехожія. Отворилъ богатырь окошко и спрашиваетъ: « Откуда ты, человѣче? »—Я калика изъ Мурома. — « Коли изъ Мурома, такъ знаешь-ли Илью Муромца? » — Какъ не знать. — « Такъ поди же въ избу. » Пошелъ въ избу Илья Муромецъ и сталъ ко дверямъ. Говоритъ Идолъ богатырь: « Великъ ли ростомъ Илья Муромецъ? » — А будетъ ростомъ съ меня. — « Много ли ѣстъ Илья Муромецъ? »—А когда дольше проходитъ, такъ съѣстъ десять фунтовъ хлѣба, говядины съ пудъ и ведро вина выпьетъ. — Плюнулъ Идолъ богатырь: « Какой же онъ богатырь, коли такъ мало ѣстъ? Мнѣ вотъ надо двѣнадцать пудъ хлѣба съѣсть, цѣлую корову варить и сорокъ ведеръ вина выпить. » Говоритъ Илья Муромецъ: — У нашего батюшки была большая корова бурая: какъ даютъ лохань пойла, двое несутъ. Батюшка-то скажетъ матушкѣ: дадимъ другую лохань, можетъ ли стрескать? Дали другую лохань, и ту стрескала.—Противно стало такое слово Идолу богатырю: « Какъ же ты, поскудный, смѣлъ такъ говорить со мною? » И кинетъ въ него вилкою. Илья Муромецъ повернулся къ чистому полю, будто не караулится, полетѣла вилка въ чистое поле. Говоритъ Илья Муромецъ: — Мнѣ родитель-батюшка

наказывалъ: плати долгъ поскорѣе, дитятко; въ другой разъ лучше повѣрятъ;—а самъ снялъ колпакъ съ головы и ударилъ колпакомъ Идола богатыря. Упалъ Идолъ съ лавки и духъ вонъ. Всѣ градскіе люди смерти Идоловой обрадовались и благодарятъ Илья Муромца: «Спасибо, Илья, освободилъ ты насъ отъ великаго разорителя; въ городѣ уже мало скота осталося: все поѣлъ Идолъ богатырь. За эту услугу великую, возьми изъ нашего добра, что хочешь.» — Мнѣ, говоритъ Илья Муромецъ, вашего добра не надо, владѣйте сами межь собою. — Поѣхалъ домой Илья Муромецъ, живъ ли теперь, али нѣтъ, не знаю.

(Со словъ крестьянки Дмитріевой).

17.

ТОЖЕ.

(Пудожскій уѣздъ, Купецкая волость).

Есть-то калика перехожая:
Тутъ-то каликушка справляется,
Тутъ-то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Іеросолиму,
Сильный могучій ли Иванище.
Идетъ-то калика перехожая
Въ меженный день по красному по солнышку,
А въ зимній день по дорогу по камню самоцвѣтному:
А лапотки были изъ семи шелковъ,
Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными;
А были у калики клюхи въ сорокъ пудъ.
Приходилъ калика къ городу Іеросолиму,
Господу-Богу помолился,
Въ Іорданѣ-рѣченькѣ искупался,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
А ко Господнему гробу приложился.
Пошелъ калика назадъ домой,
Идетъ-то калика по чисту полю,
Идетъ онъ калика мимо Царе-градъ.

Какъ въ Царе-градъ есть наѣхано:
Наѣхано поганое Идолище,
Одолѣли поганые Татарища.
Тутъ сильный могучій Иванище
Хватилъ онъ Татарина за руку,
Оттащилъ его на чисто поле,
Началъ у Татарина выспрашивать:
« Скажи-тко, Татаринъ, не утай себя,
« Великъ ли у васъ ростомъ поганое Идолище? »
Началъ ему Татаринъ высказывать:
— Есть-то у насъ поганое Идолище
— Ростомъ двѣ сажени печатныя,
— Въ ширину сажень печатная,
— А глазища что пивныя чашища,
— А головища что лоханище,
— А носъ снаружи съ локоть былъ.—
Какъ хватилъ онъ Татарина за руку,
Бросилъ его во чисто поле:
Разлетѣлися Татарскія косточки.
Идетъ тутъ Иванище по чисту полю,
И на въ стрѣту ѣдетъ Илья Муромецъ:
« Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
« Ты откуль идешь, откуль бредешь,
« Откуль бредешь, откуль путь держишь? »
— Я иду-бреду отъ города Іеросолима:
— Господу Богу помолился,
— Въ Іордань-рѣченькѣ искупался,
— Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
— А ко Господнему гробу приложился,
— А шелъ я мимо Царе-градъ.—
« А все ли въ Царе-градѣ по прежнему? »
Говоритъ тутъ сильный могучій Иванище:
— Не по старому въ Царе-градѣ, не по прежнему:
— Одолѣли поганые Татаровья,
— Наѣхалъ есть поганый Идолище.
— Святые образы поколоты,
— Поколоты, въ черной грязи потоптаны,
— А въ Божьихъ церквахъ коней кормятъ.—

Говоритъ Илья таковы слова:
« Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
« За первыя тебя рѣчи я жаловалъ,
« А за этыя за рѣчи тебя бы наказалъ
« По этому по тѣлу по нагому:
« Есть у тя силы съ дву меня,
« А смѣлости-ухватки половинки нѣтъ. »
Скоро скидываетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ платья каличьи:
« А натко, ты, моего добра коня,
« Хотя ѣзди, хотя водкомъ води,
« А только не выѣзжай съ этого съ уловнаго со мѣстечка,
« А разувай лапотцы семи шелковъ. »
Скоро Ванюшенька распастался,
Скидывалъ лапотцы семи шелковъ;
Тутъ они платьями помѣнялися.
Говоритъ Илья таковы слова:
« А дай-ко мнѣ клюху-посохъ въ сорокъ пудъ. »
Сокрутился каликой перехожею.
Пошелъ онъ скорымъ скоро,
Пришелъ, прискакалъ въ Царе-градъ,
Закричалъ Ильюша во всю голову:
« Ахъ ты царь, Костянтинъ Боголюбовичь!
« Дай мнѣ-ка злату милостыню спасеную,
« Полно мнѣ каликой волочитися,
« А пора мнѣ каликѣ душа спасти. »
Тутъ-то царскіе терема пошаталися,
Хрустальныя околицы посыпались
Отъ того отъ крику отъ каличьяго;
У Татарина сердечушко ужахнулось;
А царь-то Костянтинъ Боголюбовичь взрадовается.
Тутъ-то Татаринъ воспроговоритъ:
— Ай же ты, царь Костянтинъ Боголюбовичь!
— Принимай калику перехожую,
— Корми-ка ты калику до сыта,
— Пои ты калику до пьяна.—
Взималъ онъ калику перехожую,

Взималъ онъ, самъ взрадовается:
«« Не красное солнышко порбспекло,
«« Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ порбзсвѣтѣлъ:
«« А показался во Царе-градѣ
«« Старый казакъ Илья Муромецъ!—
«« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«« Отъ бѣды меня повыручи,
«« Отъ этой отъ смерти отъ напрасныя! »»
Тутъ-то какъ поганое Идолище
Взималъ къ себѣ калику перехожую,
Началъ у калики выспрашивать:
— Ай же ты, калика руськая,
— Руськая калика перехожая!
— Скажи-ка, калика, не утай собя:
— Какой есть у васъ на святой Руси
— Старый казакъ Илья Муромецъ,
— Великъ ли онъ ростомъ собою есть?—
« А волосомъ-ростомъ ровнымъ съ меня:
« Мы съ нимъ были братьица крестовые. »
— По многу ли онъ выти-хлѣба ѣстъ,
— По многу ли пьетъ зелена вина?—
« А хлѣба ѣстъ по три колачика крупивчатыхъ,
« А пьетъ зелена вина
« На три пятачика на мѣдныихъ. »
— Чортъ же у васъ на Руси, а не богатырь есть!
— Я бы его на долонь поклалъ,
— А другой-то рукой сверху прижалъ:
— Да тутъ бы съ него блинъ сталъ,
— Да дунулъ бы его во чисто поле.
— А я то, сильный могучій Идолище,
— Хлѣба ѣмъ по три хлѣба печеныихъ,
— А пью-то вина по три ведра мѣрныихъ,
— А щей хлебаю по той яловицы *) по русскія.—
« У нашего у попа у Ростовскаго
« Была какъ корова обжориста,
« Много ѣла-пила, тутъ и треснула:

*) Корчагѣ.

« А тебѣ бы поганому и также быть! »
Тутъ-то поганому не къ лицу пришло:
Этыя рѣчи не слюбилися.
Хватилъ тутъ онъ ножище-кинжалище,
Бросилъ во Илью во Муромца:
Ильюша былъ на ноженку повертокъ,
Отъ того отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ ножикъ пріотмахивалъ,
Пролетѣлъ ножикъ въ дверь бѣлодубову,
И выскочила дверь съ ободвериной:
Убило на смерть двѣнадцать Татаръ сильныихъ,
А друго двѣнадцать ранило.
Кои Татарины ранены,
Тои клянутъ его, проклинаютъ:
«« Будь ты три-проклятъ,
«« Наше сильное, могучее Идолище! »»
Тутъ Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ильюшѣ, высиживать:
Тутъ-то Ильюша подскакивалъ,
Клюхой-то его въ голову покалачивалъ,—
Тутъ-то поганое захамкало;
А въ другихъ переправилъ *),—повалилося.
Хватилъ онъ поганаго за ноги,
Началъ поганымъ помахивать,
Этыихъ Татаровей охаживать,
Бьетъ Ильюша, выговариваетъ:
« А вотъ, робята, оружье по плечу пришло!
« А крѣпокъ поганый на жилочкахъ,
« Тянется поганый—самъ не рвется! »
Прибилъ онъ поганыихъ всѣхъ въ три часу,
Не оставилъ поганыихъ на сѣмена.
Тутъ царь Костянтинъ Боголюбовичь
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
«« Ахъ ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
«« Живи-тка здѣ воеводою,
«« А буду кормить тя до сыта,

*) Въ другой разъ поколотилъ.— *Изд.*

«« Поить тебя буду до пьяна,
«« А денегъ давать тебѣ до люби. »»
Говоритъ Ильюша таковы слова:
« Благодарствуешь, царь Костянтинъ Боголюбовичь!
« Послужилъ я у тя только три часа,
« А выслужилъ слово сладкое, увѣтливое,
« Увѣтливое слово, привѣтливое,
« А хлѣбъ-соль мягкую.
« Служилъ-то я у князя Владиміра,
« Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
« А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
« Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
« А хлѣба-соли мягкія.
« Да нельзя мнѣ здѣ-ка жить:
« Оставленъ оставежъ на дорожкѣ есть *). »
Царь Костянтинъ Боголюбовичь
Насыпалъ ему чашу красна золота,
Другую насыпалъ чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга.
Принималъ тутъ Ильюша со радостію,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
« Это мое зарабочее. »
Тутъ-то Ильюша поклонъ держалъ,
Тутъ-то Ильюша распростился съ имъ.
Пошелъ-то Ильюша назадъ домой,
Пришелъ онъ на уловное мѣстечко.
А тутъ-то Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище, перетерзано
У того добра коня богатырскаго.
Скидывалъ съ себя платье каличіе,
Надѣвалъ опять платьица цвѣтныя;
Оба одѣлись, оба распростилися.
Говоритъ Ильюша таковы слова:
« Впредь ты такъ, Иванище, не дѣлай-ка,
« А выручай отъ бѣды-напасти,
« Не выдавай крещоныхъ поганымъ Татаровьямъ! »

(Отъ крестьянина Никифора Прохорова, деревни Бураковой).

*) Т. е. калика Иванище.

16.

О ССОРѢ ИЛЬЯ-МУРОМЦА СО КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(Тамъ же).

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко:
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
« Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
« Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
« Обирать-то маковки золоченыя! »
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
— Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка! —
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго казака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,

У нихъ крестамы побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны,—
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитиничь:
— Ай же, братецъ крестовый названый,
— Старый казакъ Илья Муромецъ!
— У насъ кладена заповѣдь великая,
— У насъ подписи были подписаны,—
— Слухать большему брату меньшаго,
— А меньшему брату большаго,
— А дружка за дружку обѣмъ стоять.—
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
« Ай же, братецъ крестовый названый,
« Молодой Добрынюшка Никитиничь!
« Кабы не ты, ни кого бы не послухалъ,
« Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
« А нельзя законъ переступить. »

Тутъ оны сокручилися *),
Тутъ оны снаряжалися,
Пришли тутъ ко князю ко Владиміру
Во тую во гридню во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшое,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большое,
Сажаютъ молодца въ больщо-уголъ,
Да несли оны чару зелена вина,
Другую радили къ ему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Зналъ кого послать меня позвать!
« Кабы не братецъ крестовый названый,
« Никого я не послухалъ бы.
« А было намѣреніе наряжено:
« Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
« А класть стрѣлочка каленая,

*) Вм. « сокрутилися », одѣлись.

« Стрѣлить во гридню во столовую,
« Убить тебя князя Владиміра
« Со стольною княгиной съ Опраксіей.
« А нонѣ тебя Богъ проститъ
« За этую за вину за великую! »

(Записано отъ того же).

19.

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ И ЕРМАКѢ ТИМОѲЕЕВИЧѢ.

(Тамъ же).

На наше на село на прекрасное,
На славенъ на Кіевъ градъ,
Наѣзжаетъ собака сударь Калинъ царь.
Собиралъ собака князей-бояръ,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей:
У каждаго царя, у царевича,
У каждаго короля, у королевича
Силы собрано по сорокъ тысячей.
Выбиралъ къ себѣ Татарина сильнаго,
Сильнаго Татарина, удалаго,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
« Ай же ты, слуга моя вѣрная!
« Поѣзжай ко городу ко Кіеву
« Со тыемъ письмомъ со ѐрлыкомъ,
« Ѣди [не прешпектомъ] не воротами,
« Поѣзжай стѣною городовою,
« Черезъ тыя башни наугольныя,
« Заѣзжай на княженецкіи дворъ,
« Станови коня середи широка двора,
« Ко тому столбу ко точеному,
« Привяжи къ кольцу ко золоченому;
« А поди скоро по перенымъ сѣнямъ,
« Заходи во гридню во столовую,
« Положи письмо на бѣлый столъ,

« Положи, пословесно выговаривай:
«« Ай же ты, Володиміръ стольно-Кіевскій!
«« Чисти во Кіевѣ улицы,
«« Расчисти ряды во Кіевѣ,
«« Курь-ка още зелено вино,
«« Жди мою силу великую;
«« Нашь-то сударь Калинъ царь
«« Хочетъ у васъ поженитися,
«« Отъ живаго мужа жену отлучить,
«« А стольную княгину Опраксію.»»
Скоро Татаринъ поворотъ держалъ,
Сѣдлалъ Татаринъ добра коня,
Ѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко стольному князю ко Владиміру;
[Не пришпектомъ] ѣхалъ не воротамы,
Ѣхалъ-то стѣною городовою,
Черезъ тыя башни наугольныя,
Заѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Становилъ коня середи широка двора,
Ко тому столбу ко точеному,
Привязалъ къ кольцу ко золоченому,
И скоро шелъ по перенымъ сѣнямъ,
Заходилъ во гридню во столовую,
Положилъ письмо на бѣлый столъ,
А самъ пословесно выговаривалъ:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Чисти во Кіевѣ улицы,
« Расчисти ряды во Кіевѣ,
« Курь-ка още зелено вино,
« Жди мою силу великую:
« Нашь-то сударь Калинъ царь
« Хочетъ у васъ поженитися,
« Отъ жива мужа жену отлучить,
« А стольную княгину Опраксію. »
Скоро Татаринъ поворотъ держалъ,
Скоро бѣжалъ на широкъ дворъ,
Садился Татаринъ на добра коня,
Ѣхалъ назадъ во раздольице чисто поле.

Тутъ князю не дойдетъ сидѣть:
Пришла-то бѣда неминучая;
Бѣжалъ онъ на выходы высокіе,
Закричалъ онъ во всю голову:
— Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
— Подьте ко князю ко Владиміру
— На тую на думу на великую.—
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
« Ай же вы, братьица крестовые,
« Крестовые братьица, названые,
« Молодой Потыкъ сынъ Ивановичь,
« Молодой Добрынюшка Никитиничь!
« Видно пришла князю тревогушка,
« Тревога, бѣда неминучая,
« Что тревожитъ насъ, могучіихъ богатырей.
« А подите-ка, братцы, отказывайтесь,
« Что не можемъ мы служить за Кіевъ градъ.»
Приходитъ Добрынюшка Никитиничь,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ онъ дверь на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Здравствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своею со княгиной со Опраксіей!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
— Какъ на наше на село на прекрасное,
— На славный на Кіевъ градъ,
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Добрынюшка Никитиничь:
« Ай же, князь стольно-Кіевскій!
« Мои бѣлы ручки примахалися,

« Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвыя ножки прискакалися,
« Мои ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
« За славенъ стольный Кіевъ градъ.»
Тутъ-то Добрыня поворотъ держалъ.
Идетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ онъ дверь на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгинею:
« Здравствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своей со княгиной со Опраксіей!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Какъ на наше село на прекрасное,
— На славенъ на Кіевъ градъ
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь:
« Ай же, князь стольно-Кіевскій!
« Мои бѣлы ручки примахалися,
« Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвыя ножки прискакалися,
« Ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
« За славенъ стольный Кіевъ градъ.»
Тутъ-то Михайла поворотъ держалъ.
Идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,

Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяетъ дверь онъ на пяту,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Здравствуешь, Владимiръ стольно-Кiевскiй
« Со своей со княгиной со Опраксiей!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Какъ на наше село на прекрасное,
— На славный на Кiевъ градъ
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксiю.—
Говоритъ Илыоша таковы слова:
« Ай же, князь стольно-Кiевскiй!
« Мои бѣлы ручки примахалися,
« Бьючись Татаровей поганыихъ;
« Мои рѣзвы ножки прискакалися,
« Мои ясны очи помутилися,
« Глядючись на Татаровей поганыихъ.
« Не могу больше служить-стоять
« За славенъ за стольный Кiевъ градъ.»
Тутъ-то Илыоша поворотъ держалъ.
Отперлись всѣ могучiе богатыри.
 Тутъ-то князю не дойдетъ сидѣть.
Пришла-то бѣда неминучая,
Бѣжалъ онъ на выходы высокiе,
Закричалъ онъ во всю голову:
— Ай же вы, русскiе могучiе богатыри!
— Подьте ко князю ко Владимiру
— На тую на думу на великую.—
Идетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевичь,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Ай же ты, мой любимый дяденька!
« А чего кричишь, тревожишься?»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, мой любимый племничекъ!
— Какъ на наше на село на прекрасное,
— На славный на Кіевъ градъ
— Наѣхалъ собака сударь Калинъ царь,
— Хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
— А стольную княгину Опраксію.—
Говоритъ Ермакъ Тимоѳеевичь:
« Ай же ты, любимый мой дяденька!
« Я могу служить-стоять за стольный Кіевъ градъ.
« А есть ли у тебя латы-кольчуга въ сорокъ пудъ,
« Есть ли палица мнѣ въ сорокъ пудъ,
« А есть ли мнѣ добрый конь
« Возить удалаго добра молодца?»
— Ахъ ты младъ Ермакъ Тимоѳеевичь!
— Ты дитя захвастливо, заносливо,
— Заносливо дитя, неразумное:
— Не служить, не стоять ти за Кіевъ градъ!—
« Ай же ты, мой любимый дяденька!
« Я могу служить-стоять за Кіевъ градъ,
« Только дай мнѣ латы-кольчугу въ сорокъ пудъ,
« Палицу дай сорокопудовую
« И дай мнѣ добра коня богатырскаго.»
— Ступай, Ермакъ, на конюшенку,
— Выбирай себѣ добра коня по люби;
— А латы-кольчуга на конюшнѣ есть,
— Палица есть тая богатырская.—

Тутъ бѣжалъ Ермакъ на конюшенку,
Выбиралъ себѣ добра коня по люби,
Выбиралъ себѣ палицу богатырскую,
Облатился молодецъ, окольчужился,
А латы-кольчуга призаржавѣли:
Бросилъ онъ латы о кирпиченъ полъ,
Слетѣла ржа отъ латъ-кольчуги;

Сѣдлалъ онъ своего добра коня
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
А ѣдетъ онъ по чисту полю:
На томъ раздольицѣ чистомъ полѣ
Собиралось тридцать богатырей безъ одного;
Сидятъ молодцы во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ бѣлополотняномъ,
Сидятъ молодцы, забавляются,
Играютъ въ шашки-шахматы,
Во тыи велеи *) золоченыя;
Спитъ Илья Муромецъ на кровати—рыбій зубъ,
Подъ тымъ одѣяльцемъ соболинымъ.
Закричалъ Ермакъ во всю голову:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Спишь молодецъ, прохлаждаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
« На наше село на прекрасное,
« На славенъ на Кіевъ градъ
« Наѣхалъ собака сударь Калинъ царь.»
Говоритъ Ильюша таковы слова:
— Ахъ ты младъ Ермакъ Тимоѳеевичь!
— А поди ты на гору на высокую,
— На тое на шеломя оскатное,
— Смотри во трубочку подзорную
— На эту на силу на Татарскую:
— Многимъ ли намъ молодцамъ ѣхати,
— А двумъ ли, тремъ ли молодцамъ ѣхати,
— Али всѣмъ русскіимъ богатырямъ?—
Скоро Ермакъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на гору на высокую,
На тое на шеломя оскатное,
Смотрѣлъ во трубочку подзорную
На эту на силу на Татарскую:
Нагнано тутъ силы Татарскія,
Что мать сыра земля колыблется,
Колыблется земля, погибается;

*) Тавлеи, вальящатыя.—*Изд.*

Ни гдѣ силы край есть,
Померкло солнышко красное
Отъ того отъ пару отъ Татарскаго.
Разгорѣлось сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое,—
Приправливалъ онъ своего добра коня
Во этую во силу во Татарскую,
Заѣхалъ молодецъ во середочку,
Началъ онъ силушку охаживать:
Куды махнетъ палицей, туды улица,
Перемахнетъ,—переулочекъ.
День онъ бьется не ѣдаючись
И добру коню отдоху не даваючись;
И другой день бьется и другую ночь;
По третій день бьется и по третью ночь.
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Ото сну богатырь пробуждается,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
« Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимоѳеевичь
« Со тоя горы со высокія,
« Со того со шеломя со оскатнаго?»
— Не пріѣзжалъ, де, Ермакъ Тимоѳеевичь.—
« Ахъ вы дурни, русскіе богатыри!
« Погубили вы головку наилучшую:
« Бьется тамъ Ермакъ—пересядется!
« Скоро сѣдлайте добрыхъ коней,
« Всѣ поѣдемъ-те туда, молодцы!»
Начали они сѣдлать добрыхъ коней:
Стала мать сыра земля продрагивать;
Поѣзжали ко силы ко Татарскія.
Какъ пріѣхали ко силы ко Татарскія,
Не видятъ, куды силы краи есть,
Не видятъ Ермака Тимоѳеевича.
Говорилъ Ильюша таковы слова:
« Ай же вы, русскіе могучіи богатыри!
« Йдьте *), братцы, по крайчикамъ,

*) Поѣзжайте.

« А я поѣду по середочкѣ
« Искать млада Ермака Тимоѳеева.»
Поѣхали богатыри по крайчикамъ,
А Илья поѣхалъ по середочкѣ
Искать млада Ермака Тимоѳеевича.
Не ясенъ-то соколъ по небу разлетываетъ,
Младъ Ермакъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ
По тыя по силы по Татарскія;
Куды махнетъ палицей, туды улица,
Перемахнетъ,—переулочекъ.
Наѣзжалъ Илья изъ далеча изъ чиста поля,
Выскочилъ онъ со добра коня,
Скочилъ ему на добра коня,
Захватилъ его за могучи плечи,
Закричалъ во всю голову:
« Ахъ ты младъ Ермакъ Тимоѳеевичь!
« Укроти свое сердце богатырское,
« А мы нонь за тебя поработаемъ:
« Ты бьешься Ермакъ—самъ пересядешься! »
Тутъ Ермакъ Тимоѳеевичь
Укротилъ свое сердце богатырское.
Прибили они всю силу въ три часа,
Ни оставили Татарина ни одного.
А собака сударь Калинъ царь,
На чистомъ полѣ во бѣломъ шатрѣ
Спитъ онъ на кроваткѣ—рыбій зубъ,
Подъ тымъ одѣяльцемъ соболинымъ;
Спитъ онъ, молодецъ, прохлаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Какъ изъ дàлеча далѐча изъ чиста поля
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ,
Хватилъ Калина за желты кудри,
Выдернулъ съ кровати—рыбій зубъ,
Бросилъ его о сыру землю;
Выдернулъ съ кармана плеть шелковую,
Началъ его, собаку, чествовать,
А бьетъ онъ, самъ выговариваетъ:
« Каково, собака, здѣ женитися,

« Отъ живаго мужа жена отлучить?»
Тугъ клянетъ собака, проклинается:
«« Будь трое проклятъ на вѣку тоемъ,
«« Кто станетъ во городѣ женитися,
«« Отъ живаго мужа жена отлучать.»»
Тутъ Илья взялъ—сломалъ ему бѣлы руки,
Еще сломалъ собакѣ рѣзвы ноги,
Другому Татарину онъ сильному
Ломалъ ему бѣлы руки,
Выкопалъ ему ясны очи,
Привязалъ собаку за плеча Татарину,
Привязалъ его, самъ выговаривалъ:
« На-тко, Татаринъ, неси домой,
« А ты, собака, дорогу показывай.»

(Записано отъ того же).

20.

ТОЖЕ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Отсылалъ Татаринъ Ту̀рицъ на святую Русь,
Отсылалъ онъ Ту̀рицъ и наказывалъ:
« Поѣзжайте-ка, Ту̀рицы, на святую Русь,
« И ко славному ко городу ко Кіеву,
« Что ни будь вы тамъ да попровѣдайте,
« Что дѣется на матушкѣ святой Руси. »
И съѣхались Турицы на святую Русь,
И пріѣхали Турицы въ стольно-Кіевъ-градъ:
Хоть отдали-то Турицы поганые
Посмотрѣли на князя на Владиміра,
И пріѣхали къ Татарину поганому.
Сталъ Татаринъ у нихъ спрашивать:
« Гдѣ же вы, мои Турицы, были-по̀былп,
« Что же вы, мои Турицы, видѣли? »
Говорятъ ему Турицы таковы слова:
— То мы побыли на матушкѣ святой Руси,

— Во славноемъ во городѣ во Кіевѣ,
— То мы видѣли во городѣ во Кіевѣ,
— Какъ со матушки съ Божьей церквы
— Шла дѣвица душа красная,
— На рукахъ книгу несла во-евангелье,
— Причитаючись она да слезно плакала.—
Говорилъ Татаринъ таковы слова:
« Ай вы глупые Турицы, неразумные!
« Не дѣвица тутъ шла душа красная,
« А тутъ шла мать пресвятая Богородица,
« На рукахъ книгу несла во-евангелье:
« Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
« Ту она и слезно плакала. »

Снаряжается царь Калинъ со своею силушкой великою,
Посылаетъ онъ посла въ стольно-Кіевъ-градъ,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру:
Посылалъ посла, ему наказывалъ:
« Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-Кіевъ-градъ
« Ко ласкову князю ко Владиміру на широкій дворъ,
« И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,
« Самъ поди въ палату бѣлокаменну,
« Креста не клади по писаному,
« Поклоновъ не веди по ученому
« И не бей челомъ на всѣ стороны,
« Ни самому-то князю Владиміру,
« Ни его князьямъ подколѣннымъ *),
« И полагай-то ты грамоту посыльную на золотъ стулъ,
« И пословесно князю выговаривай:
«« Очистилъ бы онъ улицы стрѣлецкія
«« И всѣ большіе дворы княженецкіе,
«« Чтобы было гдѣ стоять царю Калину
«« Со своею силушкой великою. »»
Пріѣзжалъ посолъ въ стольно-Кіевъ градъ,

*) *Колѣно* значитъ старшій въ семьѣ; слѣдовательно *подколѣнные князья* = младшіе, удѣльные князья.

Ко князю Владиміру на широкій дворъ,
Спущаетъ коня на посыльный дворъ,
Самъ идетъ въ палату бѣлокаменну;
На пяту онъ дверь поразмахивалъ,
Креста онъ не клалъ по писаному
И не велъ поклоновъ по ученому,
Ни самому-то князю Владиміру
И ни его князьямъ подколѣннымъ,
Полагалъ онъ грамоту посыльную на золотъ стулъ,
И пословечно онъ, собака, выговаривалъ:
« Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Пріочисти-тко улицы стрѣлецкія
« И всѣ дворы княженецкіе,
« Чтобы было гдѣ жить царю Калину
« Со своею силушкой великою. »
Поскорешенько посолъ поворотъ держалъ,
Садился онъ скорехонько на добра коня
И онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
А Владиміръ князь въ палатахъ княженецкіихъ
Онъ сидитъ, да пріужахнулся;
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Какъ на почестный пиръ-пированьице
— Съѣзжаются многіе русскіе могучіе богатыри
— Ко славному ко князю ко Владиміру;
— Какъ теперь вѣдаютъ на Кіевѣ незгодушку,
— Такъ не ѣдутъ оны ко князю ко Владиміру,
— Сидятъ въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— Во комнатахъ во богатырскіихъ!—
На пяту тутъ двери растворилися,
Приходитъ молодецъ въ палату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Самъ онъ пословечно выговариватъ:
« Ласковый Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Посланъ я изъ заставы Московскоей:

« У русскихъ у могучіихъ богатырей
« Есть подогнано Литвы много поганыя
« Ко славному ко городу ко Кіеву,
« Такъ ты накладывай первы мисы чиста серебра,
« Другія мисы красна золота,
« Третьи мисы скатна жемчуга,
« Отошли-тко эты мисы во чисто поле
« Ко тому Татарину поганому,
« Чтобы далъ намъ поры-времени на три мѣсяца
« Очистить улицы стрѣлецкія
« И всѣ великіе дворы княженецкіе.»
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Шелъ скорешенько на погреба глубокіе,
Накладывалъ первы мисы чиста серебра,
А другія мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга;
И повезъ тихій Дунаюшка Ивановичь
Эты мисы ко Татарину поганому.
Далъ-то имъ Татаринъ поры-времени,
Поры-времени далъ на три мѣсяца
Пріочистить улицы стрѣлецкія
И всѣ великіе дворы княженецкіе.
Въ тую порушку въ то времячко
Ко славному ко князю ко Владиміру
Приходитъ ощѐ молодецъ въ палату бѣлокаменну,
На пяту онъ двери поразмахиватъ,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Самъ онъ пословечно выговариватъ:
« Дядюшка Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице
« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго.»
Говорилъ ему Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, любимый мой племничекъ,

— Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь!
— Не дамъ тобѣ прощеньица-благословленьица
— Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
— Поотвѣдать силушки поганаго:
— Ты, Ермакъ, младешенекъ,
— Младешенекъ, Ермакъ, глупешенекъ,
— Молодой Ермакъ, ты, лѣтъ двѣнадцати,
— На добромъ конѣ-то ты не ѣзживалъ,
— Въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживалъ,
— Да и палицы въ рукахъ не держивалъ;
— Ты не знаешь спонаровки богатырскія:
— Тобя побьетъ Литва поганая;
— И не будетъ-то у насъ богатыря,
— То намъ не на кого будетъ понадѣяться.—
Говоритъ Ермакъ, покланяется:
« Ай же ты, дядюшка мой рôдныій,
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Когда не дашь мнѣ прощеньица-благословленьица
« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Поотвѣдать силушки поганаго,
« Такъ дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице
« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Посмотрѣть столько на силушку поганую.»
Далъ ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣть на силушку поганую.
Шелъ онъ во свою палату бѣлокаменну,
Одѣвалъ-то онъ одежицу забранную;
И шелъ онъ Ермакъ на широкій дворъ,
Сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
Засѣдлывалъ коня, улаживалъ,
Покладалъ онъ потничекъ шелковенькій,
Полагалъ на потничекъ сѣделышко Черкасское,
Подтянулъ подпружики шелковыя,
Полагалъ стремяночки желѣза булатняго,
Пряжечки полагалъ чиста золота,
Не для красы, Ермакъ, для угожества,
А для-ради укрѣпы богатырскія:

Подпруги шелковыя тянутся,—они нѐ рвутся,
Стремяночки желѣза булатняго гнутся,—они не ломятся,
Пряжечки красна золота они мокнутъ,—не ржавѣютъ.
Садился Ермакъ на добра коня,
Беретъ съ собой палицу булатнюю,
Беретъ вострое копье онъ Муржамецкое;
Онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганаго:
Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадиныимъ и человѣческимъ;
Вёшніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Меженныимъ *) долгіимъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обграяти **),
Осенніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрой птицы вòкругъ не òблетѣть.
Посмотрѣлъ Ермакъ на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужахнулось.
Онъ зоветъ собѣ Бога нà помочь,
Въѣхалъ-то онъ въ силушку великую,
Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
Конемъ топтать, копьемъ колоть.
Бьетъ онъ эту силушку, какъ траву коситъ,
И бился цѣлыя суточки
Не ѣдаючись и не пиваючись,
И добру коню отдỳху не даваючись;
А въ немъ силушка велика не умѐньшилась
И въ немъ сердце богатырско не ужàхнулось;
Въ двадцать четыре часика положеныихъ
Побилъ онъ эту силушку великую:
Этой силы стало въ полѣ мало ставиться.
На той Московской на заставы,
На славной на Скатъ-горы на высокія,

*) *Межень*—жаркая лѣтняя пора.

**) *Граять*—каркать.

Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
Говорилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые,
« Славные богàтыри святорусскіе!
« Мы стоимъ на славной Московской на заставы,
« Думаемъ мы думушку великую,
« Какъ намъ приступить къ эвтой силушкѣ поганаго;
« А молодой Ермакъ Тимоѳеевичь
« Бьется онъ цѣлыя суточки
« Не ѣдаючись и не пиваючись,
« И добру коню отдуху не даваючись.
« Поѣзжай-ка ты, Алешенька Поповичь, во чисто поле,
« Наложи-тко храпы крѣпкіе
« На него на плечики могучія,
« Окрѣпи-тко его силушку великую,
« Говори-тко ты ему таковы слова:
«« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
«« Оставь-ка намъ пообѣдати.»»
Выѣхалъ Алеша Поповичь въ чисто поле
Ко славному богàтырю святорусскому,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія:
Онъ первые храпы пòдборвалъ;
Налагалъ Алешенька Поповичь храпы другіе:
Онъ другіе храпы пòдборвалъ;
Налагалъ Алеша храпы третьіи:
Онъ и третьіи храпы пооборвалъ.
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
Говорилъ Алеша таковы слова:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Хоть-то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— То я не могъ пріунять богатыря святорусскаго
— И не могъ укротить его силушки великія:
— Онъ трои храпы мои пооборвалъ.—
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
« Поѣзжай-ка ты, Добрынюшка Микитинецъ,
« Поскорешенько въ раздольице чисто поле,

« Наложи-тко храпы крѣпкіе
« На него на плечики могучія,
« Окрѣпи-тко его силушку великую,
« Говори-тко ему таковы слова:
«« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
«« Оставь-ка намъ пообѣдати.»»
Выѣзжалъ Добрыня во чисто̀ поле
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія:
Онъ первые храпы пооборвалъ:
Налагалъ Добрыня храпы другіе:
Онъ другіе храпы пооборвалъ;
И налагалъ Добрыня храпы третьи:
Онъ и третьи храпы пооборвалъ.
Поскорешенько Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
Говорилъ Добрыня таковы слова:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Хоть то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— То не могъ я пріунять богатыря святорусскаго
— И не могъ укротить его силушки великія:
— Онъ трои храпы мои пооборвалъ.—
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Самъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ ѣхалъ скоро на скоро въ раздольице чисто поле,
Подъѣхалъ къ богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
Прижималъ его къ свому ретивому сердечушку,
Говорилъ ему онъ таковы слова:
« Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичь!
« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
« Оставь-ка намъ пообѣдати,
« Прикроти-тки свою силушку великую.»
Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,
Со этыихъ побоевъ со великіихъ,
Со этыихъ съ ударовъ со тяжелыихъ,

Кровь-то въ немъ была очень мла̀дая,
Тутъ молодой Ермакъ онъ преставился.
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
Бралъ свою дружинушку хоробрую,
Двѣнадцать богатырей безъ единаго,
Самъ-то Илья во двѣнадцатыхъ.
Поѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ:
Отъ нихъ Литва поганая въ побѣгъ пошла.
Тутъ они скрятали *) Татарина поганаго.
Этотъ-то Татаринъ поганый
Даваетъ имъ заповѣдь великую
И пишетъ съ ними заповѣдь онъ крѣпкую:
Будетъ платить дани-выходы
Князю Владиміру исконъ до вѣку.

(Отъ Рябинина; см. выше).

21.

ТОЖЕ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы).

Ай же ты, собака, злодѣй, Калинъ царь!
Думаетъ думушку не добрую,
Совѣтуетъ совѣты не хорошіе,—
И хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя у Владиміра,
Молоду Опраксу королевичну.
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ королей:
У всякого у царя по сорока тысячей и по тысячѣ,
У всякого у короля по триста и по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошелъ,
И будетъ на томъ полѣ на Куликовѣ.
И разставилъ ёнъ силу по чисту полю,
И самъ сходилъ собака со добра коня,
И писалъ ярлыки скорописчаты,

*) *Скрутили, захватили въ полонъ*, по объясненію пѣвца.

Не черпиламы писалъ, краснымъ золотомъ;
И проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И по другой день проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И по третій день проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И все выбираетъ Татарина самолучшаго,
Выбиралъ Татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
Говорилъ Татарину, наказывалъ:
« Поѣдешь ты, Татаринъ, ко городу ко Кіеву,
« Не въѣзжай въ ворота бѣлодубовы,
« А скачи черезъ стѣну городовую,
« Пріѣзжай къ крылечку ко перёному *),
« Не привязывай коня и не приказывай,
« Бѣжи скорѣй въ палаты княженецкія,
« Отворяй двери все на́ пяту,
« Отворяй двери, не за́пирай,
« И поди въ палату не съ упадкою,
« Отдавай ярлыки князю Владиміру,
« И самъ изъ словъ выговаривай:
«« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Очистилъ бы палату княженецкую
«« Стоять самому царю Калину,
«« Очистилъ бы подворья богатырскія
«« Стоять силы Татарскія. »
« И самъ скоро поворотъ держи,
« И бѣжи скорѣе на широкій дворъ,
« И садись скорѣй на добра коня.
« Поѣзжай въ ворота бѣлодубовы. »
Поѣхалъ Татаринъ ко городу ко Кіеву,
Сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Князь Владиміръ порасплакался,
Собираетъ могучіихъ богатырей,
И могучіимъ богатырямъ раскланялся:

*) Крылечко *перёное* отъ *перёнъ* или *перилъ*.

— Ай же вы, могучіе богатыри!
— Какъ же намъ съ непріятелемъ поправиться?—
А могучіи богатыри всѣ отвѣтъ держатъ:
« Князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Думаемъ мы съ непріятелемъ поправиться. »
Быстъ князь веселъ и радосенъ.
Скоро всѣ изъ города изъ Кіева повыѣдутъ.—
Былъ у его любимый племничекъ,
Младый Ермакъ Тимоѳеевичь,—
И приходитъ къ дядюшкѣ, ко князю Владиміру,
И бьетъ челомъ, покланяется:
« Дядюшка ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай ты мнѣ-ка-ва прощеньице-благословленьице,
« Изъ города изъ Кіева повыѣхать! »
Проговоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Любимый мой племничекъ,
— Младый ты Ермакъ Тимоѳеевичь!
— Ты младешенекъ-глупешенекъ,
— Отъ роду тебѣ вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— Устрашишься ты, ужахнешься
— Силы-войска Татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица-благословленьица
— Изъ города изъ Кіева повыѣхать.—
Испроговоритъ Младый Ермакъ Тимоѳеевичь:
« Дядюшка Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Хоть ты дашь прощеньице, я повыѣду,
« И не дашь прощеньица, я повыѣду. »

И скоро бѣжитъ онъ во конюшенъ дворъ,
И беретъ себѣ коня добраго,
Лучшаго коня и самолучшаго,
И скоро сѣдлаетъ, и уздаетъ коня добраго,
И скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
И скоро будетъ на томъ полѣ на Елескины,
И у того у сыра дуба у Невида,
И у того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи богатыри,
И скоро сходилъ съ добра коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:

И въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
На томъ шатрѣ было три примѣточки,
Примѣточки были замѣчёныя,
Три кисточки золоченыя;
И на Добрыни Никитиномъ на томъ шатрѣ
Было двѣ кисточки шелко́выя;
А на Алеши Поповичевомъ на томъ шатрѣ
Была кисточка едина шелко́вая.
Пошелъ ёнъ въ бѣло́й шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣло́й шатеръ,
И бьетъ челомъ, покланяется
Всѣмъ могучіимъ богатырямъ:
« Ай же вы, могучіи богатыри!
« Ѣдите вы, пьете, утѣшаетесь,
« Играете во шашки во шахматы,
« Остался князь Владиміръ кручиноватъ,
« Кручиноватъ князь, печаловатъ. »
Говорятъ могучіи бога́тыри:
— Ай же ты, младой Ермакъ Тимоѳеевичь!
— Пойди-ка ты на сырой дубъ на Невидъ,
— Погляди ты на силу-войско Татарское.—
И онъ скоро бѣжитъ на сырой дубъ,
И поглядитъ на силу-войко Татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добра коня,
И поѣхалъ въ силу-войско Татарское.

А прошло времени не малое,
Схватились какъ могучіи богатыри:
— Ай же вы, бога́тыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба,
— Видно, устрашился онъ силы-войска Татарскаго!—
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Подитко, Алешенька сынъ Ивановичь,
— Погляди со сыра дуба на войско Татарское.—
Поглядѣлъ Алешенька Поповичь сынъ Ивановичь:
Ажно ѣздитъ по силу по Татарскую
Младый Ермакъ Тимоѳеевичь;

Куды ѣздитъ, туды улица,
А повернетъ, переулкамы.
Какъ пришелъ Алешенька Поповичь сынъ Ивановичь,
Говоритъ имъ таковы слова:
« Ай же братцы, могучіи богатыри!
« А ѣздитъ Ермакъ по силу по Татарскую,
« Куды ѣздитъ, туды улица,
« А повернетъ, переулкамы. »
Посылаютъ Добрынюшку Никитинича:
— Поди, Добрынюшка Никитиничь,
— Ласковыма словамы его уговаривай
— И удерживай баграмы желѣзныма.—
И скоро Добрынюшка Никитиничь
Поѣхалъ въ силу-войско Татарское,
И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
« Укроти свое сердце богатырское,
« Младый Ермакъ Тимоѳеевичь!
« Ты младешенекъ, глупешенекъ,
« Сорвешься ты, надорвешься. »
Младый Ермакъ Тимоѳеевичь
Добрынюшку съ конемъ повезъ....

(Со словъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова).

Пѣвецъ могъ припомнить далѣе только слова: « Добрынюшка Никитичь поправился »; не могъ пересказать и конца, а помнилъ только, что Ермака укротили. Въ другихъ разнорѣчіяхъ этой былины бой оканчивается смертію Ермака отъ истощенія силъ: онъ надорвался; но вотъ конецъ другаго разнорѣчія, гдѣ разсказывается про смерть Ильи Муромца; начало же сходно, только моложе по языку и подробностямъ:

22.

ТОЖЕ.

(Кижской волости, деревни Боярщины).

Какъ съѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этымъ ко Татарамъ ко поганыимъ,
Битися и ратися,
Тутъ высталъ старый казакъ Илья Муромецъ

Во этотъ во широкій дубъ,
Посмотрѣлъ-то на этое на поле на чистое,
Во этую трубку во подзорную,
На этыихъ Татаръ на поганыихъ:
А младой Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна колыбается,
Такъ рубитъ онъ Татаръ поганыихъ.
И проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же вы, русскіе могучіе богатыри!
« Есть у Калина, у Татарина поганаго
« Нагнано силы великія:
« Сѣрому волку въ день не оскакать
« И черному ворону въ день не облетѣть. »
Оны поѣхали всѣ русскіе могучіе богатыри
На этое на поле на чистое,
Рубить-то Татаръ поганыихъ,
И прирубили всѣхъ Татаръ поганыихъ.

И подумаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Если бы была вся сила небесная,
« Прирубили бы и всю силу небесную! »
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
Разрубятъ Татарина единаго,—
Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ Татарина два,
Сдѣлается четыре Татарина;
Умножилося силы-войска поганаго
Во этоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:
И закаменѣвши конь его богатырскій
На этоемъ полѣ на чистоемъ *).

(Со словъ Щеголенкова).

*

*) Въ Исторіи Р. Словесности С. П. Шевыревъ приводитъ такое же разнорѣчіе.— Изд.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

23.

ДОБРЫНЯ КУПАЕТСЯ И БЬЕТСЯ СО ЗМѢЕМЪ.

(Петрозав. уѣздъ, Сѣнногубская волость, деревни Логмасы).

Расплакался Добрынюшка Никитиничь
Предъ государынею своею матушкою:
« Государыня моя матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
« Несчастнаго и неталаннаго?
« Спородила бы ты меня, матушка,
« Счасками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра,
« Силою бы спородила въ стараго казака Илью Муромца,
« Смѣлостью въ смѣлаго Алешу во Поповича!»
Отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна:
— Чадо ты мое милое,
— Чаделко ты мое любимое!
— Я рада бы тебя спородити
— Счасками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра;
— А то знаю, что есть силы
— Супротивъ стараго казака Ильи Муромца,
— А смѣлости есть супротивъ Алеши Поповича;
— А ты вѣдь, Добрынюшка, во послахъ бывалъ,
— Ты, Добрынюшка, говорить гораздъ,
— Ты, Добрыня, разговаривать.—
Говоритъ Добрынюшка Никитиничь:
« Посылаютъ меня, матушка, въ землю Сарочинскую,
« Во тую землю, на Пучай рѣку,
« Выручать-то княженецкую племянницу.»

Скоро будетъ Добрынюшка на Пучай рѣки,
И хочетъ ёнъ купатися во Пучай рѣки нагимъ тѣломъ.
На той рѣки дѣвицы платье мыли, бѣлили,
Говорятъ дѣвицы портомойницы:
— Ай же, Добрынюшка Никитиничь!
— У насъ не куплятся во Пучай рѣки нагимъ тѣломъ.
— У насъ куплятся во Пучай рѣки во рубашечки.—
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничь:
«Ай же вы, дѣвицы красавицы,
«Портомойницы, бѣломойницы!
«Самы вы спали, а себѣ сонъ видѣли!»
Скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И куплится во Пучай рѣки нагимъ тѣломъ:
И поплылъ ёнъ первую струю быструю,
И другую струечку быструю.
У него былъ взятъ малый паробкя,
Закричалъ же паробкя громкимъ голосомъ:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
— Изподъ западнія сторонушки шумъ великъ!—
И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,
И выходитъ ёнъ на крутой красной бережокъ,
И одѣвалъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку;
Скоро Добрыня облатился, обкольчужился,
И хваталъ палицу булатнюю.
И налетѣла змѣя лютая Горынцята:
Бьетъ ёнъ змѣю палицей булатноей
По нея змѣинымъ пò хоботамъ;
И змѣя ему смолилася:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
— Отдамъ я вашу королевичну *)....—

(Записано отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова).

*) Далѣе пѣвецъ не могъ припомнить, а между тѣмъ этотъ отрывокъ весьма древенъ, и по складу рѣчи, и по вставочнымъ подробностямъ, и по самому замыслу.

24.

ТОЖЕ; ДОБРЫНЯ ЖЕНИТСЯ.

(Олонецкой губерніи).

Добрынюшки матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ змиенышей,
«Выручать-то полоновъ русскіихъ.
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Пучай-рѣка есть свирипая:
«Середня струйка какъ огонь сичетъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сидѣлышко Черкасское,
Потнички клалъ на потнички *),
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ Черкасское сидѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двинадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ **).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпенки ***) у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавиетъ,
Молодецъ на кони сидитъ—не стариетъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,

*) Подстилки подъ сѣдло, чтобъ не тереть лошади.—*Изд.*

**) Не вырютилъ, не выбросилъ.—*Изд.*

***) *Шпеньки*, отъ *шпенекъ*: пряжечныя шпильки.—*Изд.*

Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося *),
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
« Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
«« Что не изди далече во чисто поле,
«« На тую гору Сорочинскую,
«« Не топчи-ко младыихъ змиенышей,
«« Не выручай полоновъ русскіихъ,
«« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки,
«« Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«« Середня струйка какъ огонь сичетъ.»
« А Пучай рѣка есть кротка, смирна:
« Она будто лужа дожжевая.»
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище,
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и на Русь возьму **),
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:

*) Почувствовало жажду.—*Изд.*

**) Снесу?—*Изд.*

Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на земли пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой *),
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Махнулъ во змию во проклятую,
Ошибъ змиѣ двинадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змия во ковыль траву.
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змиинины груди бѣлыя,
А змия Добрынѣ ему взмолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичь!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ.
— А тебѣ не издить далече во чисто поле,
— Не топтать ти младыихъ змиенышей,
— Не выручать полоновъ русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Тая змия она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку,
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Припадала змия ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій

*) У Добрыни былъ «колпакъ земли Греческой», *πέτασος*, т. е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой куль: Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ «насыпанъ земли греческой.» — *Изд.*

По три дня онъ билицъ-волшебницъ *) скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ доклякатися,
Кто бы могъ съѣздить далече во чисто поле.
Говоритъ Алешенька Леонтьевичъ **):
« Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Накинь-ко эту службу великую
« На того Добрыню на Никитича:
« У того Добрыни у Никитича
« Со змией вѣдь заповѣдь положена;
« Онъ достанетъ намъ Забаву ***) Путятичну
« Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.»
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
— Что же ты, Добрынюшка Никитичь,
— Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
— Знать, мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя пріобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитичь:
« Что мѣсто мнѣ было по чину,
« Чарой на пиру меня не обнесли,
« И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
« А накинулъ службу, де, великую
« Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздить далече во чисто поле,
« Сходить на тую гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну.»
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оное мудрое,

*) *Бальницъ, балицъ*, чародѣекъ? Или *былицъ*, корепьщицъ?—*Изд.*
**) Алеша Поповичъ.—*Изд.*
***) Запаву, собств. имя.—*Изд.*

— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсидлалъ онъ дѣдушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньицѣ плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую,
— И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единаго.—

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
На тыя горы Сарачинскія,
Потопталъ онъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же младые змиенышы
Подточили у бурка они щеточки *),
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ отряхивать.
Онъ бралъ, де, плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между заднія:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змия тутъ проклятая
Изъ тыя изъ норы изъ глубокія,
Говорила змия ему проклятая:
— Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничь!

*) Мѣсто надъ копытомъ. — *Изд.*

— Ты за чѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
— Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
« Ай же ты, змия да проклятая!
« Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
« За чѣмъ взяла князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну?
« Отдай ее безъ драки-кровопролитія!»
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдамъ я князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.—
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией онъ трои сутки,
Онъ убилъ змию-то проклятую,
Спустился во нору во глубокую,
Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячь.
Говоритъ онъ князевой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« За тебя я этакъ странствую!
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру;
« А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная!»
Повезъ онъ князеву племянницу,
По той-то пути по дороженьки;
Увидалъ онъ бродъ лошединый,
По колѣну у ней въ землю угрязнуто *).
Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
Вручилъ ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву дочь Путятичну,
Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,
Къ ласкову князю ко Владиміру.

Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошединымъ.

*) *Лошадиный бродъ* — слѣдъ; онъ былъ глубокъ — по колѣно вдавленная грязь.— *Изд.*

Догналъ паленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ *),
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двинадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову,—
Паленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ!—
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки;

*) На драни. — *Изд.*

Испровѣщется какъ ей добрый конь:
« Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
« А сила у богатыря супротивъ тебя *).»
Говорила Настасья дочь Никулична:
— Ежели богатырь онъ старой,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младой,
— Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за богатыря за мужь пойду.—
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика:
Добрыня ей тутъ понравился.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Тутъ за три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

—

25.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ; АЛЕША ПОПОВИЧЬ.

(Тамъ же).

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь
Своей государынѣ родной матушкѣ:
« Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
« Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
« Спородила бы, государыни родна матушка,
« Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,

*) Конь у богатыря ровня мнѣ, а самъ богатырь ровня мнѣ силою.—*Изд.*

« Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
« Спустила бы меня во сине море:
« Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
« Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
« Я не убивалъ Добрыня неповинныихъ душъ,
« Не пролилъ бы крови я напрасныя,
« Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
« Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
« Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ.»
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою [*])
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
— Сколько тыя статьи есть [**]), а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—

Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья [***]),
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:

[*]) Мелкою, щегольскою.—*Изд.*

[**]) Сколько есть въ тебѣ статьи (качества) — вѣжливости, тѣмъ и будь доволенъ.—*Изд.*

[***]) Супруга.—*Изд.*

— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Когда у меня ты стала спрашивать,
« Тогда я стану тебѣ сказывать:
« Сожидай Добрынюшку по три году:
« Если въ три году не буду, жди друго три;
« А какъ сполнится времени шесть годовъ,
« Да не буду я домой изъ чиста поля,
« Поминай меня Добрынюшку убитаго,
« А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
« Хоть вдовой живи, хоть за мужь поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
« А хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А только не ходи за моего брата за названнаго,
« За смѣлаго за Алешу за Поповича.»
Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору въ то время
Пріизжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыни родна его матушка
Желешенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое
По своемъ рожономъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.

Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой вѣкъ свой коротати?
« Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
« Хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;
— Такъ сполнится времени двинадцать лѣть,
— Да успѣю я и въ ту пору за мужь пойти.—

Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой свой вѣкъ коротати?
« Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
« А хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Не пошла за мужь ни за князя, ни за боярина,
Ни за рускаго могучаго богатыря,
А пошла за мужь за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается:

« Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
« За чѣмъ сегодня потыкаешься?»
Испровѣщется ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не видаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична за мужь пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичь,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ черезъ стѣну городовую
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
« Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!»
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
«« Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
«« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ

«« Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
«« Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
«« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«« Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ. »»
Испроговоритъ имъ честна вдова:
— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
— Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
— Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные *).—
Говоритъ Добрыня сын Никитичь:
« Не напрасно ли вы согрѣшаете?
« А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
« Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
« А я поѣхалъ ко Кіеву.
« Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
« Спросить про него милу семью,
« Про молоду Настасью Никуличну:
« Гдѣ же есть она Настасья Никулична? »
— Добрынина родима семья за мужь пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ **) кустъ.
— Я жалешенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Наказывалъ братецъ мнѣ названый:

*) Невѣжливые.—*Изд.*

**) Ракитовъ.—*Изд.*

« Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
« Ты возьми мое платье скоморошское,
« И гуселки возьми мои яровчеты *),
« Въ новой горенки всѣ на столики. »
Принесли они **) платье скоморошское
И гуселки ему яровчеты.
Накрутился ***) молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ:
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
« Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своей княгиной со Апраксіей! »
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
«« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
«« Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
«« И теперечa идетъ скоморошиной:
«« Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
«« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«« Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
«« Скоро проходилъ въ палаты княженецкія. »»
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты за чѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

*) Изъ явора, яворчатые.—*Изд.*

**) Принесла она?—*Изд.*

***) Одѣлся (собств. накутался).—*Изд.*

— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется *):
« Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское? »
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой,
— На муравленой печки—на запечки.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учелъ по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ все въ Кіевѣ **),
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
«« Что не быть это удалой скоморошины,
«« А кому ни надо быть русскому,
«« Быть удалому доброму молодцу! »»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки изъ запечки,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Перво мѣсто сядь подли меня,
— Друго мѣсто супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—

*) Не обращаетъ на рѣчи вниманія и не вслушивается.—*Изд*

**) Пѣвецъ нѣсколько осмыслилъ по своему. По сравненію съ другими былинами видимъ: Добрыня *съигрышь*, напѣвъ, голосъ игралъ Царе-градскій, а *наигрышь*, содержаніе, бралъ въ Кіевѣ.—*Изд*.

Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамиечку
Супротивъ княжны порученыя *).
Говоритъ удала скоморошина:
« Что солнышко Владимiръ стольно-Кiевскiй!
« Бласлови мни налить чару зелена вина,
« Поднесть эту чару кому я знаю,
« Кому я знаю, еще пожалую. »
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Прими сiе чару единой рукой,
« Да выпей-ка чару единымъ духомъ:
« Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
« А не пьешь до дна, не видаешь добра. »
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владимiръ стольно-Кiевскiй!
— Не тотъ мой мужь, который подли меня,
— А тотъ мой мужь, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужь на скамеечки,
— Подноситъ мни чару зелена вина.—
Сама выскочитъ **) изъ за стола изъ за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичь,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку за мужь пошла.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:

*) Обрученной.—*Изд.*

**) Въ подлинникѣ, съ котораго печатано, *выскотъ.*—*Изд.*

« Что не дивую я разуму-то женскому,
« Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
« Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
« Ихъ куда везутъ, они туда идутъ *);
« А дивую я солнышку Владиміру
« Съ молодой княгиной со Апраксіей:
« Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
« А княгни Апраксія свахою,
« Они у живово мужа жену просватали! »
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичь **):
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной.—
« Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
« Что ты посидѣлъ подли моей любимой семьи,
« Подли молодой Настасьи Никуличной;
« А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
« Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шести лѣтъ,
« Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
« Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
« Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
« Буйна голова испроломана,
« Могучи плечи испрострѣлены,
« Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ.
« Такъ тогда государыни родна матушка
« Желешенько съ по мнѣ плакала,
« Слезила свои очи ясныя,
« Скорбила свое лице бѣлое:
« Съ этой вины тебѣ не прощу! »
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу поддорожную ***),

*) Т. е. *ѣдутъ*.—*Изд.*

**) Выше онъ названъ *Леонтьевичемъ* —*Изд.*

***) Шелепугу подорожную.—*Изд.*

Учелъ шалыжницемъ [*]) ухаживать:
Что хлопанье и что оханье, не слышно видь [**]).
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
А не дай Богъ женидьбы той Алешиной:
Только-то Алешенька женатъ бывалъ,
Женатъ бывалъ, съ женой сыпалъ.
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровьице [***]).
Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Помѣщено въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1859 й годъ и доставлено туда тѣмъ же собирателемъ; ср. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 2).

26.

ТОЖЕ.

(Деревни Логмасы; ср. выше).

Порасплачется, порастужится
Молодой Добрынюшка Никитиничь:
«Ай же ты, родная моя матушка,
«Честная ты вдова, Офимья Александровна!
«Для чего ты меня несчастнаго спородила,
«Несчастнаго и неталаннаго?
«Спородила бы ты меня, матушка,
«Завернула бы во бѣло полотеньицко
«И кидала бы ты меня во сине море:
«Лежалъ бы я во синемъ морѣ на самомъ дни [****]),
«Вмѣсто камешка самоцвѣтнаго!

*) Ручкою шалыги.—*Изд.*
**) Не разберешь хлопанья отъ оханья.—*Изд.*
***) Тутъ они поздоровались.—*Изд.*
****) Днѣ.

« Посылаютъ меня отъ города отъ Кіева
« Во да́лече, во далѐче, во ту землю Сарацинскую.»
Говоритъ честна вдова Офимья Александровна:
— Чадо ты мое милое,
— Чаделко мое любимое,
— Молодой Добрынюшка Никитиничь!
— Скажи ты мнѣ-ка, попровѣдай-ка,
— Скоро ли ты назадъ будешь,
— Скоро ли ты поворотъ держишь?—
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничь:
« А честная ты вдова, Офимья Александровна,
« Родная моя матушка!
« Буде живъ буду, назадъ буду,
« Буде живъ не буду, и ждать некого.»
И приходитъ честна вдова Офимья Александровна
Въ высокъ теремъ, златой верёхъ,
Сама говоритъ да таковы слова:
« Ай же ты, богоданное мое дитятко,
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Поди, спрашивай у милой своей ладушки,
« У крѣпкой у сдержавушки,
« Скоро ли ёнъ назадъ будетъ,
« Скоро ли ёнъ поворотъ держитъ?»
И приходитъ Настасья дочь Никулична
Ко тому коню ко доброму,
Къ тымъ стременамъ молодецкіимъ,
Поклонъ воздала до самаго до шелкова до пояса,
Правой рукой до сырой земли:
— Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Никитиничь!
— Ты скоро ли назадъ будешь,
— Ты скоро ли поворотъ держишь?—
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничь:
« А буде живъ буду, назадъ буду,
« А буде живъ не буду, и ждать некого.»
Говорилъ-наказывалъ Добрынюшка Никитиничь
Своей молодой жены Настасьи Никуличной:
« Поживи, подожди ровно шесть годовъ за́ себя,

« А другое шесть годовъ за́ меня;
« И пройдетъ времени двѣнадцать лѣтъ,
« Хоть вдовой живи, а хоть за мужь поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
« Хоть за могучаго за богатыря,
« А хоть за полномочнаго *) крестьянина,
« Столько не ходи за Алешу Поповича.»
Столько видли добра молодца сядучись,
А не видли добра молодца поѣдучись.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна:
« Закатилося красное солнышко за лѣсушки за темные,
« За моря, за озера широкія:
« Уѣхало чадо мое милое, чаделко любимое,
« Молодой Добрынюшка Никитиничь!»

День по день, недѣля по недѣлю, годъ по годъ,
И прошло времени шесть годовъ,
И сталъ солнышко Владиміръ князь подхаживать,
Посватывать и подговаривать
Молодой Настасьи Никуличной
За смѣлаго Алешу за Поповича.
Проговоритъ молода Настасья Никулична:
« Поѣзжалъ Добрынюшка Никитиничь
« И говорилъ мнѣ-ка словеса разумныя:
« Подождать за себя шесть годовъ,
« А другое шесть годовъ за ёго.»
Прошло еще шесть годовъ.
День по день, недѣля по недѣлю, годъ по годъ,
Исполнилося времени двѣнадцать лѣтъ.
Опять сталъ солнышко Владиміръ подхаживать,
И посватывать, и подговаривать
Молодой Настасьи Никуличной
За смѣлаго Алешу за Поповича:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Поди въ замужество за Алешу Поповича.—

*) Полномочный крестьянинъ, по объясненію пѣвца, такой, у котораго всего вдоволь, независимый.

Выходила она въ новы сѣни,
И тутъ она сама себя просватала,
И пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни.
Порасплачется, порастужится
Честная вдова Офимья Александровна:
« Закатился свѣтелъ мѣсяцъ
« За горушки за высокія, за лѣсушки за темныи:
« Ушла у меня Настасья Никулична!
« Сѣсть было подъ окошечко,
« Отворить было окошечко немножечко,
« Поглядѣть было на широкій дворъ,
« На широкій дворъ, на чисто поле.»

Ѣдетъ дѣтина съ чиста поля на добромъ конѣ,
Ко тому ли двору богатырскому,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову,
И бѣжитъ дѣтина скоро въ высокъ теремъ,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
« Велѣлъ мнѣ-ка Добрынюшка вамъ поклонъ отдать,
« Поклонъ отдать, низко кланяться,
« А теперечу мы съ Добрыней поразъѣхались,
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ.»
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая!
— Ѣдешь ты ко двору богатырскому,
— Ко терему ко вдовиному,
— А не спрашиваешь ты у дверей двереничковъ,
— У воротъ заворотничковъ,
— Идешь въ палаты безобсылочно, бездокладочно:
— Какъ бывъ былъ Добрынюшка Никитиничь,
— Такъ не дошло бы тебѣ насмѣхатися.—
Скажетъ дѣтинушка пріѣзжая:
« Честная вдова, Офимья Александровна!
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ,
« Скоро будетъ и самъ домой.»
А проговоритъ честна вдова, Офимья Александровна:

— Може у Добрынюшки Никитича
— Поразломана буйна голова,
— Испрострѣлены бѣлы груди;
— Може скрозь Добрынино тѣло трава растетъ,
— На травѣ цвѣтутъ, можетъ, цвѣты лазуревые.—
Скажетъ дѣтинушка пріѣзжая:
« Честная вдова, Офимья Александровна!
« Я теперь съ Добрыней поразъѣхался:
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ,
« Скоро будетъ самъ домой.
« Честная вдова, Офимья Александровна!
« Велѣлъ Добрынюшка, наказывалъ,
« Наказывалъ подать гусельышки яровчаты
« Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ.»
Скорешенько бѣжитъ честная вдова Офимья Александровна,
Подаваетъ гусельышки яровчаты.

Скидываетъ ёнъ платье дорожное,
Одѣваетъ платье скоморошское,
Клалъ гусельышки подъ праву полу
И пошелъ ёнъ на почестенъ пиръ.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре на сторонушки,
Князю-то Владиміру въ особину,
Самъ-отъ говоритъ таково слово:
« Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай мнѣ-ка мѣстечка не со множечко
« Во своей палаты княженецкія,
« Поиграть во гусельышки яровчаты.»
Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Опраксія королевична:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
— Скоморошная, гусельная!
— Для чего ты долго проживаешь,
— Проѣдашься, пропиваешься,
— Нейдешь къ намъ на почестенъ пиръ?

— Вотъ тебѣ три мѣстечка любимыихъ:
— Первое мѣстечко противъ стола,
— Другое мѣстечко противъ меня,
— А третье мѣстечко на печкѣ па земляныя.—
Много ёнъ благодарствуетъ
И скочилъ на печку на земляную;
Играетъ ёнъ въ гуселышки яровчаты,
Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима.
Очень имъ игра эта прилюбилася,
Наливали чароцьку зелена вина:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
— Скоморошная, гусельная!
— Поди, выпей чароцьку зелена вина.—
Іонъ выпилъ чароцьку зелена вина:
« Благодарствуй, князь Владиміръ стольно-Кіевскій
« И молода Опракса королевична!»
И скочилъ на печку на земляную,
Играетъ ёнъ въ гуселышки яровчаты,
Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима.
Очень имъ игра эта прилюбилася,
Наливала чароцьку зелена вина
Молода Опракса королевична:
— Поди, скажетъ, дѣтина гусельная,
— Выпей чароцьку зелена вина!—
Испроговоритъ онъ таково слово:
« Ай же ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій
« И молода Опракса королевична!
« Позвольте мнѣ налить чароцьку зелена вина,
« И кому знаю, тому поднесу?»
— Наливай, скажутъ, чароцьку зелена вина,
— Кому знаешь, тому поднеси.—
Наливалъ ёнъ чароцьку зелена вина
И подносилъ Настасьи Никуличной,
Сымалъ перстень со правой руки
И спущалъ перстень во чароцьку во винную,
Во стопочку во пивную:
« Ай же ты, Настасья дочь Никулична!
« Выпей чароцьку зелена вина!

« Буде хошь добра, такъ пей до дна,
« А не хошь добра, такъ не пей до дна.»
Іона чароцьку повыпила,
До дна чароцьку повысушила,
Прикатился перстень ко устамъ ко сахарніимъ,
А хватила перстень правоей рукой,
Надѣвала перстень на праву руку,
Закричала зычнымъ голосомъ:
— Не тотъ мой мужь, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужь, который противъ меня!—
Опиралася на рученьки на дубовъ столъ,
И скочила черезъ дубовъ столъ,
Пала на кирпиченъ полъ,
Пала во ноженьку во правую,
Переправила вовъ другую:
— Мила ты моя ладушка,
— Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая,
— Изъ-по-имени Добрынюшка Никитиничь!
— Прости меня во винности и во глупости,
— Во всякихъ во проступочкахъ,
— Возьми меня за волосы за женскіе,
— Привяжи меня ко стремены сѣдельному,
— Поразмыкай меня по чисту полю.—
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничь:
« Знаю я ваши умы-разумы женскіе:
« Мужь пойдетъ за дровамы въ лѣсъ,
« А жена пойдетъ во замужество.
« Не дивуюсь я князю Владиміру,—
« Что и самъ творитъ, другому велитъ *),
« Отъ живаго мужа хоче жену отнять.»
Какъ хватилъ Алешеньку за желты кудри,
Кинетъ о кирпиченъ полъ
И хочетъ переправить второй-етъ разъ;
Такъ скочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики за могутныя за молодецкія:

*) По объясненію пѣвца, у Владиміра было двѣнадцать женъ, иныя отъ живыхъ мужей.

— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
— Не убей ты смертію напрасною
— Меньшаго братца Алешу Поповича!—
Тутъ Добрынюшка Никитиничь
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарнія
И повелъ ю вовъ высо́къ теремъ.
Глядитъ честна вдова Офимья Александровна:
Красное солнышко поро̀спекло
И свѣтелъ мѣсяцъ поро̀звѣтилъ.

(Отъ Козьмы Романова; см. выше).

27.

ТОЖЕ, И ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВИЧЬ.

(Петрозав. уѣздъ, Кижская волость).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Богатырь хвастатъ силушкой великою,
Иный хвастатъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Самъ Владиміръ князь по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно государинъ выговариватъ:
« Красное солнышко на вечерѣ,
« Хорошъ честенъ пиръ идетъ на веселѣ,
« И всѣ добры молодцы порасхвастались;
« А мнѣ, князю Владиміру, чѣмъ будетъ похвастати?
« Кого послать, братцы, изъ васъ повыѣхать
« Во дальнія во земли въ Сорочинскія

« Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
« Отнести-то надоть дани-выходы
« За старые годы и за нынѣшни,
« И за всѣ времена за досюлешны,
« Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
« Двѣнадцать лебедей и двѣнадцать кречеңей,
« И отвезти още грамоту повинную?»
Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
Пріутихнули да пріумолкнули,
Пріумолкнули всѣ, затулялися,
Большая тулица къ середнюю,
А середня тулица за меньшую,
А отъ меньшей тулицы отвѣтовъ нѣтъ.
Изъ за этыхъ за столичковъ дубовыихъ,
Изъ за этыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичь,
Понизешенько онъ князю покланяется:
— Владимірь, князь стольно-Кіевскій!
— Бласлови мнѣ-ка, государинъ, словцо вымолвить!
— Знаю я, кого послать повыѣхать
— Во этыя во земли во дальныя
— И во этыя во земли Сорочинскія
— Къ королю-то Бутеяну Бутеянову
— Отнести дани и выходы
— За старые годы и за нынѣшни,
— И за всѣ времена за досюлешны,
— Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
— И още отвезти грамоту повинную:
— Послать молода Васильюшка Казимірова.—
Владимірь, князь стольно-Кіевскій,
Беретъ онъ чару во бѣлы руки,
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.
Молодой Васильюшка Казиміровичь
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужа̀хнется:
Онъ скорешенько ставалъ-то на рѣзвы ноги,

Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько самъ князю покланяется:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Везу я дани-выходы:
— Столько дай-ка мнѣ во товарищахъ
— Моего-то братца крестоваго,
— Молода Добрынюшку Микитинца.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ къ Добрынюшку Никитинцу.
Молодой Добрынюшка Никитинецъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько самъ князю покланяется:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ Казиміровымъ
« И везу я дани-выходы:
« Столько дай-ка намъ още ты во товарищахъ
« Моего-то братца крестоваго,
« Молода Иванушка Дубровиця,—
« Ему Иванушку коней сѣдлать,
« Ему Иванушку разсѣдлывать,
« Ему плети подавать и плети принимать.»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ Иванушку Дубровицю.
Молодой Иванушка Дубровичь
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:

Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько онъ князю покланяется:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
« И къ молоду Добрынюшку Микитинцу.»
Становились оны на рѣзвы ноги,
И говорилъ Васильюшка Казиміровъ:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Поди-тко ты на погреба глубокіе,
— Неси-тко ты дары драгоцѣнные:
— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
— И още неси ты грамоту повинную.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Скорешенько пошелъ на погреба глубокіе,
Принесъ онъ дары драгоцѣнные:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
И още принесъ онъ грамоту повинную.
Бралъ-то дары Васильюшко подъ пазушку,
И оны Господу Богу помолилися,
На всѣ стороны низко поклонилися,
Самому Владиміру въ особину,
И выходили изъ палаты бѣлокаменной
На славный стольно-Кіевъ градъ;
И оны думали думушку съ общая:
Надо итти въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлать-то коней богатырскіихъ
И одѣвать собѣ одёжицы дорожнія,
Хоть дорожнія одёжицы, драгоцѣнныя.
Оны сдѣлали сговоръ промежду собой,
Гдѣ съѣхаться въ раздольицѣ чистомъ полѣ,—
На тыхъ на дороженькахъ крестовыихъ
У славнаго у сыра дуба у Невина,
У того у каменя у Латыря.
Пошли оны въ палаты бѣлокаменны.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Какъ вшелъ въ свои палаты бѣлокаменны
Ко своей родителю ко матушкѣ,
Къ честной вдовы Офимьѣ Александровны,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка,
« Ты честна вдова Офимья Александровна!
« Ты безчаснаго спородила Добрынюшку!
« Лучше бы ты спородила Добрынюшку
« Бѣлымъ камешкомъ горючіимъ,
« Ты выстала на Скатъ-гору высокую,
« Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое:
« Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
« Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку
« На гору Сарачинскую деревинкою,
« Не для красы, не для угожества,
« А для ради пріѣзда богатырскаго:
« Ко этому бы ко деревцу
« Съѣзжалися русскіе могучіе богатыри,
« И стояла бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
« Още нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила
« Во славную во матушку Нѣпру рѣку,
« Во Нѣпру рѣку да гоголинкою:
« Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.»
Говорила честна вдова и заплакала:
— Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Никитинецъ!
— Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,
— Тобя возрастомъ бы Добрынюшку спородила
— Во стараго казака въ Илью Муромца;
— А силушкой Добрынюшку спородила
— Во славнаго Самсона во богатыря:
— Тобя бы смѣлостью Добрынюшку спородила
— Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
— Красотою бы спородила Добрынюшку
— Во славнаго во князя во Владиміра.—

Стоитъ Добрынюшка и покланяется:
« Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка,
« Честная вдова Офимья Александровна!
« Дай-ка мнѣ прощеньице съ благословеньицемъ
« На тые на вѣки нерушимыя.»
Сидитъ она—горько заплакала,
И дала ему прощеньице съ благословеньицемъ
На тые на вѣки нерушимыя.
Пошелъ Добрынюшка Никитинецъ,
Одѣлъ собѣ одежицу дорожную,
Хоть дорожную одежицу, драгоцѣнную,
И бралъ съ собой одежицы запасныя,
Не малешенько одежицы онъ бралъ — на двѣнадцать лѣтъ;
Сшелъ-то Добрынюшка на широкій дворъ,
Сталъ добра коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать да сталъ улаживать.
Подъ сѣделышко Черкасское
Полагалъ потничекъ онъ шелковенькій,
И полагалъ-то онъ сѣделышко Черкасское,
Черкасское сѣделышко не держаное:
Обсажено тое сѣделышко есть камешкомъ,
Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтнымъ,
Самоцвѣтнымъ камешкомъ обзолоченымъ;
Онъ подпруженки подтягивалъ шелковеньки,
Стремяночки полагалъ желѣза онъ булатняго,
Пряжечки-то полагалъ красна золота,
Все не для красы, для угожества,
А для ради крѣпости богатырскія:
Подпруженки шелковеньки тянутся, такъ они не рвутся,
Булатъ-желѣзо гнется-то, не ломится,
Пряжечки красна золота они мокнутъ, не ржавѣютъ.
Садится тутъ Добрыня на добра коня,
Хотитъ ѣхати Добрыня съ широка двора.
Говоритъ его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, моя любезная семеюшка,
— Молода Настасья дочь Микулична!

— Ты чего сидишь во теремѣ, въ златомъ верху?
— Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Закатается-то наше красное солнышко
— За эты за лѣсушки за темныя
— И за тыя за горы за высокія:
— Съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора.
— Поди-ка ты скоренько на широкій дворъ,
— Зайди-ка ты къ Добрынѣ съ бѣла личика,
— Подойди къ нему ко правому ко стремячку булатнему,
— Говори-ка ты Добрынѣ не съ упадкою:
—« Куда, Добрыня, ѣдешь, куда путь держишь,
—« Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
—« Когда велишь въ окошечко посматривать?»—
Молода Настасья Микулична
Скорешенько бѣжала на широкій дворъ
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одныхъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Зашла она къ Добрынюшкѣ съ бѣла личика,
Подошла къ него ко правому ко стремячку булатнему,
И говорила-то ему да не съ упадкою:
— Свѣтъ ты моя любимая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Далече ли ѣдешь, куда путь держишь?
— Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
— Ты когда велишь въ окошечко посматривать?—
Говоритъ-то ей Добрыня таковы слова:
« Ай же ты, любимая семеюшка,
« Молода Настасья Микулична!
« Когда ты стала у меня выспрашивать,
« Я стану про то тебѣ высказывать:
« Перво шесть годовъ поры-времени—то жди за меня,
« Друго шесть годовъ поры-времени—пожди за собя;
« Исполнится того времени двѣнадцать лѣтъ,
« Тогда прибѣжитъ мой богатырскій конь
« На вашъ ли на вдовиный дворъ,
« Ты въ тую пору-времячко
« Сходи-тко въ мой зеленый садъ,

«Посмотри на мое на сахарнее на деревцо:
«Налетитъ тогда голубь со голубушкою,
«И будутъ голубь со голубушкою погуркивать:
«« Побитъ-то Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
«« Поотрублена его буйна головушка
«« И порасластаны Добрынины груди бѣлыя.»
«Такъ въ тую пору-времячко
«Хоть вдовой живи, а хоть за мужь поди,
«Не ходи-тко только за мужь за богатыря,
«За смѣлаго Олешеньку Поповича,
«За того за бабьяго насмѣшника:
«Олешенька Поповичь мнѣ названый братъ.»

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
А не видѣли со двора его поѣдучись.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротамы,
То онъ съ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ черезъ стѣны городовыя.
Какъ онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Похотѣлъ онъ испытать добра коня богатырскаго,
Поотвѣдать его силушки великія,
Бралъ онъ плеточку шелкову во праву руку,
Билъ-то онъ плеткою по тучной бедры
Изо всея силушки великія,
Давалъ ему удары онъ тяжелые,—
Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
Сталъ онъ по раздольицу поскакивать,
Съ горы на гору онъ перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелкія озерка-рѣченьки промежь ногъ спущалъ.
Такъ не молвія *) тутъ по чисту полю промолвила,
Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
Подъѣхалъ онъ къ сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю,
Наѣхалъ-то своихъ братьицевъ крестовыихъ,
Дружинушку хоробрую.

*) Вмѣсто «молнія.»

Оны съѣхались молодцы, поздоровкались,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Сходили молодцы со добрыхъ коней,
Погуляли оны по полю пѣхотою,
Оны думушку-то думали за общая,
Оны звали собѣ Бога на помочь
И во вторыхъ още Пречисту Богородицу;
Садились молодцы-то на добрыхъ коней,
Брали оны вѣрный планъ во ясны очи
И поѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ.

Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день,
День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,
Прошло-то поры-времячка по три году.
Съѣхали во орды-то во дальныя,
Во этую во землю въ Сорочинскую,
Во тыя мѣста во невѣрныя,
Пріѣхали къ королю Бутеяну на широкъ дворъ,
Соскочили молодцы оны съ добрыхъ коней.
Молодой Васильюшка Казиміровъ
Отстенулъ *) свое копье мурзамецкое
Отъ праваго отъ стремени булатняго,
Спустилъ копье во матушку сыру землю вострымъ концемъ,
Онъ пристегивалъ добрыхъ коней и привязывалъ,
А никого онъ къ конямъ не приказывалъ,
Да и не спущалъ онъ коней на посыленъ дворъ.
Бралъ онъ даровья подъ пазушку,
Самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменны
Со своей дружинушкой хороброю;
Пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну,
На пяту онъ двери поразмахивалъ,
Ступилъ онъ своей ножкой правою во эту палату бѣлокаменну,

*) Отстегнулъ.

Ступилъ онъ со всея со силы богатырскія:
Всѣ столики въ палатѣ сворохнулися,
Всѣ околенки хрустальны поразсыпались,
Всѣ Татаровья другъ на друга оглянулися.
Какъ вошли оны въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ-отъ клали по писаному,
Вели оны поклоны по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланялися,
Самому-то королю въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Полагали оны дани-выходы на золотъ столъ
Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречеией,
И положили още грамоту повинную.
Король Бутеянъ Бутеяновичь
Принимаетъ эты дани за двѣнадцать лѣтъ
И принимаетъ грамоту повинную,
И относятъ на погреба глубокіе;
И садитъ онъ богатырей съ собою за единый столъ,
То не ѣствушкой кормитъ ихъ сахарнею,
Да и не питьицемъ поитъ онъ ихъ медвяныимъ,
Говорилъ имъ король таковы слова:
— Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
— Богатыри вы святорусскіе!
— Кто изъ васъ гораздъ играть въ шашки-шахматы,
— Во славны во велеи *) во нѣмецкія?—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичь:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичь!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ игроки дома оставлены;
« Столько мы надѣемся на Спаса и Пресвятую Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшку Микитинца.»
Приносили къ нимъ доску шашечну,

*) Тавлеи. - *Изд.*

Молодой Добрынюшка садился за золотъ столъ,
Сталъ играть съ королемъ въ шашки-шахматы,
Во славны во велеи во нѣмецкія.
Со тоя онъ великія горячности
На той на дощечкѣ на шашечной
Просмотрѣлъ ступень шашечный,—
Король обыгралъ Добрынюшка Микитинца первый разъ,
И говоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
« Не бывать-то намъ на святой Руси,
« Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
« Проигралъ я свои головушки молодецкія
« Во славныя во шашки во шахматы
« И во эты во велеи во нѣмецкія!»
Сыгралъ Добрынюшка-то другой разъ,
Другой-то разъ короля пообыгралъ.
Сыграли оны и третій разъ.
Третій разъ онъ короля пообыгралъ.
Это дѣло королю не слюбилося,
Не слюбилося это дѣло, не въ люби пришло.
Говорилъ ему король таковы слова:
— Вы удаленьки дородни добры молодцы,
— Богатыри вы святорусскіе!
— Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,
— Прострѣлить бы стрѣлочка каленая
— По тому острею по ножовому,
— Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
— На двѣ стороны вѣсомъ равна
— И попала бы въ колечико серебряно.—
Говорилъ ему Васильюшка Казимірович:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичь!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ стрѣлки дома оставлены;
« Столько есть надѣюшка на Спаса и на Пресвяту Богородицу,

«Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца.»
Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичь:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные, богатыри могучіе!
— Подите-ка на погреба глубокіе,
— Несите-тко мой тугій лукъ разрывчатый.—
Идутъ туда три богатыря могучіихъ
И несутъ тугій лукъ разрывчатый,
Подносятъ къ Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать,
Сталъ тугій лукъ разрывчатый покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,
И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
«Дрянное лученышко пометное:
«Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить!»
Этотъ король Бутеянъ Бутеяновичь
Послалъ дружинушку хоробрую на погреба глубокіе,
Десять сильныхъ богатырей,
Принести самолучшій тугій лукъ,
Чтобы было съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить.
Идутъ десять могучіихъ богатырей на погреба глубокіе,
На носилочкахъ несутъ королевскій лукъ,
Подошли къ молоду Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать,
Сталъ королевскій тугій лукъ покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,

И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
« Дрянное лученышко пометное:
« Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить!
« Ай же, мой братецъ крестовый,
« Молодой Иванушка Дубровичь!
« Поди-тко скоренько на широкъ дворъ
« Къ моему коню ко богатырскому,
« Подойди ко правому ко стремячку къ булатнему,
« Отстени-ка *) мой тугій лукъ разрывчатый
« Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
« Завозное лученышко, дорозное **).»
Шелъ Иванушка на широкій дворъ,
Подошелъ ко доброму коню богатырскому
И ко правому ко стремячку къ булатнему,
Отстенулъ онъ тугій лукъ разрывчатый,
Положилъ его подъ правую подъ пазушку,
Пошелъ онъ во палату бѣлокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца
Въ тотъ тугій лукъ разрывчатый въ тупой конецъ
Введены были гусельшка яровчаты.
Какъ зыгралъ Иванушка Дубровичь въ гусельшка
яровчаты,
Вси тутъ игроки пріумолкнули,
Вси скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Приносилъ-то тугій лукъ разрывчатый,
Подавалъ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Бралъ свой тугій лукъ разрывчатый,
И скорешенько становился на рѣзвы ноги,
И становился супротивъ ножа булатняго,
И наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,

*) Отстегни.
**) Дорожное.

И спустилъ онъ тетивочку шелковеньку
Во эвтую во стрѣлочку каленую;—
Прокатилась эта стрѣлочка каленая по острею по ножовому
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
Пролетѣла прямо въ колечико серебряно.
И сдѣлалъ онъ три выстрѣла,
И не сдѣлалъ ни великой, ни малой ошибочки,
И во всѣ три выстрѣла
Пропустилъ онъ стрѣлочку каленую
По тому острею по ножовому въ колечико серебряно.
Сталъ стрѣлять король Бутеянъ Бутеяновичь
Во тое колечико серебряно
И по тому острею по ножовому:
Первый разъ стрѣлилъ, черезъ перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
А третій разъ стрѣлилъ, и попасть не могъ.
Королю это дѣло не слюбилося,
Не слюбилося это дѣло, не въ люби идетъ.
Говоритъ король таковы слова:
— Ай же вы, богатыри святорусскіе!
— Кто изъ васъ горараздъ бороться объ одной ручкѣ?
— Подите-ка на мой широкій дворъ
— Съ моима могучима богатырмы побоpотися.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичь!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ борцы дома оставлены;
« Столько есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца.»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пошелъ онъ на широкій дворъ
Съ Татарымы поганыма боротися;
А король Бутеянъ-то Бутеяновичь,
Да Васильюшка Казиміровъ съ Иванушкомъ Дубровичемъ

Пошли на балконы королевскіе
Смотрѣть на борьбу богатырскую.
Вышелъ Добрыня на широкій дворъ,
Посмотрѣлъ какъ на Татаровей поганыихъ,—
Стоятъ Татаровья престрашные,
Престрашные Татаровья, преужасные:
Во плечахъ у нихъ такъ велика сажень,
Межу глазамы велика пядень,
На плечахъ головушки какъ пивной котелъ.
У Добрыни сердечушко ужахнулось,
Сталъ Добрыня онъ по двору похаживать,
Сталъ онъ ручушекъ къ сердечушку пошибывать,
Говорилъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ онъ во всю голову:
« Ай же, братьица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
« Не бывать-то намъ на святой Руси,
« Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
« Побьютъ-то насъ Татаровья поганые!»
Пошли къ Добрынюшкѣ Татаровья,
Сталъ Добрынюшка Татаровей отпихивать,
Сталъ онъ Татаровей оттолыкивать:
По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
Пошло къ Добрынюшкѣ цѣлыма десяткамы,
Добрынюшка видитъ,—есть дѣло не малое.
Схватилъ онъ Татарина за ноги,
Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
Сталъ онъ Татаровей поколачивать:
Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ онъ во всю голову:
« Ай же, братьица мои крестовые!
« Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку!»
Молодой Иванушка Дубровичь
Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
Во тоя въ великой во горячности

Схватилъ онъ въ руки желѣзну ось,
Сталъ онъ желѣзной осью помахивати
И сталъ онъ Татаровей поколачивать.
Вышли оны на темну орду,
Силушки стали бить, какъ трава косить,
Бились молодцы цѣлы суточки
И не ѣдаючись оны, не пиваючись.
Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь въ нихъ не уменьшилось,
Сердце богатырско не утихнуло,
А въ орды стало силы мало ставиться.
Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичь:
— Ай же ты, богатырь святорусскій,
— Молодой Васильюшка Казиміровичь!
— Уйми своихъ богатырей святорусскіихъ,
— Оставь мнѣ-ка силы на посѣмена,
— И возьми-ка дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
— Двѣнадцать лебедеій, двѣнадцать креченей,
— И возми-тко още грамоту повинную.
— А буду платить дани князю Владиміру искони до вѣку.—
Молодой Васильюшка Казиміровичь
Скорешенько онъ шелъ на широкій дворъ,
Садился на коня на богатырскаго,
Проѣхалъ онъ по этой по темной орды,
Наѣхалъ богатыря святорусскаго
Молода Добрынюшка Микитинца,
Налагалъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
И говорилъ Васильюшка Казиміровичь:
« Остановись-ка, Добрынюшка Микитинецъ!
« Ужо вѣдь ты позавтракалъ:
« Оставь мнѣ-ка пообѣдати!»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Послушаетъ Васильюшка Казимірова,
Остановилъ свою силушку могучую,
Покинулъ Татарина въ сторону.
Тутъ Васильюшка Казиміровичь

Подъѣхалъ къ Иванушку Дубровичу,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
Становилъ Иванушка Дубровича.
И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:
« Ты, Иванушка, позавтракалъ:
« Оставь-ка мнѣ пообѣдати,
« Укроти свою силушку великую,
« Установи свое сердце богатырское,
« Оставь поганому силы на посѣмена!»
Иванушка Дубровичь Васильюшка послушаетъ,
Бросилъ онъ ось желѣзную въ сторону.
И идутъ оны къ королю въ палату бѣлокаменну,
И берутъ оны дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречеией,
И взяли грамоту повинную,
Что платить князю-то Владиміру
Дани-выходы отнынѣ и до вѣку.
Говорилъ король таковы слова:
— Садитесь-ка со мною за единый столъ,
— Станемъ мы ѣсть ѣствушки сахарнія,
— Испивать мы питьицевъ медвяныхъ.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ты глупый король, Бутеянъ Бутеяновичъ!
« Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
« А не ужаловать ти молодцевъ поѣдучись!»
Взяли оны дани подъ пазушки,
Выходили молодцы на широкъ дворъ,
И садились на добрыхъ коней богатырскіихъ,
И поѣхали по славному раздольицу чисту полю.

Оны ѣдутъ-то на матушку святую Русь,
Брали оны вѣрный [планъ] во ясны очи;
Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день:
День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,—

Прошло-то поры-времячка по три году.
И пріѣхали къ дорожкамъ ко крестовымъ,
Ко славному сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко каменю ко Латырю;
Тутъ молодцы оны разъѣхались:
Васильюшка Казиміровъ поѣхалъ ко Царю-граду,
Иванушка Дубровичь къ Іерусалиму,
А Добрынюшка Микитенецъ къ стольну Кіеву.
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Со дальнія пути со дороженьки
Похотѣлъ онъ раздернуть шатеръ бѣленькій полотняный
И лечи *) онъ спать да прохлаждатися.
Онъ насыпалъ пшены лишь бѣлояровой
Добру коню богатырскому,
Легъ въ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ спать, да не поспѣлъ уснуть;
А на тую пору-времячко
На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубь со голубушкой,
И голубь со голубушкой стали оны прогуркивать:
«« Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«« Спишь ты да прохлаждаешься,
«« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«« Твоя-то молода жена Настасья Микулична
«« За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
«« За того Олешеньку Поповича.»»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
Отъ добра коня отъ богатырскаго
Стряхнулъ тутъ пшену бѣлоярову,
Сдернулъ свой шатеръ бѣленькій полотняный,
Онъ скорешенько сѣдлалъ добра коня,
Садился тутъ Добрыня на добра коня,
Ѣхалъ по чисту полю по раздольицу широкому,
Ѣхалъ на добромъ конѣ не жалухою,
Не жалѣлъ онъ добра коня богатырскаго:
Скакалъ его-то конь богатырскиій
Во всю-ту пору лошадиную.

*) Лечь.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пріѣхалъ онъ на свой на широкій дворъ,
Онъ скорешенько сходилъ со добра коня,
Онъ оставилъ коня по двору похаживать,
Самъ онъ шелъ въ палату бѣлокаменну
Во свою во комнату во богатырскую.
Пришелъ къ своей ко родителю-матушкѣ,
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровны,
Понизешенько онъ ей покланяется:
« Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
« Я пріѣхалъ со раздольица чиста поля;
« Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разъѣхались:
« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву;
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
« Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,
« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
« И къ молоды Настасьи Микуличной.»
Говорила честна вдова, сама заплакала:
— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
— Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
— И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
— Есть бы была эта славушка на святой Руси,
— Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
— Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,
— Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
— Надъ моимъ дворомъ надъ вдовиныимъ,
— Во глазахъ собакѣ подлыгатися.—
Онъ опять говоритъ ей, покланяется:
« Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разъѣхались:

« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву:
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты:
« Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,
« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
« И къ молоды Настасьи Микуличной.»
Говорила честна вдова таковы слова:
— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
— Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
— И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
— Есть бы была эта славушка на святой Руси,
— Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
— Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,
— Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
— Надъ моимъ дворомъ надъ вдовиньимъ,
— Во глазахъ собакѣ подлыгатися.—
Третій разъ говоритъ онъ, покланяется:
« Честная вдова Офимья Александровна!
« Мы вмѣстѣ съ Добрынюшкой грамоты училися,
« Платьица носили съ одного плеча,
« И хлѣба мы съ Добрынюшкой кушали по однакому,
« Вчерась мы съ Добрынюшкой разъѣхались:
« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву,
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато,
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
« Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,

«И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
«И къ молоды Настасьи Микуличной.»
Сидитъ она и пораздумалась:
— Не прозналъ мужикъ-деревенщина
— Святымъ духомъ, самъ собой, про лапотики шелковые,
— И про платьице скоморовчато, и про гуселышка яровчаты!—
Брала она золоты ключики,
Шла-то на погреба глубокіе,
Принесла ему лапотики шелковые,
И платьице скоморовчато, и гуселышка яровчаты.
Какъ обулъ Добрынюшка лапотики шелковые,
Какъ и тутъ было;
Какъ одѣлъ на собя платьице скоморовчато,
Какъ и тутъ было.

Тутъ пошелъ Добрынюшка Микитинецъ
Къ князю ко Владиміру на почестенъ пиръ,
Пошелъ въ палату бѣлокаменну,
Не спрашивалъ ни придверниковъ, ни приворотниковъ,
И никакихъ сторожевъ строгіихъ могучіихъ,
И вшелъ прямо въ палату бѣлокаменну на почестенъ пиръ,
И садился близко печку близъ кирпичную,
И зыгралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іеросалима,
Изъ Іеросалима ко той земли Сорочинскія.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано
И на бѣлоемъ игры не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
Ставалъ Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
И разводилъ онъ медамы стоялыма,

Подносилъ къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина, скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Бралъ онъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Выпивалъ онъ эту чарочку однимъ духомъ,
И садился близко печку кирпичную;
И выигралъ онъ въ гусельышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града.
А изъ Царя-града до Іерусалима,
А изъ Іерусалима ко той земли Сорочинской.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
И говоритъ онъ князю Олешенькѣ Поповичу:
— Олешенька Поповичь! Ставай-ка на рѣзвы ноги,
— Наливай-ка чару зелена вина.
— Подноси-тко къ молодой скоморошины.—
Олешенька Поповичь ставалъ на рѣзвы ноги,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы стоялыма,
Подносилъ къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,
Беретъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
И садился онъ близко печку кирпичную;
И выигралъ онъ въ гусельышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іерусалима,
Изъ Іерусалима ко той землѣ Сорочинскоей.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,

И говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же, Настасьюшка Микулична!
— Наливай-ка чару зелена вина
— И подноси-тко къ молодой скоморошины.—
Молода Настасья Микулична
Скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Наливала она чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводила медамы стоялыма,
Подносила къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,
Беретъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,—
На ногахъ стоитъ скоморохъ, не пошатнется,
И говоритъ скоморохъ, не мѣшается.
Видитъ князь Владиміръ, что дѣло есть не малое,
Подходитъ къ молодой скоморошины,
И зоветъ его онъ за единый столъ:
— Садись-ка съ нама ты за единый столъ:
— Перво тобѣ мѣстечко подлѣ меня,
— А другое мѣстечко подлѣ князя Олешеньки Поповича,
— А третье мѣстечко избирай-ка собѣ по люби.—
Говорилъ молодой скоморошина:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Мѣсто не по люби мнѣ подлѣ тобя,
« И не любо мнѣ мѣсто подлѣ князя Олешеньки Поповича,
« А любо мнѣ мѣсто напротивъ молодой княгины
« Настасьи Микуличной.»
Засадился скоморошина за единый столъ
Напротивъ молодой княгины Настасьи Микуличной,
И говорилъ онъ князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Выпилъ я чарочку отъ князя отъ Владиміра;
« Позволь мнѣ-ка налить чарочку зелена вина
« И поднести князю Владиміру?»

Позволилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ-то князю Владиміру;
Принималъ Владиміръ чарочку одной рукой,
Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
«И выпилъ я чарочку отъ князя *) Олешеньки Поповича,
«Позволь мнѣ-ка налить още чарочку зелена вина
«И поднести князю Олешенькѣ Поповичу.»
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ князю Олешенькѣ Поповичу;
Принималъ Олешенька чарочку одной рукой,
Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
«Поднесъ я чарочку князю Владиміру,
«И поднесъ я чарочку князю Олешенькѣ Поповичу;
«А позволь-ка мнѣ налить чарочку зелена вина,
«Поднести молодой княгины Настасьѣ Микуличной?»
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина,
Разводилъ медамы стоялыма,
И подносилъ Настасьѣ Микуличной,
И въ тую чарочку спустилъ обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ оны обручалися
Съ молодой Настасьею Микуличной.
Настасья Микулична скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Принимала эту чарочку одной рукой
И стала пить эта чарочка зелена вина.
Говорилъ тутъ молодой скоморошина:
«Если хошь добра, такъ пей до дна,
«А не хошь добра, такъ не пей до дна!»
Настасья Микулична, она была женщина не глупая,

*) Жениха.—*Изд.*

Испила эту чарочку до донышка,—
Къ нея ко устамъ ко сахарніимъ
Прикатился ея злаченъ перстень.
Какъ возметъ она на правую на ручушку.
Со тыя со чарочки злаченъ перстень повытряхнетъ,
И усмотрѣла свой обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ обручалася
Съ молодымъ Добрынюшкомъ Микитинцемъ.
Какъ она тяпнула чарочкой о золотъ столъ,
Оперлася въ него плечика могучія,
И скочила-то она черезъ золотъ столъ,
И беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И цѣловала его во уста сахарнія,
И называла-то любимою сдержавушкой,
Говорила она рѣчь ему умильную:
— Ай же, свѣтъ моя любимая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— У бабъ волосъ дологъ, а умъ коротенкій:
— Я не послушала твого наказу богатырскаго,
— Сдѣлала я дѣло не повелѣно,
— Побоялась я князя Владиміра,—
— Сталъ ко мнѣ Владиміръ похаживать,
— Сталъ меня за мужь за Олешеньку посватывать
— И сталъ мнѣ-ка Владиміръ князь пograживать:
—« Ежели не пойдешь за мужь за Олешеньку Поповича,
—« Такъ не столько во городѣ во Кіевѣ,
—« Не будетъ тобѣ мѣста и за Кіевомъ.»
— Побоялась я угрозы княженецкія,
— Пошла за мужь за богатыря Олешеньку Поповича.—
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ Олешеньку за желты кудри,
Стукнулъ Олешу о кирпиченъ мостъ:
Сталъ Олешенька по мосту погалзывать *).

*) Елозить.

Говорилъ Добрыня князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Свою жену-то, ...,
« А чужую жену за мужъ даешь?
« Мужъ въ лѣсъ по дрова, а жена за мужъ пошла!»
Сталъ Владиміръ князь Добрыню уговаривать,
Сталъ Добрынюшка униматися.

Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Съ молодой Настасьюшкой Микуличной
Пошелъ въ свои палаты бѣлокаменной
Ко своей родителю ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровны.
Пришелъ, матушкѣ поклонъ принесъ:
« Прости меня, родитель-матушка,
« Что не признался я тобѣ, пріѣдучись съ раздольица чиста поля,
« Ушелъ-то я безъ толку на почестенъ пиръ.»
Тутъ честная вдова Офимья Александровна
Скорешенько ставала на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И цѣловала его во уста его въ сахарнія,
Прижимала его къ ретивому сердечушку
И прикладывала ко бѣлому ко личушку.
Молода Настасья дочь Микулична
Скорешенько снимала съ него одежицы дорожныя
И одѣвала-то одежицу драгоцѣнную, что палучшую.
Честная вдова Офимья Александровна
Посылала скоро конюховъ любимыхъ на широкій дворъ
Убрать добра коня Добрынина,
Насыпать-то ему пшены бѣлояровой,
Наливать-то ему свѣжей ключевой воды.
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Съ тоя съ пути со дороженьки
На спокой улегся съ молодой Настасьей Никуличной.

Честная вдова Офимья Александровна

Завела она хорошъ почестенъ пиръ
Своему сыну любимому,
Молоду Добрынюшкѣ Микитинцу:
Сталъ править за шесть годовъ годинъ да именинъ,
Стали оны ѣсть ѣствушку сахарнюю,
Испивать стали питьицевъ медвяныихъ,
Стали оны жить да быть, долго здравствовать.

(Записано отъ Рябинина; см. выше).

28.

ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

(Кенозерскій погостъ, Каргопольскаго уѣзда).

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ,
Прошло того времени девять лѣтъ:
На десятый годъ Добрыня на свою волю пошелъ,
Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыня Никитичу говаривала:
«Ты ходи, гуляй по всѣмъ родамъ,
«По всѣмъ родамъ и по всѣмъ землямъ,
«По всѣмъ улочкамъ ходи и переулочкамъ,
«Не завертывай во улицу Игнатьевку,
«Во тѣ во переулочки Маринкины:
«Тамъ живетъ к.... Маринка истратница,
«Истратила она восьмерыхъ молодцевъ,
«Тебя истратитъ во девятыихъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
И ходилъ-гулялъ по всѣмъ родамъ,
По всѣмъ родамъ и по всѣмъ землямъ,
По всѣмъ улочкамъ ходилъ и переулочкамъ,
Зашелъ онъ во улицу Игнатьевку

И во тѣ переулочки Маринкины *).
Увидѣла его Маринка истратница,
Выбѣгала изъ палаты бѣлокаменной,
Брала его за ручку за правую,
Вела его въ палату бѣлокаменну
И ставила столы бѣлодубовы,
Стлала она скатерти браныя.
Несла всякую ѣству сахарнюю,
Подносила ему чара зелена вина,
А въ чарѣ змѣининой силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю меледипскому:
Разрываетъ кобеля меледипскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову.
Тутъ Добрыни и старины конецъ.

(Записано отъ крестьянина Михайлы Богданова).

*

*) Въ побывальщинѣ, слышанной мною въ Красновскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда:

« Добрыня подходитъ подъ окошечко косявчето, накладывалъ стрѣлочку каленую и натягалъ тетивочку шелковую, и стрѣлилъ въ окошечко косявчето, прострѣлилъ скрозь окошко причинину [вмѣсто « причалину »], застрѣлилъ золоту рыбушку. Увидала Маринка истратница, звала къ себѣ на другой день, а сама собирала слѣды Добрынины и заговорила. Стало у него сердце рѣзать, горитъ душа по Маринкѣ. Какъ пришелъ онъ къ палатамъ Маринкинымъ, выходила она ему въ стрѣту, наливала чару зелена вина и опоила питьемъ забудущимъ [что кидаетъ въ забытье]. Взяла его за желты кудри и перекинула черезъ плечо, а сама приговаривала: « Гдѣ былъ Добрыня Никитичь, тутъ стань златорогій туръ! »

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ *).

29.

(Пудожскій уѣздъ, Песчанской волости, деревня Большой дворъ).

Изъ подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила турица златоругая,
Со своима со турамы со дѣтушкамы.
Случилôсь итти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую.
Оны видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ чуднô,
Оны видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ дивнô:
Подъ тоей ли стѣной городовоей
Ходитъ дѣвица душа красная,
Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
Не столько читаетъ, вдвоемъ она плачётъ.
И случилось итти турамъ съ родной матушкой,
Со турицей златоругой поздоровкаться:
« Здравствуешь, турица, наша матушка!
« Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднô,
« Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнô:
« Подъ тоей ли стѣны городовыя,
« Какъ ходитъ дѣвица душа красная,
« Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
« Не столько она читаетъ, вдвоемъ она плачётъ. »
Говорила турица златоругая:
— Ай вы глупы туры, малые дѣтушки!
— Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная,
— А тутъ плакала стѣна, мать, городовая:
— Она вѣдала невзгодушку великую **).—

Изъ-подъ той сподъ восточнія сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичь,

*) Онъ же *Казимировичь.—Изд.*

**) Сравни выше былину 20, стр. 106, 107, гдѣ *турицы* обращены въ *Турецъ*-землю, въ *Турокъ*.

Со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,
Со зятемъ Таракапчикомъ Корабликовымъ,
Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей,
У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ:
Соколу летѣть на меженный день,
Маленькой птичкѣ не пролетѣть.
Не случилося во Кіевѣ богатырей *):
По гулямъ гулялъ во двѣнадцать лѣтъ,
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичь **).
Онъ направливалъ лукъ—калену стрѣлу,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій по Батыгинымъ шатрамъ,

*) Судя по разнорѣчію, записанному въ Бережной Дубровѣ, Пудожскаго уѣзда, здѣсь пропущено:

Самсонъ богатырь на святыхъ на горахъ,
Микита Романовъ на желтыхъ на пескахъ,
Илья съ Добрыней во чистомъ полѣ гуляетъ,
Одна объявилась голь кабацкая.

**) По тому же разнорѣчію, здѣсь слѣдуетъ вставка:

Приводили ко князю ко Владиміру.
Говорилъ Василій таковы слова:
«Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Налей-ка чару опохмѣльную,
«Опохмѣль калику перехожую.
«Постою я за славенъ Кіевъ градъ
«И за домъ Пресвятыя Богородицы,
«И за тую вѣру Христіянскую.»
Наливали ему чару зелена вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду яраго,
Сливали питье въ одно мѣсто,
Объявилося питья полпята ведра.
Беретъ калика одной рукой,
Выпивалъ калика на единый духъ.

Убилъ онъ няйлучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
Убилъ дьячка-то выдумщичка.
Стали во Кіевѣ виноватаго искать,
Нашли-то Василья въ кабакѣ на пеци,
Приводили Василья къ Батыгѣ на лицо:
« Ты прости меня, Батыга, во большой во випы,
« Убилъ я няйлучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
« Убилъ сына Батыга Батыговича,
« Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
« Убилъ дьячка-то выдумщичка. »
Тутъ-то Василій сталъ выспрашивати:
« Опохмѣль-ка ты, Батыга, чарой хмѣльноей:
« Пособлю-ка я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ. »
На тыя рѣчи Батыга пріокинулся;
Наливаетъ ему чару зелена вина.
Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье въ едино судно:
Становилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говоритъ Василій таково слово:
« Я могу теперь владать добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей. »
Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,
Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубилъ, пригубилъ онъ до едной головы;
Назадъ же ко Батыгѣ ворочался,
Говорилъ-то Василій таковы слова:
« Не могу теперь владать добрымъ конемъ,
« Не могу теперь махать вострой саблей *).

*) У Батыги силы четыре сорока тысячь, по этому и поѣзды Василья повторяются четыре раза. Такъ какъ описаніе слѣдующихъ поѣздовъ повторяется слово въ слово послѣ стиха: « Тутъ-то Василій сталъ выспрашивати»,—то мы прямо переходимъ къ четвертому поѣзду.

« Опохмѣль-ка, Батыга, чарой хмѣльноей:
« Я знаю, гдѣ воротца не заперты,
« Не заперты воротца, не заложены. »
На ты рѣчи Батыга пріокинулся:
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье въ едино судно:
Становилося питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говоритъ Василій таково слово:
« Я могу ладать *) добрымъ конемъ,
« Я могу теперь махать вострой саблей. »
Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,
Зачалъ по полюшку поѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати:
Прирубилъ–пригубилъ онъ до единой головы,
Назадъ же ко Батыгѣ ворочался;
Разгорячилося у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая:
.
Отъ него Батыга въ побѣгъ пошелъ.
« Ай ты старый песъ, заклинаешься:
—« Не дай-то Богъ бывать на святой Руси,
—« Ни мнѣ-ка-ва, ни дѣтямъ, ни внучатамъ! »—

Щилья-каменье въ Сѣверной стороны;
Самсонъ богатырь на Святыхъ на горахъ;
Молодой Алеша въ богомольной стороны;
Колокольному звону въ Новѣградѣ
[Сладкіе напитки въ Петербургѣ городкѣ],
Сладкіе колачики Новоладожскіе,
Дешевы поцѣлуи Бѣлозерскіе.
Дунай, Дунай, Дунай,
Впередъ болѣ не знай!

(Записано тѣмъ же собирателемъ).

*) Владать.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

30.

(Деревни Логмасы; ср. выше).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На могучіихъ на богатырей.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испроговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Всѣ на пиру поженены,
« Одинъ я, князь, не женатый есть.
« Знаете ль вы про меня княгину супротивную *),
« Чтобы ростомъ была высокая,
« Станомъ она становитая,
« И на лицо она красовитая,
« Походка у ней часта и рѣчь баска **),
« И было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
« Дума думати, долгіе вѣки коротати,
« И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
« Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
« И всему красному городу Кіеву
« Было бы кому покланятися? »
Всѣ за столомъ призамолкнули;
Одинъ удалый добрый молодецъ,
Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
Очень онъ пьянъ—не шатается,
Говоритъ рѣчи—не смѣшается,
Выходилъ за столика дубоваго,

*) Ровню мнѣ.—*Изд.*
**) Пригожа.—*Изд.*

Бьетъ челомъ, покланяется:
— Князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Я знаю про то, вѣдаю
— Про тебя княгину супротивную:
— Во той во земли, въ хороброй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великія,
— Обѣ дочери на выдаваньи:
— Большая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней часта и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки коро́тати,
— И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому покланятися.—
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Ай же ты, Дунаюшка Ивановичь!
« Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
« Возьми казны десять тысячей,
« И поѣзжай во тую землю, въ хоробру Литву,
« И добрымъ словомъ посватайся:
« Буде въ честь не даютъ, такъ ты силой возьми,
« А столько привези Опраксу королевичну. »
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичь:
— Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не надо-ка силы сорокъ тысячей,
— Но надо казны десяти тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича.—
Испроговоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:

« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
« Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи. »
Скоро Добрынюшка понакнулся,
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добрыхъ коней;
Видли добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Бытто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.

И скоро будутъ во той земли, въ хороброй Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добрыхъ коней.
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичь:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
« Стой ты у коней, коней паси,
« А поглядывай на рынду *) королевскую,
« На палату княженецкую:
« Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
« А каково бы время, такъ пріухать бы. »
А приходитъ къ королевскому величеству,
Знаетъ онъ порядню королевскую,
Не надо креститься, молитвиться,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Здравствуй, батюшка, король хороброй Литвы! »
А оглянется король хороброй Литвы:
— А прежняя ты слуга, слуга вѣрная,
— Жилъ ты у меня ровно три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ.
— Посажу тебя за бо́льшій столъ,
— За бо́льшій столъ, въ большо́ мѣсто:
— Ѣшь, молодецъ, до сыта

*) Гдѣ сбираются *рынды*: вѣроятно тоже, что *гридня*.

— И пей, молодецъ, до люби.—
И посадилъ его за большій столъ, въ большо мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Сважи, скажи, Дунай, не утай собою,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?—
« А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,—
« Засвататься на твоей дочери на Опраксіи. »
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же вы, Татаровья могучіе!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— Сведите Дуная во глубокъ погребъ
— И заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Доскамы дубовыма,
— И засыпьте пескамы рудожелтыма;
— И пусть-ка во Литвы погоститъ,
— Въ погребу посидитъ,
— Можетъ, Дунай догадается.—
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о столы дубовые:
Столы всѣ дубовые раскряжалися,
Питья па столахъ проливалися,
Посуда вся поразсыпалася,
Всѣ Татаровья испугалися.
И скоро прибѣгали слуги вѣрные
Со того двора княженецкаго:
« Батюшка, король хороброй Литвы!
« Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
« На дворѣ дѣтина тотъ не знай собою́,
« Держитъ во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
« А во правой рукѣ дубина Сарацинская;
« Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
« Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
« На всѣ стороны дубиною размахиваетъ,
« И убилъ тотъ Татаръ до одинаго,
« Не оставитъ тотъ Татаръ на сѣмена. »
Проговоритъ король хороброй Литвы:

— Ай же, Дунаюшка Ивановичь!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь Татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добрыхъ коней
Съ молодой Опраксой королевичной.

Во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Раздернули палатку полотняную
И тутъ добры молодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы востры копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы, высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ Татаринъ на чисто поле;
Ставали по утру ранешенько,
Выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ Татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничь
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву,
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичь
По той по лошадиной по ископыти *)
За тымъ Татариномъ въ погону въ слѣдъ.
Видитъ Татаринъ, что погона въ слѣдъ:
Гдѣ было Татарина такъ доѣзжáть,
Гдѣ было Татарина копьемъ тарыкать,
Такъ съ Татариномъ промолвился:
« Стой ты, Татаринъ, во чистомъ полѣ,

*) По комамъ пыли изъ копыта. — *Изд.*

« Рыкни, Татаринъ, по звѣриному,
« Свисни, Татаринъ, по змѣиному! »
Рыкнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному:
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травяшки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали.
Упалъ Дунаюшка съ добра коня,
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ Татарина съ добра коня:
« Скажи ты, Татаринъ, не утай собою,
« Чьего ты, Татаринъ, роду, чьего племени? »
Говорилъ Татаринъ таковы слова:
— А какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины, ни дѣдины,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
У его сердечушко ужахнулось,
А рука въ плечи застоялася:
— Что же ты, Дунаюшка не опозналъ?
— А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ.—
« Ай же ты, Настасья королевична!
« Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву,
« Примемъ мы чудны кресты, золоты вѣнцы. »

Пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко той ко церкви соборныя;
Меньша сестрица вѣнчается,
Бо́льшая сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни,
На пиру Дунаюшка расхвастался:

« Во всемъ городѣ во Кіевѣ
« Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
« Самъ себя женилъ, другаго подарилъ. »
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Не пустымъ ли ты, Дунаюшка, расхвастался?
— А и не долго я въ городѣ побыла,
— А много въ городѣ признала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице *) Добрыни Никитича,
— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичны:
— Стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попадала стрѣлкой въ ножéчный острей,
— Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,—
— Обѣ половиночки ровны пришли,
— На взглядъ ровнакія и вѣсомъ ровны.—
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичь:
« Поѣдемъ, Настасьюшка, во чисто поле,
« Стрѣлять стрѣлочки каленыя. »
И выѣхали во чисто поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попадала стрѣлкой въ ножéчный острей,
Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половиночки ровны пришли,
На взглядъ ровнакія и вѣсомъ ровны.
И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичь:
Такъ разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ разсердился Дунаюшка Ивановичь,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Въ Настасьины бѣлы груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же, Дунаюшка Ивановичь!
— Лучше ты мнѣ-ка пригрози три грозы.

*) Щегольство.—*Изд.*

— Первую грозу мнѣ-ка пригрози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка пригрози:
— Возьми меня за волосы, за женскія,
— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту полю;
— А третью грозу мнѣ-ка пригрози:
— Веди меня во улицу крестовую,
— Копай попелькамы *) во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка черево повыносити,
— Дай мнѣ младенца поотродити,
— Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить;
— У меня во черевѣ младенецъ, —
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
— По локоть руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми пекётъ красно солнышко! —
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди́:
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы́,
Вынималъ сердце со печенью, —
У нея во черевѣ младенецъ,
Тагого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ пекётъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки пося́гнулся.

*) Грудями.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

(Отъ Козьмы Романова; ср. выше).

31.

(Кижская волость; ср. выше).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На многихъ князей на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.
Сталъ по горницы Владиміръ князь похаживать,
Пословечно сталъ онъ выговаривать:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Всѣ-то красны дѣвушки за мужь даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ, не жененый.
«То вы знаете ль мнѣ, братцы, супротивничку,
«Чтобы лицюшкомъ-то была супротивъ меня *),
«Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
«Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
«Походочка была бы лани бѣлыя,
«Бѣлыя лани Напольскія,
«Напольскія лани златорогія,
«Чтобы было мнѣ съ кѣмъ жить да быть,
«Жить да быть, вѣкъ коротати,
«И вамъ, молодцамъ, было бы кому покланятися.»
Всѣ молодцы за столомъ умолкнули,
Пріумолкнули всѣ, затулялися **),
Бо̀льшая тулица къ середнюю,
Средняя тулица за меньшую,
Отъ меньшей тулицы отвѣту нѣтъ.

*) Владиміръ славился красотою и въ помѣщенныхъ выше былинахъ Добрыня желаетъ «спородиться красотою во князя во Владиміра.»

**) *Тулаться*—уклоняться, хорониться.

За тыхъ за столиковъ дубовыихъ,
Изъ за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичь,
Понизешенько онъ князю покланяется:
— Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
— Знаю я тебѣ княгину супротивницу:
— Лицюшкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
— Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
— Походочка у ней лани бѣлыя,
— Бѣлыя лани Напольскiя,
— Напольскiя лани златорогiя:
— Будетъ съ кѣмъ тебѣ князю жить да быть,
— Жить да быть, вѣкъ коротати,
— И намъ молодцамъ будетъ кому покланятися.
— Во той есть во славной Литвы,
— У того есть у короля Литовскаго
— Дочь прекрасная Опракса королевична;
— Сидитъ она во теремѣ въ златомъ верху,
— На ню красное солнышко не оппекетъ,
— Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
— Многiе люди не обгалятся *).—
Говорилъ Владимiръ таковы слова:
« Ай же ты, Пермилъ сынъ Ивановичь!
« Кого мнѣ-ка послать посвататься
« За меня за князя за Владимiра
« На прекрасной на Опраксы королевичны?»
Говорилъ Пермилъ таковы слова:
— Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
— Я про то знаю, кого послать посвататься
— За тобя за князя за Владимiра
— На прекрасной на Опраксы королевичны:
— Послать тихiя **) Дунаюшка Ивановича;
— Онъ Дунаюшка во послахъ бывалъ,

*) Не обзарятся, не глазѣютъ.—*Изд.*

**) Дунай здѣсь называется *тихимъ*, потому что таково (*тихій* и *бѣлый*) постоянное прозвище рѣки Дуная у Славянъ.—*Изд.*

— Онъ Дунай много земель знавалъ,
— Онъ Дунаюшка говорить гораздъ:
— Ему Дунаюшку и посвататься.—
Владимiръ князь стольно-Кiевскiй,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ-то онъ ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихiй Дунаюшка Ивановичь
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« Ѣду я за добрымъ дѣломъ за сватовствомъ,
« Посвататься за тобя за князя за Владимiра
« На прекрасной на Опраксы королевичны.
« Столько дай мнѣ во товарищахъ
« Моего-то братца крестоваго,
« Молода Васильюшка Казимiрова.»
Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ къ Васильюшку Казимiрову.
Молодой Васильюшка Казимiровъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« Ѣду я въ товарищахъ съ Дунаюшкой,
« Только дай намъ еще въ товарищахъ
« Василья паробка Заморскаго:
« Ему Васильюшку коней сѣдлать,
« Ему Васильюшку расѣдлывать,
« Плети подавать, плети принимать.»
Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,

Подносилъ къ Василью паробку Заморскому.
Васильюшка паробка Заморскій
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
« И къ тихія Дунаюшку Ивановичу.»
Оны шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлали добрыхъ коней богатырскіихъ,
Садились на добрыхъ коней, поѣхали
Во славную во эту въ хоробру Литву.

Пріѣхали къ королю на широкій дворъ,
Становили коней посередъ двора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Со своей дружинушкой хороброей
Шелъ онъ во палату бѣлокаменну,
На пяту онъ дверь-то поразмахивалъ,
Крестъ онъ клалъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Самому-то королю въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Сталъ король у нихъ выспрашивать:
— Вы откулешны, удаленьки дородни добры молодцы?—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Есть мы со славной матушки со святой Руси
« Отъ ласкова князя отъ Владиміра.»
Король садитъ-то ихъ за столики дубовые,
За тыя за скамейки за окольныя,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Поднесъ къ тихому Дунаюшку Иванову.

Тихій Дунаюшка Ивановичь
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Берегъ онъ эту чарочку одной рукой,
Онъ за этой чарочкой посватался
За того за князя за Владиміра
На прекрасной на Опраксы королевичны.
Говорилъ ему король таковы слова:
— Глупый Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Онъ не знай *) кого послать ко мнѣ посвататься,
— Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
— Изъ бояръ мнѣ-ка боярина хорошаго,
— Изъ богатырей богатыря могучаго;
— Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
— Ай же вы, мои слуги вѣрные!
— Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за бѣлыя,
— За него за перстни за злаченые,
— Ведите-тко на погреба глубокіе
— За него за рѣчи неумильныя.—
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Видитъ онъ: дѣло есть не малое,
Скорешенько онъ скочитъ черезъ золотъ стулъ,
Схватилъ онъ Татарина за ноги.
Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
Сталъ онъ Татаръ поколачивать.
Король по застолью бѣгаетъ,
Куньею шубой укрывается:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичь!
— Садись-ка со мной за единый столъ,
— Сдѣлаемъ съ тобою мы сватовство
— За того за князя за Владиміра
— На моей-то дочери любимыя,
— На прекрасныя Опраксы королевичны.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
« То не ужаловать ти молодцевъ уѣдучись:
« Я въ честь возьму Опраксу за князя за Владиміра,

*) Сокращеніе изъ *знае*—знаетъ.

«А не въ честь Опраксу за товарища,
«За того возьму за паробка любимаго.»
Пошелъ тихій Дунаюшка ко терему,
Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливать,
Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
Прекрасная Опракса королевична
Ходитъ по терему, злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.
Говорилъ ей Дунай таковы слова:
«Ай же ты, Опракса королевична!
«Идешь ли ты за мужь за князя за Владиміра?»
Говорила она таковы слова:
— Три года я Господу молилася,
— Чтобъ попасть мнѣ за мужь за князя за Владиміра. —
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Беретъ ю за ручушки за бѣлыя,
За нея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ ю въ уста во сахарнія
За нея за рѣчи за умильныя.
Приводилъ ю на широкій дворъ;
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славну по раздольицу чисту полю.

Говоритъ ему Опракса королевична:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичь!
— Есть у меня сестрица родимая,
— Молода Настасья королевична:
— Она ѣздитъ во чистомъ полѣ паленицею,
— Имѣетъ въ плечахъ силушку великую;
— Ежели наѣдетъ васъ въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
— Съ ней не дѣлайте противности великія. —
Раздернули шатры бѣлые въ чистомъ полѣ,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,

Насыпали имъ пшены бѣлояровой.
Наѣхала Настасья королевична
Изъ того раздольица чиста поля,
Накатилася за нима, какъ сильна гора.
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Поздравствовалъ Настасью королевичну
И говорилъ ёй таковы слова:
« Ай же ты, Настасья королевична!
« Идетъ твоя сестрица родимая,
« Прекрасная Опракса королевична
« За славнаго за князя за Владиміра;
« А ты поди-тко за мужь за меня,
« За тихія Дунаюшка Ивановича.»
Пошла она за тихія Дунаюшка Ивановича.

Пріѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
Ко князю ко Владиміру на широкъ дворъ,
Ихъ срѣтаетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
И ведетъ ихъ во палаты бѣлокаменны;
Накормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Напоилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Сходилъ съ нима во матушку въ Божью церкву,
Принимали-то оны златы вѣнцы,
Выходили со матушки съ Божьей церквы,
Пришли оны въ палаты бѣлокаменны;
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Стали испивать хмѣльныихъ напиточекъ.
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Пьетъ напиточки, да похваляется:
« Досталъ-то я княгину про князя про Владиміра,
« Досталъ княгину про тихія Дунаюшка Ивановича.»
Говоритъ ему Настасья королевична:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичь!
— Не хвастай своею храбростью великою:

— На твою-то молодецкую головушку
— Я кладу свое колечико серебряно,
— Три разъ изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
— Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
— И не сроню-то я колечика съ головушки.—
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
И выходилъ съ ней Дунай въ чисто поле,
Полагалъ собѣ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.
Молода Настасья королевична
Три разъ она прострѣлила въ колечико серебряно,
Пропустила стрѣлочку каленую
И не сбила колечика съ головушки.
Тихій Дунаюшка Ивановичь
Становилъ Настасью королевичну,
Полагалъ ей колечико серебряно на головушку,
Беретъ свой тугій лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,
Налагалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку.
Тутъ ему Настасья королевична молилася:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичь!
— У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
— Принесу тобѣ я сына любимаго:
— По колѣнца ножки въ серебрѣ,
— По локоточки рученьки въ золотѣ,
— На головушкѣ по косицамъ будутъ звѣзды частыя.
— За глупыя слова мои за женскія
— Копай ты въ матушку сыру землю меня по поясъ,
— Бей-ко ты меня по нагу тѣлу
— За мои за рѣчи неумильныя.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Все это отвертки есть женскія!»
Спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую
Да во самое во темячко,
Убилъ онъ Настасью королевичну,
Убилъ онъ, самъ пораздумался:
« Пораспластать мнѣ было ёй чрево женское,—

«Есть ли у меня что съ ней посѣяно?»
Какъ распласталъ ёй чрево женское,
Такъ съ ней во чревѣ чадо посѣяно:
По колѣнца ножки въ серебрѣ,
По локоточки рученьки въ золотѣ,
На головушкѣ по косицамъ звѣзды частыя.
Тутъ Дунаюшка и раздумался:
«Что я сдѣлалъ двѣ головки безповинныихъ!»
Бралъ въ руки саблю вострую,
И палъ-то онъ на саблю вострую,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Гдѣ пала Настасьина головушка
«И гдѣ протекла Настасья рѣка,
«И тутъ протеки-тко Дунай рѣка.»

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки оны расходилися,
И още оны въ мѣсто сходилися.

(Отъ Рябинина; ср. выше).

*

ДНѢПРА КОРОЛЕВИЧНА И ДОНЪ ИВАНОВИЧЬ.

32.

(Деревня Буракова; ср. выше).

Русьскіе могучіе богатыри
И всѣ паленицы удалыя
Собиралися ко ласкову князю Владиміру
На почестенъ пиръ-пированьице.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиръ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.

Говоритъ Нѣпра *) королевична:
« А нѣтъ-то стрѣльцовъ добрыхъ молодцевъ
« Противъ меня Нѣпры королевичны;
« А силою молодцевъ, ухваткою
« Противъ стараго казака Ильи Муромца;
« А красотою молодцевъ, угожествомъ
« Противъ Михайлы Потыка Иванова;
« А богачествомъ противъ Дюка Степанова;
« А тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ
« Противъ молода Добрынѣ Никитича:
« У него ли рѣчи привѣтливы,
« У него ли рѣчи умильныя,
« Онъ прельститъ и уговоритъ;
« Нѣтъ молодцевъ походкой, пощипкой
« Противъ Чурилища Опленковича:
« Идетъ-то Чурилище по Кіеву,—
« Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются.»
А сама говорила, не спохвалила
Своего-то мужа законнаго
Тихаго Дона сударь Ивановича.
Тутъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое.
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— А когда жь ты охвоча стрѣлить стрѣлочка каленая,
— Пойдемъ-ка во раздольице чисто поле,
— Станемъ стрѣлить стрѣлочка каленая:
— Который у насъ вѣрняй стрѣлитъ?—
Какъ шли они на чисто поле,
Относили они колечико серебряно
За тую за версту за мѣрную,
Становили ножичекъ булатниій
Супротивъ колечика серебряна.
Какъ стрѣлила во колечико серебряно,
Попадала во колечико серебряно
За тую за версту за мѣрную,

*) Въ Пудожскомъ говорѣ *ѣ* не всегда произносится какъ *и*.

Колола она стрѣлочку ровнымъ ровно
На двѣ половиночки ровныя;
Клали на вѣсы половиночки,
Ни коя ни кою не перетягиватъ.
Какъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое;
Началъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Началъ самъ стрѣлочкѣ выговаривать:
— Ай же ты, моя любимая калена стрѣла!
— Пади-ка ни нà воду, ни нà землю,
— Пади-ка въ Нѣпру королевичну,
— А пади-ка ей во бѣлую грудь.—
Тутъ-то она прослезилася,
Начала плакать уливаючись,
Сама говоритъ таково слово:
« Ахъ ты тихій Донъ сударь Ивановичь!
« Не стрѣляй меня Нѣпру королевичну;
« А несу тебѣ я сына любимаго:
« По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
« По локоть-то рученьки въ золотѣ,
« А по косицамъ быдто звѣздушки,
« А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
« А спереди быдто солнышко.»
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Онъ ничего, молодецъ, не спрашивалъ,
Стрѣлилъ онъ ю во бѣлую грудь:
Пала Нѣпра на сыру землю,
Облилася кровью горючею.
Хватилъ онъ ножище-кинжалище,
Пласталъ ея груди бѣлыя,—
А несла она сына любимаго:
По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ быдто звѣздушки,
А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,

Становилъ онъ ножище-кинжалище,
Становилъ онъ, самъ выговаривалъ:
— Куда пала головушка бѣлы лебеди,
— Тутъ пади головушка и сѣра гуся.—
Палъ онъ тутъ на ножище-кинжалище.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.
Глубиною рѣка двадцати сажень,
А шириною рѣка сорока сажень.

(Отъ Никифора Прохорова; ср. выше).

*

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

33.

(Тамъ же).

Поѣзжаетъ Иванушка женитися
Ко гостю ко купцу къ Дмитрищу.
Говоритъ онъ ро̀дному дядюшкѣ:
« Ай же ты, любимый дядюшка,
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ силы сорокъ тысячей,
« Казны-денегъ друго сорокъ тысячей:
« Поѣду я Иванушка женитися
« Ко гостю ко купцу къ Дмитрищу. »
Князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Давалъ ему силы сорокъ тысячей,
Казны-денегъ друго сорокъ тысячей.

Поѣхалъ Иванушка женитися,
Пріѣзжалъ ко гостю ко купцу ко Дмитрищу,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ Иванушка въ высокъ теремъ,

Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
«Ай же ты, гость-купецъ Дмитрище!
«Есть у тебя любимая дочь,
«Прекрасная Марья Дмитріевична:
«Отдай-повыдай за меня за мужъ!»
Говоритъ купецъ таковы слова:
— Ай же ты, Иванушка Годиновичь!
— У меня была Марьюшка просватана
— За того царя Кощея за Трипетова.—
Говоритъ Иванушка Годиновичь:
«Съ добра отдашь, добромъ возьму,
«Не отдашь съ добра, силомъ возьму.»
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
Схватилъ ножище-кинжалище,
Ударилъ ножищемъ во дубовый столъ:
Разлетѣлся столъ во всѣ стороны.
Бѣжалъ тутъ Иванушка въ высокъ теремъ,
Взималъ-то Марью Дмитріевичну
За ея за рученьки за бѣлыя,
За ея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ-миловалъ, къ сердцу прижималъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Поѣдемъ-ка со мной, Марья Дмитріевична!»

Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Ко своему любезному ко дядюшкѣ.
Отъѣзжалъ Иванушка на чисто поле,
Раздернулъ онъ бѣлъ шатеръ
Во томъ раздольицѣ чистомъ полѣ,
Отпускалъ свою силушку великую
Ко стольному ко князю ко Владиміру:
«Скажите, братцы, родному дядюшкѣ,
«Стольному князю Владиміру,
«Что веземъ Марью Дмитріевичну!»
Его рать-сила великая
Отправлялась ко городу ко Кіеву.
На ту пору на то времячко

Наѣзжаетъ царь Кощей сынъ Трипетовичъ
Ко гостю купцу ко Дмитрищу,
Говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, гость купецъ Дмитрище!
— Ты куда дѣвалъ Марью Дмитріевичну?—
« А есть Марья увезена
« У того Иванушка Годиновича:
« Я съ добра не далъ, такъ онъ силомъ увезъ.»
Царь Кощей сынъ Трипетовичъ
Поѣхалъ за Иваномъ въ слѣдъ сугонoю;
Засталъ онъ Иванушка на чистомъ полѣ,
На чистомъ полѣ во бѣломъ шатрѣ,
Со той ли со Марьей Дмитріевичной,
Засталъ ли его забавляючись.
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
Начали оны битися-ратися
Со царемъ Кощеемъ сынъ Трипетовичемъ:
Побивалъ Иванушка Годиновичъ
Царя Кощея сына Трипетова,
А сбилъ онъ его на сыру землю.
На ту пору на то времячко
Ножища при немъ не случилося.
Говоритъ Иванушка таково слово:
« Ай же ты, Марья Дмитріевична!
« Дай-ка мнѣ ножище-кинжалище
« Пластать Кощею бѣлая грудь.»
Говоритъ Кощей сынъ Трипетовичъ:
— Ай же ты, Марья Дмитріевична!
— Не давай ножища-кинжалища
— Иванушку Ивану Годиновичу!
— А я тебѣ скажу-поро̀зскажу:
— А тащи-ка ты Ивана за желты кудри
— Со тыихъ со моихъ со бѣлыхъ грудей;
— Будешь слыть портомойницей
— У солнышка у князя Владиміра,
— А будешь слыть не царицею:
— А поди-ка ты за меня за мужъ,
— Такъ будешь, Марьюшка, слыть царицею

— У меня Кощея у Трипетова.—
Тутъ-то она и пораздумалась:
« Что мнѣ-ка слыть портомойницей?
« А лучше будетъ слыть царицею
« За царемъ Кощеемъ за Трипетовичемъ. »
Какъ хватила Ивана за желты кудри,
Тащила Ивана со бѣлыхъ грудей,
Такъ взяли тутъ Ивана Годиновича,
Привязали Ивана ко сыру дубу;
Какъ пошелъ Кощей Трипетовичь
Забавлятися съ Марьею Дмитріевичной
Во тоемъ во бѣлоемъ шатрѣ.
На ту пору на то времячко
Налетала птица черный вранъ,
Садился онъ вранъ на сырой дубъ,
Проязычилъ языкомъ человѣческимъ:
« А не владѣть-то Марьей Дмитріевичной
« Царю Кощею сыну Трипетову,
« А владѣть Ивану Годиновичу. »
Услыхалъ Кощей сынъ Трипетовичь
Тое воронино звѣщеваніе,
Скочилъ Кощей на рѣзвы ноги,
Хватилъ Кощей тугій лукъ,
Натягалъ тетивочку шелковую,
Кладывалъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то во черна ворона,
Стрѣлилъ, не попалъ въ его,
Зашелъ онъ опять во бѣлой шатеръ,
Такъ эта стрѣла взадъ обратилася,
Пала ему въ буйну голову:
Облился онъ кровью горючею,
Пришла тутъ Кощею горькая смерть.
Тутъ тая Марья Дмитріевична,
Выставала она на рѣзвы ноги,
Взимаетъ въ руки саблю вострую,
Начала сабелькой помахивать,
Начала сама выговаривать:
— У женщины волосъ дологъ, умъ коротокъ!

— Отъ бережка теперь я откачнулася,
— А къ другому я не прикачнулася:
— Отсѣку Ивану буйну голову,
— Пойду назадъ, красна дѣвушка! —
Говоритъ Иванушка таковы слова:
« Ай же ты, Марья Дмитріевична!
« Не сѣки мнѣ, Ивану, буйны головы;
« А столько я ти за ту вину за великую
« Дамъ-то три грозы небольшенькія. »
Тутъ она съ собой пораздумалась:
— Перву грозу мнѣ дастъ, я годъ проживу;
— А другу дастъ, още годъ проживу,
— А третью дастъ, я и вѣкъ проживу. —
Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ ей бѣлы рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно:
« Обнимали поганаго Татарина. »
Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно:
« Цѣловали поганаго Татарина. »
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
« Этыхъ мнѣ ноженекъ не надобно:
« Охапляли поганаго Татарина. »
Пошелъ тутъ единъ единешенекъ
Онъ, удалый добрый молодецъ;
Пришелъ ко городу ко Кіеву,
Ко стольному князю ко Владиміру,
Къ своему любезному ко дядюшкѣ,
Пришелъ онъ молодецъ безо всего:
Ждали-сожидали съ молодой женой,
А пришелъ Иванушка, и нѣтъ никого.

(Записано у того же).

34.

(Кижская волость; ср. выше).

Молодой Иванушка Годиновичь
Поѣзжалъ жениться въ Золоту орду
На прекрасной Настасьѣ Митріевичной.
Говорилъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Ай же ты, Иванушко Годиновичь,
« Крестничекъ мой любимыій!
« Поѣзжаешь ты жениться въ Золоту орду
« На прекрасноей Настасьѣ Митріевичной:
« Что же будешь брать съ собой?—
« Силу [армію] великую,
« Али будешь брать безсчетну золоту казну,
« Али будешь брать одежи драгоцѣнныя?»
Говорилъ ему Иванушка Годиновичь:
— Ай же ты, крестовый мой батюшка!
— Намъ не войскомъ брать Настасью Митріевичну,
— И не дракой брать Настасью Митріевичну,
— Не купить-то намъ безсчетной золотой казной,
— Да и не надоть мнѣ одежи драгоцѣнныя;
— А столько дай-ка мнѣ въ товарищахъ
— Паробкя любимаго Васильюшка Заморскаго,
— Чтобъ ему Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему Васильюшку разсѣдлывать,
— Ему плеть подавать, да и плеть принимать.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Даетъ паробкя Васильюшка Заморскаго.
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,
Пріѣхалъ въ Золоту орду Иванушка Годиновичь,
Сталъ посватывать Настасью Митріевичну.
А съ другой стороны, съ хороброй Литвы
Наѣзжаетъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичь
И сталъ сватать Настасью Митріевичну.

Не пошла она за сына за царскаго,
А пошла за Иванушка Годиновича.
Иванушко Годиновъ сынъ
Взялъ въ люби Настасью Митріевичну.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Со своимъ со паробкомъ любимыимъ
И со своей Настасьей Митріевичной.
Оны ѣхали раздольицемъ-чистымъ полемъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Ускоряли-то дорожкой скоро на скоро;
Оны день ѣдутъ по красному по солнышку,
А ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Отпускалъ Иванушка Годиновичь
Паробкя любимаго Васильюшка Заморскаго
Къ свому крестовому ко батюшку,
Ко славному ко князю ко Владиміру,
Отпускалъ Васильюшку, наказывалъ:
« Ты скажи, Васильюшка Заморскиій,
« Что въ люби везу Настасью Митріевичну. »
Изъ того раздольица чиста поля
Наѣхалъ царскій сынъ Θедоръ Ивановичь,
Говорилъ Настасьѣ Митріевичной:
— Прекрасная Настасья Митріевична!
— Пошла ты за мужь за Ивана Годиновича,
— За того работника князя Владиміра:
— А поди ты за мужь за меня, за сына царскаго,
— И такъ будешь ты царицей, не работницей.—
Какъ сталъ ю сватать путемъ-дорогою
Царскій сынъ Θедоръ Ивановичь,
И пошла она за сына за царскаго;
И взяли оны двое—обневолили
Молода Иванушка Годиновича,
Привязали его ко сыру дубу,
Самы пораздернули шатеръ бѣлополотняный,
Спать оны легли, да проклаждатися,
Въ разные забавы занинатися.
Какъ оны спали-проклаждалися,
Выходили оны изъ бѣла шатра;

По Божьему по повелѣнію
Полетѣло черезъ нихъ три бѣлыихъ три лебеди.
Говорила прекрасная Настасья Митріевична:
— Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичъ!
— Захотѣлось на поносѣ мнѣ мяса лебединаго:
— Застрѣли-ка бѣлую лебедушку.—
Онъ беретъ скорешенько каленый лукъ разрывчатый,
Натянулъ тетивочки шелковеньки,
Наложилъ онъ стрѣлочки каленыя;
Этая стрѣлочка каленая,
Къ верху стрѣлочка поднималася,
И въ верхỳ она свивалася,
И пала прямо въ темя Ѳедору Ивановичу,
И убила до смерти Ѳедора Ивановича.
Тутъ стоитъ Настасья Митріевична,
Закручинилась и запечалилась:
Отъ бережка она откачнулася,
А къ другому не прикачнулася.
Говоритъ Настасья Митріевична:
— Ай же ты, Иванушка Годиновичь!
— Прости меня во женскія во глупости,
— Возьми меня опять за собя.—
Говорилъ ей Иванушка Годиновичь:
« Исполню я три заповѣди женскіихъ,
« Тогда возьму тобя за собя.»
Отвязала она его отъ сыра дуба.
Бралъ-то онъ свою саблю вострую,
Отрубилъ-то ей ножки рѣзвыя,
Рубилъ-то ей ножки, выговаривалъ:
« За чѣмъ эти ноженьки рѣзвыя
« Оплетали Татарина поганаго!»
И отрубилъ ей ручки бѣлыя,
Рубилъ-то ей ручки, выговаривалъ:
« За чѣмъ эти рученьки бѣлыя
« Обнимали Татарина поганаго!»
И отрубилъ ей уста сахарнія,
Рубилъ-то ей уста, выговаривалъ:
« За чѣмъ эти уста сахарнія

« Цѣловали Татарина поганаго,
« Того ли Ѳедора Ивановича! »
Садился Иванушка на добра коня
И ѣхалъ Иванушка въ стольный Кіевъ градъ.
Тамъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Ждетъ его съ прекрасною Настасьей Митріевичной,
А пріѣхалъ Иванушка самъ собой.
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Отводилъ его въ покои во особые,
Сталъ у его онъ выспрашивати:
— Какъ же, Иванушка Годиновичь,
— Гдѣ жь ты дѣлъ прекрасную Настасью Митріевичну?—
Отвѣчалъ ему Иванушка Годиновичь:
« Ай же ты, крестовый мой батюшка,
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Всякій молодецъ на вѣку женится,
« А не всякому женидьба удается! »

(Отъ Рябинина; ср. выше).

*

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ СЫНЪ ИВАНОВИЧЬ.

35.

(Тамъ же).

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Король молодца любитъ-жалуетъ,
Королевна молодца во люби держитъ.
Загулялъ добрый молодецъ, порасхвастался,
Что ходилъ молодецъ изъ орды въ орду *)....

*) Пропускъ.

Ходилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Ко славныя ко матушкѣ ко Пучай рѣкѣ,
Стрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныихъ утушекъ.
И по славныя по матушкѣ Пучай рѣкѣ
Пловетъ-то колода бѣлодубовая:
На этой колоды бѣлодубовой
Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Бралъ онъ свой тугій лукъ разрывчатый,
Накладывалъ онъ стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелкóвую,
Хоти́гъ подстрѣлить бѣлую лебедушку.
Бѣлая лебедушка поднималася
И становилася на матушку сыру землю
Супроти́въ Михайлы Потыка сына Иванова,
Проязычила она языкомъ человѣческимъ....

(Не кончено; записано отъ того же).

36.

ТОЖЕ.

(Тамъ же).

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Ѣздилъ онъ во славну во темну орду,
Относилъ-то дани-выходы
За старые года и за нынѣшніе,
И за всѣ времена за досюлешны,
Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крèченей,
Отвозилъ-то грамоту повинную
Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву.
Воротилъ назадъ онъ дани-выходы:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречеией,

Жаловалъ его царь Лиходѣй Лиходѣевичь
Трема кораблямы со Татарамы,
И поѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
По славному по синему по морюшку.
Увидѣлъ онъ лебедку на синѐмъ морѣ,
Говорилъ-то Татаровьямъ поганымъ:
« Ай же вы, Татаровья поганые!
« Можете ли злучить *) эту лебедку на синѐмъ морѣ,
« Чтобъ не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорятъ ему Татаровья поганые:
— Ай же, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Долиною море долинешенько,
— Шириною море широкошенько:
— Не излучить-то намъ лебедки на синемъ морѣ,
— Чтобъ не раненой лебедки, не кровавленой.
— Если бъ плавала лебедка по быстрой рѣкѣ,
— Излучили бы лебедушку не ранену и не кровавлену.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Беретъ-то свой тугій лукъ разрывчатый,
Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Хотѝтъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.
Этая бѣлая лебедушка
Поднималася отъ синя моря
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Садилась она на черленъ корабль,
Обвернулась красной дѣвицей.
Подходилъ-то къ ней Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыя
И за ней за перстни за злаченыя,
Цѣловать хотѝтъ въ уста ю во сахарнія.
Говоритъ-то ему красна дѣвица:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Не цѣлуй меня, красну дѣвушку:

*) Угодить, попасть въ... *Изд.*

— Есть я роду невѣрнаго,
— Есть я роду некрещенаго.
— Когда свезешь на славную святую Русь,
— И будемъ во славноемъ стольно-Кіевѣ,
— И сходимъ во матушку Божью церкву,
— И доставишь во вѣрушку крещоную,
— Тогда мы съ тобой примемъ золоты вѣнцы,
— Тогда меня цѣлуй красную дѣвушку.—
Пріѣхали оны во стольно-Кіевъ градъ,
Сходили во славную во матушку Божью церкву,
Доставлялъ онъ ю во вѣрушку крещоную,
Принимали оны золоты вѣнцы;
Стали жить да быть, долго здравствовать.

∘

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Сталъ ѣздить во раздольице чисто поле
На добромъ конѣ на богатырскоемъ.
И наѣхалъ онъ станъ разбойницкій въ чистомъ полѣ;
Во тоемъ стану во разбойницкомъ
Сидитъ красная дѣвушка подъ окошечкомъ,
Плачетъ она причитаючись,
Русую косу прижимаючись:
— Вчерась моя косынька была призаплетена,
— Сегодни моя косынька порастреплена,
— Порастреплена въ полону сидитъ,
— Въ полону сидитъ подъ неволею,
— Во томъ стану во разбойницкомъ.—
Услыхалъ то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Повыломилъ онъ дверцы дубовыя,
Бралъ эту дѣвушку подъ правую подъ пазушку,
Садился на добра коня богатырскаго,
Пріѣхалъ Михайла въ стольно-Кіевъ градъ,
Привозилъ-то эту красну дѣвушку.
Усмотрѣла его молода жена,
Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая,
Стала она да усомлятися:

«Что ѣздитъ мой мужъ по Кіеву за б......ы *).»

*

*) **Пропѣвши эту старину, пѣвецъ припомнилъ пропуски, которые по его словамъ нужно размѣстить такъ: послѣ 57-го стиха—**

Принимали оны золоты вѣнцы,
Оны заповѣдь великую покладали между собой:
«Который, де, изъ насъ впереди помретъ,
«Живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ лечи
«На трое сутокъ на времени.»
Стали жить да быть, долго здравствовать.

Послѣ стиха 81-го—

И сдѣлалась она нездоровая,
И тутъ она скоро преставилась.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сковалъ три прута мѣдныихъ и три желѣзныихъ,
Сковалъ клещи желѣзные
И приказалъ сколотить домовище великое,
Чтобы въ одно домовище двоимъ лечи.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— За чѣмъ берешь съ собой три прутика мѣдныихъ,
— Три желѣзныихъ и клещи желѣзные?—
Отвѣтъ держалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ради того беру съ собой прутья мѣдные и желѣзные,
«И клещи беру желѣзные,
«Чтобы къ моему ко гробу не плавала змѣя подземельная
«И не точила бы мого тѣла бѣлаго.»
Положили ихъ въ одно домовище
И спускали въ могилу глубокую.
И ко тоему гробу приплываетъ змѣя подземельная.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Беретъ клещи онъ желѣзные,
Прихватилъ тую змѣю подземельную,
И билъ ю прутьямы мѣдныма,
И билъ ю прутьямы желѣзныма.
И обвернулась она Марьей Бѣлой Лебедью,
И давала заповѣдь великую
Не дѣлать впредь никаковыхъ пакостей.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Уходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зеленó вино.
На тую пору на времячко
Изъ той изъ Литвы изъ поганоей
Пріѣхалъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичь,
Сталъ онъ звать за собя Марью Лебедь Бѣлую;
И пошла за него за мужь Марья Лебедь Бѣлая.
Оны сѣли на добрыхъ коней, уѣхали,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Сидитъ—пьетъ да прохлаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ во царевъ кабакъ
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ Илья таковы слова:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Ты пьешь зелено вино, прохлаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Твоя же молода жена,
— Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая
— За мужь ушла за Татарина поганаго,
— За царскаго сына Өедора Иванова.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Обулъ собѣ лапотики шелковенькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На головку шляпку земли греческой,
И пошелъ онъ въ эту во темну орду.
Приходилъ онъ къ Татарину поганому
Къ тому Өедору Иванову на широкъ дворъ,
Становился подъ окошечко косявчето,
Воскричалъ-то онъ во всю голову:
« Ай же ты, царскій сынъ, Өедоръ Ивановичь!
« Сотвори-тко ты мнѣ милостинку,
« Да не рублямы я беру, не полтинкамы,
« А беру я цѣлыма тысячмы.»
Какъ посмотрѣла въ окошечко
Его-то молода жена, Марья Лебедь Бѣлая,

И говоритъ она таковы слова:
— Ай же, мой любимый мужь, Өедоръ Ивановичь!
— Пришелъ ко мнѣ прежній мужь:
— Веди его въ палаты бѣлокаменны,
— Садись-ка съ нимъ за единый столъ,
— Корми-тко его ѣствушкой сахарнею,
— Пой-ка его питьицемъ медвянымъ
— И дари-тко ему дары драгоцѣнные.—
И выходилъ-то царскій сынъ на широкій дворъ,
И просилъ къ собѣ въ палаты бѣлокаменны.
И заходили въ палаты бѣлокаменны,
Садилися за столики дубовые,
И ѣли они ѣствушки сахарнія,
Пили они питьица медвяныя.
Этотъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичь
Во эты во хмѣльны во напиточки
Спущалъ да зелья спящаго,
Спящаго зѣлья забудущаго.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Гдѣ ѣлъ да пилъ, тутъ и спать уснулъ.
Взяли Михайла Потыка сына Ивановича,
Стащили его во глубокъ погребъ,
Приковали къ стѣны на гвоздики.
У этого у сына у царскаго была сестра рòдная,
Сестра родная, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична:
Она въ Михайлу Потыка влюбилася
И взяла—отняла его отъ стѣны прикована,
Стала его раночекъ кровавыихъ заращивать,
Стала его добра молодца удабривать,
И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царскій сынъ Өедоръ Ивановичь
Поѣхалъ съ молодой женой
Съ Марьею Лебедью Бѣлою
По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична

Говоритъ Михайлы Потыку сыну Иванову:
— Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Поди-тко по нашему по городу:
— Гдѣ сустигнешь сына царскаго
— Со своей со прежней молодой женой,
— Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай.—
И сама за нимъ въ слѣдъ пошла засматривать.
Какъ онъ насмотрѣлъ ихъ по царству ѣдучись,
Такъ и увидѣла его Марья Лебедь Бѣлая,
И говоритъ своему мужу Ѳедору Иванову:
— Мой прежній мужь опять живъ идетъ;
— Наливай-ка чару зелена вина
— Да спусти ему зелья спящаго.—
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичь
Наливалъ ему чару зелена вина
И спущалъ ему зелья спящаго;
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Хотитъ эту взять чару зелена вина;
И говоритъ ему дочи царская:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Не пей-ка этой чары зелена вина:
— Если выпьешь, и самъ погинешь, и меня сгубишь.—
Не пошелъ онъ за чарой зелена вина,
Вынималъ-то саблю булатнюю,
Убивалъ онъ сына царскаго
И убилъ Марью Лебедь Бѣлую.
А взялъ за собя дочи царскую,
Прекрасную Анну королевичну.
И тутъ-то они стали жить да быть,
Добра наживать, отъ лиха избывать.

(Записано отъ того же).

37.

ТОЖЕ.

(Пудожскій уѣздъ, въ Колодозерѣ).

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ ня князей на бояръ,

На сильныхъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ ни пиру порасхвастались.
Какъ солнышко Владиміръ князь
По хорому по гриднѣ похаживалъ,
Правой ручкой помахивалъ,
На богатырей службы наметывалъ:
На перваго богатыря, стараго Илью Муромцу,
На другаго богатыря молода Добрыню Микитича,
На третьяго на душечку Михайлу Потыка Ивановича.
Наливалъ по чары зелена вина,
По ковшу давалъ-то меду сладкаго,
На стараго казака Илью Муромца
Наметывалъ службу великую:
Съѣздить на горы Сорочинскія,
Убить силу поганую отъ мала до велика,
Не оставить силы на сѣмена;
А на другаго богатыря Добрыню Микитича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю за славное сине море,
Ему бить—земли прибавливати,
Коренить языки человѣчески,
Прибавливать земельки святорусскія;
А на третьяго богатыря душечку Михайлу Потыка Ивановича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю во ты ли во гридни во черныя,
Во тые ли Подолье Лиходѣево,
Справить-то дани-выходы
За старые годы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
На чистомъ полѣ богатыри разъѣхались.
Какъ поѣхалъ душечка Михайло Потыкъ Ивановичъ
Во тые ли во гридни во черныя,
Во тые ли Подолье Лиходѣево,
Ко славному царю Лиходѣю Лиходѣеву.
Разставилъ шатеръ бѣлополотняный

На лугахъ на зеленыихъ, на травахъ на шелковыихъ,
И маковку надѣлъ красна золота.
Отъ маковки лучи пекутъ:
День пекутъ по красному по солнышку,
А ночь пекутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
А у этого царя Лиходѣя Лиходѣева
Была-то дочерь любимая,
Марья Подоленка дочь Лиходѣевна.
Она была, к...., лукавая:
Увидѣла въ далечѣ далечѣ чистомъ полѣ
Тоненькій, новенькій, бѣлъ шатеръ
И маковку тую красна золота,
И пришла къ желанному батюшкѣ,
Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву:
— Ай же ты, батюшка-родителекъ,
— Царь Лиходѣй Лиходѣевичь!
— Спусти-ка меня дѣвицу-красавицу
— Погулять во далечѣ далечѣ чистомъ полѣ
— Съ нянкамы и съ мамкамы,
— И съ сѣнныма дѣвкамы служащима.—
И говоритъ ей царь Лиходѣй Лиходѣевичь:
«Ай же ты, дочи любимая,
«Марья Подоленка дочь Лиходѣевна!
«Когда ты была у меня унята,
«Когда ты была закликана,
«А нонече, точно, ты не унята
«И тепереча ты не закликана.»
Она и брала нянюшекъ и мамушекъ,
И сѣнныихъ дѣвушекъ служащіихъ,
И пошла гулять во чисто поле,
И оставила во чистомъ полѣ нянюшекъ и мамушекъ,
И сѣнныихъ дѣвушекъ служащіихъ,
И пришла къ шатру бѣлополотняну,
И стоитъ у шатра—уливается,
Во сыру землю покланяется.
И спитъ богатырь, схарпываетъ *),

*) Всхрапываетъ.—*Изд.*

Про это дѣло не вѣдаетъ.
Его добрый конь провѣщился
Тымъ языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, хозяинъ мой ласковый,
— Душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!
— Ты спишь, богатырь, просыпаешься,
— А стоитъ у шатра дѣвица-красавица,
— Стоитъ она—уливается,
— Во сыру землю покланяется.—
Со сну богатырь пробуждается,
И выходитъ богатырь изъ бѣла шатра,
И бралъ онъ дѣвицу-красавицу
За тыи за перстни злаченые
И ладитъ цѣловать въ уста сахарнія.
И говоритъ ему дѣвица красавица:
— Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!
— Ты вѣдь есть роду русскаго,
— Русскаго роду крещонаго,
— А я вѣдь роду поганаго,
— Поганаго роду не крещонаго:
— Ты свези меня во Кіевъ градъ,
— Приведи во вѣру крещоную,
— И примемъ мы съ тобой златы вѣнцы,
— И станемъ мы съ тобой жить да быть,
— Жить да быть, дѣтей сводить,
— Долгаго вѣку коротати.—
Поскорешенько Михайла коня сѣдлалъ,
Красну дѣвицу въ торока вязалъ
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
И ко ласкову князю ко Владиміру.
И пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ,
И приводилъ ю во вѣру крещоную:
Было имя прежнее
Марья Подоленка дочь Лиходѣевна,
А тутъ дали имя новое—
Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣевна.
Принимали они златы вѣнцы,
И кладали они заповѣдь промежу собой:

« Который умретъ, а другому во гробъ лечи
« Съ тымъ со тѣломъ со мертвымъ.»

И завелъ князь Владимiръ почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На сильныхъ могучiихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Расхвастался старый казакъ Илья Муромецъ:
« Я ѣздилъ, богатырь, во чисто поле,
« На ты ли на горы Сорочинскiя,
« На ты на луговья зеленыя;
« Тамъ стояла сила поганая,
« Поганая сила невѣрная:
« Я убилъ силу съ мала до великаго,
« Не оставилъ силы на сѣмена.»
Добрынюшка Никитичь расхвастался:
« Я ѣздилъ, богатырь, за славно за сине море,
« Я билъ—земли прибавливалъ,
« Коренилъ языки человѣчески,
« Прибавливалъ земельки святорусскiя.»
А душечка Михайла Потыкъ Ивановичь расхвастался:
« Я ѣздилъ, богатырь, въ чисто поле,
« О славное ѣздилъ о сине море,
« Во ты ли во гридни во черныя,
« Во тые ль Подолье Лиходѣево,
« И справилъ дани-выходы
« Съ царя Лиходѣя Лиходѣева
« За старые годы и за нынѣшни,
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною,
« И привезъ я дѣвицу-красавицу,
« Собѣ я супротивницу.
« И ѣхалъ я по далечу чисту полю:
« Подломилася у меня ось желѣзная,
« И дѣлалъ я бочки дубовыя,
« И спущалъ золоту казну во погребъ глубокiй
« На ты на цѣпи на желѣзныя.»

И возговоритъ ему Владиміръ князь:
— Когда ты сослужилъ службу великую,
— Теперь съѣзди за сине море
— Ко царю Налету Налетову
— И справь дани-выходы
— За старые годы и за нынѣшни,
— За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.—

*

Поѣхалъ Михайла за сине море
Ко царю Налету Налетову
И справилъ дани-выходы,
За старые годы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Отпустили казну въ чисто поле
Везти казну во Кіевъ градъ,
И подернули дощечку тавлейную
Играть въ дороги тавлеи красна золота;
И наставливаетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
Наставливаетъ доску и самъ выговариваетъ:
«Какъ служилъ я во городѣ во Кіевѣ
«Солнышку князю Владиміру,
«Теперь буду я служить во городѣ Налетовѣ
«Царю Налету Налетовичу.»
А царь Налетъ Налетовичь
Наставливаетъ доску, самъ выговариваетъ:
— Проиграю душечкѣ Михайлу Потыку Ивановичу,
— Дамъ золотой казны—и смѣты нѣтъ.—
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичь
Ступень ступилъ,—поигралъ,
Другой ступилъ, съ доски сбилъ
И выигралъ золотой казны и смѣты нѣтъ.
Наставливали они дощечку другую.
А въ тѣ поры налетѣло въ окошечко
Голубь да голубушка,
Сами промежь собой разгуркались:
— Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!

— Ты играешь въ дороги тавлеи красна золота,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Померла у тебя молода жена,
— Та ли Настасья, Лебедь Бѣлая, дочь Лиходѣевна. —
Онъ ухватилъ дощечку тавлейную,
Ушибъ дощечку о кирпиченъ мостъ:
Разсыпалась дощечка на ножевыя черенья.
Говоритъ царь Налетъ Налетовичь:
— Что тебѣ не по уму пришло, не по разуму?
— У меня золота казна насыпана,
— Отпущена казна во чисто поле,
— Во Кіевъ градъ увезена. —

Вышелъ Михайла на широкій дворъ
Ко своему коню ко богатырскому
И палъ во копытцо во правое:
« Ай же ты, мой добрый конь!
« Сюда меня несъ три мѣсяца,
« А взадъ меня неси во три часа,
« Во три часа снеси меня во Кіевъ градъ,
« Рѣки-озера перескакивай,
« А широки раздолья межу ногъ пусти. »
И ѣдетъ ко городу ко Кіеву.
Встрѣчаютъ его братья названые,
Старый казакъ Илья Муромецъ
И молодой Добрынюшка Никитичь.
Возговоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь:
« Ай же вы, братья мои названые!
« А гдѣ моя богатырска молода жена? »
Говорятъ ему братья названые:
— Померла у тебя богатырска молода жена. —
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь:
« Ай же вы, братья мои названые!
« Сдѣлайте колоду бѣлодубову,
« Чтобы двумъ въ колоды стоя стоять,
« И двумъ въ колоды сидя сидѣть,
« И двумъ въ колоды лежа лежать. »
И сдѣлали колоду бѣлодубову;
Онъ взялъ себѣ хлѣба на пропитаніе,

И сдѣлалъ собѣ клещи и прутья желѣзные,
И сѣлъ въ колоду бѣлодубову
Со тымъ со тѣломъ со мертвымъ;
И живетъ подъ землею три мѣсяца.
 И приплыла змѣя подземельная,
И проточила колоду бѣлодубову,
И ладила ссать тѣло мертвое.
Онъ схватилъ змѣю въ клещи желѣзные
И началъ сѣчь прутьямы желѣзныма:
« Ай же ты, змѣя подземельная!
« Принеси мнѣ живой воды
« Оживить мнѣ молода жена.»
Говоритъ змѣя подземельная:
— Спусти, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
— Я принесу тобѣ живой воды въ три года.—
Онъ бьетъ ее нещадно, нежалухою,
Говоритъ змѣя подземельная:
— Спусти, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
— Я принесу тобѣ живой воды въ три часа.—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь:
« Отдай въ закладъ змѣныша.»
Онъ положилъ подъ каблукъ змѣныша,
Одна стала грязь подпорожная.
Говоритъ змѣя подземельная:
— Почто ты убилъ моего змѣныша?—
« Принесь ты живой воды:
« Оживлю я молоду жену,
« Будетъ живъ и твой змѣнышекъ.»
Принесла она живой воды во три часа.
Онъ брызгалъ змѣныша, и другой брызгалъ.
Третій брызнулъ, онъ и поплылъ.
И зачалъ брызгать молода жена;
Первой брызгалъ, и другой брызгалъ,
Третій брызнулъ,—она и скочила на рѣзвы ноги,
Сама говоритъ таковы слова:
« Долго спала, скоро стала!»
И дѣло дѣется воскресное:
Идутъ отъ обѣдни князи-бояра

И русскіе могучіи богатыри.
Зарычалъ онъ во всю голову:
Мать-земля сколыбалася,
Вода съ пескомъ помутилася.
Говорятъ князья-бояра
И русскіе могучіи богатыри:
— Что это, братцы, не чудо ли чудилось,
— Не диво ли сдѣялось,
— Не изъ воды ли чудо выстало,
— Не изъ иной ли земли наѣхало?—
Возговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« А не чудо счудилось, не диво сдѣялось,
« Не изъ воды чудо выстало
« И не изъ иной земли наѣхало:
« А стоснулося богатырю во сырой землѣ
« Со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ.
« Вы берите заступы желѣзные,
« Разрывайте песочки-то желтые,
« Доставайте колоду бѣлодубову.»
Какъ раскрыли колоду бѣлодубову
И ставаетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ
И молоду жену за рукавъ ведетъ.

*

Про эту богатырску молоду жену
Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,
Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.
И на эту славу богатырскую,
И на эту славу молодецкую
Наѣхало сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей, сорокъ королевичевъ
На тыи на горы Сорочинскія.
И пишутъ они скорописчаты ерлыки:
« Куль солнышко Владиміръ князь
« Отдастъ богатырску молоду жену

« Безъ бою безъ драки безъ великія,
« А не отдастъ съ добра,
« Весь Кіевъ градъ повырубимъ.»
И приходитъ къ Михайлу Владиміръ князь:
— Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Для одной бабы не погибать цѣлому царству:
— А отдай свою богатырску молоду жену
— Безъ бою безъ драки безъ великія.—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ:
« Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
« Отдай свою богатырску княгину Опраксію,
« А я не отдамъ жены съ добра.»
И наладился въ платья женскія,
Склалъ на добра коня латы кольчужныя,
Мечь-кладенецъ и саблю вострую,
И выходилъ на горы Сорочинскія:
Оставилъ коня подъ дубомъ,
А съ собой взялъ тугій лукъ.
И пришелъ на луга на зеленые,
На ты на травы на шелковыя,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Здравствуйте, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
« Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ!
« За кого мнѣ-ка за васъ за мужь итти?
« У васъ теперь будетъ много драки великія,
« Кроволитія много будетъ напраснаго.
« А дайте мнѣ стрѣлочку на тугій лукъ:
« Разстрѣлю я стрѣлку по чисту полю,
« Который впередъ найдетъ стрѣлочку, ко мнѣ принесетъ,
« За того я и за мужь пойду.»
И разстрѣлилъ стрѣлку по чисту полю;
Они по чисту полю разбѣжалися,
А онъ вышелъ на горы Сорочинскія,
Сѣлъ на маленька бурушка косматаго
И зачалъ по чисту полю поѣзживать,
Зачалъ головушки отвертывать.
Отвертѣлъ имъ всѣ головушки,

А коль за ними силы было,—
Силу всю прибилъ, приплѣнилъ,
Не оставилъ силы на сѣмена,
И времени провелъ въ чистомъ полѣ три мѣсяца.
И ѣдетъ онъ ко городу ко Кіеву,
И стрѣчаютъ его братья названые,
Не стрѣчаетъ богатырска молода жена.
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь:
« А гдѣ моя богатырска молода жена?»
Говорятъ ему братья названые:
— Наѣхалъ царь Вахрамей Вахрамеевичь,
— Увезъ богатырску молоду жену
— Во тую во землю во Волынскую.—

Тутъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
Не пиваючись и не ѣдаючись
И съ добра коня не спущаючись,
За нимъ въ сугону въ слѣдъ.
И засталъ его на своемъ рубежѣ на Волынскоемъ:
Заѣзжаетъ во свою землю.
Она усмотрѣла во трубоньку подзорную,
Что ѣдетъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
И налила ковшъ питья забыдущаго *)
И приходитъ къ душечкѣ Михайлу Потыку Ивановичу,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!
— Я безъ тебя безъ богатыря
— Не могу ни ѣсть, ни пить, ни жива быть:
— Вахрамей-то царь меня на силу взялъ.
— Выпей ковшъ питья здраваго.
— И будешь ты, Потыкъ, лучше стараго.—
Онъ выпилъ ковшъ питья забыдущаго,
И кинуло его въ забытку спать.
Она пришла къ царю Вахрамею Вахрамееву

*) Отъ котораго падаютъ въ забытье.

И говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
— Надъ соннымъ что надъ мертвымъ, что хошь твори.—
А онъ ей плюнулъ въ глаза:
« Единое дерево не темный лѣсъ,
« А одинъ человѣкъ не рать въ полѣ!»
Она тому шла—не вѣровала,
Брала за кудри за желтыя,
Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковы слова:
— Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
— Тутъ стань бѣлъ горючь камень,
— А пройдетъ времячка три году,
— И пройди скрозь матушку сыру землю.—
Онъ во камень закаменѣлъ.

И стоснулися братья названые
По душечкѣ Михайлу Потыку Иванову:
— Пойдемъ, братецъ, во землю Волынскую,
— Спросимъ, гдѣ нашъ братъ убитъ,
— Гдѣ убитъ, гдѣ положенъ?—
И стали подходить къ рубежу Волынскому,
И вышелъ къ дорожкѣ старичекъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
« Возьмите меня во товарищи.»
Взяли старика во товарищи
И пришли во землю Волынскую,
Ко царю Вахрамею Вахрамееву
Подъ тые окошечко косявчето,
Попросили они милостыни:
— Ай же ты, царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
— Дай-ка намъ милостыни
— Не для-ради калики-прохожаго,
— А для-ради душечки Михайла Потыка Ивановича,
— Нашего брата названаго.—
Увидѣла ихъ изъ окошечка косявчета
Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣевна,
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
« Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,

« Напой каликъ до пьяна,
« Накорми-ка ихъ до сыта
« И навали имъ денегъ по подсумку:
« Не калики то есть прохожіе,
« А есть русскіе могучіе богатыри.»
Онъ звалъ каликъ въ палаты бѣлокаменны,
Кормилъ ихъ ѣствушкой сахарною,
Поилъ-то питьицемъ медвяныимъ,
Навалилъ денегъ по подсумку.
Не спросили калики прохожіе,
Гдѣ убитъ братъ ихъ названный,
Гдѣ убитъ, гдѣ положенъ,
И пошли вонъ изъ земли Волынскія.
Привелъ ихъ старичище ко камешо,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Мнѣ отъ васъ это ростань прочь итти,
« Начнемъ на камню деньги паевать.»
Дѣлилъ старикъ на четыре доли,
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣлишь, старикъ, деньги на четыре доли,
— Кому дѣлишь четверту часть?—
« А кто здынетъ бѣлъ горючь камень,
« Тому, братцы, четверта часть.»
Илья Муромецъ на силу надѣется,
Здымалъ камень по грудямъ своимъ,
И по груди Илья въ землю угрязъ.
— Что жь это, братцы, въ камени
— За сила за Божеска иль за дьявольска?
— На здымъ здынулъ бы два камня,
— А тутъ на камень не могу и умомъ подумать.—
Прискочилъ ко камню Добрыня Никитичь,
А не могъ подъ камень вѣтра подпустить.
Подходилъ старичище ко камени,
Подъ камень ручку подкладывалъ
И здымалъ камень на плечо,
Самъ камешку приговаривалъ;
« Разсыпься, бѣлъ горючь камень,
« На ты на мелки на часточки,

« А ставай душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!»
И выскочилъ изъ того изъ камешка
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичь,
И не спрашивалъ ни про Кіевъ градъ,
Ни про князей-бояръ, про богатырей:
« Ай же вы, братья мои названые!
« А гдѣ моя богатырска молода жена?»
— А твоя богатырска молода жена
— Во тѣхъ во палатахъ Вахрамеевыхъ
— Со царемъ Вахрамеемъ забавляется.—
Говорилъ старичище таковы слова:
« Прощайте, русскіе могучіе богатыри!
« Молитесь Миколы Можайскому:
« И будетъ васъ Микола миловать,
« Изъ синя моря выздыновать.»
А и видѣли старика походючись,
И не видѣли, куда старый шелъ.
Оставалась казна на камени.
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичь
Въ сугону въ землю Волынскую.
Приходилъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Настасья Лебедь Бѣлая,
Наливала ковшъ питья забыдущаго,
Выбѣгала къ душечкѣ Михайлы Потыку Ивановичу,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!
— Я безъ тебя безъ богатыря
— Не могу ни ѣсть, ни пить, ни жива быть:
— Не я положила тебя въ бѣлъ горючь камень,
— А положилъ царь Вахрамей Вахрамеевичь.—
Онъ послушалъ ея прелести женскія,
И выпилъ ковшъ вина забыдущаго,
И кинуло его въ забытку спать.
Какъ хватила его за желты кудри,
Притянула въ избу въ куреную,
Расковала Михайлу на стѣну,
Забила въ руки-ноги по гвоздю.

Со тоя со великія со радости
Привернула во царевъ кабакъ,
И пьетъ зелено вино шестеры сутки.
А у этого царя Вахрамея Вахрамеева
Была дочи любимая, Марья Вахрамеевна.
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
— Ай же ты, батюшка-родителекъ!
— Спусти-ка посмотрѣть русскаго богатыря?—
« А не что, Марья Вахрамеевна,
« Ступай смотрѣть русскаго богатыря.»
И взяла она дѣвку служащую
И пошла смотрѣть русскаго богатыря.
А ему хмѣль уже продрало,
Взмолился Марьѣ Вахрамеевны.
Говоритъ она таковы слова:
— Возьми меня за собя за мужь,
— Такъ избавлю тя отъ смерти напрасныя.—
« Ежели избавишь отъ смерти напрасныя,
« Я теперече Настасьѣ голову срублю
« И возьму тебя за себя за мужь.»
Она взяла скорешенько Татарина,
Волосомъ, ростомъ, красотою прибрала,
И расковала Татарина на стѣну.
А Михайлу взяла подъ шубу соболиную
И ведетъ его по широку двору.
Увидѣлъ царь Вахрамей Вахрамеевичь:
« Кого ведешь подъ шубой соболиною?»
— Я взяла дѣвку служащую:
— Она богатыря испугалася-перепалася,
— И я ее веду подъ шубой соболиною.—
Приходили во высокъ теремъ:
Тутъ заколотила ему раны кровавыя,
Зарощиваетъ раны три мѣсяца.
— Есть ли у тебя теперь сила по старому?—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичь:
« Кабы теперь мнѣ латы кольчужныя,
« Мечь-кладенецъ и добра коня,
« Не боялся бы вашего царя Вахрамея Вахрамеева.»

Говоритъ Марья Вахрамеевна:
— А у насъ былъ богатырь въ досюльные годы *);
— Теперечa въ нашемъ царствѣ никто не можетъ владѣть ни латами его, ни мечемъ, ни добрымъ конемъ. — Говоритъ ей Михайла Потыкъ: « А ты незамоги **) и скажи: что бы мнѣ во сняхъ показалося—богатырскаго коня поводить, латы на конѣ повозить, и легче будетъ.» Незамогла Марья Вахрамеевна, и пошелъ царь кличь кликать, кто бы дочь излѣчилъ.

Говоритъ ему Марья Вахрамеевна:
— Мнѣ ночесь не спалось, во сняхъ видѣлось:
— Какъ бы богатырскаго коня поводить,
— Латы на конѣ повозить,
— Съ того, де, легче будетъ?—
Взяли коня изъ погреба глубокаго,
Взяли латы палатныя.
Душечка Михайла Потыкъ Ивановичь
Снарядился во платья женскія,
Полагалъ латы на добра коня,
Взялъ добра коня за повода
И вывелъ за стѣну городовую.
За стѣной облатился, обкольчужился
И ѣхалъ въ городъ Вахрамеевскій,
Не воротамы ѣхалъ, приворотенкамы,
Прямо черезъ стѣну городовую.
Которую силу прирубилъ,
А которую въ полонъ забралъ,
Царя Вахрамея на вороты разстрѣлялъ,
Настасью, Лебедь Бѣлую, дочь Лиходѣевну
Къ семи жеребцамъ къ хвостамъ привязалъ:
По чисту полю ее раздернули.
А Марью Вахрамеевну за мужь взялъ
Да въ томъ царствѣ царемъ сталъ.
Тутъ сталъ жить да быть,
Добра наживать, и теперь живетъ.

(Отъ девяностолѣтняго старика; ср. выше).

*) Тутъ старикъ не могъ припомнить стиховъ.
**) Занемоги.

38.

ТОЖЕ.

(Олонецкой губ.).

Во стольномъ городи во Кіеви
У славнаго князя у Владиміра
Было пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей да бояръ,
На всѣхъ тыхъ гостей званыихъ-браныихъ,
Званыихъ-браныихъ, приходящихъ.
Вси на пиру наидалися,
И вси на пиру порасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ золотой казной.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Что не чимъ мнѣ Владиміру похвастаться,
« Нѣтъ у меня золотой казны!
« А ты, первый русской сильный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ,
« Съизди-ка ты въ Золоту орду,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой русской сильный богатырь,
« Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь,
« Съизди-ка ты въ Турцію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій русскій сильный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
« Съизди-ка ты да въ Швецію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »

Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову:
Тутъ они крестами побраталися.

Кто же изъ нихъ былъ большой братъ,
Кто же изъ нихъ былъ средній братъ,
А кто изъ нихъ былъ меньшой братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичь былъ меньшой братъ.
Кто же изъ нихъ пораньше всихъ
Да повыѣдетъ къ другому на выручку?
А старый казакъ Илья Муромецъ
Отправился онъ въ Золоту орду;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
Отправился онъ въ землю Турецкую;
А молодой Добрыня сынъ Никитичь
Отправился онъ въ землю во Свицкую.
Воротился прежде всихъ
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
Ко солнышку ко князю Владиміру:
Привезъ ему дани-выходы
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій
И говорилъ Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
« Что пишетъ мни Бухарь, царь заморскій,
« Что проситъ онъ съ меня дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь:
— Что вы пишите къ Бухарю, царю заморскому,
— Что отпущены у меня дани-выходы
— Съ Михайлою Потыкомъ сыномъ Ивановичемъ;
— А я поѣду да безъ выходовъ.—

*

Пріѣхалъ къ Бухарю, царю заморскому,
И здравствуетъ Бухаря, царя онъ заморскаго.
Спрашивалъ Бухарь, царь заморскій:
— Что откуда и какой добрый молодецъ,
— Ты коей орды, ты коей земли?—

« Я есть изъ города изъ Кіева
« Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
« Отъ того отъ солнышка-Владиміра;
« Привезъ тебѣ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Говоритъ Бухарь, царь заморскій:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Гдѣ жь у тебя дани-выходы
— За двѣнадцать лѣтъ съ половиною?—
« Отправлены монетою все мѣдною,
« Такъ дорогою телѣжки поламалися,
« Остались мужики тамъ починивать. »
Говорилъ Бухарь, царь заморскій:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Съ такихъ съ великихъ радостей
— У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются?—
[« Играютъ въ карты биліяртовы »]
« Играютъ въ шашечки кленовыя
« На тыихъ дощечкахъ на дубовыихъ. »
Они ставили дощечку первую:
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ на дощечку дани-выходы,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку добра коня,
И проигралъ Михайло онъ добра коня.
Наставили дощечку они другую:
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ на дощечку дани-выходы,
И положилъ на дощечку Михайлова добра коня,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
Положилъ на дощечку буйну голову.
Сыграли дощечку они другую,
Повыигралъ Михайло своего добра коня
И дани-выходы съ царя заморскаго.
Наставили дощечку они третію:
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ полцарства, полъ-имѣнства ли,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь

Положилъ на дощечку дани-выходы.
Сыграли дощечку они третію,
Такъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.

Какъ въ тую пору, въ то время
Дубова дверь да отворялася,
Молодой Добрыня сынъ Никитичь является,
Самъ говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты ей же, братецъ мой крестовый!
— Сидишь играешь-забавляешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Твоя же Марья Лебедь Бѣлая,
— Та Подоленка да королевичны,
— Уѣхала въ землю Политовскую
— Съ тымъ королемъ Политовскіимъ.—
Разгорячился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь:
Онъ тяпнетъ дощечку дубовую,
Бросилъ въ дверь во кленовую,
Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ,
Самъ говорилъ Добрынюшки Никитичу:
«Получай-ка съ Бухаря, со царя со заморскаго,
«Представь ко солнышку ко Владиміру,
«А я поѣду въ землю Политовскую
«Къ тому королю Политовскому.»

*

Пріѣхалъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко перенос,
Говорила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ужь ты ей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, мы туда идемъ *).

*) Ѣдемъ.

— Ты прими-ка чару питья зелена вина,
— Прими-ка сію чару единоей рукой,
— Выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да и поидемъ ко граду ко Кіеву.—
Михайла до вина былъ упачливый *),
Принялъ чару единоей рукой,
Выпилъ чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Тая жь ли Марья Лебедь Бѣлая
Хватила Михайлу за желты кудри,
Тащила его во чисто поле,
Бросила Михайлу черезъ плечо,
Сама говоритъ таково слово:
— Тутъ стань бѣленькой горючой да камешекъ!—
Тутъ Михайла да окаменѣлъ,
Сталъ бѣленькій горючой тутъ камешекъ.

Воспомнили братьица крестовые,
Сжаловались по Михайлы Потыку сыну Ивановичу.
Старый казакъ Илья Муромецъ
И младой Добрыня сынъ Никитичь
Пошли искать братца крестоваго,
Накрутилися въ каликъ перехожихъ.
Идучись до земли Политовскія,
Сустигли старичища пилигринища,
Клюхи у него сорока пудовъ
[Пригласили его во компанію],
Пришли они въ землю Политовскую
Къ тому королю Политовскому
Подъ тое окошечко косяшчето,
Попросили они тутъ милостыни.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Говорила королю Политовскому:
— Ахъ же ты, король Политовскій!
— Зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,

*) *Упачливый*—падокъ.

— Корми ты каликъ теперь до сыта
— И напой ты каликъ до пьяна,
— И дари ты каликъ теперь до люби.—
Подарилъ онъ злата многое множество,
И пошли вонъ изъ земли Политовской калики перехожіи,
Пришли къ бѣлому ко камени.
Говорилъ старичище пилигринище:
« Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлить. »
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, старичище пилигринище.—
Дѣлилъ старичище пилигринище,
На четыре дѣлитъ онъ на четверти.
Говорятъ калики перехожіи:
— Кому дѣлишь четверту часть?—
Говорилъ старичище пилигринище:
« Тому изъ насъ, братцы. четверта часть,
« Кто броситъ этотъ камень черезъ плечо. »
Тутъ прискочилъ молодой Добрыня сынъ Никитичь,
Ухватилъ онъ камень до колѣнъ своихъ,
И по колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ.
Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Поднялъ камень по грудямъ своимъ,
И по груди казакъ въ землю увязъ.
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Сдымай-ка ты, старичище пилигринище!—
Хватилъ онъ камень конецъ кукшы,
Бросилъ камень черезъ плечо,
Самъ ко каменю приговаривалъ....
Гдѣ былъ бѣленькой горючой камешекъ,
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
«« Фу, фу, братцы, я коль долго спалъ! »»
Говоритъ старичище пилигринище:
«« Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ. »»
Говоритъ старичище пилигринище:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
« Когда будешь ты во гради во Кіеви,
« У ласкова князя у Владиміра,

« Ты поставь свѣчу Николы угоднику. »
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Простился со братьями со крестовыми,
Пошелъ въ землю Политовскую
Къ тому королю Политовскому;
Зашелъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
— Прими-ка сію чару единоей рукой,
— Да и выпей сію чару единыимъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единоей рукой
И выпилъ чару единыимъ духомъ;
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья Лебедь Бѣлая
Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу да на стѣну;
Побѣжала она въ торгъ на ярмарку
Покупать гвоздя она сердечнаго.
У того короля Политовскаго
Была дочь его, Настасья красивая,
Пошла смотрѣть русскаго богатыря.
Припагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Взмолился Настасьи королевичной:
« Повытащи гвоздья хоть ногтями,
« Я теперича Марьи голову срублю,
« А возьму тебя, Настасью королевичну. »
Тащила гвоздья она ногтями,
Прибила Татарина тутъ мертваго,
Мертваго она, мерзлаго,

Прибила Татарина она на стѣну:
А того Михайлу Потыку сына Ивановича,
Провела въ покои въ особые.
Увидѣлъ король Политовскій:
« Кого ведешь въ шубы чернаго соболя! »
Говорила Настасья королевичны:
— Была со мной маленька служаночка,
— Увидала русскаго богатыря,
— Гдѣ она увидала, испугалася,
— Такъ веду я ее въ покои въ особые.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Заростилъ раночки кровавыя.
Та жь Настасья Лебедь Бѣлая
У того короля Политовскаго
Просила коня богатырскаго
Повыѣхать во чисто поле.
Онъ далъ ей коня богатырскаго,
Посадила Михайлу Потыку сына Ивановича.
Повыѣхалъ онъ во чисто поле,
Воротился на дворъ королевскій,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими-ка сію чару единоей рукой,
— Да и выпей чару единымъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву
— Ко ласковому князю ко Владиміру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единоей рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ.
Услыхала Настасья королевичны,
Отворила косящчето окошечко,
Кричала ему жалкимъ голосомъ:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

« Ты знать позабылъ свою заповѣдь! »
Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь,
Взмахнулъ своей саблею вострой,
Отнялъ де онъ Марьи буйну голову,
Взялъ за мужь Настасью королевичну,
Возвратился ко граду ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дня было пированьице
Про того Михайлу Потыка сына Ивановича.

Тутъ вѣкъ про Михайлу старину скажутъ
Синему морю на тишину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Помѣщено въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1859 года и туда доставлено тѣмъ же собирателемъ).

39.

ТОЖЕ. СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

(Кижская волость; ср. выше).

Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбьея,
На головушкахъ были шляпки земли греческой.
Приходили оны въ хоробру Литву,
Ко тому королю Литовскому на широкій дворъ,
Становились подъ косявчето окошечко
И попросили-то оны милостины:
« Ай же ты, король Литовскій!
« Сотвори-тко намъ милостину, каликамъ перехожіимъ:
« Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,
« Беремъ-то мы цѣлыма тысячмы.»
Отъ ихъ отъ покриковъ богатырскіихъ
Околенки въ теремахъ поразсыпались,
Маковки во теремахъ покривились.
Король вводилъ ихъ во палаты бѣлокаменны,
Кормилъ онъ ихъ ѣствушкой сахарнею
И поилъ ихъ питьицемъ медвяныимъ,

И дарилъ имъ дары драгоцѣнные.
Говорилъ король таковы слова:
— Не калики есте перехожіи,
— Есть вы русскіе могучіе богатыри....—

(Не кончено; Рябининъ не помнилъ далѣе).

40 *).

ТОЖЕ.

Собиралося сорокъ каликъ со каликою
Итти ко славну городу Іерусалиму
Чуднымъ крестамъ помолитися,
Ко святымъ мощамъ приложитися.
Шили оны подсумки рыта бархата
И шили лапотики изъ семи шелковъ Шемаханскіихъ **).
У нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ-носкѣ
По ясному по камешку самоцвѣтному.
Клали оны между собой великъ залогъ,
Кто покрадетъ али какой другой грѣхъ совершитъ,
Тому темянемъ языкъ вынимать,
Ясны очушки выкапывать.
И шли оны въ путь-дороженьку, отправлялися;
Оны день идутъ по красному по солнышку,
А въ ночь идутъ по самоцвѣтному по камешку.
И пришли оны ко стольно-Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру ***).
Попалъ онъ въ стрѣту имъ на мостику золоченоемъ,
Попалъ въ стрѣту, низко кланялся.
И скричали оны громкимъ голосомъ:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ка намъ, каликамъ, милостину:
« Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
« Беремъ-то мы цѣлыма тысячамы.»

*) Стихъ не выработался вполнѣ; побывальщина раздѣлена на стихи *издателями*.

**) Стихъ долженъ быть таковъ:

И шили лапотики изъ семи шелковъ,
Изъ семи шелковъ Шемаханскіихъ. *Изд.*

***) По словамъ Латыпова ко царищу Кудріянищу.

Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Давалъ имъ каликамъ сорокъ тысячей
И отпустилъ ихъ во путь во дороженьку.
Увидала княгина Опраксія,
Она по просту въ окошечко заглядывала,
Во тыхъ ли каликахъ перехожіихъ
Насмотрѣла душечку Михайла
Потыка сына Ивановича:
Михайло-то Потыкъ сынъ Ивановичь
Ей Опракси во люби пришелъ.
Говорила Опраксія таковы слова:
— Ай же вы, нищія калики перехожія!
— Ступайте ко мнѣ во высокъ теремъ:
— Я васъ каликъ накормлю до сыта
— И напою васъ до пьяна.—
Заходили оны во высокъ теремъ.
Садила-то ихъ за столики дубовые,
Клала на столъ скатерти браныя,
Кормила ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поила ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Поила-то она ихъ до пьяна.
Душечку Михайла
Потыка сына Ивановича
Приводила она въ покои въ особые,
Говоритъ ему рѣчи умильныя,
Во любовь ему Михайлы давается.
Говорилъ Михайла таковы слова:
« Молода княгина Опраксія!
« А положенъ у насъ великъ залогъ:
« Кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ,
« Ему темянемъ языкъ вынимать,
« Очушки ясныя выкапывать.
« Не могу я на грѣхъ посягнуться.»
Этыя ей рѣчи не слюбилися.
Призывала она любимаго чашника,
Даваетъ ему чашу княженецкую,
Съ которой чаши Владиміръ князь
Испиваетъ зелено вино,

И велитъ ему тую чашу княженецкую
Полагать во тотъ подсумокъ рыта бархата
У душечки Михайла
Потыка сына Ивановича.
Спали добры молодцы, высыпалися,
Высыпалися оны, пробуждалися,
Надѣвали подсумки рыта бархата,
Брали клюхи-то дорожныя въ бѣлы руки
И шли оны во путь во дороженьку.
Не поспѣли оны отойти
Отъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Скачетъ за нима погона скорымъ гонцемъ,
Скачетъ Алешенька Поповичь, рукой машетъ,
Кричитъ Алеша во всю голову:
« Ай же вы, калики перехожія!
« Почто украли чашу княженецкую?
« Не калики вы есть,
« Воры вы, разбойники! »
Этыя имъ рѣчи не слюбилися:
Брали оны клюхи-то дорожныя,
Стали-то Алешу поколачивать,
Спустили Алешу одва жива домой.
Не успѣлъ одинъ го́нецъ со глазъ сойти,
Ѣдетъ опять погона великая,
Ѣдетъ молодой Добрынюшка Никитиничь.
Добрынюшка-то онъ во послахъ бывалъ,
Во послахъ бывалъ, говорить гораздъ,—
Онъ очень тихо ѣдетъ, самъ покланяется,
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Ай же вы, калики перехожія!
« У насъ чаша княженецкая потерялася.
« Не попала ли вамъ чаша ошибкою
« Во подсумки рыта бархата?»
Оны всѣ калики становилися,
Сымали подсумки рыта бархата,
Стали искать чаши княженецкія
Во тыхъ во подсумкахъ глубокіихъ.
Объявилася чаша княженецкая

Въ подсумкѣ у Михайла
Потыка сына Ивановича.
Отдавали оны чашу Добрынюшкѣ Никитичу,
И поѣхалъ Добрынюшка Никитиничь
Со великою со радостію,
Со тою чашей княженецкою.
Взяли калики перехожія,
У душечки Михайлы Потыка
Сына Ивановича,
Теменемъ языкъ повытянули,
Ясны очушки ему повыкопали,
Бросили его въ раздольице чисто поле,
Пошли калики, сами заплакали.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Онъ на четырехъ костяхъ *)
Поплылъ во зеленый лугъ,
Приплывалъ онъ ко сыру дубу.
Прилетала птичка райская,
Садилась на тотъ на сырой дубъ,
Пѣла она пѣсни царскія:
« Кто въ эту пору-времячко
« Помоется росою съ этой шелковой травы,
« Тотъ здравъ будетъ.»
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь догадается,
Умывался росою съ этой шелковой травы:
Заростились егораночки кровавыя,
Сталъ онъ молодецъ здравъ по прежнему.

(Отъ Леонтія Богданова, крестьянина Кижскаго погоста, и калики Латышова, деревни Кузнецовой, Бережно-Дубровскаго общества, Пудожскаго уѣзда).

По разсказу Богданова, калики нашли Михайла Потыка здрава и невредима на возвратномъ пути изъ Іерусалима, а по словамъ Латышова, самъ Михайла Потыкъ нагналъ товарищей въ Іерусалимѣ и зашелъ въ церковь соборную. Глядятъ калики и не вѣрятъ глазамъ: стоитъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь живъ-здоровъ. А за грѣхъ княгини Опраксы проявилось во Кіевѣ Идолище поганое.

*) На четвереренькахъ. — *Изд.*

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЬ.

41.

(Кижская волость; ср. выше).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ па князей и на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались,
А только сидитъ одинъ Ставёръ сынъ Годиновичь,
Не ѣстъ не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы настоялыма,
Подносилъ ко Ставру̀ сыну Годиновичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
« Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичь,
« Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,
« Самъ ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь?
« Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати?»
Говорилъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ощё есть у Ставра чимъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тощится;
— Да още есть у Ставра чимъ похвастати,—
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей-бояръ прі̀обманетъ,

— Самого тебя Владиміра съ ума сведетъ.—
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
«Ай же, мои слуги вѣрные!
«Берите-тко Ставра сына Годиновича
«За него за ручушки за бѣлыя,
«За него за перстни за злаченые,
«И ведите-ка на погреба холодные
«За него за рѣчи неумильныя.»
Взяли Ставра сына Годиновича
За него за ручушки за бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,
И свели его на погреба холодные.

Провѣдала его молода жена,
Молода Василиста Микулична,
Что ей любимый мужь Ставеръ сынъ Годиновичь
Въ полону сидитъ на погребѣ холодноемъ.
Въ тотъ часъ Василиста Микулична
Пошла по палаты бѣлокаменной,
По своей по комнаты по богатырскоей,
Воскричала-то она во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
«Ай же вы, служанки мои вѣрныя!
«Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро на скоро,
«Рубите-тко мои косы русыя,
«Несите-ка мнѣ платьица посыльныя
«Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго.»
Подбѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
Скорешенько отрубили ёй ты косыньки русыя,
Одѣли ёй одежицы посыльныя
И засѣдлали ёй добра коня богатырскаго.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырскаго,
Поѣхала она посломъ въ стольно-Кіевъ градъ.
Пріѣхала ко князю Владиміру на широкъ дворъ,
Шла она во палату бѣлокаменну,
На пяту дверь поразмахиватъ.
Ступила своёй ножкой правою

Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гриднѣ постряхнулися,
Околенки хрустальны поразсыпались,
Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
Называлася посломъ со славной земли Гленскія.
Тутъ она у князя у Владиміра
Посваталась на прекрасной дочери любимоей.
Говоритъ дочи князя Владиміра:
« Батюшка Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Не выдай дѣвчины за женщину:
« Походочка у посла-то частенькая,
« На мѣсто сядетъ, ноги жметъ, вещины бережетъ,
« А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать.»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!
— Истопите-тка парную баянку,
— Умыться бы и попариться послу во парной во баянкѣ;
— Я самъ схожу съ посломъ во парную во баянку.—
Истопили парную баянку,
Приходилъ посолъ во парную во баянку,
Скоро на скоро умылся и упарился,
И на стрѣту идетъ ко князю ко Владиміру.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что же ты, посолъ земли Гленскія,
— Скоро умылся во парной во баянкѣ?—
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Мое дѣло есть дорожное
« И мое дѣло есть посыльное:
« Мнѣ не долго проклаждатися во баянкѣ.»
Пришли они въ палату бѣлокаменну,
И проситъ она борца-поединщичка,
Побороться ей надо объ одной ручкѣ *)....

*) Здѣсь очевидно пропускъ: я обратилъ на это вниманіе пѣвца, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Василиста поборола всѣхъ борцовъ поединщиковъ. Ильи Муромца еще не было при князѣ Владимірѣ, а Добрынюшка Никитичь былъ слабѣе и меньшой дочери Микулы Селяниновича, Настасьи. Тогда Василиста потребовала Ставра.

Говорилъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
— А не отдать Ставра, разгнѣвить посла.—
Приводили Ставра на широкъ дворъ
Со славнымъ посланникомъ боротися.
Середи двора они становилися,
На борьбу-рукопашку сходилися.
Тотъ посолъ земли Гленскiя
Поборолъ Ставра сына Годиновича.
Здынула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста во сахарнiя,
Называла его любимою семеюшкой,
Семеюшкой, законною сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:
« Ай же, Ставръ сынъ Годиновичь!
« Не учись-ка впредь женою хвастати:
« Самъ ты погинешь и меня сгубишь!»
Тутъ они садились на добрыхъ коней,
Поѣхали во свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, да долго здравствовать.

(Отъ Рябинина; ср. выше).

42.

(Въ Колодозерѣ; ср. выше).

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучiихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Какъ солнышко Владимiръ князь

По хорому по гриднѣ похаживаетъ,
Правой ручкой помахиваетъ,
Пословечно сударь выговариваетъ:
«Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичь!
«Ты съ богатой земли Ляховецкія:
«Что же ты сидишь, самъ не хвастаешь?»
Возговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
— Не для чего мнѣ, молодцу, хвастати.
— Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
— Той ли Василисою Микуличной?
— Моя-то Василиса Микулична
— Во вашемъ во городѣ во Кіевѣ
— Князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— А тебя, князя, съ разума выведетъ.—
Возговорятъ тутъ мелкая чета,
Мелкая чета, князья-бояра:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь!
«Эка у Ставра молода жена!
«Засади его во погреба глубокіе,
«Во глубокіе погреба сорока сажень,
«Пусть-ка онъ оттоль выступитъ!»
Засадили во погреба глубокіе.

И поводился у Ставра свой человѣкъ
Изъ тоя земли изъ Ляховецкія,
И съѣхалъ въ землю Ляховецкую,
И сказалъ Василисы Микуличны,
Что засаженъ Ставеръ во глубокъ погребъ.
Потупила она очи во сыру землю,
Думаетъ думушку женскую,
А удачу думаетъ молодецкую:
«Что за боемъ мнѣ не взять Ставра,
«Могу ль я взять думушкой женскою
«И удачей молодецкою?»
И брала ножницы нѣмецкія,
И садилась она на ременчатъ стулъ,
И постригала волосы по мужеску,
Снарядилась прекраснымъ царевичемъ,

Молодымъ Васильемъ Микуличемъ,
И поѣхала къ князю ко Владиміру
Свататься на Забавѣ Владиміровны.
И сѣдлала она добра коня,
Кладала потнички на потнички,
Кладала войлочки на войлочки,
На верхъ кладала сѣделко окованое,
А застегивала двѣнадцатью подпругамы,
Двѣнадцатью подпругамы шелковыма,
Шелку-то было заморскаго,
Заморскаго шелку Шехматинскаго;
Пряжицы были-то мѣдныя,
Мѣди были Казанскія;
Шпенечики были булатнія,
Булата были Иверьянскаго.
И не для ради красы-басы молодецкія,
А для ради укрѣпы богатырскія.
И брала свои латы кольчужныя,
И мечь кладенецъ, копье Мурзамецкое,
И тугій лукъ, и калены стрѣлы,
Садилась она на добра коня.
И будетъ подъ городомъ подъ Кіевомъ,
У той ли стѣны городовыя,
И не воротмы ѣхала, привороткамы,
Прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ тыя башни наугольныя.
Она копье тупымъ концемъ во сыру землю,
Шелковой поводъ на злаченый гвоздь,
У дверей не спрашиваетъ придверниковъ,
Прямо шла во гридню столовую,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Бьетъ челомъ, покланяется,
Князю Владиміру въ особину.
И возговоритъ Владиміръ князь:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Коего отца, коей матери,

— Какъ тебя молодца именемъ зовутъ,
— Жалуютъ тебя по отечеству?—
И возговоритъ она таковы слова:
« Я есть изъ земли Ляховецкія,
« Молодой царевичь Василій Микульевичь,
« А пріѣхалъ къ тебѣ, князю Владиміру, свататься:
« У тебя есть любимая дочь,
« Молода Забава Владиміровна;
« Ты отдай ю за меня за мужь.»
— Хорошо, Василій Микульевичь,
— Отдамъ я Забаву за тебя за мужь,
— А схожу къ дочери подумати.—
И приходитъ къ дочери любимыя.
Говоритъ Забава Владиміровна:
« Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
« Отдавать дѣвчину за женщину?
« Я видала Василья Микулича: онъ не эдакой.
« А тутъ походка часта по женскому,
« Рѣчь-поговорье по женскому,
« Стегна жметъ, добро бережетъ,
« Гдѣ жуковины были, и мѣсто знать.»
— Я, дочь, теперь могу посла вывѣдать:
— Я съ пути-дорожки стоплю парну баянку
— И схожу съ нимъ въ парную баянку;
— Если сильный могучій богатырь,
— Такъ я выгляжу и вызнаю.—
Истопили парную баянку,
И приходитъ звать Василису Микуличну:
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со мной со княземъ Владиміромъ попариться?—
Покамѣстъ Владиміръ разувался, скидывался,
Она шла въ баянку, попарилась
И встрѣту ему идетъ, опять сватается.
Приходитъ Владиміръ ко дочери любимыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Я, дочь, послѣ парныя баянки
— Сведу посла на перину пуховую:
— Если сильный могучій богатырь,

— Будеть яма подъ плечамы;
— Если женщина, будеть яма подъ....—
И приходить къ Василисы Микуличны:
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Отдохнуть на кроватку тесовую,
— На тую перинку на пуховую?—
Ложилась на кроватку тесовую,
Легла ногамы на изголовьице,
А гдѣ головы быть, ...
И вылежала яму подъ плечамы.
Какъ вышла изъ ложни спальныя,
Приходилъ солнышко Владиміръ князь
И видитъ—великая яма подъ плечамы.
И шелъ къ Забавы Владиміровны:
— У него великая яма подъ плечамы,
— Есть сильный могучій богатырь.—
Говоритъ Забава Владиміровна:
« Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
« Отдавать дѣвчину за женщину?»
— Я, дочи, опять могу посла вывѣдать.—
Взялъ—выбралъ тридцать молодцовъ-борцовъ,
Сильныихъ могучіихъ богатырей,
Вывелъ ихъ на широкій дворъ,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Василій Микульевичь!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со моима со борцамы поборотися?—
« Да что, солнышко Владиміръ князь!
« Кому у меня боротися?
« У меня дружины не приведено.
« Я съ молоду по улушкѣ побѣгивалъ,
« Съ робяткамы шутки пошучивалъ,
« И самъ иду съ борцамы боротися.»
Какъ вышла Василиса *) на широкій дворъ,
Возметъ мужика въ руку, а другаго въ другую,
Толнетъ лбамы вмѣсто, и души нѣтъ.

*) Василиса дочь Микулы, изъ до-Владиміровой эпохи.

Идетъ Владиміръ къ Забавѣ Владиміровны.
«Что у тебя, батюшка, на разумѣ,
«Отдавать дѣвчину за женщину?»
— Я, дочи, опять могу повывѣдать:
— Я поставлю стрѣлочку каленую
— И выберу трехъ стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
— Который бы стрѣлилъ въ самую середочку
— И раскололъ бы на четыре частички,
— Чтобъ ни меньше, ни больше и вѣсомъ равны.—
Выбиралъ трехъ стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
Поставилъ стрѣлочку каленую,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Василій Микульевичь!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со моима стрѣльцамы потѣшиться?—
«Кому у меня тѣшиться?
«У меня дружины не приведено.
«Я съ молоду по улушкѣ побѣгивалъ,
«Изъ туга лука пострѣливалъ,
«Иду самъ со стрѣльцамы тѣшиться.»
Начали стрѣлять изъ тугихъ луковъ:
Который стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
Который стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
А третій стрѣлилъ—и въ черту не попалъ.
Она натянула тетиву шелковую,
Накладала стрѣлку каленую,
Стрѣлила въ самую середочку,
Расколола стрѣлку на четыре частички:
Ни больше, ни меньше и вѣсомъ равны.
Возговоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты, Василій Микульевичь!
— Теперь честнымъ пиромъ и за свадебку.—
Зачали играть свадебку,
Заводили столованье почестенъ пиръ:
Не кому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны.

Говоритъ Василиса Микулична:
«А гдѣ же съ нашей земли Ляховецкія
«Проживаетъ здѣсь Ставеръ сынъ Годиновичь?
«Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
«Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
«Про старыя времена и про нынѣшни
«И про всѣ времена досюлешны.»
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Не достать Ставра, разгнѣвить посла,
— А достать Ставра, увезетъ Ставра.—
Достали Ставра сына Годиновича,
Приводили во гридни во столовыя.
И выпросила Ставра до буйна вѣтра,
Выходила Василиса на широкій дворъ,
Скоро садилась на добра коня,
Увозила Ставра во чисто поле,
Раздернула въ полѣ бѣлъ шатеръ;
Сама говорила таковы слова:
«Помнишь ли, Ставеръ, памятуешь ли,
«Какъ мы съ тобой свайку поигрывали:
«У тебя ль была свайка серебряная,
«У меня ль колечко позолоченое,
«И ты ко мнѣ всегды-сегды,
«А я къ тебѣ тогды-сегды?»
Ставеръ сынъ Годиновичь не догадается.
Заходила Василиса въ бѣлъ шатеръ,
Надѣвала платьица женскія:
Тожно призналъ молоду жену.
— Ай же ты, Василиса Микулична!
— Поѣдемъ на уѣздъ въ землю Ляховецкую?—
«Нѣтъ, Ставеръ сынъ Годиновичь!
«Поѣдемъ-ка во Кіевъ градъ:
«Ты какъ похвастался, такъ я и сдѣлала.»

(Отъ старика; ср. выше).

*

ХОТИНЪ или ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ *).

43.

(Кижская волость; ср. выше).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На всѣхъ могучіихъ русскихъ богатырей.
Было на томъ пиру двѣ вдовы:
Первая вдова честна Блудова жена,
А другая вдова была купець-жена.
Ко честной вдовы честно-Блудовой жены
Подносили къ ёй чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра.
Честная вдова честно-Блудова жена
Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
Брала эту чарочку во бѣлы руки,
За этой за чарочкой посваталась
За своего за сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блудовича,
У честной вдовы у купець-жены
На прекрасной купець-вдовы дочери.
Честная вдова купець-жена
Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
Брала отъ ёй чарочку въ бѣлы руки,
Назадъ-то ёй чарочку повыплеснула,
Кунью шубоньку всю облила,
К...., б.... оклескивала **),
Говорила-то она таковы слова:
« Глупыя ты вдова, честно-Блудова жена:
« Дойдетъ ли Офимьюшку взять за собя,

*) Тоже *Горденъ* или *Гордей*.—*Изд.*
**) *Оклескивать*, давать кличку, обзывать.

«Да за своего Хотинушку за Блудовича?
«Сидитъ-то моя Офимьюшка во теремѣ,
«Во славноемъ во теремѣ, въ златомъ верху:
«На ню красное солнышко не оппекётъ,
«На ню буйные вѣтры не оввѣютъ,
«Многіе люди не обгалятся.
«Какъ твой-то сынъ, Хотинка Блудовичь,
«Ѣздитъ Хотинка по городу,
«Уродуетъ *) со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зерненка,
«А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить.»
Честная вдова честно-Блудова жена,
Со честна пира пошла она не весела,
Прикручинивши пошла, припечаливши,
Приклонила буйну голову къ сырой земли,
Очи ясные втопила во сыру землю.
Подходитъ-то ко свому ко терему высокому.
Со того со терема высокаго
Со того окошечка косявчета,
Скрозь это хрустальное стекольшко,
Усмотрѣлъ-то Хотинушка Блудовичь,
Что идетъ его матушка съ честна пира,
Со честна пира идетъ она не весела;
Выскочитъ Хотинушка на крутой крылецъ,
Говорилъ Хотинушка таковы слова:
«Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
«Что же ты идешь съ честна пира не весела?
«Али мѣсто было въ пиру не по люби,
«Али чарою тобя пообнесли,
«Али пьяница-дуракъ пріобгалился?»
Говоритъ вдова таковы слова:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
— Молодой Хотинушка Блудовичь!
— Мѣсто въ пиру мнѣ было по люби,
— Чарою меня не пообнесли,
— Да и пьяница-дуракъ не пріобгалился;

*) *Уродовать*, юродствовать.

— Насмѣялась надо мною честная вдова,
— Честная вдова купець-жена.
— Подносили ко мнѣ чару зелена вина,
— И не малую стопу—полтора ведра:
— Я за этой чарочкой посваталась
— За тобя Хотинушку за Блудовича
— У честной вдовы у купець-жены
— На прекрасной Офимьѣ купець-дочери.
— Честная вдова купець-жена
— Брала мою чарочку въ бѣлы руки,
— Назадъ чарочку повыплеснула,
— Мою кунью шубоньку облила,
— Меня к.... , б.... оклёскивала,
— Говорила она мнѣ таковы слова:
—« Глупая ты вдова, честно-Блудова жена!
—« Дойдетъ ли Офимьюшку взять за собя,
—« Да за свого Хотинушку за Блудовича?
—« Сидитъ-то моя Офимьюшка во теремѣ,
—« Во славноемъ во теремѣ, въ златомъ верху:
—« На ню красное солнышко не оппекётъ,
—« На ню буйные вѣтры не оввѣютъ,
—« Многіе люди не обгалятся.
—« А твой-то сынъ, Хотинка Блудовичь,
—« Ѣздитъ Хотинушка по городу,
—« Уродуетъ со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
—« Ищетъ бобовьяго зерненка,
—« А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить.»—
Говорилъ Хотина таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
« Вь честь я Офимью за собя возьму,
« А не въ честь Офимью за товарища,
« За свого ли за паробка любимаго.»
Повернется Хотина на одной ножкѣ,
Скоро шелъ въ палаты бѣлокаменныя,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватилъ паличку булатнюю подъ пазушку.
Скоро шелъ Хотина на широкъ дворъ;

Садился на добра коня не сѣдлана:
Повыѣхалъ Хотина во чисто поле,
Сталъ онъ по чисту полю поѣзживати:
Сердце въ немъ разгоряется,
Кровь-то въ немъ распылалася,—
Бралъ-то онъ плеточку шелковую,
Билъ-то коня по тучной бедры,
Давалъ ёнъ удары великіе,
Да со всея-то силы богатырскія.
Такъ онъ ѣздилъ по раздольицу чисту полю,
Шуточки шутилъ онъ не малыя:
Кидалъ палицу булатнюю подъ облаку,
Подъѣзжалъ-то Хотина на добрóмъ конѣ,
Подхватывалъ-то паличку одной рукой,
Какъ лебѐдинымъ перышкомъ поигрывалъ;
Не малая та паличка булатняя:
Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
Онъ разъѣхался съ раздолья изъ чиста поля
Ко славному ко терему, злату верху,
Билъ-то онъ палицей булатнеей
По славному по терему, злату верху,
Билъ-то онъ палицей не жалухою
Со всея со силы богатырскія:
Палица въ рукахъ погибалася,
По маковкамъ она отломилася,
Во теремѣ околенки разсыпались,
На терѐмѣ всѣ маковки покрйвились.
Соскочитъ Хотина со добра коня,
Подходитъ онъ ко терему, злату верху,
Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливати;
Приходитъ онъ во теремъ, во златой верéхъ:
Ходитъ Офимьюшка купець-дочй
По славному по терему, по злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У ней русая коса-то пораспущена.
Говорилъ Хотина ёй Блудовичь:

« Ай же ты, Офимьюшка, купець-дочи!
« Идешь ли ты за мужь за Хотинушка,
« За того Хотину за Блудовича?»
Говоритъ Офимья таковы слова:
— Три года я Господу молилася,
— Чтобъ попасть мнѣ за мужь за Хотинушка,
— За того Хотину за Блудовича.—
Бралъ-то онъ за ручушки за бѣлыя,
За нея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ ю во уста во сахарнія
За нея за рѣчи за умильныя,
Вывелъ ю со терема, злата верха.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному по городу по Кіеву.
Молодой Хотинушка Блудовичь
Пріѣхалъ во свои въ палаты бѣлокаменны
Ко своей ко родимой ко матушкѣ,
Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родимая матушка,
« Честна вдова, честно-Блудова жена!
« Въ люби-то я Офимьюшку взялъ за собя.»
Сходили-то во матушку Божью церкву,
Оны Господу Богу помолилися,
Ко Господнему кресту приложилися,
Приняли собѣ оны чудны вѣнцы,
Стали жить да быть, много здравствовать.

(Отъ Рябинина; ср. выше).

44.

(Тамъ же).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Собиралось пированьице почестенъ пиръ,
На многихъ князей на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.

Красное-то солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
За тыма столамы за дубовыма сидѣло двѣ вдовы:
Первая вдова—честно-Блудова жена,
А другая вдова—Часовая жена.
Честная вдова честно-Блудова жена
Наливала она чару зелена вина,
Подносила къ честныя вдовы Часовой жены,
Говорила-то она таковы слова:
« Ахъ ты честная вдова, Часовая жена!
« Станемъ мы ѣсть-пить въ одномъ мѣстѣ,
« Станемъ со тобой родню творить:
« Какъ у меня есть чадо любимое,
« Молодой Хотёнушка Блудовичь,
« У тебя есть дочушка Офимьюшка.»
Эта зла баба зубатая, Часовая жена,
Она чарочки зелена вина не выпила,
Во ясны очи ей чарочку вылила:
— А какъ твой былъ мужище-то Блудище,
— А сынище-то твой уродище:
— Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
— Ищетъ-то упалаго зерничка,
— А чѣмъ бы ему голова пропитать.
— А моя-то дочушка Офимьюшка,
— Сидитъ она во теремѣ высокоемъ,
— Сидитъ-то она ровно двадцать лѣтъ:
— На ню буйные вѣтрышки не вѣяли,
— На ню красное солнышко не пекло.
— Още есть у меня двѣнадцать сыновей;
— Оны ѣздятъ во чистомъ полѣ, полякуютъ,
— Хочутъ-то поимать молода Хотёнушка:
— Захочу,—его при себѣ держу,
— Захочу,—его подъ барина отдамъ.—

Честная вдова честно-Блудова жена
Со честна пира пошла не весела,
Закручинилась она, запечалилась,
Ясны очи утупила во сыру землю.
Изъ того изъ терема высокаго

Выходилъ ей встрѣту младъ Хотёнушко,
Говорилъ-то Хотёнъ таковы слова:
— Ай же ты, государыня моя матушка!
— Что ты со честна пира идешь не весела,
— Закручинившись идешь, запечалившись?
— Али чарочкой тебя пріобнесли,
— Али мѣсто на пиру было не по люби,
— Али пьяница-дуракъ насмѣялся ти?—
Говорила вдова таковы слова:
« Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
« Молодой Хотенъ честно-Блудовъ сынъ!
« Чаркой меня не пріобнесли,
« А и мѣсто на пиру было по люби,
« И пьяница-дуракъ не насмѣялся мнѣ,
« Насмѣялась мнѣ Часовая жена.
« Наливала я чарочку зелена вина,
« Подносила ко той вдовы, Часовой жены,
« Говорила ей таковы слова:
« « Ахъ ты честная вдова, Часовая жена!
« « Станемъ мы ѣсть-пить въ одномъ мѣстѣ,
« « Станемъ со тобой родню творить:
« « Какъ у меня есть чадо любимое,
« « Молодой Хотенушка Блудовичь,
« « У тебя есть дочушка Офимьюшка.»
— Честная вдова, Часовая жена,
— Она чарочки зелена вина не выпила,
— Во ясны очи чарочку вылила,
— Говорила сама таковы слова:
« — А какъ твой былъ мужище-то Блудище,
« — А сынище-то твой уродище:
« — Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
« — Ищетъ-то упалаго зерненка,
« — А чѣмъ бы ему голова пропитать.
« — А моя-то дочушка Офимьюшка,
« — Сидитъ она во теремѣ высокоемъ,
« — Сидитъ-то она ровно двадцать лѣтъ:
« — На ню буйные вѣтрышки не вѣяли,
« — На ню красное солнышко не пекло.

« — Още есть у меня двѣнадцать сыновей,
« — Оны ѣздятъ во чистомъ полѣ—полякуютъ,
« — Хочутъ-то поимать молода Хотёнушка:
« — Захочу,—его при себѣ держу,
« — Захочу,—его подъ барина отдамъ.—»
Говорилъ Хотенъ честно-Блудовъ сынъ:
— Ай же ты, государыня моя матушка,
— Не пустымъ ли она похваляется?—
Взялъ-то матушку за бѣлы руки,
Привелъ ю во поселышко вдовиное,
Самъ сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
Бралъ съ собой служку Панюточку
И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
Уснулъ Хотёнъ во крѣпкій сонъ,
Самъ наказывалъ служкѣ Панюточкѣ:
« Ты гляди, какъ поѣдутъ двѣнадцать братьицевъ родимыихъ,
« Станутъ оны какъ призарыскивать,
« Ты буди меня со крѣпка сна.»
Какъ увидѣлъ Панюточка двѣнадцать братьицевъ родимыихъ,
Онъ садился на добра коня богатырскаго,
Поѣхалъ стрѣту тымъ братьицамъ родимыимъ:
Трехъ-то братьицевъ конемъ потопталъ,
Тремъ-то братьицамъ голову срубилъ,
Шестерыхъ-то братьицевъ во полонъ взялъ,
Приводилъ къ Хотёнушку Блудовичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Хотенъ, честно-Блудовъ сынъ!
— Ты вставай-ка со крѣпка сна:
— Я сработалъ-то твою работушку.—
Говорилъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ:
« Не свою ты работушку работаешь:
« Ты столько знай щи-каша варить,
« Щи-каша варить, да меня кормить.»
Садились оны на добрыхъ коней,
Повезли шестерыхъ Часовыхъ сыновей
И пріѣхали-то къ ней поселышку,

Ко ея палатамъ бѣлокаменнымъ.
Онъ ударилъ по вереямъ по булатнымъ
И вскричалъ громкімъ голосомъ:
« Ахъ ты зла баба зубатая!
« Отдавай-ка дочушку Офимьюшку;
« Захочу, Офимью за себя возьму,
« Захочу, Офимью за служку отдамъ за Панюточку.
« А возьми-ка на выкупъ своихъ дѣтушекъ:
« Первую мису наклади злата-серебра,
« Другую мису скатна жемчуга,
« Третью мису каменья драгоцѣннаго.»
Какъ тая злая баба зубатая
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоцѣннаго,
Приносила-то ко солнышку ко Владиміру,
Говорила сама таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Ты прими-ка даровья драгоцѣнныя,
— Дай-ка мнѣ силушки шесть полковъ
— Поимать молода Хотёна честно-Блудова.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Принималъ даровья драгоцѣнныя,
Давалъ ей силушки шесть полковъ.
И пошли оны воевать со Хотёнкою.
А попалъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ
Со своимъ со служкою съ Панюточкой
На тыи полки на княженецкіе,
Вскричалъ-то онъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, силушка княженецкая!
« Вы свяжитесь на кушачики шелковые по десяточку,
« Воротитесь-ка ко князю ко Владиміру,
« Кричите-тко сами во всю голову:
«« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Какъ твоя-то силушка полонена:
«« Полонилъ-то младъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ.»»
Молодой Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ
Пріѣзжалъ къ тому поселушку ко вдовиному,

Скричалъ-то громкіимъ голосомъ:
Всѣ околенки хрустальны поразсыпались,
Всѣ полочки дубовыя повыдались,
Всѣ маковки на терему повыломались.
Молода-то Офимьица, Часовая дочь,
Сидитъ она,
Не можетъ пріопомниться отъ того покрику богатырскаго.
Этая зла баба зубатая, Часовая жена,
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоцѣннаго,
Несла-то ко князю ко Владиміру:
— Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Ты возми-ка даровья драгоцѣнныя,
— Назовись моей Офимьюшкѣ родникомъ,
— Чтобъ взялъ Хотёнъ Офимью за мужь за себя.—
Призывалъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Молода Хотёна честно-Блудова,
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Что же ты, Хотёнушка, честно-Блудовъ сынъ,
— Надъ моей роденькой насмѣхаешься,
— Надъ Офимьюшкой, ближнею племницей?
— А возьми-ка Офимью за мужь за себя.—
Молодой Хотёнъ-отъ догадается,
Онъ ставилъ копье долгомѣрное во сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Когда Офимья тебѣ ближняя племница,
« Обсыпь-ко ты мое копье долгомѣрное
« Златомъ-серебромъ, каменьемъ драгоцѣннымъ,
« И давай-ко още города съ пригородками,
« Давай-ко села со приселкамы.»
Солнышко Владиміръ пораздумался:
— Кто отъ бѣды откупается,
— А Владиміръ самъ на бѣду накупается! —
Обсыпалъ онъ копье-то долгомѣрное
Златомъ-серебромъ, каменьемъ драгоцѣннымъ,

И давалъ за ней города съ пригородкамы
И давалъ еще села со приселкамы.
Тутъ заводили оны пированьице почестенъ пиръ,
Принимали со Офимьюшкой златы вѣнцы.

(Со словъ крестьянина Леонтія Богданова).

*

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЬ.

45.

(Въ Колодозерѣ, Пудожскаго уѣзда).

Вотъ у солнышка у князя Владиміра
Было отослано шестьсотъ человѣкъ трудничковъ-работничковъ
На матушку на Сорогу на рѣку
Кунныхъ-то лисовъ повыловить,
Кунная рыба повыдавать.
А жилъ-то Чурилушка во Кіевцѣ,
А жилъ онъ на матушкѣ на Сорогѣ на рѣкѣ
Со своею со дружиною хороброю.
Какъ выходитъ Владиміръ на широкъ дворъ
На заднее перёное крылечико
И зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое,
Ко матушкѣ ко Сорогѣ ко рѣкѣ.
Какъ отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки
Идетъ съ поля толпа—сто молодцевъ:
Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйны завязаны;
Идутъ-то оны въ Кіевъ градъ на княжій дворъ
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
« Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ,
« Со своею со дружиною хороброю:

« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
« А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебя жалованья нѣтъ. »
И та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—двѣсти молодцевъ:
Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйныя завязаны;
Идутъ-то оны на княжій дворъ
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
« Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Со своею со дружиною хороброю:
« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
« А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебя жалованья нѣтъ. »
И та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—триста молодцевъ:
Булавамъ-то головы переломаны,
Кушакамъ-то буйныя завязаны;
Идутъ-то оны на княжій дворъ
И ко князю жалобу кладутъ:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
« Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,
« На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ
« Со своею со дружиною хороброю:
« Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
« Кунную рыбу повыдавалъ;
« А тебѣ, государю, добычи нѣтъ,
« А намъ отъ тебѣ жалованья нѣтъ. »
Тутъ-то солнышко ладился *),
Поскорѣй Владиміръ кольчужился,

*) Латился?—*Изд.*

И бралъ онъ любимаго подручника,
Стараго казака Илью Муромца,
Бралъ и княгину Опраксію,
И поѣхалъ къ Чурилушкѣ во Кіевецъ.
И будутъ у Чурилы на широкомъ на дворѣ,
И выходитъ Пленчище Сорожанинъ,
Встрѣчаетъ князя Владиміра,
Во сѣни ведетъ во рѣшатчатыя,
Во другія ведетъ частоберчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя
И въ теремы ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.
И садился подъ окошечко косявчетое,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дàлеча далèча чиста поля,
Отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки
Идетъ съ поля толпа—сто молодцевъ:
Кони подъ нима одношерстные,
Узды на нихъ одномѣдныя,
Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна,
Источенкамы подпоясанные,
Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры,
Око нóсовъ-носòвъ яицо покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепуркиваетъ.
Та толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ
Отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки,
Идетъ толпа—двѣсти молодцевъ.
Эта толпа на дворъ не пришла,
А новая толпа съ поля чистаго идетъ,
Идетъ толпа—триста молодцевъ,

Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
Волосинки—золота дуга—серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцевъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.
Возговоритъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Пленчище Сорожанинъ!
« Не твое ли это дитятко любимое,
« Младой Чурилушка Пленковичь? »
Возговоритъ Пленчище Сорожанинъ:
— Тутъ-то мой любимый сынишка Чурилченка.—
И выходитъ Пленчище Сорожанинъ
На заднее переное крылечико,
Возговоритъ Пленчище таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
— Есть у тебя любимый гость,
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Чимъ будешь гостя почтивати,
— Чимъ гостя будешь жаловати?—
Бралъ ли Чурила золоты ключи,
И шелъ-то Чурила въ кованы ларцы,
И бралъ-то шубу соболиную
Подъ дорогимъ подъ самитомъ *) заморскіимъ,
А дорога-то соболя заморскаго,
Ушистаго соболя, пушистаго,—
Подарить князя-то Владиміра;
И бралъ-то камочку хрущатую,
Дарить-то княгину Опраксію;
И бралъ золотой казны смѣты нѣтъ,
Дарить-то князей-бояръ.
И припимаетъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Ту ли шубу соболиную,

*) Самитъ—аксамитъ.

Принимаетъ, самъ приговариваетъ;
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
« Не довлѣетъ ти, Чурилы, жить во Кіевцѣ,
« А довлѣетъ жить ти во Кіевѣ,
« У князя у Владиміра въ курятникахъ. »
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
И живетъ-то Чурила во Кіевѣ
У князя у Владиміра въ курятникахъ.
И возговоритъ княгина Опраксія:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Положи-тко Чурилу въ постельнички,
— Чтобы стлалъ онъ перину пуховую,
— И кладалъ бы зголовьице высокое,
— И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
— Игралъ бы въ гуселышки яровчаты
— И спотѣшалъ бы князя Владиміра.—
И возговоритъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
« Не довлѣетъ ти жить въ курятникахъ,
« А довлѣетъ жить ти въ постельничкахъ,
« Стлать-то перина пуховая,
« Кладывать зголовьице высокое,
« И сидѣть у зголовьица высокаго,
« Играть въ гуселышки яровчаты.
« Спотѣшать князя Владиміра. »
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
И живетъ-то Чурила въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгину Опраксію больше того *).

*) Приведу здѣсь отрывки изъ побывальщины о Чурилѣ, слышанные мною отъ старухи въ Бережнодубровскомъ погостѣ:

Молодой Чурила Опленковичь

Тутъ возговоритъ Владиміръ таковы слова:
«Не довлѣетъ ти, Чурила, жить въ постельничкахъ,
«А довлѣетъ ти жить въ позовщичкахъ,
«Ходить-то по городу по Кіеву,

Живетъ на Почай рѣкѣ, у креста Леванидова:
Есть у него семь теремовъ—златы верхи,
Вокругъ теремовъ тынъ,
Выложенъ мѣдью яровицкою;
Посередъ тына ворота рѣшатчаты,
Въ воротахъ подворотенки серебрены.
Ко Чурилѣ заѣзжаетъ князь Владиміръ
Со княгиною Опраксою.
И вотъ ѣдетъ съ Почай рѣки
Дружина Чурилина:
Кони были темно-караковые,
А сѣдла были Латынскія,
Сапожки на молодцахъ сафьянные,
Шапочки на нихъ—золоты верхи.
Заѣхали молодцы во дворъ и потерялися.
А съ Почай рѣки ѣдетъ другая
Дружина сто молодцевъ.
Впереди всѣхъ скачетъ
Молодецъ краше всѣхъ:
На копье обопрется,
На шестую лошадь на ходу перескакиваетъ.
Сталъ тутъ Владиміръ князь поерзывать.
Когда Чурила завелъ для князя почестный пиръ
И дарилъ его дарами великими,
Пожаловалъ его князь въ постельники.
И стилалъ Чурила постели мягкія,
Складалъ крутое зголовьице,
Потѣшалъ князя игрою на гуселкахъ,
А княгиня Чурилу у души держала.
Это князю не слюбилося:
«Пришла ты, княгиня, мнѣ въ любовь,
«И я тебя въ этой вины прощу,
«А то бы тебѣ головка сѣчи.»
(Здѣсь стихъ не выработался вполнѣ;—*Изд.*)

« Звать князей-бояръ на почестенъ пиръ. »
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
Того дѣла Чурилушка не пятится:
И пошелъ-то Чурила Пленковичь
Звать князей-бояръ на почестенъ пиръ.
Половина Чурилушку отказываетъ,
А другая Чурилушку приказываетъ.

•

Жить-то Чурилы Господь повелѣлъ:
Какъ стары старухи костыли грызутъ,
А молоды молодицы мошны дерутъ,
А красныя дѣвки въ голенища с....,
Все глядючись на млада Чурилу Пленковича.

Идетъ-то Чурила въ суконный рядъ
Къ старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестенъ пиръ:
« Ай же ты, Бермята Васильевичъ!
« Поди-ка, сударь, на почестенъ пиръ,
« Ко князю поди ко Владиміру. »
Скажетъ Бермята сударь Васильевичь:
— Ай же ты, Чурила Пленковичь!
— Поди-ка въ мои палаты бѣлокаменны,
— Зови-ка Катерину Микуличну,
— Любимую мою семеюшку.—
Какъ идетъ-то Чурила Пленковичь
Ко тымъ палатамъ ко Бермятинымъ,
А выглядываетъ Катерина Микулична:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
— У меня ставленые столики—не obраные,
— А ставленыя питьица—не выпитыя,
— А сряженыя ѣства—не съѣденыя:
— Все ждала Чурилушку Пленковича.—
Возговоритъ дѣвица Чернява колачница:

«« Не ходь-ка ты, Чурила Пленковичь,
«« Во ты палаты во Бермятины,
«« Не зови Катерину Микуличну. »»
Выскочила Катерина на широкій дворъ,
Брала эту дѣвицу Черняву колачницу,
Съ косой берды *) да о сыру землю,
И пролила кровь-то горючую,
Горючую кровь напрасную.
И брала Чурилушку Пленковича,
Вела въ терема златоверхіе,
Сама говорила таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
— У тя есть ли охота, горитъ ли душа
— Со мной съ Катериной забавиться?—
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
Онъ шапочку на стопочку,
Однорядочку на грядочку,
Соболино одѣялышко въ ноги пихнулъ,
И зачалъ съ Катериною тѣшиться.
Какъ ко тыму крылечку Бермятину
Бѣжитъ-то Бермята сынъ Васильевичь
И бьетъ въ блесту позолоченую:
«« Ай же ты, Катерина Микулична,
«« Отвори-тко воротцы рѣшатчаты! »»
Какъ побѣжала Катерина Микулична
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса:
У ней тонка рубашечка къ тѣлу льнетъ,
А у Катерины вода черезъ чеботы идетъ.
Возговоритъ Бермята сынъ Васильевичь:
«« Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
«« А экъ ли зовутъ на почестенъ пиръ? »»

(Отъ старика; ср. выше).

*) Берда—бедро.

46 *).

(Кижская волость; ср. выше).

Жилъ-былъ Ерма **) сударь Васильевичь,
У него была жена Катерина Микулична.
Поѣхалъ Ерма сударь Васильевичь ко церкви ко Божіей.
Идетъ Чурилушка Опленковъ сынъ:
Подъ пяты-пяты воробей пролети,
Около носа-то яичко кати;
На его дѣвки глядятъ—золоты пелы ломятъ,
Стары бабы глядятъ—прялицы ломятъ.
Увидала Катерина Микулична:
Кто-то за воротамы колотитьце,—
Колотитьце Чурила Оплецковичь.
Прибѣгала Катерина Микулична
И пускала Чурилушку Опленковича.
Увидала его дѣвка целяднича,
Говоритъ Катерины Микуличной:
« Ай же ты, Катерина Микулична!
« Я скажу Ермы сударь Васильевичу. »
Говорила Катерина Микулична:
— Не говори-тко ты, дѣвка целяднича;
— Я тебѣ, дѣвка, башмаки куплю,
— Я тебѣ, дѣвка, сарафанъ сошью.—
Побѣжала тутъ она ко Божьей церкви;
Она скоро прибываетъ ко Божьей церкви,
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре сторонки покланяетьце,
Ермы-то Васильевичу въ особину:
« Ай же ты, Ерма сударь Васильевичь!
« Богу молишься-прохлаждаешься,
« Въ своемъ домѣ, сударь, незгоды не вѣдаешь:
« У тебя въ домѣ нелюбимый гость,
« Нелюбимый гость Чурила Опленковичь. »
Говоритъ Ерма сударь Васильевичь:

*) Бабья старина.

**) Пермилъ, Бермята.—*Изд.*

— Ай же ты, дѣвка целядпича!
— Буде правду говоришь, я за мужь возьму,
— А неправду говоришь, голову срублю.—
Тутъ Ерма скоро поворотъ держалъ,
Скоро онъ, сударь, поворотитьце,
Скоро онъ прибываетъ на своемъ дворѣ.
Кто-то за воротамы колотитьце:
Услыхала Катерина Микулична,
Выбѣгала Катерина Микулична
Въ одноей тонкоей сороцецькѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней женскіе волосы растрепаны.
Говоритъ Ерма сударь Васильевичь:
— Что это, санки Чурилины стоятъ?—
Говоритъ Катерина Микулична:
« Ѣздилъ мой братецъ во чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой санкамы умѣнялися *). »
Плетка на гвоздикѣ Чурилина виситъ.
— Что это, плетка Чурилина виситъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой плеткой умѣнялися. »
— Что это, на стойлы Чурилинъ конь стоитъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой конемъ умѣнялися. »
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны:
Шапка Чурилина на стойкѣ **) виситъ.
— Что это, шапка Чурилина виситъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой шапкой умѣнялися. »
Заходитъ во спальну во теплую:
На кроваткѣ Чурилушка сидитъ.
Онъ схватилъ съ гвоздя саблю вострую,
Отрубилъ Чурилы буйну голову.

*) Мѣстное произношеніе: обмѣнялися.

**) Стойка—косякъ у окна.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

47.

О МОЛОДОМЪ БОЯРИНѢ ДЮКѢ СТЕПАНОВИЧѢ *).

(Сумозерскій погостъ, въ Пудожскомъ уѣздѣ).

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Свѣтъ государыня моя матушка,
« Честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
« Долго ли мнѣ жить дома, тѣшиться
« Во глупомъ во маломъ въ робячествѣ,
« Ходить по улушкѣ широкія?
« Пора-времячко мнѣ съѣздить во дàлече далèче чисто поле,
« Поразмять свого плеча богатырскаго,
« Поразгонять свого бурушка косматаго,
« Спробовать силы-удачи молодецкія. »
Говоритъ Мамелфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты, мое рожоно дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не бывалъ ты, молодецъ, во чистомъ полѣ,
— Не слыхалъ ты крику звѣринаго,
— Визгу-писку Татарскаго,
— Не видалъ поѣздки богатырскія:
— Не можешь вынесть изъ чиста поля головушки.
— А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко стольному ко князю ко Владиміру.
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
— На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— Заводитъ столованье почестенъ пиръ,
— На поѣздѣ удалыихъ много жалуетъ,
— Жалуетъ безсчетной золотой казной.—

*) Отселѣ богатыри, со стороны пріѣзжавшіе въ Кіевъ.—*Изд.*

Говоритъ Дюкъ таковы слова:
« Ай же ты, государыня моя матушка!
« Давай же прощеньице-благословленьице:
« Поѣду я во дàлече далѐче чисто поле,
« Хочу разгонять бурушка косматаго,
« Хочу поразмять свого плеча богатырскаго,
« Спробовать силы-удачи молодецкія,
« Топерь хочу я, добрый молодецъ. »
Какъ шелъ-то па широкій дворъ,
Съ широка двора шелъ на стойло кониное.
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталъ сѣдлать-уздать добрà коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верёхъ накладывалъ сѣдельишко Черкасское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ Шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
А булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мидѣетъ,
Чисто серебро не зелизиетъ *).
Приходилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ себѣ платьица дорожныя,
Кладывалъ туги луки во налучники,
Вязалъ крѣпки поводы на бедро свое.
На поѣздѣ молодцу матушка наказываетъ:
— Ай же ты, мое рожоно дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Какъ поѣдешь во далече далечѐ чисто поле,

*) Не мѣдѣетъ, не мѣднѣетъ; не желѣзѣетъ.

— Не ѣдь-ка *) ты на славну на Палачь-гору Аѳанасьеву:
— На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодцевъ,
— А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.
— А още ль случится тебѣ путь
— Ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко стольному ко князю ко Владиміру,
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
— На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— Заводитъ столованье почестенъ пиръ:
— На честномъ пиру не хвастай сиротскимъ имѣньицемъ,
— Имѣньицемъ сиротскимъ, богачествомъ,
— Не хвастай мною матушкой.—
Давала ему прощеньице-благословленьице.
Шелъ онъ на широкій дворъ,
Садился на добра коня богатырскаго:
Только видѣли добра молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись.
Туды куревко **) столько прокуриваетъ.

Выѣхалъ на славное чисто поле.
И какъ ѣздилъ на славномъ на чистомъ полѣ,
Не могъ найти себѣ поединщика,
По плечу себѣ супротивника.
Какъ заѣхалъ на славную на Палачь-гору Аѳанасьеву,
Материнска наказа не слушался;
На славной на Палачь-горы Аѳанасьевой
Много присѣчено удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Много лежитъ буйныхъ головушекъ.
Тутъ онъ сталъ по горы поѣзживати,
Сталъ туги луки натягивати,
Калены стрѣлы пострѣливати.
Первую стрѣлу онъ стрѣлялъ во сто рублей,
Другую стрѣлу во тысячу рублей,

*) Не ѣзди.
**) Густая пыль столбомъ.

А третью стрѣлу стрѣлялъ—цѣны-то нѣтъ:
Потому-то ей цѣны-то нѣтъ,
Во вострый конецъ врощенъ дорогой гвоздочекъ шеломчатый,
А во середочку врощенъ камешочекъ самоцвѣтныйй,
А во тупой конецъ врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Какъ самъ себѣ молодецъ раздумался:
« Стать мнѣ этыхъ стрѣлокъ пострѣливать,
« Не наполнить мнѣ имѣнье во чисто поле. »
Какъ поѣхалъ со славной Палачь-горы Аѳанасьевой
И поѣхалъ по чисту полю,
И наѣхалъ во сыромъ дубу черна ворона,
Черна ворона граючаго,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, воронъ, птица вѣщая,
« Вѣщая птица, граючая!
« Натяну какъ свой тугій лукъ,
« Положу-то калену стрѣлу,
« Спущу-то тетиву шелковую,
« Распущу твое перье по чисту полю,
« Пролью кровь твою по сыру дубу,
« Предамъ ти смерти напрасныя:
« Не попадайся-ка на выстрѣлъ впереди богатыря! »
Испровѣщилъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
— Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
— Не проливай моей крови горючія:
— Поѣзжай-ка още впередъ по чисту полю,
— Такъ наѣдешь себѣ поединщика,
— По плечу себѣ супротивника.—
Какъ онъ тутъ на радости на великія
Какъ наѣхать бы того удалаго молодца,
Спробовать своя сила богатырская,
Поѣхалъ онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхалъ слѣдъ лошадиныйй:
Впереди его проѣхано у богатыря,
У лошади копытама выверчивана

Мать сыра земля будто сильныма рѣшатамы.
Онъ поѣхалъ по этому по слѣду лошадиному,
Наѣхалъ богатыря въ чистомъ полѣ:
Раздернутъ у богатыря шатеръ бѣло-полотняный,
Ко тому шатру бѣло-полотняному
Поставлена лошадь бѣлая богатырская,
Насыпано во полость во бѣлую пшеницы бѣлояровой.
Не такъ обсѣдланъ конь, какъ у него молодца:
Еще покрѣпче подтянуты подпруги богатырскія.
Онъ тутъ сталъ да пораздумался,
Сталъ молодецъ да порасплакался:
« Теперь на уѣздъ ѣхать—не уѣхати,
« Во шатеръ итти—такъ смѣлости нѣтъ:
« Убьетъ меня богатырь во бѣломъ шатрѣ,
« Падетъ моя голова ни за чистую бѣлочку.
« А поставлю я своего добра коня
« Ко одной ко полости ко бѣлыя,
« Ко одной пшеницы бѣлояровой:
« Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
« Пойду въ шатеръ—не тронетъ богатырь;
« А если кони драться станутъ,
« Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати! »
Какъ становилъ своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницы бѣлояровой:
Кони смирно стали ѣсть пшеницу бѣлоярову.
Онъ пошелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поглядитъ—ажно въ углу спитъ богатырь,
Спитъ-то храпитъ, какъ порогъ шумитъ;
Поглядѣлъ ему на надпись богатырскую:
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Сталъ онъ будить богатыря,
Скричалъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:

« Ставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Пора намъ ѣхать ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко стольному ко князю ко Владиміру,
« Ко ранныя обѣдни воскресенскія. »
Спитъ богатырь—не пробудится.
Скричалъ во второй наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
Спитъ богатырь—не пробудится.
Скричалъ во третій наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову,—
Отъ крѣпкаго сна богатырь пробуждается,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
— Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
— Какъ тя, молодца, именѐмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалаго по изотчины?—
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Я изъ той земли, богатой орды,
« Со тоя Индѣи богатыя,
« Есть я молодой бояринъ Дюкъ Степановичь. »
— Такъ почто же будишь меня отъ крѣпкаго сна богатырскаго?
— Али бьютъ тя во чистомъ полѣ поганые Татаровья,
— Али самому тебѣ, молодцу, хочется
— Со мной съѣздить во чисто поле,
— Спробовать силы-удачи молодецкія:
— Кто повынесетъ съ чиста поля головушку,
— Кто повынесетъ вѣсточку радостну?—
Онъ расплакался ему, поразжалился:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
« Тебѣ смерть на бою не написана;
« А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,
« Положить надоть буйная головушка.
« Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,
« А на то будилъ, что будетъ надежный товарищь въ чистомъ полѣ,

«Повыучить всѣмъ похматкамъ *), поѣздкамъ богатырскіимъ,
«По дѣлу по ратнему.»
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Бралъ молодаго боярина за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Называлъ меньшіимъ крестовымъ братомъ.
Взяли—крестамы побраталися.
Стали два удалыхъ молодца пить зелено вино,
Запивать медамы стоялыма,
Закусывать колачикамы крупивчатыма.
На тую на пору на времячко
Наѣхалъ какъ изъ чиста поля поганый Идолище,
Приходитъ къ нимъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Господу Богу не молится,
Имъ молодцамъ не клонится,
Не клонитъ буйны головушки,
Не приноситъ покору великаго,
Самъ садился къ нимъ на лавочку.
Говорятъ ему таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
«Садись-ка съ нами за единый столъ хлѣба кушати!»
— Что же мнѣ съ вами хлѣба кушати?
— У васъ на столѣ одни крупивчаты булочки,
— Да еще немножечко колачиковъ.
— Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти **),
— По бѣлой лебеди на разъ [вилкою] закусываю.—
Говоритъ Илья таковы слова:
«Видно, поганое Идолище, ты силенъ есть?»
— Я силенъ есть, поганое Идолище:
— Я проѣхалъ Швецію, Турецію,
— Казань, Рязань и Астрахань,
— И не могъ найти поединщика,
— По плечу себѣ супротивника.—
«Ай же ты, поганое Идолище!

*) Похваткамъ.—*Изд.*
**) Корму.—*Изд.*

« Ты наѣхалъ себѣ поединщиковъ:
« Когда повыйдешь изъ нашего шатра бѣлополотнянаго,
« Тогда не будетъ тебѣ поединщика.
« Во той землѣ, въ богатой ордѣ,
« Во славномъ городѣ во Муромѣ,
« Во томъ селѣ во Карачаевѣ,
« У моего кормильца у батюшки
« Была корова обжорлива:
« По возу ѣла сѣна къ выти,
« Варенины ѣла по лохани,
« Жрала, жрала—и треснула.
« Такъ и тебѣ треснуть, добру молодцу! »
Ему эты рѣчи не прилюбилися:
Хватилъ кинжалище булатнее,
Бросилъ въ стараго казака Илью Муромца.
А онъ зналъ увертки богатырскія,
Увернулся отъ разу великаго,
Самъ хватилъ свою шляпу пуховую
И бросилъ въ поганое Идолище.
Поганое Идолище палъ о сыру землю,
Только поганое Идолище тутъ и живъ бывалъ.

*

Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь,
Садилися они на добрыхъ коней;
Какъ поѣхали ко славному ко городу ко Кіеву,
Такъ старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ во всю пору лошадиную,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
На своемъ на бурушкѣ косматомъ около обскакиваетъ.
Не доѣхали они до города за три поприща,
Становилися они во чистомъ полѣ.
Какъ говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же ты, братецъ мой крестовый!
« Поѣзжай-ка ты одинъ ко городу ко Кіеву,

« Поспѣвай ко раннія обѣдни воскресенскія.
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
« Заводитъ столованье почестный пиръ,—
« Смотри—не хвастай на пиру имѣньицемъ,
« Имѣньицемъ, безсчетной золотой казной.
« А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
« Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
« Ко моему шатру бѣлополотняному,—
« Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ. »
Тутъ-то они распростилися.
Поѣхалъ молодой бояринъ ко городу ко Кіеву,
Поспѣлъ ко раннія обѣдни воскресенскія:
Подъѣзжалъ какъ онъ ко Божьей церкви,
Становилъ онъ добра коня ко столбику точеному,
Ко колечику золоченому;
Самъ шелъ во церковь Божію,
Крестъ клалъ по писаному,
Поклонъ велъ по ученому,
На всѣ на четыре сторонки кланялся,
Стольному князю Владиміру
Со княгиной со Опраксою въ особину.
Не узналъ его солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ;
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
« Коего отца, коей матери? »
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я изъ той земли, богатой орды,
— Со тоя Индѣи богатыя,
— Есть я молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.—
Какъ у солнышка князя Владиміра по правую рученьку
Стоялъ молодой Чурилушка Пленковичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
«« Ай же ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Это не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
«« А эта есть халунна господская,

«« Либо волочà-голь кабацкая.
«« Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
«« Угналъ онъ добра коня,
«« А пріѣхалъ сюда для того, чтобы ты
«« Забралъ столованье почестный пиръ *). »»
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
« Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
« Коего отца, коей матери? »
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Что же ты сталъ у меня выспрашивать,
— Выспрашивать у меня, вывѣдывать?
— Вѣдь я пріѣхалъ не для вашихъ честныхъ пировъ,
— Не для безсчетной золотой казны,
— А пріѣхалъ посмотрѣть вашего города.
— Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на угожествѣ,
— Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ;
— Да още заѣхалъ Господу Богу помолиться,
— Ко честнымъ крестамъ приложиться,
— И поѣду я взадъ во чисто поле.
— У меня хлѣба-соли дóма водится,
— Золота казна не тощится,
— Цвѣтно платьице не держится;
— А още послалъ меня братецъ крестовыйй,
— Старый казакъ Илья Муромецъ.—
Онъ какъ бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Называлъ молодымъ бояриномъ Дюкомъ Степановичемъ.
Отошла обѣдня ранняя воскресенская.
Бралъ его солнышко за бѣлы руки,
Повелъ его въ свои палаты бѣлокаменны.
Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядыватъ,
Поглядыватъ на сапожки, на шубку посматриваетъ.
Говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
«« Заподлинно есть холопина дворянская:

*) Вопросъ Владиміра, отвѣтъ Дюка и замѣчаніе Чурилы снова повторяются

«« Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
«« Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ. »»
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!
— У васъ все не по нашему:
— Во той земли, богатой орды,
— Во тоя Индѣи богатыя,
— Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ
— Настланы мостики калиновы,
— Разостланы сукна кармазинныя,
— Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя. —
Какъ онъ ввелъ его въ палаты бѣлокаменны,
Для удалаго добра молодца забралъ почестенъ пиръ.
Какъ пошелъ столованье почестенъ пиръ,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Сидитъ молодой бояринъ не пьянъ не веселъ,
Повѣшена буйна голова ниже плечь могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ;
Онъ колачикъ ѣлъ, другой подъ столъ металъ,
А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
Какъ увидѣлъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Говоритъ ему таковы слова:
« Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
« Колачикъ ѣшь, другой подъ столъ мечешь,
« А чару пьешь, другу за окошко льешь? »
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не могу ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ,
— Пить напиточекъ сладкіихъ:
— Колачики пахнутъ на хвою сосновую,
— А напиточки затхнулися *), пить непріятныя.
— Какъ во той землѣ, въ богатой орды,
— Во тоя Индѣи богатыя,
— У моей государыни у матушки

*) Затхлые, сдохлись. — Изд.

— Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
— Мочутъ помялчики въ росу медовую,
— Пашутъ *) печки муравлены,
— Пекутъ колачики крупивчаты:
— Колачикъ съѣшь, другаго съѣсть душа горитъ,
— Другой съѣшь, третій съ ума нейдетъ.
— А меда сладкіе, водочки стоялыя
— Повѣшены въ бочки сороковки
— Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебрены,
— Туда подведены вѣтры буйные:
— Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
— Пойдутъ воздухи по погребамъ,
— Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
— Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ;
— Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкіе,
— Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
— Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
— Эта хвальба не похвальба:
— У моей государыни у матушки
— Цвѣтно платьице не держится.
— Потому оно не держится,
— Что швецы не выводятся:
— Та толпа швецовъ со двора сошла,
— А другая толпа на дворъ пришла.
— Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
— Стоитъ безъ счету добрыхъ коней,
— Зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
— Только выскочатъ проиграться въ чисто поле.
— Эта похвальба еще не похвальба:
— Есть насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ
— Злата и серебра и мелкаго скатнаго жемчуга;
— На одинъ на погребъ скуплю-продамъ
— Стольный Кіевъ градъ и Черниговъ градъ.—

(Не кончено).

*) Пометаютъ.—*Изд.*

48.

ТОЖЕ.

(Кижскій погостъ; ср. выше).

Снаряжался Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго Волынъ-города,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя;
Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хотитъ на князя на Владиміра
И на русскихъ на могучихъ на богатырей.
Говоритъ ему родна матушка,
Честна вдова Настасья Васильевна:
« Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ!
« Хоть ты сряжаешься во стольно-Кіевъ градъ,
« Посмотрѣть хотишь на князя на Владиміра
« И на русскихъ на могучихъ на богатырей,
« А охвочь ты упиваться въ зелено вино:
« Такъ ты не хвастай-ка своимъ художествомъ *)
« Супротивъ русскихъ могучіихъ богатырей.»
Садился Дюкъ на добра коня,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Кіеву.
И пріѣхалъ къ князю ко Владиміру на широкій дворъ.
Вшелъ-то онъ въ палаты бѣлокаменны,
Кресть-отъ онъ клалъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
И спросилъ-то онъ про князя про Владиміра.
Владиміра-то въ домѣ не случилося:
Ушелъ-то князь Владиміръ во Божью церкву,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему кресту приложитися.
Идетъ Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,

*) Отъ *худоба*, небольшое хозяйство, имѣніе; *художество* здѣсь то же самое, что въ другихъ былинахъ « *животинки* сиротскіе. »

По славному по городу по Кіеву.
И заходилъ онъ во матушку во Божью церкву,
Крестъ-отъ онъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклаияется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
По праву̀ руку Владиміра
Стоитъ молодой Добрынюшка Никитиисцъ,
По лѣву̀ руку Владиміра
Стоитъ Чурилушка Пленковичь.
Владиміръ князь сталъ у молодца выспрашивать:
« Ты скажи-тко, молодецъ, провѣдай-ка,
« Ты коей орды, да изъ коей земли,
« Тобя какъ-то молодца именемъ зовутъ,
« Звеличать намъ удалаго по отечеству?»
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ:
— Есть я изъ Галицы проклятыя,
— Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
— Со славнаго съ богата Волынъ-города,
— Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ. —
Говоритъ Чурила таковы слова:
«« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Во глазахъ мужикъ-то усмѣхается,
«« Во глазахъ-то онъ да подлыгается:
«« Походочка-то есть въ немъ не Дюкова,
«« Поговорюшка не Дюкова,
«« Должѐнъ быть холопина дворянская.»»
Это слово Дюку не слюбилося,
Не слюбилося то слово, не къ люби пришло.
Оны Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да приложилися,
Выходили-то со матушки со Божьей церквы,
То пошли оны по городу по Кіеву, —
Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать *),

*) *Загадки отгадывать*—задавать загадки.

Говорилъ-то Дюкъ да таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ощё въ Кіевѣ у васъ все не по нашему:
« У васъ настланы мосточики кирпичные
« И порученки *) положены калиновы;
« Пойдешь по мосточикамъ кирпичныимъ,
« Мѣдное гвоздье-то пріущиплется,
« Цвѣтное-то платье призабрызжется.
« Какъ во нашей во славной Индѣюшки въ богатыя
« И во славномъ богатомъ Волынъ-городѣ,
« У моей у родителя-матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны
« Настланы у нёй мосточики калиновы,
« Порученки положены серебряны,
« И настланы-то у ней сукна кармузинныя:
« И пойдешь по мосточикамъ калиновымъ,
« По этыимъ по сукнамъ кармузиннымъ,
« Мѣдное гвоздье не ущиплется,
« Цвѣтно платьице на насъ да не забрызжется.»
Къ тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
Какъ вошли оны въ палаты бѣлокаменны
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
И во этыя во гредни во столовыя,
И садилися за столики дубовые
И за тыя за скамеечки окольныя,
Стали исть-то ѣствушку сахарнюю,
Подносили калачиковъ имъ пшенныихъ,
Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Беретъ калачикъ въ руки пшенныій,
Корочку кругомъ кусалъ,
А середочку-то онъ кобелямъ бросалъ.
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« У васъ все въ Кіевѣ не по нашему:
« Сдѣланы-то бочечки дубовыя,
« И набиваны обручики еловые,

*) *Порученки* — перила.

« И положено-то свѣжей ключевой воды,—
« Тутъ у васъ и калачики мѣсятъ;
« Покладены-то печечки кирпичныя,
« Топлены-то дровца еловыя,
« Подѣланы помялышки сосновыя,—
« Тутъ у васъ и калачики пекутъ.
« Какъ во нашей въ Индѣюшки въ богатыя
« И во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
« У моей у родителя у матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
« Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
« И обручики набиты золоченые,
« И положено медовъ туды стоялыихъ,—
« И тутъ у ней калачики мѣсятъ;
« Подѣланы-то печечки кирпичныя,
« И топятся дровца дубовыя,
« И сдѣланы помялышки шелковыя,
« И тутъ у насъ калачики пекутъ.»
Владимiръ князь ко этымъ рѣчамъ не примется.
Подносили имъ хмѣльные напиточки,
Наливали чару зелена вина,
Подносили-то къ Дюку Степановичу;
Дюкъ Степановичь, княженецкiй сынъ,
Беретъ-то эту чарочку во бѣлы руки,
Подносилъ онъ ко устамъ сахарнiимъ:
Эта водочка ему да не понравилась,
Черезъ золотъ стулъ всю повыплескалъ
По той по славноей по горенкѣ;
Самъ онъ говорилъ да таковы слова:
« Ты Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« У васъ въ Кiевѣ все не по нашему:
« У васъ бочечки подѣланы дубовыя,
« Набиваны обручики еловые,
« Туды водочкой винцё у васъ положено,
« И во этыихъ во погребахъ глубокiихъ
« Водочкой винцё-то призадохнулось.
« Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя
« И во славноемъ богатомъ Волынъ-городѣ,

« У моей родителя у матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
« Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
« И обручики набиты золоченые,
« Туды водочкой винцё у пей положено,
« И на цѣпи на мѣдныя повѣшено,
« Туды подведены вѣтры буйные:
« Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
« Пойдутъ воздуха по погребамъ,—
« Никогда тамъ водочкой винцё не задохнется:
« Какъ чарочку-то выпьешь,
« По другой душа горитъ.»
Владимiръ князь ко этымъ рѣчамъ онъ не приметея.
Ко этымъ ко столикамъ дубовымъ
Подходитъ Чурилушка Пленковичь
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкiихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
Говорилъ ему Чурила таковы слова:
«« Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался
«« Своимъ имѣньимъ и богачествомъ?
«« Ударимъ-ка со мною о великъ закладъ
«« На три году поры-времени,
«« Чтобъ проѣздить намъ по городу по Кiеву
«« На добрыхъ на коняхъ богатырскiихъ,
«« На собѣ носить одежицу бы смѣнную,
«« Смѣнную одежицу-то каждый день,
«« Каждый день носить одежа снова на́ ново,
«« Снова на́ ново да что ни лучшая.»»
Говоритъ ему Дюкъ таковы слова:
« Просишь ты, Чурила Пленковичь,
« Бить со мною о великъ закладъ:
« Какъ живешь ты въ своемъ стольно-Кiевѣ,
« Кладовыя-то полны одежицы наполнены;
« А мое вѣдь дѣло есть дорожное,
« Мое платьице, стало, здѣсь завозное.»
И ударилъ съ нимъ Дюкъ Степановичь о великъ закладъ
На три году поры-времени,

Чтобъ проѣздить имъ по городу по Кіеву
На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ,
На себѣ носить одежицу бы смѣнную,
Смѣнную одежицу-то каждый день,
Каждый день носить одежа снова на́ ново,
Снова на́ ново одежа драгоцѣнная.
Тутъ Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Скорешенько садился на черленый стулъ,
Скоро онъ писалъ письма скорописчаты,
Писалъ-то онъ эты письма, запечатывалъ,
Полагалъ во сумки переметныя,
И выходилъ-то Дюкъ на широкій дворъ
Къ своему коню ко богатырскому,
Полагалъ онъ эты сумки переметныя
Подъ славное сѣдельшко Черкасское
И отпущалъ добра коня да во чисто поле.
Пошелъ-то его добрый конь чистымъ полемъ
Во славную Индѣюшку въ богатую.
Прибѣгаетъ добрый конь на широкій дворъ,
На широкій дворъ на княженецкиій.
Усмотрѣли его Дюковы конюхи любимые,
Что прибѣжалъ-то добрый конь отъ Дюка Степановича,
И сказали его родителю-матушки,
Честной вдовы Настасьи Васильевны:
«« Видно нѣтъ жива Дюка Степановича.»»
Тутъ она скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
Подходила ко добру коню,
Сама горько она заплакала,
И говорила-то она таковы слова:
— Мой любимый сынъ Дюкъ Степановичь
— Положилъ буйну головушку
— На матушкѣ на святой Руси!—
Подходятъ къ ему конюхи любимые,
И стали какъ добра коня расѣдлывать,
И подъ этымъ сѣдельшкомъ Черкаскіимъ,
На томъ на потницькѣ семишолковомъ
Нашли оны сумки за печатямы,

Подаютъ оны честной вдовы Настасьи Васильевной.
Беретъ она скорѐнько во бѣлы руки,
Скоро на скоро сумочки распечатала,
Она вскорѣ-то смотрѣла эти письма скорописчаты,
Весьма то она дѣло взрадовалася,
Что живъ-то ея любимый сынъ
Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ:
Приказала своимъ конюхамъ любимыимъ
Насыпать коню пшены бѣлояровой,
Подносить велитъ свѣжей ключевой воды;
Сама скоренько шла въ палаты бѣлокаменны,
Брала-то она золоты ключи,
Шла она во погреба глубокіе,
Съ собою брала-то оцѣнщичковъ,
Оцѣнщичковъ брала и разцѣнщичковъ.
И складали, и укладали одежицу драгоцѣнную
И дали смѣты на три году поры-времени,
Всякой день носить одежа снова на ново,
Снова на ново одежа драгоцѣнная.
Приказала своимъ конюхамъ любимыимъ
Сѣдлать коня да богатырскаго:
Подъ сѣдельшко Черкасское
Полагали потничекъ оны шелковенькій,
Шелковенькій потничекъ не дёржаный,
И подъ этотъ потничекъ полагали письма скорописчаты,
И ко этому сѣдельшку Черкасскому
Привязали-то одежи драгоцѣнныя,
И отпущали коня въ стольно-Кіевъ градъ.
Шелъ-то добрый конь чистымъ полемъ, — не замѣшкался,
Онъ скорешенько прибѣжалъ въ стольно-Кіевъ градъ
Ко князю ко Владиміру на широкій дворъ.
Выходилъ Дюкъ Степановичь на широкъ дворъ,
Отъ эвтого сѣдельшка Черкасскаго
Онъ снимаетъ одежицу драгоцѣнную,
Исподъ потничка шелковенькаго
Вынимаетъ онъ письма скорописчаты
Отъ своей родителя отъ матушки,

От честной вдовы Настасьи Васильевны;
Пришелъ въ палату бѣлокаменну
И одѣлъ одежи драгоцѣнныя;
И поѣхали по городу по Кіеву
Съ молодымъ Чурилушкой Опленковымъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ.
Стали оны ѣздить-то день за день,
День за день и еще годъ за годъ,
Проѣздили поры-времени по три году.
Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія *).
Молодой Чурилушка Пленковичь
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки воплетано по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застенутся, такъ обоймутся,
А разстенутся **), и поцѣлуются.
Поглянулъ Владиміръ на праву руку
На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
— Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
— Прозакладалъ все свое имѣніе-богачество!—
А молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка строчена въ одежицѣ чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки воплетано по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застёнутся, такъ обоймутся,
А разстёнутся, и поцѣлуются;
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька:
Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзаду введёнъ свѣтёлъ мѣсяцъ,

*) Заутреня въ 1-й день Пасхи у Заонежанъ называется Христосьскою, а у Пудожанъ Воскресенскою.

**) Застегнутся, разстегнутся.

А на верховьицѣ шляпы быдто жаръ горитъ.
Говорилъ ему тихій Дунаюшка Ивановичь:
«« Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
«« Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
«« Молодой Чурилушко Опленковичь
«« Прозакладалъ свою буйную головушку.»»
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному по городу по Кіеву
И ко ласкову князю ко Владиміру.
Пріѣхали оны на широкій дворъ.
И садилися за столики дубовые,
За этыя скамеечки окольныя,
Ѣсть-то оны ѣствушки сахарнія,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныихъ.
Подходитъ-то Чурилушка Пленковичь,
Подходитъ онъ ко столикамъ дубовыимъ
Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Говорилъ Чурилушка таковы слова:
«« Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
«« Своимъ великіимъ имѣніемъ-богачествомъ?
«« Ударимъ-ка со мною ты въ великъ закладъ,
«« Чтобы на своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ
«« Намъ разъѣхаться съ раздольица чиста поля
«« И скочить намъ черезъ матушку славную Нѣпру рѣку.»»
Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Говоритъ ему вѣдь таковы слова:
« Ай же ты, Чурила Пленковичь!
« Тобѣ просто бить со мною въ великъ закладъ:
« Какъ твой-етъ богатырскій конь
« Стоитъ у своихъ у конюховъ любимыихъ,
« Ѣстъ-то онъ пшену бѣлоярову,
« Испиваетъ свѣжу ключеву воду,
« А мое-то есть конишечко дорожное,
« Дорожное конишечко заѣзжено.»
Тутъ его сердце пріужахнулось,
Скоренько онъ бѣжалъ да на широкій дворъ,

Палъ-то онъ на стену *) на лошадиную,
Самъ-отъ онъ лежалъ, да выговаривалъ:
«Ай же ты, мой добрый конь богатырскій!
«Не смѣю бить въ великъ закладъ, закладаться,
«Чтобы намъ съ Чурилушкой Опленковымъ
«Скочить черезъ матушку Нѣпру рѣку
«На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ.»
Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
— Не убойся-тко страха, Дюкъ Степановичь,
— Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
— Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
— На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныихъ,
— Не уступлю я братьямъ большіимъ,
— А не столько что братцу меньшему:
— Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
— А середній братъ у Добрыни Микитинца,
— А я третій братъ у Дюка Степановича,
— А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова. —
Тутъ онъ сшелъ въ палату бѣлокаменну,
И ударили оны во великъ закладъ,
И стали добрыхъ коней засѣдлывать.
Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Самъ выходилъ на широкій дворъ
И своима рукамы добра коня засѣдлывалъ,
Засѣдлывалъ онъ и улаживалъ.
И садился Дюкъ на добра коня
И поѣхали оны съ молодымъ Чурилушкою Опленковымъ
По славному раздольицу чисту полю,
И поразъѣхались съ раздольица чиста поля
Во всю-то оны пору лошадиную,
И скочили черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ:
Молодой Дюкъ Степановичь, княженецкій сынъ,
Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добромъ конѣ на богатырскоемъ
За цѣлый за помахъ лошадиныій
И за цѣлую за версту онъ за мѣрную;

*) На стегну.

И зглянулъ онъ на правую на ручушку,
Какъ нѣтъ подлѣ него товарища
Молода Чурилушки Опленкова:
Чурила-то Пленковичь посередъ Нѣпры пріогрюшился
Со добрымъ конемъ со богатырскіимъ.
Молодой Дюкъ Степановичь скорешенько поворотъ держалъ,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку повыскочилъ
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащилъ
Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:
« Ай же, Чурилушка Пленковичь!
« Не твое-то дѣло есть охвастати,
« Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,
« А твое дѣло столько ходить тобѣ по Кіеву,
« По Кіеву ходить тобѣ за бабамы. »
И пріѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его Дюково имѣніе описывать и общѣнивать.
Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку Иванова,
Во вторыхъ още Василья Казиміровa,
А во третьихъ смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича.
Сѣли оны на добрыхъ коней, поѣхали
И пріѣхали въ Индѣюшку богатую,
Ко Дюку Степановичу на широкій дворъ.
Не спущали оны коней на посыльный дворъ,
Ставили оны коней середи двора,
Пошли оны въ палату бѣлокаменну,
На пяту оны двери поразмахиваютъ,
Вошли-то въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ оны клали по писаному,
Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланялися,
Честной вдовы Настасьи Васильевной въ особину:

« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка!»
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая рукомойница.—
Вошли оны во другой покой,
Опять низенько покланяются:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка!»
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая портомойница.—
Вошли оны во третій покой,
Опять низенько покланяются:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка!»
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая стольница.—
Проводили ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушки;
Покланяются оны и удивляются:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка!»
Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:
— Вы удаленькіе дородни добры молодцы!
— Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
— Вы за чѣмъ сюда пріѣхали?
— Знать, сиротскаго имѣньица описывать?—
Говорятъ оны таковы слова:
« Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Степановичь
« Описать свое имѣніе-богачество.»
Кормила ихъ ѣствушками сахарними,
Поила ихъ питьицами медвяными:
Чарочку выпьютъ, губы слипаются,
А другую выпьютъ, по третьей душа горитъ,
А четверта чарочка съ ума вонъ нейдетъ.
Повела ихъ она во погреба глубокіе,

Посадила ко сбруи лошадиной описывать и общѣнивать.
Описывали оны, общѣнивали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
По три года общѣнивали и по три дни,—
Не могли общѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела ихъ она на погреба глубокіе
Описывать-общѣнивать имѣніе-богачество.
Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Эты мужики общѣнщики
Не могутъ оны смѣты дать,
Описать того имѣнія-богачества.
Тутъ писали оны во стольно-Кіевъ градъ
Ко славному ко князю ко Владиміру:
«Ты славный Владиміръ, стольно-Кіевскій!
«Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
«На эты на бумаги (на гербовыя)
«Да на чернила-перья продай още Черниговъ градъ,
«Тогда можешь Дюково имѣніе описывать.»

(Отъ Рябинина; ср. выше).

49.

ТОЖЕ.

(Олонецкой губерніи).

Во тоя Индѣи было во богатыя,
Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ по заводямъ,
Стрѣлялъ сѣрыихъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ, да еще три стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ подъ каменя сподъ яхонта само-цвѣтнаго,
Убилъ три орла и три орловица;

Онъ не тыхъ убилъ, которы летаютъ на святой Руси,
А тыхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ:
Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешки,
Ужь онъ ронитъ орелъ перьица орлиныя;
Когда идутъ гости-корабельщики,
Побираютъ перьицо орлиное,
Развозятъ это перьицо (на ярманку),
Продаваютъ это перьице орлиное
Подороже-то атласа и рыта бархата;
Покупали мужики-то индѣйскіе,
Приносили это перьицо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочки,
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь *).
Съ тоя съ великія со радости
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньицомъ:
« Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
« Дай-ка ты прощеньицо съ благословеньицомъ
« Ихать ко̀ граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Мни прямой дорожкой, не окольною.»
Говоритъ государыни родна его матушка:
— Что не дамъ прощеньице съ благословеньицомъ
— Ѣхать ко граду ко Кіеву
— Ко ласкову князю ко Владиміру
— Прямой дорожкой, не окольноей.
— На той прямой дорожки, не окольной,
— Есть три заставы великія.
— Первая застава великая:
— Стоятъ тутъ горы толкуціи;
— Тыи жь какъ горы врозь растолкнутся,
— Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
— Есть другая великая тамъ застава:
— Сидятъ тамъ птицы клевуціи;
— Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ;

*) Весь разсказъ пѣвецъ спуталъ; ср. былину у Кирши.—*Изд.*

— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
— Есть третія великая тутъ застава:
— Лежитъ Змиище-Горынчище,
— О двинадцати змия о хоботахъ;
— Тоя змия тебя съ конемъ сожретъ;
— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молодому живу не бывать.—

Онъ бояринъ своей матушки не слушался,
Пошелъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Одивалъ на мала бурушка-кавурушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено *).
Онъ поилъ бурка питьемъ медвяннымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Сидлалъ коня въ сиделышко Черкасское,
Онъ потницки клалъ на потницки,
На потницки кладетъ войлоцки,
А на войлоцки Черкасское сиделышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырутилъ.
Подпруги были шелковыя,
Шпеньки были вси булатные,
А пряжки у сѣдла красна золота:
Тогда шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавиетъ,
Молодецъ на кони сидитъ—самъ не стариетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Если случитъ Богъ во гради **) во Кіеви,

*) Конь по колѣна заросъ въ землю.—*Изд.*
**) Здѣсь слышится *о* долгое: во-о-гради.

— Ты не хвастай животинками сиротскими,
— Сиротскими животинками вдовиными.—

Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
Онъ ко земли бурка припадывалъ;
Испровѣщился ему добрый конь,
Ему голосомъ ли целовѣцскіимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Опущай-ка-ся съ меня со добра коня,
— Бери земли сыро-матерой,
— Подвязывай подъ плецко подъ правое
— И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно бы сидѣть на добромъ кони,
— А я стану бурушко поскакивать,
— Съ горы на гору, съ холмы на холму,
— Рики и озера перескакивать,
— Гдѣ широкія раздолья—между ногъ пущать.—
А какъ прiѣхали они ко первой ко заставы:
А стоятъ тутъ горы толкуціи;
Тые жь какъ горы врозь растолкнулись
И не успѣли горы вмисти столкнуться,
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Доѣзжалъ до другія до заставы ль:
Сидятъ тутъ птицы клевуціи;
Не успили птицы крылушекъ расправити,
Онъ и другу заставу проскакивалъ.
Онъ ко третьей заставы прискакивалъ:
И лежитъ Змиище-Горынчище,
О двѣнадцати змия о хоботахъ;
Не успѣла змия хоботу расправити,
Онъ и третью заставу проскакивалъ.
Онъ ко граду ко Кіеву прискакивалъ,
И заидетъ какъ онъ на княженецкій дворъ,
Оставилъ своего добра коня,
Добра коня середь бѣла двора,
Не привязана и не приказана;
Самъ пошелъ во передню во столовую.
Онъ крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,

На вси три-четыре на стороны,
Княгини-то Апраксіи да въ собину:
« Здравствуешь, княгиня Апраксія!
« Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій?»
Говоритъ княгиня тутъ Апраксія:
— А солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій къ обѣдни сшолъ.—
Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божію:
По тыя по улицы по широкія
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Да ихъ подлило водою дожжевою,
Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;
Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
Приходитъ во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по писанному
Да поклонъ ведетъ по ученому,
На вси три-четыре стороны,
А солнышку Владиміру да въ собину:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« Да своей княгиней со Апраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ты откудашной, удалой доброй молодецъ,
— Ты коей орды, да ты коей земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Нарекаютъ тебя по отечеству?—
Говоритъ удалый добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ Индіи изъ богатыя
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
« Отстоялъ дома раннюю заутреню
« И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де.»
Говорятъ вси князи, да вси бояра,
Тая жь говоритъ да вся мелка чета:
«« Что не быть этому молодому боярину,
«« Тому же ли Дюку Степановичу,
«« А есть какой нибудь дѣтинушка залѣшеникъ *):

*) Залѣшанинъ.— *Изд.*

«« Онъ убилъ купца, либо боярина,
«« Надѣлъ платьевъ дѣтина не видаютци,
«« Все онъ дѣтина на платье поглядываетъ. »»
Вышли они со Божьей со церкви,
Вышли они на улицу на широкую,
На ту дуброву на зеленую.
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
« Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ *);
« Ажно въ Кіеви да не по нашему:
« Церкви-ты у васъ вси деревянныя,
« У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
« А мостовыя у васъ черною землю засыпаны,
« Подлило водою ихъ дождевою ди,
« Сдѣлалась грязь-то по колѣну ди;
« Замаралъ я сапожки-ты зеленъ сафьянъ. »

Какъ приходятъ тутъ въ палаты бѣлокаменны,
Садились они тутъ за дубовъ столъ,
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они бѣлыхъ калачиковъ рушати.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Онъ мякишь ѣсъ, въ немъ корку подъ столъ мечетъ.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Самъ говоритъ да таково слово:
— Ахъ, ты на что же мякишь ѣшь,
— Корку подъ столъ мечешь?—
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
« Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
« Ажно въ Кіевѣ все не по нашему:
« У васъ печечьки все каменныя,
« Помялчики у васъ сосновыя,
« Пахнутъ колачики крупивчеты
« На тую дь на сѣру на сосновую,
« На сосновую на сѣру на капучую;

*) *Добрисъ*— добръ есть, хорошъ.

« Не могу я исть колачиковъ крупивчатыхъ.
« Какъ у моей государыни родной матушки,
« У честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевной,
« Тамъ церкви есть у насъ все каменныя,
« Известочкой они отбилены,
« Маковки на церквахъ самоцвѣтныя;
« У насъ крышечки ли въ домахъ золоченыя,
« Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
« Сорочинскія суконца приразостланы,
« Не замараешь тутъ сапожковъ-то зеленъ сафьянъ,
« Идутчись во церковь Божію:
« У насъ печечки ли въ домахъ все муравлены,
« А помялчики у насъ въ домахъ все шелковые,
« Пекетъ она все колачики крупивчеты;
« Калачикъ съѣшь—другой хочется,
« Другой съѣшь—по третьемъ душа горитъ,
« Третій съѣшь—четвертый съ ума нейдетъ.»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилой о великъ закладъ,
— Что вамъ ихать въ чисто поле поляковать,
— Чтобъ на всякой день были кони смѣнныи,
— Смѣнные кони перемѣнныи,
— Снова на́ нова, все на три года,
— На три года да еще на три дни,
— Чтобы въ три года такой шерсти не было;
— Чтобъ на всякій день платья были цвѣтныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Снова на нова, все на три года,
— И на три года, да еще на три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣта не было;
— И въ третій день вамъ итти ко Божьей церкви:
— Который-то добрѣе у васъ выступитъ,
— Другому голова рубить.—

По тоемъ было Чурилы по Пленковичи
А держали поруку двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черниговымъ;
А по томъ было по молодомъ бояринѣ,

По немъ не было никакой порукушки,
А держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
Тотъ владыка Черниговскій,
Тотъ крестовый его батюшка,
А не спустя боярина, домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
Закручинился бояринъ, запечалился,
Садился скоро на ременцетъ стулъ,
Писалъ онъ скорописцатые герлики *),
Полагалъ въ сумки переметныя,
Отпущалъ онъ мала бурушка-кавурушка.
Тутъ сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холмы на холму,
Рѣки-озера перескакивать,
Широки раздолья между ногъ пущать.
Какъ будетъ во Индии во богатыя
У него государыни родной матушки
На широкомъ двори,
Заржай **) голосомъ лошадинымъ;
Тутъ услыхала государыни родна матушка,
Выбѣгала она на крыльце на переное ***),
Увидала она своего добра коня,
Сама говоритъ да таково слово:
« Видно, нѣтъ жива рожонова дитятки,
« Стоитъ у крыльца одинъ добрый конь.»
Увидала она сумки переметныя,
Сама говоритъ да таково слово:
« Что рожоно мое дитятко захвасливо,
« Захвасливо да—знать—захвачено.»
Снимала она сумки переметныя,
Вынимала скорописцатые герлыки,
Полагала ему платья цвѣтные,
По три пары положила на всякій день,
Ново на ново на три года,

*) *Герлики* — ярлыки.

**) Заржалъ; *заржи*—въ употребленіи прошедшаго времени.—*Изд.*

***) Съ перилами.—*Изд.*

Ай на три года, да еще на три дни,
Отпущала мала бурушка-кавурушка.
Какъ онъ будетъ во гради во Кіеви
У ласкова князя у Владиміра,
У Владиміра на широкомъ двори,
Заржай голосомъ лошадиннымъ:
Вси во градѣ пріужаснулися.
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Знать пришелъ малый бурушка-кавурушка;»
Получалъ свои платья цвѣтныя.

Тутъ поѣхали они во чисто поле поляковать:
Тотъ Чурилушка Пленковичь
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Пораньше поутру повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повыкатаетъ,
На бурки-то шерсть перемѣнится.
Проѣздили они цѣло три года,
Цѣло три года, да еще по три дни:
Сегодни имъ итти ко Божьей церкви:
« А который-то добрие изъ насъ выступитъ,
« Другому изъ насъ голова рубить.»

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичь—
Во своемъ во градѣ ему дѣется —
Приходили какъ въ церковь Божію,
Тотъ Чурилушка Пленковичь
Онъ становился на крылосо *) на правое,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Становился на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Пленковичь
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Плыветъ Змиище-Горынчище.
Тутъ вси въ церкви пріужаснулися,

*) Клиросъ-отъ, крылосъ-тъ.

Сами говорятъ таково слово:
«« Что у нашего Чурилушки Пленковича
«« Есть отмѣточка противъ молода боярина,
«« Противъ молода Дюка Степановича.»»
Закручинился бояринъ, запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю,
Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запили птицы пѣвуціи,
Закричали звѣрки вси рыкуціи;
А тутъ вси въ церкви да о зень *) пали,
О зень пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь!
— Пріуйми-тка птицы ты клевуціи,
— Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
— Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
Говорилъ молодой Дюкъ Степановичь:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Не твое я сегодня ѣмъ да кушаю,
« Не хочу я теперечу тебя слушати.»
Говоритъ владыка-то Черниговскій:
— Ахъ ты ей, крестово мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Пріуйми-тка птицы ты клевуціи,
— Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
— Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
Онъ послушалъ крестоваго своего батюшки,
Онъ пріунялъ птицъ тыхъ пѣвуціихъ,
Призакликалъ звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
А тутъ говорилъ Чуришка Пленковичь:
«« Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь!

*) О земь.—*Изд.*

«« Ты ударь-ко о великъ закладъ:
«« Переѣхать намъ чрезъ Пучай-рѣку,
«« А и Пучай-рѣка на два поприща;
«« Который-то не можетъ перескочить,
«« Тому изъ насъ и голова рубить.»»

Поѣхали они чрезъ Пучай-рѣку.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Твоя похвальба на передъ зашла,
« Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди.»
Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку,
О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
Скоро на скоро скочилъ чрезъ Пучай-рѣку,
Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Чурилу за желты кудри захватывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конемъ съ воды,
А самъ говоритъ таково слово:
« Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь!
— Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
— А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.—
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь:
« Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичь!
« Пусть ты княземь ты Владиміромъ упрошенный,
« Пусть ты Кіевскими бабами уплаканный!
« Не изди съ нами со бурлаками,
« А сиди во гради во Кіеви,
« Ты во Кіеви во градѣ между бабами!»

Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Онъ сталъ отправлять туда *) оцѣнщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:
Онъ стараго казака Илью Муромца,

*) Въ Индію.

Въ другихъ молода Дюбрынюшку Никитича,
А во третьихъ Олешу Поповича.
Испроговоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Не посылайте-ка Олешеньки Поповича,—
« А его глазишечки поповскіе,
« Поповскіе глазишечки, завидливы,
« А ему оттоль да видь не выѣхать!
« Посылайте-ко стараго казака Илью Муромца,
« Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича;
« Не берите-ка бумаги на три мѣсяца,
« А вы берите-ка бумаги на три года,
« А на три года, да еще и на три дни.»

Какъ отправились они во Индію во богатую,
Подъѣхали подъ Индію подъ богатую,
Повыстали на гору на высокую,
Увидили Индію тую богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
« Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
« Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
« Чтобы зажгали Индію ту богатую:
« Ай, горитъ Индия та богатая!»
Какъ подъѣхали они поближе де:
У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
Пришли они въ палаты бѣлокаменны,
Ай, сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера сидитъ жина вся въ золоти.
Они бьютъ чиломъ, да покланяются:
« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка.—
.

Пришли они въ покои въ другіе:
Сидитъ жена стара-матера,
Еще болѣе того она въ золоти,
Она въ золоти, да она въ серебри.

Они бьютъ челомъ, да покланяются:
« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— А есть Дюкова колачница.—
Говорятъ послы да княженецкіе:
« Гдѣ же есть Дюковая матушка?»
Говоритъ жена да стара-матера:
— Что ушла она къ обѣдни ко долгія.—
Идетъ она изъ церквы изъ Божія,
Двое-трое ю ведутъ подъ руки,
Она бьетъ челомъ, покланяется:
— Вы здравствуйте, мужики вы общѣнщики!
— Вы за чѣмъ сюда теперь пріѣхали?
— Знать, сиротскихъ животишечекъ описывать?—
Садилися они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали исть колачиковъ крупивчатыхъ:
Колачикъ-отъ съидятъ—другаго хочется,
Другой съидятъ—по третьемъ душа горитъ,
Третій съидятъ—четверый съ ума нейдетъ.
Вышли изъ за стола изъ за дубоваго:
Проводила она ихъ во погреба,
Посадила она ко сбруямъ ко лошадинныимъ:
Писали они тутъ по три года,
По три года они писали, по три дни,
Не могли общѣнить однѣхъ сбруй лошадинныихъ.
Повела она ихъ по погребамъ да по глубокіимъ:
Висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Повывела она на широкій дворъ:
А течетъ тутъ струйка золоченая,—
А тутъ не могли они смѣты дать.
Говорила мужикамъ она общѣнщикамъ:
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру,
— Пущай попродастъ на бумагу весь Кіевъ градъ,
— На чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
— Тожно пусть пріидетъ животишечковъ описывать.

Какъ пріѣхали ко граду ко Кіеву,
Къ тому ли ко солнышку ко Владиміру,
Сами говорятъ таково слово:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
« Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
« На чернила продать весь Черниговъ градъ,
« Тожно пріѣхать животишечковъ описывать. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичь!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,
— Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины.—
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь,
Онъ поѣхалъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.

Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю да на тишину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Помѣщено въ Олонецк. губ. вѣдом. за 1859 годъ и доставлено туда тѣмъ же собирателемъ).

59.

ТОЖЕ.

(Святозерской волости, деревни Пратокъ).

Изъ того ли изъ малаго города изъ Клина выѣзжалъ молодой бояринъ Юнка Степановичь. Обсѣдлалъ онъ батюшкова добра коня и пошелъ къ государыни родной матушки Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, взять у ней прощеньице съ бласловленьицемъ, ѣхать ко городу ко Кіеву, ко ласкову князю ко Владиміру. Говорила ему государыня родима матушка: « Нà тебѣ, рожоное дитятко, мое великое бласловленьице, ѣхать ко городу ко Кіеву, ко ласкову князю ко Владиміру; нà

тебѣ, рожоное дитятко, мое великое запрещеніе хвастать животинкамы сиротскима, отцовскою золотой казной безсчетною.»

Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву и въѣдетъ на княженецкой дворъ, привязалъ своего добра коня ко мѣдяному столбу, золотому кольцу, самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменныя. Пришелъ въ покои во столовые, сидитъ молода княгина Апраксія. Говоритъ ей Юнка Степановичь: «Ты вздравствуешь, портомойница!» Княгины тое слово не показалося. Какъ вышелъ Владиміръ со Божьей церкви, воротился въ свои палаты бѣлокаменныя, говоритъ ему молода жена: «« Пришелъ-ввалился, князю, засельщина, рѣчи говоритъ неумильные, называетъ твою молоду жену портомойницей *).»»

Говоритъ князь Владиміръ:—Здравствуешь, человѣче, кто ты есть?— « Я изъ малаго города изъ Клина, молодой бояринъ Юнка Степановичь. » — А когда ты выѣхалъ изъ дому?—« Сегодня.» Тѣмъ словамъ князь вѣры не далъ. Сѣли обѣдать, собрались за столъ и князи, и бояре, и смѣются надъ Юнкой Степановичемъ: не знаютъ его. Стали за столомъ хвастаться. Юнка Степановичь мнетъ хлѣбъ: « Я, говоритъ, не могу ѣсть вашего хлѣба: помялой пахнетъ, видно вы помялой пашете печи. И воды вашей пить не могу: деревомъ пахнетъ.»—А у васъ чѣмъ печку пашутъ?—спрашиваютъ князья и бояре. « У насъ ли помялчики шелковые, водица-то медовая, печка мѣдная; а бочки у насъ серебряны, золотыма обручамы кованы. » Опять стали хвастать: иной хвастаетъ золотой казной безсчетною, молодой стольникъ Чурила Пленковичь хвастаетъ добрымъ конемъ противу батюшкова Юнкова добра коня. Говоритъ Владиміръ князь имъ: — Поѣзжайте черезъ рѣку (а рѣка-то на двѣнадцать верстъ), кто не перескочитъ, тому голова долой. — Какъ поѣхали ко рѣкѣ, Юнка Степановичь какъ птица полетѣлъ, а Чурила Пленковичь въ рѣку палъ. Говоритъ Юнка сво-

*) Доселѣ разскащица соблюдала нѣкоторую плавность рѣчи, по дальше стала говорить отрывисто и безъ ладу.

ему доброму коню: « Буде хватитъ силы, спускайся пониже, чтобы я Чурилу могъ захватить, а буде не хватитъ силы, скачи подальше.» Какъ захватилъ Чурилу Пленковича, привелъ его ко князю Владиміру. Стали просить князя Владиміра, чтобы головы не рубилъ Чурилѣ: больно красивъ былъ. Говоритъ Юнкѣ князь Владиміръ:—У кого изъ насъ животовъ больше? Буде у меня больше, такъ ты мнѣ на вѣкъ слуга, а буде у тебя больше, такъ я у тебя на вѣкъ слуга.—Ударили о закладъ и порѣшили послать въ Клинъ трехъ обцѣнщиковъ домъ обцѣнивать. А Юнка-то говоритъ: « Не трехъ посылайте обцѣнивать, а тридцать.» Поѣхали ко малому ко городу Клину тридцать приказныихъ, спрашиваютъ, гдѣ Юнковъ домъ: смотрятъ, такія палаты, что и войти туда не смѣютъ. Вошли въ покои, видятъ: сидитъ женщина въ богатыхъ платьяхъ: « Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна ! » а та отвѣчаетъ: — Я, говоритъ, не Мамелфа Тимоѳеевна, а простая кухарка.— « А гдѣ же Мамелфа Тимоѳеевна? » — Подите, ищите. — Въ другомъ покоѣ ходитъ женщина еще лучше одѣта. « Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна!»—Я, говоритъ, не Мамелфа Тимоѳеевна, а только кругъ ея хожу, убираю.— « А гдѣ же есть Мамелфа Тимоѳеевна?» — Къ обѣднѣ сошла.—Пошли приказные къ обѣднѣ, обѣдня уже на отходѣ. Выходитъ княгиня, платье сіяетъ золотомъ, такъ, что и смотрѣть нельзя. « Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна! » — Здоровы будьте, добрые молодцы ; откуда пріѣхали? — « А посланы мы отъ Юнки Степановича домъ обцѣнить.» —Сначала отобѣдайте у меня, а потомъ и станете домъ обцѣнивать. — Послѣ обѣда говорятъ приказные: « Просилъ еще Юнка Степановичъ послать ему платья перемѣнныя на три года, да старика, который служилъ еще его батюшкѣ.» Приказала княгиня имъ сѣдло подать, на которомъ ѣздитъ сынъ по праздникамъ: сѣли они и просидѣли кругъ сѣдла три года,—не могутъ цѣны наладить. А между тѣмъ Юнка Степановичъ ѣздитъ три года въ перемѣнныхъ платьяхъ: что ни день, то платье новое, лучше прежняго; а у кого къ тремъ годамъ платье хуже, тому голову срубить. Говоритъ старикъ Юнкѣ Степановичу: — Одѣвай, дитятко, платье похуже, а матушкѣ

напиши, чтобы выслала такое платье, которое вошло бы въ яичную скорлупу, а отъ пуговицъ чтобы змѣиный голосъ былъ.—Одѣлся въ послѣдній день Юнка въ платье со пуговицами змѣинаго голоса, а сверху накрутилъ платье похуже. Идетъ по улицѣ; люди кричатъ: «« Чурило лучше!»» А дотолѣва все говорили: «« Юнка Степановичь лучше и краше Чурилы! »» Скинулъ Юнка верхнюю одежу, платье такъ засіяло, что всѣ на колѣна пали, а когда онъ тронулъ пуговицы, пошелъ стонъ змѣиный: и князья, и бояре пріужахнулись. Захватилъ Юнка саблю, хочетъ Чурилѣ голову срубить. Взмолились за Чурилу бабы Кіевскія: ««Оставь Чурилу хоть на сѣмяна; такого, де, стольника уже не будетъ!»» Ну, и умолили Юнка Степановича.

За тѣмъ и князь Владиміръ, и Чурила, и всѣ князья-бояре, приказные, поѣхали ко городу ко Клину, его Юнковыхъ животовъ обцѣнивать. Пріѣхалъ князь Владиміръ, и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведетъ въ палаты — инъ половицы въ полу стеклянные, подъ ними вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половица точно треснетъ. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожь ведутъ, такъ надо итти. Сѣли за столъ, ѣли такія ѣствія, какихъ не слыхано, пили питья, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владиміръ: — Гдѣ же мои подьячіи? — Привели подьячихъ: такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли обцѣнить одного сѣдла тридцать человѣкъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ: —Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и обцѣнить можетъ.—Попался князь во услуженіе Юнкѣ, а Юнка говоритъ: « Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужаго человѣка незнакомаго въ домѣ не обижали!»

(Отъ крестьянки Дмитріевой).

—

51.

ДОБРЫЙ РУССІЙСКІЙ БОГАТЫРЬ ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПОБИВАЕТЪ ОКАЯННАГО ВЕЛИКАНА ШАРКА-ВЕЛИКАНА *).

(Лодейнопольскій уѣздъ).

На широкомъ раздольѣ Шаркъ-великанъ похаживае,
На широко раздолье Шаркъ-великанъ посматривае,
Что не любо—мечемъ булатнымъ раскрошивае,
Что не любо—ногамъ желѣзнымъ вытаптывае.
Огнемъ жгучіимъ Божій людъ имъ подымается;
Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладывае,
Жгучіимъ огнемъ уравнивае,
Людомъ христіанскимъ рѣчки-озера запруживае:
Во дикіе лѣса людъ христіанскій россійскій разбѣгается.
Розшивеливается на Руси добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, россійскій богатырь Дюкъ Степановичь.
Какъ услышилъ ёнъ о тоей о бѣдѣ,
Думное чело его понахмурилось.
А и крѣпко думалъ ёнъ три дня, три ночи,
На четвертый встаетъ ёнъ ранешенько,
Иде въ Божій храмъ—руку на сердцѣ,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа Царя небеснаго.
Потомъ иде къ отцу къ матери,
Родительско благословеньице выпрашивае:
«Повели мнѣ, родитель, путь-дорогу держати,
«Того-то окояннаго Шарка-великана полонити,
«Свою славушку добрую сохранити.»
Снаряжается добрый молодецъ въ путь-дороженьку,

*) По видимому былина заимствована изъ какой либо рукописи; есть отчасти черты книжныя.—*Изд.*

Сподобляе *) ёнъ наряды самолучшіе:
Одѣвае ёнъ Дюкъ Степановичь
Широку плащу со сіяніемъ,
Въ рукахъ могучихъ сорокопудовый мечь,
Другой грузнѣй того за поясомъ;
Сѣдлае коня—что ночь чернаго,
Махнулъ кнутомъ—да и слѣдъ простылъ.
Чуе Шаркъ-великанъ бѣду неминучую,
Чуе его черно сердце гостя нежданаго,
Пуще прежняго ногамъ топае,
Пуще прежняго мечемъ булатнымъ размахиватъ.
А чуть солнце красно поразчистилось,
Какъ тутъ видитъ ёнъ: пыль горой встае,
Летитъ богатырь Дюкъ Степановичь.
—Гой ты, гой, добрый молодецъ Дюкъ Степановичь!
—Почто ты къ Шарку-великану надрываешься?
—Не сносить тебѣ твоея буйныя головы!—
Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичь,
Сжалося его ретиво сердце,
Добрый конь его попятился.
Закричалъ ёнъ, Дюкъ Степановичь, громкіимъ голосомъ:
« Ты сильной злодѣй, Шаркъ-великанъ!
« Завтра на зорѣ биться начнемъ,
« А сегодня дѣло къ вечеру—поприготовимся.»
Иде Дюкъ Степановичь во пещеру темную,
Господу Богу слезно молится,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа Царя небеснаго.
Тутъ зоря зарумянилась,
Бѣлыя облака закудрявились:
Выѣзжае на поле на зеленое
Дюкъ Степановичь на добромъ конѣ.
Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичь,
Сжалося его ретиво сердце,
Добрый конь его попятился,

*) Выбираетъ по сердцу.—*Изд.*

Закричалъ ёнъ, Дюкъ Степановичь, громкимъ голосомъ:
« Ты сильной злодѣй, Шаркъ-великанъ!
« Завтра на зорѣ биться начнемъ,
« А сегодня лучше поприготовимся.»
Иде Дюкъ Степановичь въ тую во пещеру во темную,
Господу Богу слезно молится,
На колѣнахъ умильно проситъ Богородицу,
Проситъ слезно Николу заступника,
Самого Христа Царя небеснаго.
Тутъ зоря зарумянилась,
Бѣлыя облака закудрявились:
Выѣзжае на зелено поле
Дюкъ Степановичь на добромъ конѣ.
Какъ увидѣлъ Шарка-великана Дюкъ Степановичь,
Ретиво сердце его загорѣлося,
А его добрый конь попятился.
Тутъ слѣзае съ своего коня Дюкъ Степановичь,
Вынимае ёнъ булатный мечь въ сорокъ пудовъ,
Вымахивае ёнъ коню доброму голову,
Самъ пѣшо иде къ великану гордому,
Къ сильному злодѣю Шарку-великану.
Встрѣчае его Шаркъ-великанъ насупившись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Таки горды рѣчи вымолвливае:
— Гой ты, гой, добрый молодецъ, горе-Дюкъ Степановичь!
— Измѣнилъ тебѣ добрый конь,
— Убоялся ёнъ моего меча,
— Моего меча булатнаго,
— Моего росту богатырскаго!—
Самъ тутъ Шаркъ-великанъ мечь булатный вытягивае,
Со свистомъ размахивае;
А ударился-то мечь Шарка-великана
О мечь сорокапудовый Дюка Степановича:
Разъ ударились—искорье валитъ,
На другой разокъ—ажно стонъ пошелъ;
Оба тяжелы булатные мечи въ черепья разсыпывались,
Изъ виду улетывали.

Осерчалъ тутъ крѣпко Шаркъ-великанъ,
Рукамъ могучіимъ понатужился,
Въ бѣлу грудь Дюка Степановича поуперся,
Ажно косточки захрястали:
Тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичь.
Тутъ рукамъ они сплетаются,
Колѣнамъ другъ въ друга упираются,
Кровь горячая ручьемъ тече съ ранъ глубокіихъ,
Силушки ихъ надрываются.
Вспомяни тутъ Дюкъ Степановичь
Про запасный мечь тяжелѣй перваго:
Вынимае ёнъ тотъ булатный мечь,
Отступае ёнъ на большу сажень,
Съ лету голову злочастную вымахивае,
Шарка-великана ёнъ до дому дотаскивае,
Посмѣянье великое дѣлае,
Славушку себѣ добрый молодецъ сохраняе.

(Помѣщено въ Олонецк. губ. вѣдом. за 1860 годъ: записано А. А. Шкалинымъ и передано г. Рыбникову).

—

52.

ЖЕНИДЬБА ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.

(Каргопольскій уѣздъ).

Было-жило двѣ вдовы:
Первая вдова была Садовая,
Другая вдова Огородникова.
У Садовой-то вдовы было девять сыновъ,
Девять сыновъ—ясныхъ соколовъ,
Въ десятыхъ была едина дочь,
Едина дочь—Лебедь Бѣлая.
У той же вдовы Огородниковой
Былъ единый сынъ Дюкъ Степановичь.
Эти обѣ вдовы во пиру были,
Во пиру были, да порозспорили.
Говоритъ вдова Садовая:

« Чѣмъ же ты, вдова, заносишься?
« У меня вдовы есть девять сыновъ,
« Девять сыновъ—ясныхъ со́коловъ,
« Въ десятыихъ едина дочь—Лебедь Бѣлая;
« У тебя вдовы единый сынъ,
« Дюкъ Степановичь,
« Воро́на онъ да загумённая:
« Летаетъ пусть онъ всё по загуменьямъ! »
За досаду вдовы это показалося,—
При большомъ пиру ей прибезчестили;
Пошла вдова домой не весела.
Встрѣчаетъ ее любимой сынъ,
Дюкъ Степановичь,
Говоритъ онъ самъ таково слово:
« Ай же ты, госпожа моя, родна матушка,
« Пречестна вдова, Мамельфа Тимоѳеевна!
« Ужь ты что же со пиру идешь не весела?
« Развѣ чара тебѣ не рядо́мъ пришла?
« Али пьяница тебя пріобе́зчестилъ?»
Отвѣчаетъ ему государыня родна матушка:
— Ай ты милое мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Чара-то мнѣ рядомъ пришла,
— Не пьяница меня избезчестила,
— Избезчестила меня вдова Садовая.
— Мы со этой вдовой да разспорили,
— Говоритъ вдова Садовая:
—« Ты чѣмъ вдова заносишься?
—« У меня вдовы есть девять сыновъ,
—« Есть девять сыновъ—ясныхъ соколовъ,
—« Во десятыихъ едина дочь—Лебедь Бѣлая;
—« У тебя вдовы только единый сынъ,
—« Воро́на онъ загумённая:
—« Пусть онъ вѣкъ летаетъ по загу́меньямъ! »—

Богатырско сердце тутъ разгорѣлося:
Онъ крутенько садился на добра коня,
Онъ бралъ свою да саблю вострую,

Посадилъ на плечо птицу-сокола,
Поѣхалъ ко вдовы да ко Садовыя.
На встрѣчу ему идутъ девять сыновъ,
Во десятыихъ едина дочь—Лебедь Бѣлая.
Онъ взялъ свою да саблю вострую,
Имъ всѣмъ срубилъ буйныя головы,
Едину дочь себѣ въ плѣнъ онъ взялъ,
Привязалъ ее ко стременамъ своимъ;
Пріѣзжалъ бояринъ къ своей матушкѣ,
Пречестной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевной,
Говоритъ бояринъ громкимъ голосомъ:
« Ой ты гой еси, родная матушка!
« Я привезъ тебѣ работницу,
« Работницу да портомойницу. »
Говоритъ ему государыня родная матушка:
— Ай ты милое мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичь!
— Не она меня да прибезчестила,
— Прибезчестила да ейна матушка;
— Она тогда была еще малешенька,
— Малешенька еще, глупёшенька;
— Ты возьми-ко её за себя за мужь,
— Она будетъ слыть у насъ да не работницей,
— Не работницей, не портомойницей,
— Она будетъ слыть да барыней.—
Молодой бояринъ матушки послушался,
Онъ поѣхалъ по Индѣи по богатыи,
Сталъ сбирать онъ князéй со княгинями
На почётной пиръ къ себѣ на свадебку;
Онъ тутъ сталъ, бояринъ, играть свадебку,
Обвѣнчался съ милою княгинею.

(Зописано 1861 г., Января 13; ср. выше былины о Хотинѣ Блудовичѣ).

*

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

53.

(Пудожскій уѣздъ, Шальскій погостъ).

Изъ за славнаго синя моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того лукоморья зеленаго
Выбѣгало-бѣжитъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единыимъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута,
Носъ-корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго;
На томъ на черленомъ наераблѣ
Были паруса-флаги крупчатой *) камки,
Снасти и кодолы **) были шелковыя,
Того ли были шелку Шемаханскаго;
Якори-то были булатніе,
Булатъ-желѣза Сибирскаго,
Сибирскаго желѣза, Поморскаго.
На томъ ли черленомъ на кораблѣ
Середи корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравленый;
Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Потолокъ обитъ чернымъ бархатомъ,
Стѣны покрыты чернымъ соболемъ;
Изнавѣшанъ зеленъ чердакъ
Куницами и лисицами

*) Хрущатой (плотной, кряжчатой). — *Изд.*

**) Толстые канаты.

Печерскима и Сибирскима,
Ушистыма и пушистыма.
Во томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Будимѣровичь
Со своей государыней со матушкою,
Со молодой Ульяной Васильевной.
Играетъ Соловей въ звончаты гусли,
Струнку къ струночкѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Нова-города,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
И всѣ малые припѣвки за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того лукоморья зеленаго;
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
Скоро выходитъ на черленъ корабль,
Сталъ по кораблю похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Братцы вы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро подымайте паруса крупчатые,
« Побѣгайте ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
Тутъ-то братцы, дружина хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скоро подымали паруса крупчатые,
Побѣгали ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.

Скоро будетъ Соловей Будимѣровичь
У славнаго у города у Кіева,
Самъ онъ по кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,

Самъ говоритъ таковы слова:
« Братцы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро тычки втыкайте въ круты берега,
« Кидайте якори булатніе,
« Приставайте во пристань корабельную.
« Кидайте-ка вы три сходенки:
« Первую кидайте волжаную,
« Другу сходенку серебряну,
« Третью сходню позолоченую.»
По тыя по сходенкѣ по волжаной
Сходитъ дружина Соловьевая,
По тыя по сходенкѣ серебряныя
Сходитъ Соловьевая матушка,
По этой по сходнѣ позолоченой
Сходитъ самъ Соловей Будиміровичь.
Самъ онъ по сходенкѣ похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Братцы вы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скоро берите золоты ключи,
« Скорѣе отмыкайте кованы ларцы,
« Берите вы мису чиста серебра,
« Другую мису красна золота,
« Третью мису скатна жемчуга,
« И берите камочку двуличневу:
« Въ златѣ камочка не изъянится,
« Въ серебрѣ камочка не разсыплется,
« Жемчугомъ камочка изнасажена.
« Выходите изъ черленаго изъ корабля,
« Ступайте во славенъ въ Кіевъ градъ
« Ко ласкову князю Владиміру на широкъ дворъ.»

Будутъ во городѣ во Кіевѣ
Вся его дружинушка хоробрая,

И самъ младъ Соловей Будимiровичь
Со своею государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяною Васильевной,
Встрѣчаетъ его князь съ униженiемъ,
Его государыню матушку,
Молоду Ульяну Васильевну
И всю его дружинушку хоробрую,
Принимаетъ во любимо въ гостебьице.
Младъ Соловей сынъ Будимiровичь
Придверниковъ, приворотниковъ
Дарилъ Соловей чистымъ серебромъ,
Князя дарилъ золотой казной,
Княгину дарилъ двуличной камкой.
Этая камочка во люби пришла
Къ молодой княгины ко Апраксiи;
Воспроговоритъ княгина таково слово:
— Солнышко, князь стольно-Кiевскiй!
— Умѣй молодца честить-поить,
— Умѣй молодца чѣмъ пожаловать:
— Сади за столы за дубовые,
— Поставляй ему ѣства сахарнiя,
— Составляй питья медвяныя,
— Съ его государыней со матушкой,
— Молодой Ульяною Васильевной
— И со всей дружиною хороброю.—
Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Честилъ-поилъ Соловья сына Будимiровича,
Садилъ его за столы за дубовые,
Поставлялъ ему ѣства сахарнiя,
Составлялъ питья медвяныя,
Съ его государыней со матушкой,
Молодой Ульяною Васильевной
И со всей его дружиною хороброю.
Отходилъ Соловей сынъ Будимiровичь,
Отходилъ отъ стола онъ дубоваго
И пошелъ по гриднѣ похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Самъ говорилъ таково слово:

« Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ мѣста малешечко
« Во тоемъ саду во Забавиномъ *),
« Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
« Гдѣ малые ребята барышничаютъ,
« Выстроить мнѣ три терема,
« Три терема—золоты верхи,
« Со троима нарядныма сѣнямы,
« Чтобы къ утру къ свѣту мнѣ жить перейти.»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Младъ Соловей сынъ Будиміровичь!
— Строй терема, гдѣ тебѣ по люби,
— Во моихъ садахъ во зеленыихъ,
— Во зеленыихъ садахъ княженецкіихъ.—
« Благодарствуешь, Владиміръ стольно-Кіевскій,
« На твоей почесткѣ княженецкія!»

Тутъ Соловеюшко Будиміровичь,
Скоро Соловеюшко походъ чинилъ
Со тоя со гридни со столовыя,
Со того двора со княженецкаго,
Со своею государыней со матушкой,
Со своей дружиной со хороброю,
На свои черленые на корабли.
Тутъ младъ Соловей Будиміровичь
Приходитъ на свои черлены на корабли,
По черлену кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Братцы, дружинушка хоробрая!
« Слушайте большаго атамана,
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
« Скидывайте кафтанчики скурлатъ-сукна,
« Надѣвайте кафтанчики рабочіе,
« Разувайте сапожки зеленъ сафьянъ,
« Обувайте сапожки рабочіе,
« Берите топорики булатніе,

*) Въ саду Забавы—Запавы.—*Изд.*

« Ступайте вы въ Забавинъ садъ
« На тое на мѣсто на порядное,
« Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
« Гдѣ малые ребята барышничаютъ.
« Стройте на томъ мѣстѣ три терема,
« Три терема—золоты верхи
« Со троима со нарядныма сѣнямы,
« Чтобы къ утру къ свѣту мнѣ жить перейти.»
Его братцы дружинушка хоробрая
Слушали большаго атамана,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывали кафтанчики скурлатъ-сукна,
Надѣвали кафтанчики рабочіе,
Разували сапожки зеленъ сафьянъ,
Обували сапожки рабочіе,
Взимали топорики булатніе,
Скоро бѣжали въ Забавинъ садъ
На тое на мѣсто на порядное
И работали оны три терема,
Три терема—золоты верхи,
Со троима со нарядныма сѣнямы.
Къ утру къ свѣту жить перешли.

Молода Забава Путятична,
Любима княженецкая племянница,
Поутру выставала ранешенько,
Умывалась водою бѣлешенько,
Выходила дѣвица въ свой Забавинъ садъ,
Увидѣла въ саду она три терема,
Три терема—золоты верхи,
Со троима со нарядныма сѣнямы.
Пришла она ко первому ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему стучитъ и гремитъ:
Тутъ Соловьева дружина хоробрая
Считаютъ Соловьеву безсчетну золоту казну.
Отходила ко другому ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему шепеткомъ говоритъ:

Тутъ Соловьева родна матушка
Стоитъ старушка—Богу молится,
Умоливаетъ за сына за любимаго.
Подходила ко третьему ко терему,
У того у терема послухала,—
Въ томъ терему стучитъ и гремитъ,
Пѣсни поетъ и гусли играетъ:
Младъ Соловей сынъ Будимировичь
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того лукоморья зеленаго.
Тутъ дѣвица не вѣмъ возрадовалася,
И не вѣмъ дѣвица перепалася *),
И слушала день она до вечера;
Заходила во высокъ теремъ,
Господу Богу помолилася,
Соловью Будимировичу поклонилася.
Соловей Будимировичь ю проздравствовалъ:
« Ты здравствуешь, Забава Путятична,
« Молода княженецкая племница! »
Тутъ дѣвица не стыдилася,
За Соловья за мужь подавалася.
Возговоритъ Соловей Будимировичь
Молодой Забавы Путятичной:
« Ай же ты, Забава Путятична,
« Молода княженецкая племница!
« Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
« А тымъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
« Что сама себя дѣвица просватала. »
Тутъ дѣвица прослезилася,
Пришла въ свои во терема высокіе.
Младъ Соловеюшка Будимировичь

*) Богъ знаетъ, какъ дѣвица испугалася.—*Изд.*

Жилъ у князя Владиміра три мѣсяца,
Хотитъ получить его племницу въ супружество;
Но тымъ ему дѣвица не слюбилася.

Младъ Соловеюшко Будиміровичь
Сбирался на свои кь на корабли
Со своей государыней со матушкой,
Со своей дружиною хороброю,
Обиралъ онъ терема златоверхіе
Со тыхъ со садовъ со Забавиныхъ.
Сдѣлалось мѣсто по старому,
Гдѣ пряники пекутъ, калачи продаютъ,
Гдѣ малые ребята барышничаютъ.
Самъ онъ со княземъ прощается,
Благодарствуетъ князя Владиміра
И молоду княгину Апраксію.
Скоро ступаетъ на черленъ корабль,
По черлену кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудерками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Братцы, дружина хоробрая!
«Слушайте большаго атамана,
«Дѣлайте дѣло повелѣное:
«Снимайте сходенки на корабли,
«Поднимайте якори булатніе,
«Распускайте паруса крупчатные,
«Поѣзжайте да славно за сине море,
«За сине море за Волынское,
«Ко тому ко острову Кодольскому,
«Ко тому лукоморьицу зеленому.»

(Записано отъ лодочника).

54.

(Деревня Буракова; ср. выше).

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта рябель въ Подъ-сиверной стороны.
Гольныя щелья въ Бѣлу-озеру,
А темные лѣса Смоленскіе,

Широки ворота Чигиринскіе,
Не хороши сарафаны по Мошипо рѣкѣ.

*

Исподъ дуба, дуба, дуба сырго,
Исподъ того камешка сподъ яхота
Выходила-выбѣгала мати Волга рѣка,
Устьемъ бѣжитъ-то въ Сине море
Во то во Сине море во Турецкое
На той ли на матушкѣ на Волгѣ рѣкѣ
Бѣжало-бѣжитъ тридцать три корбля,
Тридцать три корабля бѣжитъ безъ одного.
Одинъ-то корабль лучше-краше всѣхъ;
Въ томъ караблѣ было написано,
На томъ на кораблю напечатано:
Носъ-отъ написанъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Кодолы-канаты были шелковые,
Паруса-то были изъ семи шелковъ,
Мачты-то, коржины *) позолочены.
И на томъ кораблю младъ сидитъ Соловей.
Младъ сидитъ Соловей сынъ Будимровичь
Со своею со родною со матушкою,
Со своима со дружинамы съ хоробрыма.
Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
« Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
« А слушайте-ка большаго атамана:
« Взимайте-ка шестики мѣрные,
« Намѣряйте-ка луды **) морскія,
« Какъ бы намъ, молодцамъ, мимо проѣхати,
« Не попасть бы на луды морскія.»
Какъ его ль дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,

*) Коржины—штевны.

**) Луды—подводные камни.

Взимали щестики мѣрные,
Мѣряли луды морскія,
Ѣхали мимо, проѣхали.
Опять Соловей сынъ Будиміровичь
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же вы, братцы, дружина хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
« Слушайте-ка большаго атамана:
« Взимайте-ка трубоньки подзорнія,
« Глядите-смотрите славенъ Кіевъ градъ,
« Чтобы намъ, братцы, попасть было
« Въ тую ли пристань корабельную,
« Подъ той ли подъ славенъ Кіевъ градъ.»
Тутъ его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали трубоньки подзорнія,
Глядѣли-смотрѣли славенъ Кіевъ градъ,
Ѣхали молодцы, пріѣхали,
Попали во пристань корабельную.

Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
« Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
« Слушайте-ка большаго атамана:
« Взимайте первую сходенку волжаную,
« Другую сходенку серебряну,
« Третью сходенку красна золота;
« Кидайте сходенки на крутъ бережокъ:
« А по волжаной сходенкѣ вамъ итти,
« Всѣмъ моимъ дружинушкамъ хоробрымъ,
« Хоробрымъ дружинамъ Соловьевымъ,
« А по серебряной сходенкѣ матушкѣ моей,
« Матушкѣ итти Соловьевоей,
« А по золотой по сходенкѣ мнѣ-ка-ва итти,
« Итти младъ-Соловью сыну Будимірову.»
Тутъ его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Они слушали большаго атамана,

Взимали первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота,
Кидали сходенки на крутъ бережокъ.
Младъ Соловей сынъ Будимíровичь
Взимаетъ онъ подарочки небольшинькíе:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
На мелкаго звѣря и смѣты нѣтъ,
А взимаетъ ѳлаки заморской камки,
Заморскíя камочки золоченыя,
Положилъ камочки на блюдечко,
На тыё на блюдо золоченое;
Пошелъ-то онъ ко князю Володимíру,
Съ тыма со подаркамы великима.

Приходятъ къ князю Володимíру,
Ко него палатамъ бѣлокаменнымъ.
Младъ Соловей сынъ Будимíровичь
Заходилъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Стольному князю въ особину,
Здравствуетъ князя со княгиною:
« Здравствуешь, князь стольно-Кíевскíй
« Со своей княгиной со Опраксою,
« Со своей любимой со племянницей,
« Молодой Любавушкой Запавичной!»
Проговоритъ Владимíръ стольно-Кíевскíй:
— Здравствуй, удаленькíй добрый молодецъ!
— Не знаю я тебѣ ни имени, ни изотчины:
— Царь ли ты есть, царевичь ли,
— Али король ты есть, королевичь ли,
— Али съ тиха ты Дону лихой казакъ,
— Али грозный посолъ Ляховецкíй былъ?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Не царь я есть, не царевичь былъ,
« Не король я есть, не королевичь былъ,
« Не изъ тиха Дона лихой казакъ,

«Не грозный посолъ Ляховецкій былъ,
«А есть со славнаго синя моря
«Младъ Соловей сынъ Будиміровичь.»
Тутъ-то здоровье оны сдияли.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичь
Даваетъ ему подарочки великіе
И стольныя княгины Опраксіѣ.
Стольная княгина Опраксія
Принимаетъ эты подарочки великіе,
Принимать принимаетъ, восхваливаетъ:
— Нѣтъ такой камки здѣ въ Кіевѣ,
— Нѣтъ такой камки, и не бывать такой,
— Не бывать-то камочки золоченыя.—
Князь-отъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты младъ Соловей сынъ Будиміровичь!
— Чѣмъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
— За эты за подарки за великіе?
— Города ль тебѣ надоть съ пригородкамы,
— Села тебѣ надоть со приселкамы,
— Али много надоть золотой казны?—
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
«Не надоть мнѣ городовъ съ пригородкамы,
«Не надоть и селъ со приселкамы,
«Да не надоть мнѣ и безсчетной золотой казны:
«Есть у меня своей до люби;
«А столько ты позволь мнѣ-ка
«Поставить три терема златоверхіихъ
«Середь города, середь рыночка,
«Гдѣ маленьки ребята сайки продаютъ,
«Продаютъ сайки, барышничаютъ.»
Говоритъ тутъ князь таково слово:
— Ахъ ты младъ Соловей сынъ Будиміровичь!
— Куда знаешь, туда ставь-ка ты.—

Тутъ скоро Соловей поворотъ держалъ,
Приходилъ онъ къ дружинушкѣ хороброей,
Хороброей дружины Соловьевой,
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:

« Братцы, дружинушка хоробрая,
« Хоробрая дружина Соловьевая!
« Слушайте меня, большаго атамана:
« Скидывайте съ себя платьица цвѣтныя,
« Надѣвайте на себя платьица лосиныя,
« Лосиныя платьица звѣриныя.»
Тутъ-то дружинушка хоробрая
Скидывали съ себя платьица цвѣтныя,
Надѣвали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица звѣриныя.
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Взимайте-ка топорики булатніе,
« Сѣките дубья-то, колодья-то,
« Поставьте-ка середь города, середь рыночка
« Три терема поставьте златоверхіихъ,
« Чтобы верхи съ верхамы свивалися,
« Чтобы къ утру къ свѣту туда жить перейти.»
Тутъ его дружинушка хоробрая
Взимали топорики булатніе,
Сѣкли дубья-то, колодья-то,
Мелки кусточки вонъ вырыли;
Ставили три терема златоверхіихъ,
Что верхи съ верхамы свиваются,
Чтобы къ утру къ свѣту тутъ жить перейти.
Перешелъ Соловей Будиміровичь,
Перебрался со дружинушкой хороброей,
Со своею со родною со матушкой.

У того у князя Владиміра
Была любимая племянница,
Молода Любавушка Запавична.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Усмотрѣла въ трубоньку три терема златоверхіихъ;
Приходила ко родимому ко дядюшкѣ
И говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же ты, любезный мой дядюшка!
— Дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице
— Мнѣ сходить прогуляться красной дѣвушкѣ
— По стольному по городу по Кіеву.—

Тутъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Далъ ей прощеньице-благословленьице
Прогуляться по городу по Кіеву,
Далъ ей нянекъ и мамушекъ,
Тыхъ ли вѣрныхъ служаночекъ.
Пошла прогуляться красна дѣвушка,
Гуляла по городу по Кіеву,
Пришла къ тремъ теремамъ златоверхіимъ.
Ко первому-то терему подходитъ она,—
Въ томъ терему шопоткомъ говоритъ:
Тутъ Соловьевая матушка Богу молится.
Ко другому терему подходитъ она,—
Въ томъ терему стукъ да гремъ:
Тутъ-то Соловьевая дружинушка
Считаетъ безсчетну золоту казну
Младъ-Соловья сына Будиміровича.
Ко третьему терему подходитъ она,—
Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ:
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своей дружинушкой хороброей;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ золоченоемъ,
Играетъ молодецъ забавляется
Со своима дружинамы хоробрыма,
Хоробрыма дружинамы Соловьевыма.
Подходитъ она красна дѣвушка,
Подходитъ къ нему поблизешенько,
Поклонилась ему понизешенько:
— Здравствуешь, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ! —
« Здравствуешь, красная дѣвушка,
« Молода Любавушка Запавична! »
Говоритъ она промолвитъ таково слово:
— Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Ты возьми-тко меня красну дѣвушку,
— Ты возьми-тко меня за себя за мужь.—
« Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла,
« Однымъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла:

« Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь;
« А тебѣ бы, дѣвушкѣ, не эдакъ бывать,
« Не такъ бывать дѣвушкѣ,—дома быть,
« Ино дома быть, вода носить,
« Коровъ поить, телятъ кормить. »
Съ того со стыда со великаго,
Скоро она поворотъ держитъ,
Поворотъ держала и домой бѣжала.

Тутъ младъ Соловей сынъ Будимiровичь
Скоро онъ справлялся добрый молодецъ,
Пришелъ-то онъ сватомъ большiимъ
Къ стольному ко князю ко Владимiру,
Садился онъ въ большо мѣсто,
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
« Ай же ты, князь стольно-Кiевскiй!
« Есть у тя любимая племянница,
« Молода Любавушка Запавична:
« Отдай-ка ю, повыдай за меня за мужъ. »
Тутъ-то князь Владимiръ стольно-Кiевскiй
Просваталъ ю, красну дѣвушку,
Свою-то любимую племянницу.
И шли оны во церкву во Божiю,
Принимали оны златы вѣнцы.

Младъ Соловей сынъ Будимiровичь
Скоро онъ сбирался на корабли
Со своима припасамы великима,
Со своима теремамы златоверхима.
Садился онъ молодецъ на корабли,
Отправлялся назадъ въ свою сторону,
Уѣхалъ-уѣзжалъ онъ добрый молодецъ,
Сталъ тамъ жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, дѣтей наживать.

(Отъ Никифора Прохорова; ср. выше).

*

УДАЛЬЦЫ

НОВГОРОДСКІЕ.

II.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

55.

(Пудожскій уѣздъ, въ Колодозерѣ).

Передъ былиной старикъ разсказалъ, что у Буслава долго не было дѣтей. Стоснулся Буславъ, садился на бѣлъ-горючь камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: « Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичь! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотьѣ Васильевны, бери за груди за бѣлыя, ..., заигрывай. Понесетъ она дѣтища любимое, сильнаго могучаго богатыря.»

Жилъ Буславьюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевичь.
Сталъ Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возметъ, рука прочь,
За ногу возметъ, нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики Новогородскіе:
«« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!

«« Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
«« Наквасити рѣка будетъ Волхова.»»

Идетъ Василій въ широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное,
— Молодой Васильюшка Буслаевичь!
— Что идешь не веселъ, не радошенъ?
— Кто же ти на улушкѣ пріобидѣлъ?—
« А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
« Я кого возму за руку, рука прочь,
« За ногу кого возму, нога прочь,
« А котораго ударю по горбу,
« Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
« А говорили мужики Новогородскіе,
« Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
« Наквасити рѣка будетъ Волхова.»
И говоритъ мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
— Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.—

И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра,
Становилъ чашу середи двора
И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
« Кто эту чашу приметъ одной рукой
« И выпьетъ эту чашу за единый духъ,
« Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!»
И садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые ярлыки;
Въ ярлыкахъ Васинька прописывалъ:
« Зоветъ-жалуетъ на почестенъ пиръ;»
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.

И пошли мужики Новогородскіе
Изъ тоя изъ церквы изъ соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Господа стали стрѣлочки просматривать:
« Зоветъ-жалуетъ Василій на почестенъ пиръ.»
И собиралися мужики Новогородскіе увалами,
Увалами собралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
«« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
«« Мы теперь стали на твоемъ дворѣ,
«« Всю мы у тя ѣству выѣдимъ
«« И всѣ напиточки у тя выпьемъ,
«« Цвѣтно платьице повыносимъ,
«« Красно золото повытащимъ.»»
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ
И зачалъ Василій по̀ двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куды махнетъ, туды улочка,
Перемахнетъ, переулочекъ:
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало *) тотъ идетъ, мало новой **) идетъ
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
Идетъ-то Костя Новоторжанинъ
Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,

*) Мало—вскорѣ.
**) Новой—другой.

Какъ ударилъ Костю-то по горбу:
Стоитъ-то Костя—не крянется *),
На буйной головы кудри не ворохнутся.
« Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
« Будь моя дружина хоробрая,
« Поди въ мои палаты бѣлокаменны.»
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
Ко Василью на широкій дворъ
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
Ударитъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:
Стоитъ Потанюшка—не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
« Ай же, Потанюшка Хроменькій!
« Будь моя дружина хоробрая,
« Поди въ мои палаты бѣлокаменны.»
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Хомушка Горбатенькій
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ-то чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Того и бить не шелъ со новыхъ сѣней:
« Ступай-ка въ палаты бѣлокаменны
« Пить намъ напитки сладкіе,
« Ѣства-то ѣсть сахарнія,
« А бояться намъ въ Новѣ-градѣ некого!»
И прибралъ Василій три дружины въ Новѣ-градѣ.

И завелся у князя Новогородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На сильныхъ могучіихъ богатырей,
А молодца Василья не почествовали.

*) Не тронется.

Говоритъ матери таковы слова:
« Ай же ты, государыня матушка,
« Честна вдова Авдотья Васильевна!
« Я пойду къ князьямъ на почестенъ пиръ.»
Возговоритъ Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное!
— Званому гостю мѣсто есть,
— А незваному гостю мѣста нѣтъ.—
Онъ Василій матери не слушался,
А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую:
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ *),
И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу;
И тронулся на лавочку къ вернд-углу,
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своей дружиною хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возговоритъ Костя Новоторжанинъ:
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати:

*) *Большой уголъ* или *большо-уголъ*—гдѣ поставлены иконы; *вернд-уголъ*—ближе къ дверямъ; *печнд-уголъ* или *пестный уголъ*—противъ устья печки.

— Я остался отъ батюшки малешенекъ,
— Малешенекъ 'остался и зеленешенекъ.
— Развѣ тымъ, мнѣ Костѣ, похвастати:
— Ударить съ вами о великъ закладъ
— О буйной головы на весь на Новгородъ,
— Окромѣ трехъ монастырей—
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы,
— Да еще монастыря Смоленскаго.—
Ударили оны о великъ закладъ,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
«« Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ;
«« Хоть свалятъ Василья до мосту,
«« Вести на казень на смертную,
«« Отрубить ему буйна голова;
«« Хоть свалятъ Василья у моста,
«« Вести на казень на смертную,
«« Отрубить ему буйна голова;
«« Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
«« Вести на казень на смертную,
«« Отрубить ему буйна голова.
«« А ужь какъ пройдетъ третью заставу,
«« Тожно больше дѣлать нечего.»»
И пошелъ Василій со пира домой,
Не веселъ идетъ домой, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чодо рожоное!
— Что идешь не веселъ, не радошенъ?—
Говоритъ Васильюшка Буславьевичь:
« Я ударилъ съ мужикамы о великъ закладъ—
« Итти съ утра на Волховъ мостъ:
« Хоть свалятъ меня до моста,
« Хоть свалятъ меня у моста,
« Хоть свалятъ меня посередъ моста,

« Вести меня на казень на смертную,
« Отрубить мнѣ буйна голова.
« А ужь какъ пройду третью заставу,
« Тожно больше дѣлать нечего.»
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тымъ ли вязомъ черленымъ.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ даровья князю Новогородскому,
Чтобы простилъ сына любимаго.
Говоритъ князь Новогородскій:
« Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото, и чисто серебро,
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
— Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
— А дорога мнѣ буйная головушка
— Своего сына любимаго,
— Молода Васильюшка Буслаева.—

И спитъ Василій, не пробудится.
Какъ собирались мужики увалы,
Увалы собирались, перевалы,
Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ оны во всю голову:
«« Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
«« Рушай-ка завѣты великіе!»»
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пяти сотъ.

На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевьевичь!
— Ты спишь, Василій, не пробудишься,
— А твоя-то дружина хоробрая
— Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—
Со сна Василій пробуждается,
А самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, любезная моя служаночка!
« Отопри-ка двери желѣзныя.»
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
Хваталъ Василій свой черленый вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
« Поди-тко теперь опочивъ держать,
« А я теперь стану съ ребятамы поигрывать.»
И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
И лежатъ-то мужики уваламы,
Уваламы лежатъ, переваламы,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяноста пудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,

— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго брата не наскакивай!
— Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
— Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
— И нынь-то я надъ тобой буду большій братъ.—
Говоритъ Василій таковы слова:
« Ай же ты, мой крестовый брателко!
« Тебя ли чортъ несетъ на встрѣту мнѣ?
« А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
« Головамы, братецъ, играемся.»
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
И билъ-то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ;
И самъ говорилъ таковы слова:
« Нѣтъ на друга на стараго,
« На того ли на брата крестоваго:
« Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ.»
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою.
И на встрѣту Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
На буйной головы колоколъ пудовъ во тысячу,
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.
Говоритъ Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго батюшка не наскакивай!—
И возговоритъ Василій Буславьевичь:
« Ай же ты, мой крестовый батюшка!
« Тебя ли чортъ несетъ во той поры
« На своего на любимаго крестничка?
« А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
« Головамы, батюшка, играемся.»
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на пожевыя черенья:

Стоитъ крестный—не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежь ясны очи:
И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на домы на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
« Ай же ты, Авдотья Васильевна!
« Закличь своего чада милаго,
« Милаго чада рожонаго,
« Молода Васильюшка Буслаева:
« Хоть бы оставилъ народу на сѣмена.»
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Заклинала своего чада милаго.*

(Отъ девяностолѣтняго старика).

56.

ТОЖЕ.

(Шальская волость, Пудожскаго уѣзда).

Жилъ Буславъ въ Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Со Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевичь.
Будетъ Василій семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загуливать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать,
Шутить-то шуточки не добрые
Со боярскима дѣтьмы, со княженецкима:

Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь,
Двухъ-трехъ вмѣсто столкнетъ, безъ души лежатъ.
Приходятъ съ жалобой отъ князей Новгородскiихъ
Къ пречестной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны:
«« Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
«« Уйми ты свое дѣтище любимое,
«« Молода Васильюшка Буславьева:
«« Ходитъ онъ по городу, похаживаетъ,
«« На княженецкiй дворъ онъ загуливаетъ,
«« Шутитъ онъ шуточки не хорошiя
«« Со тыма дѣтьмы со боярскима,
«« Со боярскима дѣтьмы, княженецкима,
«« Побиваетъ смертiю напрасною. »»
Тутъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна
Не спускаетъ сына гулять во Новгородъ,
Шутить шуточекъ недобрыихъ.

Будетъ Василiй семнадцати лѣтъ,
Обучился Василiй наукъ [воинскiихъ,
Воинскихъ наукъ и рыцарскiихъ],
Ощутилъ въ себѣ силушку великую
И дѣлалъ себѣ сбрую ратную,
Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
Тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую.
Заводилъ Василiй у себя почестенъ пиръ,
Почестенъ пиръ на двѣнадцать дней.
И на пиру было народа множество великое.
Тутъ Василiй виномъ напоилъ до пьяна,
Хлѣбомъ кормилъ онъ до сыта,
Выбиралъ себѣ дружину хоробрую,
Удалыихъ дородниихъ добрыхъ молодцевъ,
Избиралъ тридцать молодцевъ безъ единаго,
И распустилъ весь почестенъ пиръ.

Былъ Васильюшка Буславьевичь
У князей Новгородскiихъ на честномъ пиру,
Напился Василiй Буславьевичь до пьяна,
Напился Василiй, порасхвастался,

И ударилъ о великъ закладъ
Со трема князьямы Новгородскима—
Выходить на мостикъ на Волховскій
И биться Василью съ Новымъ-городомъ,
Побить всѣхъ мужиковъ до единаго.
Провѣдала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Про своего сына про Васильюшку,
Что на томъ пиру ударилъ о великъ закладъ,
Выводила своего сына любимаго
Со того ли пира княженецкаго,
Засадила его во погреба глубокіе.

Тогда мужики Новгородскіе
Дѣлали шалыги подорожныя,
Поутру выставали ранешенько,
Выступали на мостикъ на Волховскій.
Васильева дружина хоробрая
Выступаютъ сопротиву ихъ.
Оны билися ровно три часа:
Тыи ль мужики Новгородскіе
Попятили дружину Васильеву.
Была его дружина попячена,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.
Со того ль двора со вдовинаго
Отъ честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны
Выбѣгаетъ дѣвка дворовая,
Дворовая дѣвка чернявка,
На тую на рѣку на Волхову
Со своима коромысламы желѣзныма,
И видитъ дѣвка чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у нихъ шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.
И хватила коромыселко желѣзное,

И начала пощелкивать мужиковъ Новгородскіихъ:
Убила мужиковъ пятьсотъ человѣкъ.
И потомъ дѣвка чернявка побѣгъ чинить,
Прибѣжала дѣвка къ погребу глубокому,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
— Спишь ты, Василій, не пробудишься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— На томъ ли на мостикѣ на Волховскомъ
— Попячена твоя дружина хоробрая,
— Головки шалыгамы прощелканы,
— Руки кушакамы перевязаны,
— Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.—
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичь
Молился ей дѣвкѣ чернявкѣ:
« Ай же ты, дѣвка чернявка!
« Выпусти меня со погреба, глубокаго,
« Дамъ я тебѣ золотой казны до люби. »
Отпирала она дверь у погреба глубокаго
И выпускала Василья на бѣлый свѣтъ.
Не попало у Василья сбруи ратнія,
Палицы воинскія и копья мурзамецкаго:
У того у погреба глубокаго
Лежала ось телѣжная желѣзная,
Долиною въ двѣ сажени печатныихъ,
А на вѣсъ ось та сорока пудъ:
Хватаетъ онъ тую ось желѣзную
На свое плечо богатырское,
Говоритъ дѣвкѣ чернявкѣ не съ упадкою:
« Благодарствуешь, дѣвка чернявка,
« Что выпустила со погреба глубокаго,
« Не погубила моей дружины хоробрыя:
« Я съ тобой опосля разсчитаюся,
« А нонь мнѣ недосугъ съ тобой проклаждатися. »

Приходилъ онъ ко мостику ко Волховскому,
И видитъ дружину хоробрую попячену,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови,

Головки шалыгамы прощелканы,
Платкамы руки перевязаны
И ноги кушакамы переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
« Ай моя дружина хоробрая!
« Вы теперь позавтрикали,
« Мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати. »
Становилъ дружину на сторону,
А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
И началъ мужичковъ пощелкивать,
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ.
Мужиковъ Новгородскiихъ мало ставится,
Очень рѣдко и мало ихъ.
Видятъ князья бѣду неминучую,
Прибьетъ мужиковъ Василiй Буславьевичъ,
Не оставитъ мужиковъ на сѣмена;
Приходятъ князья Новгородскiе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родiоновичъ,
Ко его государынѣ ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны,
Сами говорятъ таковы слова:
«« Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
«« Уговори, уйми свое чадо милое,
«« Молода Василья Буслаевича:
«« Укротилъ бы свое сердце богатырское,
«« Оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена. »»
Говоритъ Мамелфа Тимоѳеевна:
— Не смѣю я, князья Новгородскiе,
— Унять свое чадо милое,
— Укротить его сердце богатырское:
— Сдѣлала я вину ему великую,
— Засадила его во погреба глубокiе.
— Есть у моего чада милаго
— Во томъ во монастырѣ во Сергѣевомъ

— Крестовый его батюшка Старчище Пилигримище:
— Имѣетъ силу нарочитую.
— Попросите, князья Новогородскіе,
— Не можетъ ли унять мое чадо милое.—
И такъ князья Новогородскіе
Пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву
И просятъ Старчище Пилигримище,
Со великимъ просятъ съ униженіемъ:
«« Ай же ты, Старчище Пилигримище!
«« Послужи ты намъ вѣрой-правдою,
«« Сходи ты на мостикъ на Волховскій
«« Ко своему ко сыну крестовому,
«« Молоду Васильюшкѣ Буславьеву:
«« Уговори его сердце богатырское,
«« Чтобы онъ оставилъ побоище,
«« Не билъ бы мужиковъ Новогородскіихъ,
«« Оставилъ бы малую часть на сѣмена. »»
Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко Волховскому
Со тыма князьмы Новогородскима.
Приходитъ на мостикъ на Волховскій,
Прямо къ ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, мое чадо крестное!
— Укроти свое сердце богатырское,
— Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.—
Богатырское сердце разъярилося:
« Ай же ты, крестный мой батюшка!
« Не далъ я ти яичка о Христовомъ дни,
« Дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни! »
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною,
Желѣзною осью сорокапудовою:

От̆ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ.

Тутъ-то два князя Новогородскіихъ,
Воевода Николай Зиновьевичь,
Старшина Ѳома Родіоновичь,
Приходятъ къ его государынѣ матушкѣ,
Честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны,
Сами говорятъ таковы слова:
«« Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
«« Упроси свое чадо любимое,
«« Укротилъ бы свое сердце богатырское:
«« Мужичковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится,
«« Убилъ онъ крестоваго батюшку,
«« Честнаго Старчища Пилигримища.»»
Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Молодой Василькюшка Буславьевичь!
— Укроти свое сердце богатырское,
— Не сердись на государыню на матушку,
— Уброси свое смертное побоище,
— Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.—
Тутъ Васильюшка Буславьевичь
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь сыру землю,
И говоритъ Василій Буславьевичь
Своей государынѣ матушкѣ:

« Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
« Тая ты старушка лукавая,
« Лукавая старушка, толковая!
« Умѣла унять мою силу великую,
« Зайти догадалась позади меня.
« А ежеле бъ ты зашла впереди меня,
« То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
« Убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго. »
И тогда Васильюшка Буславьевичь
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

Тутъ приходятъ князья Новогородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичь,
Старшина Ѳома Родіоновичь,
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
Пали ко Василью въ рѣзвы ноги,
Просятъ Василья во гостебьице,
Сами говорятъ таковы слова:
«« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
«« Прикажи обрать тѣла убитыя,
«« Предать ихъ матери сырой землѣ:
«« Во той ли во рѣченькѣ Волховѣ
«« На цѣлую на версту на мѣрную
«« Вода съ кровью смѣсилася:
«« Безъ числа пластина принарублена. »»
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичь
Приказалъ обрать тѣла убитыя,
Не пошелъ къ имъ въ гостебьице:
Зналъ де за собой замашку великую.
А пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны
Ко своей государынѣ ко матушкѣ
Со своею дружиной со хороброю.
И жилъ Васильюшка въ праздности,
Излѣчилъ дружинушку хоробрую
Отъ тыхъ отъ ранъ кровавыихъ,
И привелъ дружину въ прежнее здравіе.

(Отъ лодочника).

57.

ТОЖЕ.

(Пудожскій уѣздъ, Купецкая волость, деревня Буракова).

Молодой Васильюшка Буслаевичъ,
Онъ ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву,
Выбиралъ себѣ дружинушку хоробрую.
Приходитъ-то онъ къ малому къ упалому,
Къ малому къ упалому къ Потанюшкѣ,
Къ Потанюшкѣ онъ молодецъ подскакивалъ,
Да чернымъ-то *) вязомъ ударивалъ:
Стоитъ-то Потанюшка—не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
«Хоробрая дружинушка Васильева!»
Взималъ онъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ его въ уста сахарнія.
Опять-то Васильюшка подскакивалъ,
Да чернымъ-то вязомъ ударивалъ
Толста Ѳому благоуродлива:
Стоитъ-то Ѳомушка—не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
«Хоробрая дружинушка Васильева!»
Больше нѣтъ прибрать себѣ добрыхъ молодцевъ.
Сдѣлалъ-то Васильюшка почестенъ пиръ
Для тыхъ мужичковъ Новгородскіихъ:
«Ступайте-ка, ребята, на почестенъ пиръ.»
Какъ собиралися мужики на почестенъ пиръ,
Кормилъ-поилъ Васильюшка Буслаевичъ
Свою ли дружинушку хоробрую,

*) Вм. «черленымъ.»

А тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ
Не кормилъ не поилъ, да не чевствовалъ,
А посылалъ по въ-зашей да въ сутычь ихъ.
Тутъ-то мужики Новгородскіе
Видятъ, что не хорошо то есть:
«« Осмѣемся мы насмѣшку Васильюшкѣ,
«« Сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ,
«« Заведемъ для Василья для Буслаевича,
«« Не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ
«« Того Васильюшку Буслаева!»»

Не зовутъ Васильюшки Буслаева
На пированьице на почестенъ пиръ.
Не ждетъ-то онъ чести великія,
А приходилъ онъ къ нимъ на почестенъ пиръ
Со своима со дружинамы хоробрыма,
И идетъ-то во мѣсто во большее,
Садится молодецъ въ большо-уголъ
И раздвигалъ мужиковъ Новгородскіихъ,
Садился со дружинамы хоробрыма.
Говорятъ мужики Новгородскіе:
«« А званому гостю хлѣбъ да соль,
«« А незваному гостю и мѣста нѣтъ.»»
Говоритъ Васильюшка Буслаевичь:
« Званому гостю много мѣста надо,
« Много мѣста надо и честь большая,
« А незваному гостю, какъ Богъ пришлетъ.»
Тутъ мужики Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«« Ай же ты, Васильюшка Буслаевичь!
«« Загадываешь загадку великую;
«« Когда ты, Василій, удалъ е,
«« Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,
«« На тою на рѣченьку на Волхову:
«« Ты со своима со дружинамы хоробрыма,
«« А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.»»
Ударили они о великъ закладъ,
Подписали подписи великія,

Что съ утра още ранымъ рано
Итти-то на рѣченьку на Волхову,
На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.
Разошлися тутъ они, поразъѣхались.

Какъ тутъ у Васильюшки Буслаева,
Приходилъ онъ домой со той со попойки со великія,
Самъ-то онъ легъ во глубокъ погребъ,
А легъ-то молодецъ и спать заснулъ.
Спитъ онъ молодецъ, проклажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
А тутъ-то дошло извѣстьице
Ко его ко родныя ко матушкѣ
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровнѣ:
Что есть съ утра рано, ранымъ рано,
Итти-то Василью на рѣченьку на Волхову,
На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.
Тутъ-то старушенька догадлива,
Замкнула Васильюшка во погребу,
Во тые во погреба глубокіе:
— Сиди-ка, Василій, не повыскочить
— Со тыихъ со погребовъ глубокіихъ!—
Тутъ-то дружинушка хоробрая
Справлялися по утрышку ранешенько
На тую на рѣченьку на Волхову,
На тый на мосточикъ на Волховскій.
Начали они биться и ратися.
День они бьются не ѣдаючись,
И другой они бьются не пиваючись,
Не ѣдаючись молодцы и не пиваючись,
И себѣ отдоху не125даваючись,
Они третій день и третью ночь.
Тутъ-то у нихъ удалыхъ молодцевъ
Головушки у молодцевъ переломаны,
Платками головки перевязаны.
А тутъ-то Васильюшка Буслаевичь
Спитъ себѣ молодецъ, проклажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ,

Что прибиты дружинушки хоробрыя.
У того ли Василья Буслаева,
Была кухарка-хлѣбница,
Тая удалая портомойница;
Увидала тыхъ дружинушекъ хоробрыихъ,
Тутъ-то она бѣжала скорымъ скоро,
Прибѣгала она ко погребу,
Ударила она по замку деревянному,
Отпалъ тутъ замокъ па сыру землю,
Закричала она во всю голову:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевичь!
— Спишь ты, молодецъ, праклажаешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь,
— Что прибиты твои дружины хоробрыя,
— Головушки у нихъ переломаны,
— Платками головки перевязаны.—

Ото сну Василій пробуждается,
Да на улицу какъ самъ онъ пометается,
Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса.
Какъ попала ему ось желѣзная,
Желѣзная ось телѣжная,
Какъ бѣжалъ онъ на мостикъ на Волховскій,
Какъ началъ мужиковъ охаживать:
Куды махнетъ, туда улица,
Перемахнетъ, переулочка,
А самъ онъ кричитъ во всю голову:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
« Идьте же, братцы, на отдыху,
« А я за васъ поработаю,
« Идьте же, братцы, не съ упадкою. »
Началъ тутъ Васильюшка охаживать
Этыхъ мужиковъ Новогородскіихъ.
Видятъ мужики, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
Что тутъ мужикамъ имъ удумати?
Тутъ-то мужики думу думали:

«« Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
«« Во томъ ли монастырѣ во Кириловскомъ
«« Есть Старчище-Пилигринище:
«« Пойдемъ-те-ка, братцы, подкупимъ-те:
«« Бываетъ, онъ побьетъ Ваську Буслаева?»»
Тутъ-то мужики Новгородскіе,
Они ѣхали скорымъ скоро
Во тотъ ли во монастырь во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Другую насыпали чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
Подносили Старчищу-Пилигринищу:
«« Ай же ты, Старчище-Пилигринище!
«« Послужи-ка намъ вѣрой-правдою,
«« На̀ тебѣ красна золота,
«« Чиста серебра и скатна жемчуга.»»
На то Старичище кидается,
На то Старичище позывается,
Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
Навалилъ на голову колоколъ двѣнадцати пудъ,
Поѣхалъ Старичище-Пилигринище.
Подъѣзжаетъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ кричитъ во всю голову:
— А, малый куръ, не запурхивай,
— А ты, дитя, не заскакивай,
— А прямоѣзжей дорожки не заваливай!—
Говорилъ Васильюшка Буслаевичь:
« Ай же ты, крестный мой батюшка!
« А не далъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ,
« А дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ!»
Какъ ударилъ осью желѣзною,
Разскочилъ колоколъ на двѣ стороны;
Какъ въ другихъ переправилъ добрый молодецъ,
Ударилъ его въ буйну голову,
Тутъ же его въ рѣченьку спихивалъ.
Какъ началъ онъ мужиковъ охаживать,
Бьетъ мужиковъ онъ не съ упадкою,
Бьетъ онъ, самъ выговариваетъ:

« Каково вамъ, ребята, драться–битися
« Со мною съ удалымъ добрымъ молодцемъ?»

Тутъ мужики видятъ, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая;
Бѣжали они скорымъ скоро
Ко его ко родной ко матушкѣ
Ко честной вдовы Офимьи Александровны:
«« Ай же, честна вдова Офимья Александровна!
«« Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя,
«« Отъ того Васильюшка Буслаева.»»
Тутъ-то старушка покидалася,
Покидалася старушка, пометалася,
Скочила въ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса;
Прибѣгала на мосточикъ на Волховскій,
Наскочила сзаду на Васильюшка,
Захватила Василья за могучи плечи,
Закричала она во всю голову:
— Ай же ты, Васильюшка Буславичь!
— Укроти свое сердце богатырское,
— Укроти свою силу великую.—
Говоритъ Васильюшка Буслаевичь:
« Ай же ты, моя родна матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Никого я не послухалъ бы,
« А послушалъ тебя, родну матушку:
« Не послухать мнѣ законъ не даетъ.»
Тутъ послушалъ онъ родну матушку,
Поѣхалъ Васильюшка назадъ домой.
Избыли отъ смерти напрасныя
Мужики Новгородскіе.

(Отъ крестьянина Никифора Прохорова).

58.

ТОЖЕ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Жилъ Васильюшка Буслаевичь.
Говоритъ Васильюшка Буслаевичь:
« Есть бы у меня была дружинушка хоробрая,
« Тридцать молодцовъ безъ единаго,
« Самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыихъ,
« Такъ ѣхалъ бы я биться со всимъ Новымъ-градомъ.»
Молодой Васильюшка Буслаевичь
Садился-то онъ на черленый стулъ,
Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
Шелъ-то Василій на ширòкій дворъ,
Садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣхалъ по дорожкамъ по крестовыимъ,
Рылъ *) эти письма скорописчаты:
« Кто хочетъ сладко ѣсть, да красно носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву.»
Молодой Васильюшка Буслаевичь
Въ ноченьку спитъ на кроваткѣ тесовоей,
На перинкѣ на пуховоей;
Его рòдная матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
По утрышку ранешенько по терему похаживаетъ,
На свой на широкій дворъ посматриваетъ:
Напило-то къ нимъ силушки на дворъ черны̀мъ черно,
Чернымъ черно, какъ чѐрна вòрона;
Подходитъ къ своему сыну любимому
Ко тому Васильюшкѣ Буслаеву,
Говоритъ она таковы слова:
— Спишь ты, Васильюшка, прохлаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:

*) *Рыть*—бросать.

— Набралось къ тоби на дворъ силушки чѐрнымъ черно,
— Чернымъ черно, какъ чѐрна вòрона.—
Молодой Васильюшка Буслаевичь
Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
Бралъ-то черленый вязъ въ бѣлы руки,
Выходилъ Василій на широкій дворъ,
Говорилъ Василій таковы слова:
« Кто можетъ мой черленый вязъ повытерпѣть,
« Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ
« Сладко ѣсть и краснò носить.»
Пошли мужички со двора, заохкали:
«« А будь ты проклятъ, Василій Буслаевичь!
«« Сладко мы не ѣли и красно не носили,
«« А нажили усовы *) собѣ вѣчныя.»»
Тутъ опять Васильюшка Буслаевичь
Пришелъ въ свои палаты бѣлокаменны
И садился Василій на черленый стулъ,
Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
И садился Василій на добра коня,
Ѣхалъ по дорожкамъ по крестовымъ,
Рылъ тыя письма скорописчаты.
Въ этыхъ письмахъ у него было написано:
« Кто хочетъ сладко ѣсть, да краснò носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву.»
Пріѣзжали къ Василью на широкій дворъ,
Ко его палатамъ бѣлокаменнымъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ-то Васильюшка въ тридцатыихъ.
Свелъ онъ ихъ во теремъ, во златой верёхъ,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Дарилъ-то имъ дары драгоцѣнные.
Тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Идетъ къ нимъ силушки на стрѣту чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.

*) *Усова*—усобица.

Напередъ этой силушки великія
Идетъ старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ колоколъ девяноста пудъ.
Говоритъ ему Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты, крестовый мой батюшка!
« Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
« А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни!»
Билъ его палицей булатней по головушкѣ
И расколоъ ему колоколъ девяноста пудъ.
.

Изъ другихъ разнорѣчій извѣстно, что Василій побилъ мужиковъ Новгородскихъ. За это Мамелфу Тимоѳеевну позвали въ судъ и крѣпко тамъ разобидѣли. Къ сожалѣнію этого мѣста Рябининъ не помнилъ, а изъ поѣздки Василья въ Іерусалимъ, въ памяти у него уцѣлѣлъ только слѣдующій отрывокъ:

59.

ПОѢЗДКА ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВИЧА.

.
Пріѣзжалъ Васильюшка Буслаевичъ
Ко бѣлу горючу ко камешку.
На этомъ на камешкѣ подписано:
« Кто на эту гору захаживалъ,
« Тотъ оттуль живъ не выхаживалъ;
« Кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ горючь камень,
« Тотъ буде живъ,
« А не скочитъ, не бывать живу.»
Вся его дружинушка хоробрая
Перескочила черезъ бѣлъ горючь камень.
Славный Васильюшка Буслаевичъ
Онъ скорешенько скочилъ черезъ бѣлъ горючь камень.
Похотѣлось ему Васильюшкѣ
Скочить назадъ черезъ горючь камень:
И задѣлъ каблучкомъ за горючь камень,
Тутъ ему Василью и славу поютъ.

(Отъ крестьянина Рябинина).

60.

ТОЖЕ.

(Пудожскій уѣздъ, Шальская волость).

Какъ у молода Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
Съѣздить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань рѣку
Ко тому ко граду Еросолиму,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворъ горѣ осушитися,
Со своей дружиной со хоробрѣй.

И вся его дружина хоробрая
Купались въ Ердань рѣкѣ во рубашечкахъ,
А онъ же Василій Буславьевичь,
Купался Василій нагимъ тѣломъ.
А его свѣтъ государыня матушка
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
По поѣздѣ его давала родительско благословленіе:
«« Ай же ты, мое чадо милое!
«« Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
«« Не куплись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
«« Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ.»»
А онъ же Васильюшка Буславьевичь
Нарушилъ родительско благословленьице,
Не послушалъ государыни матушки:
Окунался Василій нагимъ тѣломъ.
Скоро садились на добрыхъ коней
И поѣхали на славну на Ѳаворъ гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю
И ко той ко церкви соборнія,

Которая стоитъ со двѣнадцатью престоламы,
У того у камени у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ.

Не доѣдучись до камени до Латыря,
На томъ на раздольѣ на широкоемъ
Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичь
Лежащую кость богатырскую,
И началъ Васильюшка Буславьевичь
Кость богатырскую попинывать,
Плеткой шелковою похлестывать.
Воспроговоритъ кость богатырская:
« Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
« Ты почто меня ножкою попинываешь,
« Почто меня плеткой похлестываешь?
« Хотя ѣдешь ты во церковь въ соборнюю
« Ко тому ко Латырю ко каменю,
« Ко тому ко образу Преображенскому,
« То не доѣхать ти до церкви соборнія
« И до того до каменя до Латыря
« И до того образа Преображенскаго.»
Плюнулъ Васильюшка Буславьевичь
На тую на кость на богатырскую,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла! —
И такъ Васильюшка поѣздъ держалъ
Ко той ко церкви ко соборнія,
Ко тому ко каменю ко Латырю.

Не доѣдучись до церкви до соборнія,
Увидѣлъ предъ собою бѣлъ и великъ камень,
И на камени подпись подписана:
« Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень,
« Тотъ достигнетъ церкви соборнія
« И тому образу Преображенскому;
« А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
« Тотъ не достигнетъ церкви соборнія
« И тому образу Преображенскому.»

Говоритъ Василій таково слово:
— Ай же ты, дружина моя хоробрая!
— Скачите черезъ бѣлъ горючь камень.—
И вся его дружина хоробрая
Трожды перескочила черезъ бѣлъ камень.
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичь
Въ слѣдъ дружины своя хоробрыя
Началъ черезъ бѣлъ камень перескакивать.
Разъ скочилъ, и другой скочилъ,
И на третій говоритъ дружины хоробрыя:
— Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу.—
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючь камень,
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буславьевичь
О жестокъ камень своима плечмы богатырскима.
И тутъ Василью славы поютъ,
И во вѣки тая слава не минуетъ.

(Отъ крестьянина лодочника).

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

61.

(Кижская волость; ср. выше).

Жилъ-былъ Садко́, богатый гость.
Все-то у Садка́ по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ,—
Все-то у Садка по небесному.

Говоритъ Садко, богатый гость:
« Ай же, слуги мои вѣрные!

« Возьмите безсчетной золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ. »
Тутъ-то его слуги вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На другой день товару больше того.
Говорилъ Садко, богатый гость:
« Ай же, слуги мои вѣрные!
« Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ. »
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На третій день товару больше того.
Опять говорилъ Садко, богатый гость:
« Ай же, слуги мои вѣрные!
« Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ. »
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Строилъ онъ себѣ черленъ корабль:
Корму въ ёмъ строилъ по гусиному,
А носъ въ ёмъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному по камешку по яхонту;
Нагрузилъ-то онъ товару на черленъ корабль,
Поѣхалъ онъ по славну по синю морю:
Всѣ то корабли въ верхъ идутъ,
А Садковъ-то корабль остается ..

(Не кончено; далѣе Рябининъ не могъ припомнить).

62.

(Деревня Буракова, Купецкой волости, въ Пудожскомъ уѣздѣ).

Говоритъ-промолвится Садко богатый гость *):
« Это братцы, жѐребья не жеребья!
« Вырѣжемъ-те жеребья изъ красна золота,
« Изъ того изъ чистаго изъ серебра,
« А кинемъ-ка жеребья на верхъ воды,
« Намъ кому итти да во синѐ морѐ:
« Чей жеребей на дно пойдетъ,
« Тому итти во сине море. »
Вырѣзали жеребья изъ красна золота,
Изъ того изъ чистаго изъ серебра;
Кинули оны жеребья на верхъ воды:
Всѣ-то жеребья пловутъ на верхъ воды,
А купца Садки-то на дно идетъ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Садился на дощечку на дубовую:
Пошла тая дощечка во сине море,
Приходила дощечка во сине море,
Ко царю пришла ко мѐрскому,
Ко тыя царицы мѐрскія.
А царь со царицей споруетъ;
Говоритъ царица морская:
« Есть на Руси жѐлѣзо булатнее,
« Дороже булатъ-жѐлѣзо красна золота,—
« Красно золото катается
« У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ. »
Говоритъ царицы царь морскій:
— Ай же ты, царица морская!
— Дороже есть красно золото:
— А булатъ-жѐлѣзо катается
— У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.—
Споруютъ оны, перетакиваютъ.

*) Это также отрывокъ, но продолжающій предыдущее, когда Садковъ корабль сталъ на морѣ и начали бросать жеребья, чьею смертію выкупать бѣду.

Становился Садко купецъ, богатый гость,
Насупротивъ ихъ съ дощечкой бѣлодубовой.
Говорилъ царь морской таково слово:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
— Ты Садко купецъ, богатый гость!
— Ты скажи по правдѣ, не утай собя,
— Что-то у васъ на Руси диется,
— Булатъ ли жёлѣзо дороже красна золота,
— Али красно золото дороже булатъ-жёлѣза?—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, царь морской со царицею!
« Я скажу вамъ правду, не утаю собя:
« Дороже у насъ на Руси красно золото,
« А булатъ-жёлѣзо катается
« У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ. »
Скочилъ царь морской на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ саблю вострую,
Отсѣкъ-то царицы буйну голову.
У того ли у царя морскаго
Было двѣ дочёри прекрасныя.
Говорилъ царь таково слово:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Хочешь ли здѣ-ка поженитися?
— Отдамъ я за тебя любимую дочь.—
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, царь морской!
« Взялъ бы я у тебя любимую дочь,
« Столько надо мнѣ достаться на святую Русь. »
« Говоритъ царь морской таково слово:
— Ай же ты, моя большая дочь!
— Возьми достань *) Садко, купца богатаго
— На матушку на святую Русь.—
Приходила его любимая дочь,
Взимала Садко, купца богатаго,
Достала его на матушку на святую Русь.
Тутъ пошелъ Садко купецъ, богатый гость,

*) Доставь.—*Изд.*

Поклонился и распростился съ ёй:
« Ты прощай, царевна морская:
« Я тебѣ женихомъ не пришелъ,
« А ты мнѣ въ невѣсты не пришла. »

(Отъ крестьянина Никифора Прохорова).

63 *).

(Деревня Середка, Кижской волости).

Ай, жилъ Садкѐ купецъ, богатый гость.
Легъ онъ спать на темную ночь,
Выставалъ по утру ранымъ рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Берите-ка безсчетной золотой казны,
« И выкупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
« Не оставьте товару ни на денежку. »
А дружина его была послушлива,
Брала безсчетной золотой казны,
Выкупила весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Спалъ Садкѐ вторую ночь во крѣпкоемъ снѣ,
Выставалъ по утру ранымъ рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Нѣтъ ли ощѐ товару въ Новѣ-градѣ?
« Берите-ка безсчетной золотой казны,
« Выкупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ,
« Не оставьте товару ни на денежку. »
Дружина его была послушлива,
Брала безсчетной золотой казны,
Приходили они къ Нову-граду,
А въ Новѣ-градѣ товару больше того:
Повыкупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Спалъ Садкѐ третью ночь во крѣпкоемъ снѣ,
Выставалъ по утру ранымъ рано,
Говорилъ дружинушкѣ хороброей:

*) Это побывальщина: стихъ не совсѣмъ выработанъ, языкъ довольно бѣденъ.

« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Нѣтъ ли ощè товару въ Новѣ-градѣ?
« Берите ощè безсчетной золотой казны,
« Выкупите остàтній товаръ въ Новѣ-градѣ,
« Не оставьте товару ни на денежку. »
Дружина его была послушлива,
Брали безсчетной золотой казны,
Приходили къ Нову-городу,
Такъ въ погребахъ товару больше того:
Выкупали весь остатній товаръ,
Приносили къ Садку купцу богатому.

Тутъ его дружинушка хоробрая
Строила кораблики великіе:
На корабликахъ снасточки шелковыя,
Кормы-то писаны по звѣриному,
А носъ-то писанъ по змѣиному;
На корабликахъ товары драгоцѣнные.
И поѣхалъ онъ по славну синю морю
Со своей дружинушкой хороброю,
Становилися кораблики середь моря,
День стоятъ, и дру̀гой стоятъ, и третій стоятъ.
Закручинились корабельщики, запечалились,
Стали бросать жеребья вольжана,
Кому-то изъ нихъ итти на сине море.
Поискала судьбина Садке, купца богатаго.
Спускали дощечку-то дубовую:
Іонъ прощался со дружинушкой хороброей,
Беретъ съ собой гусельшки яровчаты
И садится на тую дощечку на дубовую.
Пошла дощечка ко дну синя моря,
Объявилось на днѣ царство великое,
А во царствѣ пированьице почестенъ пиръ.
Приводили Садке къ царю Водянику;
Говорилъ Водяникъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Поиграй, поиграй въ гусельшки яровчаты,
— Потѣшь, потѣшь нашъ почестенъ пиръ:

— Выдаю я дочй свою любимую
— Во тыё во славно Окіянь-море.—
Бралъ Садке гуселышки яровчаты,
Яровчаты гу̊селки, звончаты:
Струночку ко струночкѣ налаживалъ,
Сталъ онъ въ гуселышки поигрывать,
Играетъ-то Садке въ Новѣ-городѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царя-града.
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,
А царица Водяница поплясывать,
Красныя дѣвушки хороводъ водятъ,
А мелкая четь въ присядку пошла.
Играетъ Садке день съ утра до вечера,
И другой день съ утра до вечера,
А царь Водяникъ все поскакиваетъ,
А царица Водяница поплясываетъ.
Легъ Садке спать на темную ночь,
Во сняхъ ему не спалось, грозно видѣлось:
Приходило ста̊рчище незнай собою̊ *);
Говорилъ старчище таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Полно тебѣ играть во гуселки яровчаты,
— Полно губить людей безповинныихъ.
— Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бѣсовскіихъ
— И отъ тыихъ отъ плясокъ нечестивыихъ,
— Окіянъ сине море всколыбалося,
— Кораблики всѣ повыломало,
— Людей-то всѣхъ повытопило.—
Приходилъ Садке къ царю Водянику,
Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
« Ай же ты, царь со царицею!
« Не хочу играть во гуселки яровчаты:
« Отъ твоихъ отъ плясокъ отъ бѣсовскіихъ
« Окіянъ сине море всколыбалося,
« Кораблики всѣ повыломало,
« Людей-то всѣхъ повытопило. »

*) Неизвѣстный. — *Изд.*

Тутъ царь Водяникъ поставилъ Садке на его корабль и Садке воротился съ дружиною домой. Дома его встрѣтила молодая жена и говорила ему таковы слова:

— Ай же ты, любимая семеюшка!
— Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
— Тосковать мое ретливое сердечушко
— По твоей по буйной по головушкѣ:
— У насъ много есть имѣньица-богачества,
— И растетъ у насъ малое дѣтище.

(Отъ Леонтія Богданова).

64.

(Въ Сумозерскомъ погостѣ, Пудожскаго уѣзда).

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садкѐ купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садкѐ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкѐ соскучился:
Какъ пошелъ Садкѐ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садкѐ перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садке соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садке перепался,

Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садке соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке Новгородскиій!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи за великія,
— За твою-то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложи свою буйну голову,
— И выряжай съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень озерѣ
— Есть рыба—золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
— И поди—свяжи шелковой неводъ,
— И прiѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
— Дамъ три рыбины—золоты перья.
— Тогда ты, Садке, счастливъ будешь.—

Пошелъ Садке отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ,
Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке Новгородскиій
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы Новогородскіе!

«Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
«А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ.»
Какъ тутъ-то купцы Новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
««Не знаешь ты чуда чуднаго,
««Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба—золоты перья.»»
«Ай же вы, купцы Новогородскіе!
«О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
«Ударимъ-ка о великъ закладъ:
«Я заложу свою буйну голову,
«А вы залагайте лавки товара краснаго.»
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы Новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садке все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

*

Потомъ Садке купецъ, богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новогородскіихъ:

Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Иный *) хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
«« Всѣ мы на пиру наѣдалися,
«« Всѣ на почестномъ напивалися,
«« Похвальбамы всѣ похвалялися.
«« Что же у насъ Садке ничѣмъ не похвастаетъ,
«« Что у насъ Садке ничѣмъ не похваляется?»»
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
« А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
« Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
« У меня ль золота казна не тощится,
« Цвѣтно платьице не носится,
« Дружина хоробра не измѣняется.
« А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
« На свою безсчетну золоту казну
« Повыкуплю товары Новогородскіе,
« Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садке на другой день ранымъ рано,

*) Единый, одинъ

Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ припавезено,
Вдвойнѣ товаровъ припаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ припаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
«Още повыкуплю товары Московскіе,
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскій,—
«Побогаче меня славный Новгородъ.»
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новогородскімъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

*

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,

Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
« А морскому царю дани не плачивали:
« Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
« Требуетъ дани во сине море.
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
« Спущайте бочку во сине море.»
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые:
А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
« Видно, царь морскій требуетъ
« Живой головы во сине море.
« Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
« Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
« Всякъ свои имена подписывайте,
« Спущайте жеребья на сине море:
« Чей жеребей ко дну пойдетъ,
« Таковому итти въ сине море. »
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садке дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Этыя жеребья не правильны:
« Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
« А я сдѣлаю жеребей вольжаный. »
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садке дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно *).
.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Видно, царь морской требуетъ

*) Этимъ не оканчивается испытаніе: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовые, а самъ дѣлаетъ липовый; потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ дубовый.

« Самого Садка богатаго въ сине море.
« Несите мою чернилицу вальяжную,
« Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).»
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садке купецъ, богатый гость:
« Ай же, братцы, дружина хоробрая!
« Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
« Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
« Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
« Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Свалите дощечку дубовую на воду:
« Хоть я свалюсь на доску дубовую,
« Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.»
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.

Остался Садке на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садке во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садке,—во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:

— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
— Мнѣ царю дани не плачивалъ,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.—
Какъ началъ играть Садке въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садке сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ ощё Садке и третьіи,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новогородскиій!
— Полно играть въ гусельшки яровчаты!—
Обернулся—глядитъ Садко Новогородскиій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыіі.
Говорилъ Садко Новогородскиій:
« У меня воля не своя во синемъ морѣ,
« Приказано играть въ гуселки яровчаты.»
Говоритъ старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажи: « у меня струночекъ не случилося,
—« А шпенечковъ не пригодилося,
—« Не во что больше играть:
—« Приломалися гуселки яровчаты.»
— Скажетъ тебѣ царь морской:
—« Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
—« На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?»
— Говори ему таковы слова:
—« У меня воля не своя во синемъ морѣ.»

— Опять скажетъ царь морской:
—« Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
—« Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.»
— Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвица Чернавушка,—
— Бери тую Черпаву за себя за мужь.
— Какъ ляжешь спать во перву ночь,
— Не твори съ женой блуда во синемъ морѣ:
— Останешься на вѣки во синемъ морѣ;
— А ежели не сотворишь блуда во синемъ морѣ,
— Ляжешь спать о дѣвицу красавицу,
— Будешь, Садке, во Новѣ-градѣ.
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Миколы Можайскому.—
Садке струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садке Новогородскиій!
— Что же не играешь въ гуселки яровчаты?—
« У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
« А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
« А струночекъ запасныхъ не случилося,
« А шпенечковъ не пригодилося.»
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говоритъ ему Садке Новогородскиій:
« У меня воля не своя во синемъ морѣ.»
Опять говоритъ царь морской:
— Ну, Садке, вставай по утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садке по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя за мужь.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестепъ пиръ,
Какъ ложится спать Садке во перву ночь,
Не творилъ съ женой блуда во синемъ морѣ.
Какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:

— Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
«« Остался Садке во синемъ морѣ!»»
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«« Остался Садке во синемъ морѣ,
«« Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
«« Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»»
Встрѣтилъ Садке дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садке выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садке на сине море,
Сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ.

*

МОСКВА.

III.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

65.

СТАРИНА О ГРОЗНОМЪ ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

(Олонецкой губерніи).

Когдажь-то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичь.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
« Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
« Царскую порфиру на себя одѣлъ,
« Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
« И повыведу измѣну съ каменной Москвы! »
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Какъ не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичь-государь,
Испроговоритъ онъ таково слово:
— Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ *)-пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьица носитъ одноцвѣтныя,

*) Ѣстъ.

— Сапожки на ножкахъ одноличныя.—
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Ужь ты маленькой Иванушко, царевичь-государь!
« Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи:
« Я измѣнщику голову срублю. »
Испроговорилъ Иванушко царевичь государь,
Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:
— Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— Буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Өедора Ивановича.—
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жь мы брали съ тобой Царскій градъ,
— Ты-то ѣхалъ по краечку,
— Я-то ѣхалъ по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Напередъ пословъ онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые поразбѣгались,
— А малые по кувыркъ-травы разваляліся,
— А старые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала.—
Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:
« Ай вы ей, палачи немилостивы!
« Вы возмите-ка Өедора Ивановича
« За тыя за ручки за бѣлыя,
« За тые за перстни за злаченые,
« Сведите-ка Өедора въ чисто поле
« На тое болотцо на Житное,
« На тую на плашку на липову,
« Отрубите ему буйну голову!»

Во тую ли пору, во то время,
Всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися *),

*) Попрятались.—*Изд.*

Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ:
Самъ говорилъ таково слово:
«« Я много казнилъ царей, царевичей,
«« Безъ счету королей, королевичей,
«« И тебя Өедора не спущу! »»
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни за злаченые,
Повелъ Өедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
Срубить Өедору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка,
Она чеботы обула на босу ногу,
Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
Побѣжала на горку на Вшивую *)
Ко своему ко братцу ко родимому
Ко тому Никиты Романовичу.
Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, сестрице, не въ покрутѣ **),
« Въ одной ты шубы черныхъ соболей? »
Говоритъ Авдотья Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимый,
— Ты ей, Никита Романовичь!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жь де Өедора Ивановича;
— Повелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Өедору буйну голову.—

Какъ тотъ Никита Романовичь,
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,

*) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ; нынѣ *Швейная* горка. —*Изд.*
**) Отъ *крутиться*, рядиться.

Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ крычитъ,
Голосомъ крычитъ, самъ рукой машетъ:
« Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
« Не казни-ка ты молодаго царевича,
« Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься. »
Малютка того не пытаючи,
Беретъ Өедора за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову. .
Наѣхалъ Никита Романовичь,
Смахнулъ саблей востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
Онъ бралъ, де, Өедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую.

Сегодни день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Какъ нѣтъ жива молодаго церевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
Подъ ты [кареты] подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичь
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ особину:
« Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичь

« Со своей со любимой семьёй,
« Со молодой со Авдотьей со Романовной,
« Со своима со малыма дѣтушкамы.
« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
« Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ! »
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита Романовичь!
— Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того де Өедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плашку на липову,
— Срубить де ему буйну голову.—
Говоритъ Никита Романовичь:
« Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичь
« Со своею съ молодой семьёй,
« Съ молодой Авдотьей Романовной,
« Со своима со малыма дѣтушкамы,
« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
« Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ! »
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита Романовичь!
— Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жь де Өедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовичь
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плаху на липову,
— Срубить де ему буйну голову.—
Третій разъ говоритъ Никита Романовичь:
« Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичь
« Со своею любимой семьёй,
« Со молодой Авдотьей Романовной,
« Со своима со малыма со дѣтушкамы,
« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,

« Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ! »
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей же, Никита Романовичь!
— Знать, ты надо мной насмѣхался!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—
Самъ говоритъ таково слово:
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ было рожономъ по дитятки,
— По немъ не было никакой заступушки!—
Говоритъ Никита Романовичь:
« Бываетъ ли грѣшному прощенье-то? »
— Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ.—
Говоритъ Никита Романовичь:
« Что не отрублена буйна голова
« Тому жь де Ѳедору Ивановичу,
« А отрублена буйна голова
« Тому Малюты Скуратову. »

Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ золотой казны?—
Говоритъ Никита Романовичь:
« Есть у меня золотой казны,
« Есть городовъ съ пригородкамы,
« И есть и селъ со приселкамы,
« То мнѣ молодцу не похвальба;
« А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину:
« Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,

« Хоть коня угони, хоть жену уведи,
« Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
« Того добраго молодца Богъ проститъ. »
Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
Того добраго молодца Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

66.

ТОЖЕ *).

(Кижской волости, деревни Середки, и Сѣнногубской волости, Петрозаводскаго уѣзда, деревни Логмасы).

На Страшной было недѣлѣ, во великъ четверкъ,
Во матушкѣ было каменной Москвы,
И кушалъ Грозный царь Иванъ Васильевичь
Со князмы и съ думныма боярамы,
Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
Со Иваномъ со Ивановичемъ
И съ Өедоромъ со Ивановичемъ.
И проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града,
« И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы.
« Ужь я выведу измѣну изъ Нова-города **)!»

*) Былина.

**) Разнорѣчія:

А во нынѣшнемъ въ Новѣ-градѣ
Собиралось пированьицо почестенъ пиръ
На многихъ князей, на думныхъ бояръ.
Красное солнышко идетъ на вечерѣ,

Говоритъ Иванушко Ивановичь:
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!
— Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А не повывести измѣны съ Нова-города:
— Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— Ѣстъ-пьетъ измѣна съ одного судка,
— А платьице держитъ съ одного плеча,
— А думаетъ дума за единое.—
Не синее море всколыбалося,
Не сырые боры разгоралися,
Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Ай же ты, Иванушко Ивановичь!
« Доказывай измѣну за столомъ сидючись!»
Тутъ Иванушко Ивановичь пораздумался:
— Мнѣ на братца сказать, братца жаль;
— На себя сказать, мнѣ живу не бывать.
— А столько не жаль братца, сколько себя.—
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!
— А которой улицей ты ѣхалъ, батюшка,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— И которой улицей я ѣхалъ,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— А которою улицей ѣхалъ Ѳедоръ Ивановичь,
— Онъ писалъ ярлыки милостливые
— И кидалъ по улицамъ Новогородскіимъ *).—

А почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Я вывелъ измѣну съ каменной Москвы,
« Я вывелъ измѣну со Астрахани:
« Ужь я выведу туманъ со синя моря,
« Ужь я выведу измѣну съ Нова-города! »
*) — И кидалъ по улицамъ Новогородскіимъ:
—« Ай же вы, мужики Новогородскіе!
—« Копайте-ка погреба глубокіе
—« Отъ моего государя отъ батюшка,
—« Отъ моего братца отъ родимаго,
—« Вы садитесь во погреба глубокіе!» —

Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичь
На свои на сѣмена на царскія,
На свое рожоное на дитятко,
На того ли Ѳедора Ивановича,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, палачи немилосливые!
« Берите-тко Ѳедора Ивановича
« За него за ручки за бѣлыя,
« За него за перстни за злаченые,
« А ведите-ка его на болото на Житное,
« Отрубить ему буйну голову! »

Всѣ за столомъ призамолкнули:
Меньшій хоронится за большаго,
Большій хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго малъ отвѣтъ живетъ.
За тымъ за столомъ за дубовымъ
Сидѣлъ Малютушка Скурлатовъ сынъ;
Сталъ онъ говорить таково слово:
«« Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичь!
«« А моя-то работушка ко мнѣ пришла [*]!»»
Схватилъ онъ Ѳедора Ивановича
За него за ручки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И повелъ его на болото на Житное,
Ко той ли плашкѣ ко липовой,
Срубить ему буйну голову.—
За тымъ столомъ за дубовымъ
Сидѣла родима его матушка
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на рѣзвы ноги,
Шубоньку надѣла на одно плечо,
Бѣжала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.
Она плачетъ горючмы слезмы,
А братецъ сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Ѣстъ-пьетъ, проклажается.

*) Въ палачи вызвался Чурилушка Опленковъ сынъ.

Проговоритъ Микитушка Романовичь:
« Чего ты плачешь горючмы слезмы?»
— Ай же ты, братецъ мой родимый!
— Ѣшь ты пьешь, проклажаешься,
— Надъ нами невзгодушки не вѣдаешь:
— Пала звѣзда поднебесная,
— Погасла свѣча мѣстная,
— Не стало у насъ краснаго солнышка,
— Не стало у насъ Ѳедора Ивановича,—
— Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
— На тое болото на Житное
— На тую на казень на смертную.—

Молодой Микитушка Романовичь
Не крестилъ своего личика бѣлаго,
Не закрывалъ кушаньевъ сахарніихъ,
Скочилъ изъ за стола за дубоваго,
Скричалъ же зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, слуги мои вѣрные,
« Сѣдлайте-ка коня богатырскаго!»
Онъ шапку надѣвалъ на одно ухо,
Халатъ надѣвалъ на одно плечо,
Скоро садился на добра коня
И поѣхалъ на болото на Житное,
Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Ко той ко казени ко смертныя.
Лежитъ Ѳедоръ Ивановичь
На той на плашкѣ на липовой,
Пораспрaвлены его ручки бѣлыя,
Призаперты очи ясныя *).

*) Онъ ѣдетъ, голосомъ кричитъ, рукой машетъ:
« Ай же ты, Чурилушка Опленковъ сынъ!
« Не твой кусъ какъ съѣшь, такъ подавишься,
« А не съѣшь куска, не подавишься!»
Какъ пріѣхалъ ко плашкѣ бѣлодубовой:
Его-то любимый крестничекъ
Привязанъ на плашку бѣлодубову,
Столько топоръ спустить, голова срубить.

Прiѣзжаетъ Микитушка Романовичъ,
Скоро сходилъ со добра коня,
И хваталъ Ѳедора Ивановича:
«Ай же, любимый мой племничекъ,
«Теперича тебѣ не къ суду пришло!»
Садилъ его на добра коня,
Единой рукой коня ведетъ,
А другой рукой его держитъ.
Привозилъ его во высокъ теремъ
И ладитъ пойти ко завтрени ко раннiя,
Ко Христосьской ко заутрени *).

И приходитъ ко завтрени ко раннiя,
Ко Христосьской ко заутрени;
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на три на четыре на сторонушки,
Проздравляетъ Грознаго царя Ивана Васильевича:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы
— Со Иваномъ со Ивановичемъ

*) А садились они на добра коня:
Самъ-то садился къ головы лицемъ,
А его садилъ къ головы хребтомъ,
Личикомъ въ одно мѣсто со крестничкомъ.
Привозилъ его во высокъ теремъ.
А тое дѣло дѣлалось
Во Страстную пятницу Христосьскую;
И стоять будетъ во церкви соборныя
У заутрени Христосьскiя во платьицахъ опальныихъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ князьямъ-боярамъ выговаривалъ:
«По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было:
«А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого!»
Только отстоитъ обѣдню Христосьскую,
Будетъ рубить князьямъ-боярамъ головушки,

— И со Өедоромъ Ивановичемъ!—
Проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Пала звѣзда поднебесная,
« Погасла свѣча мѣстная:
« Нѣтъ жива рожонова дитятка
« Молода Өедора Ивановича!»
Говоритъ Микитушка Романовичь:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичь
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со бо́льшимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Өедоромъ Ивановичемъ!—
« Ай же ты, шуринъ мой любимый!
« Развѣ тебѣ-ка-ва не свѣдома незгодушка?
« Не стало у насъ Өедора Ивановича!»
Заходитъ шуринъ со бѣла лица,
Бьетъ челомъ, покланяется:
— Ты здравствуешь, Грозный царь Иванъ Васильевичь
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со большимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Өедоромъ Ивановичемъ:
— Есть Өедоръ Ивановичь во живности.—
Поглянулъ Грозный царь тухлы̀мъ *) окомъ,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
« Ай же вы, слуги оружейные!
« Подите съ Микитой Романовичемъ
« Ко его ко терему высокому:
« Если есть Өедоръ Ивановичь во живности,
« Буду Микитушку жаловать;
« Если нѣтъ Өедора Ивановича во живности,
« Будетъ казень смертная для Велика дня.»

Приходилъ Микита Романовичь во высокъ теремъ,
Говорилъ онъ таково слово:
— Ай же ты, Өедоръ Ивановичь!
— Пойдемъ ко завтрени ко раннія,

*) Потухшимъ, мутнымъ.—*Изд.*

— Ко Христосьскія ко заутрени.—
Проговоритъ Өедоръ Ивановичь:
« Ай же ты, дядюшка Микита Романовичь!
« Страшно мнѣ другожды родитися:
« Къ своему ко батюшку явитися.»
Проговоритъ Микита Романовичь:
— Сказана намъ казень смертная для Велика дня.—
Походитъ Өедоръ Ивановичь
И приходилъ во церкву соборную
Ко той Христосьской заутрени *).

Увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Взялъ его за бѣлы руки
И цѣловалъ во уста во сахарнія,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Микитушка Романовичь!
« Чѣмъ тебя пожаловать,
« Краснымъ ли золотомъ, чистымъ ли серебромъ,
« Городамы ли съ пригородкамы,
« Селамы ли со приселкамы,
« Господамы ли со крестьянамы?»
Проговоритъ Микита Романовичь:
— Не надо мнѣ-ка-ва чистаго серебра,
— Не надо мнѣ-ка-ва краснаго золота,
— Городовъ съ пригородкамы,
— И селъ со приселкамы,

*) Проговоритъ Микита Романовичь:
— Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичь!
— А бываетъ ли грѣшному прощеньице,
— Бываетъ ли грѣшному блассловленьице?—
Воспроговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« А былъ бы кто, помиловалъ;
« А зналъ бы за что, пожаловалъ!»
Пошелъ Микитушка къ себѣ домой,
Накрутилъ-то Өедора Ивановича
Во платьица во самоцвѣтныя,
Привелъ его во Божью церкву.

— И господъ со крестьянамы;
— А дай мнѣ Микитину вотчину:
— Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
— Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину,
— А всѣмъ было бы прощеньице.—
И пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину,
Того Богъ помиловалъ,
А государь во вины проститъ.

(Отъ Леонтія Богданова и Козьмы Романова).

Козьма Романовъ всей былины не помнилъ: ее заводилъ Леонтій Богдановъ изъ деревни Середки, а Козьма Романовъ только поправлялъ, гдѣ, по его мнѣнію, было нужно: оттого здѣсь языкъ не такъ ровенъ, какъ въ прочихъ былинахъ.

67.

ТОЖЕ.

(Петрозав. уѣзда, Кижская волость).

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то боръ разгорается,
Воспылалъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Что падоть казнить Новгородъ да Опсково.
По горенкѣ на честномъ пиру похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговариватъ:
« Досталъ я перфилушку изъ Царя-града,
« Повывелъ я туманъ изъ синя моря
« И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы:
« Хочу вывести измѣнушку со Опскова.»
Говоритъ его большій сынъ Иванушка Ивановичь:
— Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичь!
— Досталъ ты перфилушку изъ Царя-града,

— Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы;
— А не вывелъ ты тумана изъ синя моря,
— Да и не повывести измѣнушки со Опскова:
— У тебя измѣнщикъ за столомъ сидитъ,
— Онъ ѣстъ да пьетъ съ одной чашечки.—
Говоритъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Мнѣ скажи-тко про измѣнщика великаго.»
Молодой Иванушка Ивановичь закручинился,
Закручинился онъ и запечалился:
— На братца мнѣ-ка сказать, братца не видать;
— На себя сказать, мнѣ живу не бывать.—
Говорилъ Иванушка Ивановичь:
— Батюшка нашь, Грозный царь Иванъ Васильевичь!
— Какъ мы шли-то съ Новгорода до Опскова,
— Мы-то шли по правую руку Волхова,
— А по лѣвую руку Волхова шелъ Ѳедоръ Ивановичь,
— Такъ онъ дѣлалъ измѣнушку великую:
— Казнилъ онъ только стараго да малаго,
— А что ни лучшій онъ народъ садилъ во погреба,
— Опосля онъ выпущаетъ ихъ на бѣлый свѣтъ.—
Говоритъ тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичь
Громкимъ голосомъ да во всю голову:
« Ай же вы, мои слуги вѣрные,
« Палачи мои немилосливые!
« Берите-ка моего сына царскаго,
« Того ли Ѳедора Иванова,
« За него за ручушки за бѣлыя,
« За него за перстни за злаченые,
« Ведите-тко на поле на Куликово,
« На это-то на мѣсто на торговое,
« Срубите-тко ему буйную головушку
« За него измѣнушку великую.»

Всѣ тутъ палачи затулялися,
Не смѣютъ подойти ко сыну ко царскому
И не смѣютъ казнить сына царскаго.
Молодой Иванушка Скурлатовъ сынъ,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,

Подходилъ-то онъ ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Өедору Ивановичу,
Беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Повелъ его на поле на Куликово,
На этое на мѣсто на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.—
Этая царица Московская,
Молода Настасьюшка Романовна,
Видитъ: дѣло есть не малое,
Не стало у ней сына любимаго;
Бѣжитъ она по славной каменной Москвы
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одніихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушкѣ Романовичу.
На пяту она дверь поразмахиваетъ.
Поглянулъ туда Микитушка Романовичь,
Говорилъ-то Микита таковы слова:
« Подошла-то ко мнѣ гостейка незваная,
« Незваная гостейка и нежданая?»
Говоритъ ему Настасья Романовна:
— Ай же ты, мой братецъ родимый,
— Молодой Микитушка Романовичь!
— Сидишь-то ты во теремѣ, златомъ верху,
— Видно, надо мной незгодушки не вѣдаешь:
— Не стало моего сына любимаго,
— Того ли Өедора Ивановича,—
— Повелъ его Иванушка Скурлатовъ сынъ
— На тое на поле на Куликово,
— На мѣсто на торговое,
— Срубить-то ему буйная головушка.—

Молодой Микитушка Романовичь,
Онъ скорешенько скочилъ какъ на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,

Хватилъ паличку булатнюю подъ пазушку.
Бѣжитъ-то Микита на широкій дворъ,
Онъ садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣхалъ онъ по славной каменной Москвы,
Махалъ Микитушка онъ улицмы,
Перемахивалъ Микита переулкамы,
И кричалъ Микитушка во всю голову,
Во всю голову кричалъ громкимъ голосомъ:
« Если кто показнитъ сына царскаго,
« Того я разжалую;
« Кто не показнитъ сына царскаго,
« Того я пожалую. »
Скурлатовъ сынъ Иванушка разслухался,
Поразслухался и пораздумался:
«« Царскій сынъ-то не простой мужикъ,
«« Чѣмъ ни будь меня, можетъ, и пожалуетъ! »»
Молодой Микитушка Романовичь,
Онъ скорешенько наѣхалъ на добромъ конѣ,
Соскочилъ-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимаго:
Стоитъ дѣтинушка Скурлатовъ сынъ,
Во рукѣ онъ держитъ ножъ булатній;—
Молодой-то Ѳедоръ Ивановичь
Положенъ на плаху на дубовую;—
Хочетъ онъ срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романовичь
Беретъ онъ крестничка за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Становилъ-то онъ его на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ его во уста во сахарнія,
Называлъ его крестничкомъ собѣ любимымъ.
И схватилъ-то онъ дѣтинушку Скурлатова,
Положилъ его на плашку на дубовую,
Срубилъ ему буйную головушку,
Срубилъ головушку, выговаривалъ:
« Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть,
« И не тобѣ собакѣ насмѣхатися,
« И не тобѣ казнить сына царскаго! »

Говорилъ-то Өедоръ Ивановичь:
— Ай же ты, мой крестовый батюшка,
— Молодой Микитушка Романовичь!
— Самъ-то погинешь, и меня сгубишь:
— Нашь батюшка — Грозный царь Иванъ Васильевичь.—
Говорилъ ему Микитушка Романовичь:
« Не убойся-тко ты, крестничекъ любимый:
« Ты живъ,—и я буду живъ.»
Охватилъ его шубонькой куньею,
Садился на добра коня
И поѣхали по славной каменной Москвы;
Пріѣхалъ въ свои палаты бѣлокаменны,
Ко своей сестрицы ко родимыя,
Къ молодой Настасьюшкѣ Романовны.
Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимаго:
Тутъ ей сердце взрадовалося,
Тутъ ей слезушки-то пріутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
Во свои палаты бѣлокаменны.

Грозный царь Иванъ Васильевичь
Схватился за своего за сына за любимаго:
Не стало своего сына любимаго.
Онъ дѣлалъ повелѣніе въ каменной Москвы
И во всемъ царствѣ Московскоемъ,
Чтобы народъ-люди постилися,
И ходили бы во матушку Божью церкву,
Господу Богу молилися,
И носили бы одежицы опальныя.
Идетъ Грозный царь Иванъ Васильевичь
Во матушку Божью церкву
Со своей царицею Московскою,
Настасьею Романовной,
И со своимъ сыномъ любимымъ
Иванушкой Ивановичемъ.
Приходитъ онъ во Божью церкву
Въ одежицы опальныя.

Молодой Микитушка Романовичь
Приходитъ во матушку Божью церкву
Что ни лучшія въ одежицы драгоцѣнныя,
Пришелъ къ царю, да и проздравствовалъ:
— Здравствуй, батюшка, Грозный царь Иванъ Васильевичь
— Со своей любимою семеюшкой, моей сестрицей любимою,
— Царицей Московскою Настасьей Романовной,
— Со своима любимыма со дѣтушкамы:
— Съ Иванушкой Ивановичемъ и Θедоромъ Ивановичемъ!—
Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Ай же ты, Микитушка Романовичь!
« Что ты въ глазахъ насмѣхаешься,
« Надо мною ты подлыгаешься?
« Али надо мной незгодушки не вѣдаешь,
« Что не стало у меня сына любимаго,
« Того ли Θедора Ивановича?
« Уведенъ онъ на поле на Куликово
« У того Иванушки Скурлатова,
« Положенъ на плашку на дубову,
« Срублена ему буйна головушка
« За него измѣнушку великую.»
Говорилъ ему Микитушка Романовичь:
— Есть бы кто тебѣ сына жива привелъ,
— Того чѣмъ бы ты пожаловалъ?—
Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичь:
« Есть бы кто ко мнѣ сына жива привелъ,
« Дарилъ бы я города съ пригородкамы,
« Села дарилъ бы со приселкамы,
« Бояръ дарилъ бы со крестьянамы,
« И дарилъ бы я безсчетну золоту казну,
« Силу (армію) дарилъ бы великую
« И дарилъ бы я одежицы драгоцѣнныя.»
Молодой Микитушка Романовичь
Выпустилъ сына царскаго изъ подъ правыя съ-подъ пазушки.

Грозный царь Иванъ Васильевичь
Не цѣлуетъ онъ сына любимаго,
А цѣлуетъ онъ Микитушка Романовича,
И говоритъ онъ Микиты таковы слова:
« Ай же ты, Микитушка Романовичь!
« Чимъ тобя теперь пожаловать?
« Города ли ты берешь съ пригородкамы,
« Али села берешь со приселкамы,
« Бояръ ли ты берешь со крестьянамы,
« Али силушку (армію) великую,
« Али безсчетную золоту казну,
« Али одежицы берешь драгоцѣнныя?»
Говорилъ ему Микитушка Романовичь:
— Не беру я городовъ съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селъ со приселкамы,
— Не надо мнѣ бояръ со крестьянамы,
— Не надо мнѣ силы (арміи) великія,
— Не надо мнѣ безсчетной золотой казны,
— Да и не надо мнѣ одежицы драгоцѣнныя:
— У меня силушка велика въ могучихъ плечахъ,
— Есть безсчетной золотой казны по надобью,
— Одежица драгоцѣнная на мнѣ-то не держится,
— Есть подъ Микитой богатырскій конь.
— А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
— Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
— Да ушелъ въ Микитину вотчину,
— Того въ Микитиной вотчины не взыскивати. —
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичь
Пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.

(Отъ крестьянина Рябинина).

68.

О КАСТРЮКѢ И ДѢТЯХЪ АНДРЕЕВЫХЪ *).

(Великогубскій погостъ).

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти,
Царица-то Крымская,
Паленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подъ-умилася,
Ѣхать въ землю Россійскую,
Въ государство Московское,
Въ королевство Литовское.
Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
Да послали скораго посла:
« Ты поди-тко, скорой посолъ,
« Поди въ землю Россійскую,
« Въ государство Московское,
« Поди—Богу не кланяйся,

*) Это былина особеннаго размѣра и напѣва.

« На всѣ стороны челомъ не бей,
« И говори не съ упадкою,
« Говори со прикладкою,
« И говори таково слово:
«— Ай же, царь Иванъ Васильевичь!
«— Още есть ли у васъ во дворѣ борцы,
«— Борцы добры молодцы,
«— Съ Кастрюкомъ побоpотися,
«— Съ молодымъ подъ-умитися,
«— Още силы отвѣдати
«— И плеча богатырскаго?—»

Какъ идетъ-то Кастрюкъ-Демьюкъ,
Идетъ-то Черкашанинъ,
Идетъ—самъ шатается,
Переклады сгибаются,
Подмосты колыблются,
Идетъ—Богу не молится,
На всѣ стороны челомъ не бьетъ
И говоритъ не съ упадкою,
Говоритъ со прикладкою:
— Ай же, царь Иванъ Васильевичь!
— Още есть ли у васъ во дворѣ борцы,
— Борцы добры молодцы,
— Съ Кастрюкомъ побоpотися,
— Съ молодымъ подъ-умитися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго?—
Говоритъ царь Иванъ Васильевичь:
« Садись, Кастрюкъ, за столъ
« Хлѣба-соли откушати,
« Бѣлы лебеди порушати;
« А борцы есть во дворѣ,
« Борцы добры молодцы.»
Онъ сидитъ—самъ печалится,
Онъ сидитъ—самъ кручинится,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлы лебеди не рушаетъ.

Говоритъ царь Иванъ Васильевичь:
« Что же ты, Кастрюкъ-Демьюкъ,
« А что же, Черкашанинъ,
« Сидишь—самъ печалишься,
« Сидишь—самъ кручинишься,
« Хлѣба-соли не кушаешь,
« Бѣлы лебеди не рушаешь?
« А хлѣбъ да соль на столѣ,
« А Богъ тебѣ на стѣны.»
Скочилъ Кастрюкъ за стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать Татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричалъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву
И во всю землю Россійскую
И государство Московское:
— Още есть ли у васъ борцы,
— Борцы добрые молодцы,
— Съ Кастрюкомъ побороտися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго?—

Ужь они дѣти Андреевы,
Одного звали Ѳедькою,
А другаго звали Мишкою:
Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Мишка борецъ нарывается.
Ѳедька былъ на ножку легокъ:
Полверсты было во поскокѣ,
А по четыре во помахѣ....
Онъ Мишку разъ потянетъ
И Мишку другой потянетъ,
А Мишка не ша̀тнется,
И колпакъ не сворохнется,
Желты кудри не стря̀хнутся.

И взялъ-то Мишка борецъ,
Взялъ Кастрюка пониже себя,
Здынулъ-то повыше плеча,
Выше церквей соборніихъ
И крестовъ богомольніихъ,
До Миколы Святителя,
До креста Леванидова,
И спустилъ о сыру землю:
Още кожа-то лопнула
Отъ бѣлой шеи до гузна.

И пошла Пава, заплакала;
Кастрюку славу выпѣли *).

*

ГРИШКА РАЗСТРИГИНЪ.

69.

(Кижская волость; ср. выше).

На насъ Господи разгнѣвался,
На славное царство Россійское,
На Россійское царство, на Московское:
Далъ Господи царя несчастливаго **);
Называется собака прямымъ царемъ,
Дмитріемъ царевичемъ Московскіимъ.

Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака поженитися;
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвы,
Поженился воръ-собака въ хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердопольскаго,
На самой на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушки Юрьевной.
Оны свадьбу играли во Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.

*) По другимъ разнорѣчіямъ этой былины, Кастрюкъ является женщиной.

**) Нечестиваго.— *Изд.*

Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обидни пошли,
Которы ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка Разстрижка во мыльну пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка Разстрижка въ мыльны моется
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра отъ обидни пошли,
Воръ Гришка Разстрижка съ мыльны идетъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушки солопъ въ цѣлу тысячу.
Приходитъ воръ на царское крылечушко,
Прицыкиваетъ собака громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было въ хоробру Литву,
Ко Юрью пану Сердопольскому:
« Ай же ты, Марина, лебедь бѣлая!
« Ты не кланяйся Московскимъ князьямъ-боярамъ,
« Не молись-ка, Марина, чуднымъ óбразамъ,
« Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
« Ты садись-ка, Марина, за столы за дубовые,
« Кушай-рушай же, Марина, лебедь бѣлая *).
« Проживу ли то я, Маринушка, тридцать лѣтъ?
« Не прожить мнѣ-ка, Маринушка, и трехъ часовъ **).»

Скажутъ, Дмитрія убили въ каменной Москвы,
Его мощи схоронили подъ Божью церкву;
Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидитъ,
Сидѣлъ-то онъ въ тюрьмы ровно тридцать лѣтъ,
Заростилъ свой крестъ во бѣлы груди.

(Записано тѣмъ же собирателемъ и помѣщено въ Олонецк. губ. Вѣдомостяхъ).

*

*) Лебедь бѣлую? — *Изд.*

**) Слѣдующіе два стиха, нельзя рѣшить, отъ чьего лица: Гришки или самой былины. — *Изд.*

КНЯЗЬ СКОПИНЪ.

70.

(Кижская волость; ср. выше).

Когда владѣлъ Москву Грозный царь Иванъ Васильевичь,
Въ тую порушку, въ тое времячко
Обошла Москву Литва поганая.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ Скопинъ онъ въ Новгородъ,
Служилъ заутрену Пречистой Богородицы,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу.
Собиралъ онъ мужиковъ Новогородскіихъ,
Говорилъ-то таковы слова:
« Ай же, мужики Новогородскіе!
« Соберите-ка мнѣ силы сорокъ тысячей
« Повыгнать изъ Москвы Литва поганая.»
Эти мужики Новогородскіе
Ему силушки собрали сорокъ тысячей.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ съ силушкой великой къ каменной Москвы,
Становилъ онъ эту силушку въ чистомъ полѣ,
Самъ проѣхалъ по славной каменной Москвы
Ко тому къ Микитушкѣ Романову,
Приходилъ къ нему въ палату бѣлокаменну,
Говорилъ-то онъ Микиты таковы слова:
« Ай же ты, Микитушка Романовичь!
« Привелъ-то я силушки сорокъ тысячей.
« Какъ бы намъ повыгнать изъ Москвы Литва поганая?»
Садился Микитушка на черленый стулъ,
Приклонилъ свою головушку къ сырой землѣ,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ,
Говорилъ Микита таковы слова:
— Ай же, молодость ты, моя молодость!
— Улетѣла отъ меня да во чисто̀ поле,
— Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
— Ай же, старость моя, старо̀сть глубокая!
— Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,

— Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ,
— Садилась на плечика могучіе!—
Становился Микита на рѣзвы ноги,
Палъ-то Микита о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ
И бѣжалъ-то онъ по славной каменной Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружій онъ замочки прочь выщалкивалъ.
Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадиныя,
У коней всѣ глоточки повыторкалъ.
Тутъ Микитушка Романовичь
Обвернулся тонкіимъ бѣлыимъ горносталемъ,
И бѣжалъ онъ тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ
По матушкѣ по славной каменной Москвы;
Прибѣжалъ въ свои палаты бѣлокаменны,
Палъ Микита о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся Микита добрымъ молодцемъ,
Вшелъ-то Микита на широкій дворъ,
Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
Бралъ коня да онъ засѣдлывалъ,
И садился Микита на добра коня,
Бралъ онъ въ руки палицу булатнюю,
И повыѣхалъ на славну каменну Москву,
Биться онъ съ Литвою со поганою....

(Не кончено; отъ Рябинина; ср. выше).

ВАНЮШКА КЛЮЧНИЧЕКЪ.

71 *).

(Тамъ же).

Какъ у славнаго князя было у Волконскаго
Жилъ-поживаетъ воръ Ванюша ключницекъ,
Молодой моей княгины полюбовницекъ.
Ужь какъ онъ годъ живетъ, другой живетъ,

*) Изъ другихъ, важнѣйшихъ разпорѣчій извѣстно, что дѣло идетъ въ Москвѣ, па Дмитровкѣ.—*Изд.*

Что на третье лѣто князь довѣдался,
На того Ванюшу самъ разсѐрдился
Черезъ бестію дѣвченочку черную.
Тутъ скричалъ князь своимъ громкимъ голосомъ:
« Уже слуги мои, служиночки вѣрные!
« Вы подите-приведите вора Ваньку ключника,
« Молодой моей княгины полюбовника! »
Что ведутъ-то, ведутъ Ванюшку скована,
Буйна гѳлова у Вани распроломана,
Кашемировымъ платочкомъ перевязана.
Миткалинова рубашечка въ крови смочена.
Станетъ князь Волконскій выспрашивати:
« Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю! »
— Ничего-то, сударь, я не вѣдаю.—
Скричалъ-скричалъ на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
« Ай вы слуги мои, слуги вѣрные!
« Вы подите—берите лопаточку желѣзную,
« Вы копайте-ка двѣ ямы глубокія,
« Становите-ка два столбика дубовыихъ,
« Ужь вы бейте-забивайте два крюка желѣзныихъ,
« Кладите-ка жердочку кленовую,
« Кладывайте двѣ петелки шелковыя. »
Поведутъ-то Ванюшеньку скована,
Очи ясные тафтой завѣшаны,
Ведутъ мимо княгинина окошечка;
Испроговоритъ воръ Ванюша ключничекъ:
— Ты позволь-ка мнѣ, Волконскій князь,
— Позволь-ка запѣть съ горя пѣсенку:
— Какъ было-то у Ванюшки погуляно,
— Было попито, было поѣдено,
— Во сахарнія уста поцѣловано,
— Молодой твоей княгины на бѣлыхъ грудяхъ полежено! —

(Отъ Леонтія Богданова .

*

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ:

КНЯЖЕСКІЯ,

МОЛОДЕЦКІЯ,

БЕЗЪИМЯННЫЯ.

IV.

72.

О ДВУХЪ КОРОЛЕВИЧАХЪ ИЗЪ КРЯКОВА, ПЕТРО́Ѣ ПЕТРОВИЧѢ И ЛУКѢ ПЕТРОВИЧѢ *).

(Кижская волость; ср. выше).

Изъ того изъ города изъ Крякова,
Изъ того села ли изъ Березова,
Изъ того подворья богатырскаго
Охво́чь ѣздить молодецъ былъ за охвотою
Во славное раздольице чисто поле,
Охвочь-то былъ стрѣлять гусей, лебедей,
Малыихъ перелетныихъ сѣрыихъ утушекъ.
Молодой Петро́й Петровичь, королевскій сынъ,
Онъ проѣздилъ день съ утра до вечера
По славну по раздольицу чисту́ полю,
Не наѣхалъ ни гуся, ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утеныша.
Ощё ѣздилъ дру́гой день съ утра до па́бѣдья.
Подъѣхалъ онъ ко синему ко морюшку
И насмотрѣлъ-то онъ на синёмъ морѣ

*) Нѣкоторыя изъ слѣдующихъ за симъ пѣсень, особенно княжескія (куда причисляемъ мы разныхъ королевичей, королевенъ, князей и княженъ, неизвѣстныхъ царей и царевичей, не имѣющихъ отношенія ни къ Кіеву, ни къ Новгороду, ни къ Москвѣ), безъ всякого сомнѣнія по происхожденію весьма древни, а по содержанію, языку и пріемамъ значительны не менѣе многихъ Кіевскихъ и Новгородскихъ, особенно же Московскихъ. Только неопредѣленность именъ и неизвѣстность воспѣваемыхъ событій ставитъ ихъ въ одинъ рядъ общихъ молодецкихъ и безымянныхъ пѣсень; а съ потерею имени и ясныхъ обстоятельствъ событія, выступаетъ порою нѣкоторая отвлеченность, какъ на примѣръ въ пѣсняхъ о Горѣ. Здѣсь же иногда изъ міра-народа творчество обращается и къ міру природы внѣшней: дѣйствующія лица—птицы, растенія. Но все-таки пѣсня здѣсь держится еще *были*, въ какомъ бы то ни было мірѣ.—*Изд.*

На той на тихоей зȁбереги *),
На зеленоемъ на зȁтресьи
Плаваютъ двѣ бѣлыя лебедушки, колыблются.
Становилъ-то онъ коня богатырскаго,
Отъ праваго отъ стремячка булатняго
Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ,
То онъ стрѣлочки каленыя накладывалъ,
Тетивочки шелковеньки натягивалъ,
Хотитъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушекъ.
Эты бѣлыя лебедушки
Проязычили языкомъ человѣческимъ:
«« Ты удаленькій дороднiй добрый молодецъ,
«« Славный богȁтырь свято-Русскiй!
«« Хоть ты подстрѣлишь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
«« Не укрятуешь **) плеча ты могучаго
«« И не утѣшить сердца богатырскаго.
«« Не двѣ бѣлыя мы есть-то не лебеди,
«« Есть-то мы двѣ дѣвушки двѣ красныихъ,
«« Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митрiевичны,
«« Со тоя мы со славной съ Золотой орды,
«« Летаемъ мы отъ пана ***) поганаго по три году,
«« Улетѣли мы за синее за морюшко.
«« Поѣзжай-ко ты раздольицемъ чистымъ полемъ,
«« Ко славному ко городу ко Кiеву;
«« И подъѣзжай къ сыру дубу крякновисту,
«« Насмотри-ка ты птицу во сыромъ дубу:
«« Сидитъ-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
«« Перьице у ворона чернымъ черно,
«« Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,
«« Перьица распущены до матушки сырой земли.
«« Эдакой птицы на свѣтѣ не видацо,
«« На бѣлоемъ не слыхано. »»

*) *Заберега*, та часть водъ, которая захвачена берегомъ; *зȁтресье* та часть водъ, которая покрыта *трестою* (carex flava); *заводь* (тихая) — часть водъ въ излучинахъ берега; *зȁвѣтерь*, мѣсто, защищенное отъ вѣтра.

**) Укрятуешь—укротишь.

***) Въ каждомъ почти уѣздѣ Олонецкой губернiи есть преданiя о набѣгахъ иноземцевъ: иноземцевъ этихъ вообще называютъ Панȁми, потому что самыя жестокiя опустошенiя здѣсь были сдѣланы Литовцами.

Стоитъ богатырь, пораздумался:
« Хоть я подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
« Такъ не укрятую плеча могучаго
« И не утѣшу сердца богатырскаго. »
Снимаетъ эты стрѣлочки каленыя,
Отпущаетъ онъ тетивочки шелковеньки,
Свой тугій лукъ разрывчатый пристегивалъ
Ко правому ко стремену къ булатнему,
Беретъ онъ въ руки плеточку шелковеньку,
Бьетъ-то онъ коня да по тучной бедры,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Кіеву.

И подъѣхалъ ко сыру дубу крякновисту,
И насмотрѣлъ онъ птицу черна ворона:
Сидитъ-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьице у ворона чернымъ черно,
Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,
Перьице распущено до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свѣтѣ не видывалъ,
На бѣлоемъ не слыхивалъ.
Становилъ онъ коня богатырскаго,
Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
Налагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
И говорилъ-то онъ таковы слова:
« Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
« Расточу его я кровь-то по сыру дубу,
« Тушицу его спущу я на сыру землю,
« Перьицо распущу я по чисту полю,
« По славному раздольицу широкому. »
Проязычитъ птица языкомъ человѣческимъ:
«« Ты удаленькій дородній добрый молодецъ,
«« Славный богатырь святорусскій!
«« Ты слыхалъ ли поговорье на святой Руси:
««— Въ кельѣ старца убить, то есть не спасенье,
««— Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить?—

«« Хоть ты подстрѣлишь птицу черна ворона
«« И расточишь мою кровь-то по сыру дубу̀,
«« Тушу мою спустишь на сыру землю
«« И перьицо распустишь по славной по долинушкѣ,
«« По раздольицу широкому чисту полю, —
«« Не укрятуешь плеча ты могучаго,
«« Не утѣшишь сердца богатырскаго.
«« Поѣзжай-ка раздольицемъ чистымъ полемъ
«« Ко славному ко городу ко Кіеву,
«« Ко ласковому князю ко Владиміру.
«« У ласкова князя у Владиміра
«« Хорошъ честёнъ пиръ-пированьице;
«« Надъ собой онъ князь незгодушки не вѣдаетъ.
«« Ѣздитъ паленичища въ чистомъ полѣ
«« На добромъ конѣ на богатырскоемъ;
«« Она кличетъ-выкликаетъ поединщика,
«« Супротивъ себя да супротивника.
«« Говоритъ-то паленица таковы слова:
««— Ежели Владиміръ стольно-Кіевскій
««— Не пошлетъ ко мнѣ онъ поединщика,
««— Супротивъ меня да супротивника,
««— Самого Владиміра подъ мечь склоню,
««— Подъ мечь склоню, голову срублю,
««— Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
««— Божьи церкви я всѣ на дымъ спущу. — »»
Стоитъ молодецъ, онъ пораздумался:
« Слыхалъ я поговорье на святой Руси:
«— Въ кельѣ старца убить, то есть не спасенье,
«— Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить. —
« Хоть подстрѣлю я птицу черна ворона,
« И расточу его я кровь-то по сыру дубу,
« Тушицу его спущу я на сыру землю,
« Перьицо-то распущу я по чисту полю,
« По славному раздольицу широкому,
« То не укрятую плеча я могучаго
« И не утѣшу сердца богатырскаго. »
Снимаетъ онъ стрѣлочку каленую

И отпустилъ тетивочку шелковую,
Свой тугій лукъ разрывчатый пристегивалъ
Ко правому ко стремячку булатнему
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю.

Поѣхалъ молодецъ, самъ пораздумался:
« Прямоѣзжею дорогою поѣхать въ стольно-Кіевъ градъ,
« То не честь мнѣ-ка хвала отъ богатырей
« И не выслуга отъ князя отъ Владиміра.
« Если бы поѣхать во раздольице чисто поле,
« Поотвѣдать мнѣ-ка силы у Татарина,
« То побьетъ меня Татаринъ во чистомъ полѣ,
« Не бывать-то молодцу на святой Руси,
« Не видать мнѣ молодцу-то свѣта бѣлаго.»
Іонъ зоветъ себѣ да Бога на помочь,
Спустилъ-то добра коня раздольицемъ чистымъ полемъ,
Іонъ наѣхалъ паленичищу въ чистомъ полѣ.
Оны съѣхались, да поздоровкались,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палицы булатнія.
Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палицы булатнія,
Оны другъ-то друга били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлымъ грудямъ,
Со всея били со силы богатырскія;
Подъ нима доспѣхи были крѣпкіе:
У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
По маковкамъ отломилися,
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били и не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля

На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскiихъ,
Прiударить надо въ копья Муржамецкiя.
Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскiихъ,
Прiударили во копья Муржамецкiя;
Оны другъ-то друга били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлымъ грудямъ
И со всея били силы богатырскiя;
Подъ нима доспѣхи были крѣпкiе:
У нихъ копья въ рукахъ-то погибалися,
По маковкамъ копья отломилися,
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били и не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскiихъ,
Выходили добры молодцы съ добрыхъ коней:
Надо биться боемъ-рукопашкою,
Поотвѣдать другъ у друга силушки великiя.
Молодой Петрой Петровичь, королевскiй сынъ,
Онъ весьма обученъ былъ бороться объ одной ручкѣ;
Онъ подходитъ къ паленицы ко удалыя,
То онъ схватитъ паленицу на косу бедру,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ онъ паленицу на сыру землю,
Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы,
Спустить хотитъ онъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
То онъ сталъ у паленицы выспрашивать:
«Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
«Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
«Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
«Звеличаютъ удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
— Ахъ ты старая базыга, новo-древная!
— Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,

— Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
— Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
— Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Доставалъ бы твое сердце со печенью
— И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
— Ни твоего роду и ни племени.—
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивать:
« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
« Удалую звеличаютъ по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
— Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
— Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
— Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
— Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
— Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Доставалъ бы твое сердце со печенью
— И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
— Ни твоего роду и ни племени.—
Молодой Петрой Петровичь, королевскій сынъ,
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивать:
« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
« Удалую величаютъ по отечеству?»

Говорила паленица и заплакала:
— Ты удаленькій, дороднiй добрый молодецъ,
— Славный богатырь святорусскиій!
— Когда ты у меня сталъ выспрашивати,
— Я стану тебѣ про то высказывать.
— Есть я со тоя со темной Литвы,
— Отъ тыхъ Татаровей поганыихъ;
— А увезенъ былъ маленькимъ робеночкомъ
— Изъ того изъ города изъ Крякова,
— Изъ того села да изъ Березова,
— Со тоя со улицы съ Рогатицы,
— Со того подворья богатырскаго,
— Молодой Лука Петровичь, королевскій сынъ.
— Увезли меня Татаровья поганые
— Маленькимъ робеночкомъ во эту во темну орду,
— И возросъ я тамъ до полнаго до возраста,
— И имѣю въ плечахъ силушку великую.
— Избиралъ собѣ коня я богатырскаго
— И поѣхалъ я на матушку святую Русь
— Поискать собѣ-то роду-племени
— И поотвѣдати собѣ-то отца-матери.—

Молодой Петрой Петровичь, королевскій сынъ,
Онъ скорешенько соскочитъ со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Становилъ его да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ его во уста въ сахарнія,
Называлъ-то братцемъ собѣ роднымъ.
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному раздольицу чисту полю,
Ко славному ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
По той улицы по Рогатицы
И къ тому подворью богатырскому.
Молодой Петрой Петровичь, королевскій сынъ,
Пріѣхалъ онъ на свой на широкъ дворъ,
И онъ скорешенько соскочитъ со добра коня

И бѣжитъ въ свою палату бѣлокаменну.
Молодой Лука Петровичь, королевскій сынъ,
Какъ онъ соскочитъ со добра коня,
Сталъ онъ по двору похаживать,
Сталъ добра̀ коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичь, королевскій сынъ,
Пришелъ въ свою палату бѣлокаменну
Ко своей къ родителю ко матушкѣ,
Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня ро̀дная матушка,
« Честная вдова Настасья Васильевна!
« Былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
« Наѣхалъ въ чистомъ полѣ Татарина,
« Кормилъ-то его ѣствушкой сахарнею,
« Поилъ его питьицемъ медвяныимъ. »
Говоритъ ему родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна,
Сама слезно заплакала:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
— Молодой Петрой Петровичь, королевскій сынъ!
— Какъ былъ ты во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— Да наѣхалъ во чистомъ полѣ Татарина,
— Ты бъ не ѣствушкой кормилъ его сахарнею
— И не питьицемъ поилъ его медвяныимъ:
— Билъ бы его палицей булатнею,
— Да кололъ бы его копьемъ вострыимъ.
— Этые Татаровья поганые
— Увезли братца у тя роднаго маленькимъ робеночкомъ,
— Молода Луку Петровича.—
Говорилъ Петрой Петровичь таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родная матушка!
« Не Татарина наѣхалъ я въ чистомъ полѣ,
« А наѣхалъ братца собѣ роднаго,
« Молода Луку Петровича. »
Молодой Лука Петровичь, королевскій сынъ,
Онъ по двору похаживаетъ,
Добра коня поваживаетъ
И нейдетъ въ палаты бѣлокаменны.

Тутъ честна вдова Настасья Васильевна
Скорешенько бѣжала на широкъ дворъ,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста его сахарнія,
Называла она сыномъ собѣ роднымъ
И вела въ палаты бѣлокаменны;
Кормила-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поила-то ихъ питьицемъ медвянымъ.
Тутъ оны стали жить да быть,
Долго здравствовать *).

(Отъ крестьянина Рябинина).

73.

О ДВУХЪ БРАТЬЯХЪ, ДВУХЪ ЛИВИКАХЪ, И КНЯЗѢ РОМАНѢ ДМИТРІЕВИЧѢ.

(Шальскій погостъ, Пудожскаго уѣзда).

На Паневѣ было, на Улапевѣ,
Жило-было два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника:
« Ахъ ты дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
« Чимбалъ, король земли Литовскія!
« Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
« Дай-ка намъ казны сто тысячей:
« Поѣдемъ мы на святую Русь,
« Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ. »
Воспроговоритъ Чимбалъ, король земли Литовскія:
— Ай же вы, два брата, два Ливика,

*) Можно полагать, что эти « два брата Петровича » суть лица, извѣстныя въ нашихъ пѣсняхъ подъ именемъ « братьевъ Сбродовичей », о которыхъ см. 2-й выпускъ Пѣсень, собр. П. В. Кирѣевскимъ.—*Изд.*

— Королевскiихъ два племянника!
— Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
— И не дамъ прощеньица-благословеньица,
— Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
— Ко князю Роману Митрiевичу на почестный пиръ.
— Сколько я на Русь не ѣзживалъ,
— А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
— Поѣзжайте вы во землю во Левонскую,
— Ко тому ко городу ко Красному,
— Ко тому селу-то ко Высокому:
— Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
— А добры кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ запасена.
— Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
— Тамъ получите добрыхъ коней,
— Тамъ получите цвѣтно платьице,
— Тамъ получите безсчетну золоту казну.—

Тутъ-то два братца, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Скорѣе того оны поѣздъ чинятъ
Во тую ли землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили оны добрыхъ коней,
Получили оны добрыхъ молодцевъ,
Получили оны цвѣтно платьице,
Получили оны безсчетну золоту казну.
И выѣхали два брата, два Ливика
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали ѣсть-пить, веселитися
На той на великой на радости;
Сами говорятъ таково слово:
« Не честь-хвала молодецкая
« Не съѣздить намъ на святую Русь
« Ко князю Роману Митрiевичу на почестный пиръ.»

Тутъ два брата, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрѣльцовъ удалыихъ добрыхъ молодцевъ;
Не доѣдучись до князя Романа Митріевича,
Пріѣхали ко перву селу ко Славскому;
Во томъ селѣ было три церкви,
Три церкви было соборніихъ;
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборніи,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали оны ко второму селу Корачаеву;
Во томъ селѣ было шесть церквей,
Шесть церквей было соборніихъ:
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали оны ко третью селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому:
Во томъ селѣ было девять церквей;
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили,
Полонили оны полоняночку,
Молоду Настасью Митріевичну
Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
А на той ли на великой на радости
Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Оны почали ѣсть-пить, прохлаждатися.

А въ ты поры было, въ то время
Князя Романа Митріевича при домѣ не случилося;
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ,
Опочивалъ князь въ бѣломъ шатрѣ.
Прилетѣла пташечка со чиста поля,

Она сѣла пташица на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой:
Она почала пташица пѣть-жупѣть,
Пѣть-жупѣть, выговаривать:
«« Ай же ты, князь Романъ Митріевичь!
«« Спишь ты, князь, не пробудишься,
«« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«« Пріѣхали два брата, два Ливика,
«« Королевскіихъ два племянника,
«« Разорили оны твоихъ три села:
«« Во первомъ селѣ было три церкви,
«« Оны ты церкви огнемъ сожгли,
«« Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
«« Въ другомъ селѣ было шесть церквей,
«« Оны ты церкви огнемъ сожгли,
«« Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
«« Во третьемъ селѣ было девять церквей,
«« Оны ты церкви огнемъ сожгли,
«« Черныхъ мужичковъ повырубили,
«« Полонили оны полоняночку,
«« Молоду Настасью Митріевичну
«« Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
«« А на той ли на великой на радости
«« Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
«« На тое раздольице широкое,
«« Раздернули шатры полотняные,
«« Ѣдятъ оны пьютъ, прохлаждаются.»»
А тутъ князь Романъ Митріевичь
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовой столъ,
О дубовой столъ, о кирпиченъ мостъ,
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ахъ ты тварь, ты тварь поганая,
« Ты поганая тварь, нечистая!
« Вамъ ли щенкамъ насмѣхатися?
« Я хочу со вами со щенками управиться!»

Собиралъ онъ силы девять тысячей,
Приходилъ онъ ко рѣкѣ ко Смородины,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Рѣжьте жеребья липовы.
« Кидайте на рѣку на Смородину,
« Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывай.»
Дѣлали дѣло повелѣное,
Рѣзали жеребья липовы,
Кидали на рѣку на Смородину,
Всякъ на своемъ жеребьи подписывалъ.
Которой силы быть убиты,
Тыя жеребья каменемъ ко дну;
Которой силы быть зранены,
Тыя жеребья противъ быстрины пошли:
Которой силы быть не ранены,
Тыя жеребья по воды пошли...
Вставалъ князь Романъ Митріевичь,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Которы жеребья каменемъ ко дну,
« Тая сила будетъ убитая;
« Которы жеребья противъ быстрины пошли,
« Тая сила будетъ поранена;
« Которы жеребья по воды пошли,
« Тая сила будетъ здравая.
« Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
« А надобно столько три тысячи.»
Еще Романъ силушкѣ наказывалъ:
« Ай же вы, дружинушка хоробрая!
« Какъ заграю во первый наконъ
« На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
« Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
« Какъ заграю я во второй наконъ
« На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
« Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
« Какъ заграю я въ третій наконъ,
« Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ

«Во далече-далече во чистомъ полѣ.»
Самъ князь обвернется сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то князь во чисто поле,
Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ,
Забѣжалъ онъ въ конюшни во стоялыя,
У добрыхъ коней глоточки повыхваталъ,
По чисту полю поразметалъ;
Забѣжалъ онъ скоро въ оружейную,
У оружьицевъ замочки повывертѣлъ,
По чисту полю замочки поразметалъ;
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
По чисту полю тетивочки поразметалъ.
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горносталемъ,
Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлой шатеръ.
Какъ скоро забѣгаетъ въ бѣлой шатеръ,
И увидѣлъ младенчикъ двумѣсячный,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ахъ ты свѣтъ, государыня матушка,
— Молода Настасья Митріевична!
— Мой-то дядюшка, князь Романъ Митріевичъ,
— Онъ бѣгаетъ по бѣлу шатру
— Тонкимъ бѣлымъ горносталемъ.—
Тутъ-то два брата, два Ливика
Начали горносталя поганивать
По бѣлу шатру по полотняному,
Соболиной шубой пріокидывать.
Тутъ-то ему не къ суду пришло,
Не къ суду пришло, да не къ скорой смерти.
Выскакивалъ изъ шубы въ тонкой рукавъ,
Въ тонкой рукавъ на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле;
Обвернулся горносталь чернымъ ворономъ,
Садился черный воронъ на сырой дубъ,
Заграялъ воронъ во первый паконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Говорятъ ему таковы слова:
— Ай же ты, воронъ, воронъ черныій,
— Черный воронъ, усталыій,

— Устый воронъ, упалыйй!
— Скоро возьмемъ мы туги луки,
— Скоро накладемъ калены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти чернаго ворона,
— Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
— Перье твое распустимъ по чисту полю.—
Заграялъ воронъ во второй наконъ.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика:
— Ай же ты, воронъ, воронъ черный,
— Черный воронъ, усталый,
— Усталый воронъ, упалый!
— Скоро возьмемъ мы туги луки,
— Скоро накладемъ калены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти чернаго ворона,
— Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
— Перье твое распустимъ по чисту полю.—
Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
Туто-то два брата, два Ливика
Скоро скочили оны на рѣзвы ноги,
Приходили оны въ оружейную,
Схватились оны за туги луки:
У тугихъ луковъ тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
Хватились оны за оружьица:
У оружьицевъ замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны:
Хватились оны за добрыхъ коней:
У добрыхъ коней глоточки повыхватаны,
По чисту полю разметаны.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Выбѣгали оны скоро на чисто поле.
Какъ наѣхала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали къ дядюшкѣ
Чимбалъ-королю земли Литовскія.
Самъ же князь-то приговаривалъ:

« Ты, безглазый, неси безногаго,
« А ты ему дорогу показывай!»

(Отъ лодочника; помѣщено было тѣмъ же собирателемъ въ Олонецкихъ губ. вѣдом.).

74.

О ДВУХЪ БРАТЬЯХЪ, ДВУХЪ ВИТНИКАХЪ, И КНЯЗѢ РОМАНѢ ДМИТРІЕВИЧѢ *).

(Сумозерская волость).

Во той земли, въ хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго,
Какъ было столованье почестенъ пиръ
На своихъ-то на пановей,
На пановей на улановей.
Собиралися-съѣзжалися на почестенъ пиръ
Всѣ его князья-бояриньі,
Всѣ дьяки его думные,
Всѣ панове и уланове
И вся поленица удалая.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Король по палатушкѣ похаживаетъ,
Ажно увидѣлъ двухъ своихъ витниковъ-совитниковъ,
Двухъ любезныхъ королевскіихъ племянничковъ,
Увидѣлъ за столамы за дубовыма:
Не пьютъ они, не кушаютъ,
Бѣлой лебеди не рушаютъ;
Повѣшены буйны головы
Ниже плечь своихъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.
Говорилъ король таковы слова:
« Ай же вы, два витника-совитника,
« Королевскіихъ два племянника!

*) *Витникъ* — вѣтникъ.

« Что же вы не пьете, не кушаете,
« Бѣлой лебеди не рушаете,
« Повѣсили буйныя головы
« Ниже плечь своихъ могучіихъ,
« Притупили очи ясныя во кирпиченъ полъ?
« Какую же вы невзгодушку свѣдали,
« Что же нехорошее призаслышали?
« Али васъ мужикъ-деревенщина,
« Либо васъ голь кабацкая,
« Либо мурза Татаринъ поганыій
« Обнесъ васъ словамы неразумныма?
« Али ѣствушки мои не по нраву,
« Напиточки мои не по обычаю?»
Говорятъ они таковы слова:
— Ай же ты, родный нашъ дядюшка,
— Цимбалъ король земли Литовскія!
— Никакой мужикъ деревенщина-засельщина,
— Голь кабацкая, мурза Татаринъ поганыій
— Не обнесъ насъ словамы неразумныма.
— И всѣ твои ѣствушки намъ по нраву,
— Всѣ напиточки по обычаю.
— Только не можемъ болѣ терпѣть славы великія
— Про Московскаго князя Романа Дмитріевича.
— Давай-ка намъ прощеньице-благословленьице,
— Давай-ка намъ силы-войска сорокъ тысячей,
— Силу-войско латниковъ-кольчужниковъ,
— Силу-войско на добрыхъ коняхъ.—
Говоритъ король таковы слова:
« Не дамъ прощеньица-бласловленьица
« И не дамъ силы-войска сорокъ тысячей.
« У меня была пора—сила великая
« Не во васъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
« И тутъ я не смѣлъ ѣхать на святую Русь.
« Колько я на Русь силу важивалъ,
« Со святой Руси силы не выважикалъ,
« А несчастный все выѣзживалъ.
« А лучше дамъ вамъ силы-войска сорокъ тысячей,
« Поѣзжайте вы во землю во Левонскую:

« Тая земля пребогатѣюща,
« Много есть злата и серебра,
« Много есть безсчетной золотой казны;
« Силы-войска-рати маломощица *).»
Давалъ имъ дядюшка Цимбалъ король
Силы-войска сорокъ тысячей,
Силы-войска латниковъ-кольчужниковъ,
Силы-войска на добрыхъ коняхъ,
Отпускалъ ихъ въ землю во Левонскую.

Во землѣ во Левонской на бою имъ пришла Божья помочь:
Тыи города они огнемъ сожгли;
Какъ оттуда они погнали добрыхъ коней стадмы-стадомъ,
Добрыхъ молодцевъ рядмы-рядомъ,
А красныхъ дѣвушекъ, молодыхъ молодушекъ
Повели оттуль толпицами;
Несчетной золотой казны
Насыпали телѣги ордынскія,
Красна золота, чиста серебра, скатна жемчуга.
Какъ выѣхали они на далече-далече чисто поле,
Говорили два брата, два витника-совитника,
Меньшій говорилъ большему:
« Ай же ты, мой братецъ родимый!
« Поѣдемъ, братецъ, на святую Русь,
« Подъ матушку каменну Москву
« Ко князю Роману Дмитріевичу.»
Поѣхали два добрыихъ молодца
На матушку на святую Русь
Со ратью-силой великою.
Какъ подъѣхали подъ матушку каменну Москву,
Пожгли четыре села что ни лучшіихъ:
Перво село Славское,
Друго село Переславское,
Третье село Карачаево,

*) Слабость, слабо, мало.—*Изд.*

А четверто село что ни лучшее, Косоулицы:
А не смѣли заѣхать во матушку каменну Москву:
А у князя Романа Дмитріевича
Убили зятя любезнаго,
Увезли сестрицу любимую
Молоду Насгасью Дмитріевичну
Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячнымъ.
Какъ пріѣзжали они ко рубежу Московскому,
Раздернули они шатры бѣлополотняны,
Спустили добрыхъ коней
Во Московскія во травки во шелковыя,
Во Московскія пшеницы бѣлояровы,
И стоятъ-дожидаютъ осени богатыя,
Богатыя осени хлѣбородныя,
Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
Когда повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
Тогда още грозятъ заѣхати
Во матушку во славну каменну Москву.
И сами говорятъ промежу собой:
« Не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичь
« Показаться къ намъ на свѣтлы очи.»

Во славной во матушкѣ каменной Москвы
У князя Романа Дмитріевича
Былъ забранъ столованье-почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на бояръ
И на русскіихъ могучіихъ богатырей.
Какъ пьютъ-ѣдятъ они, проклаждаются,
Надъ собой невзгоды не начаются.
А летитъ птица воронъ мимо подоконье,
Граетъ воронъ во всю голову
И садился супротивъ князя Романа Дмитріевича
На тую на яблонь на кудрявую:
«« Ай же ты, князь Романъ Дмитріевичь!
«« Ѣшь-пьешь ты, проклаждаешься,
«« Надъ собой невзгоды не начаешься:
«« Наѣхала Литва поганая
«« Отъ Цимбала короля Литовскаго,

«« Два витника, два совитника,
«« Два любезныхъ королевскіихъ племянника.
«« Пожгли твои четыре села что ни лучшіихъ:
«« Перво село Славское,
«« А друго село Переславское,
«« Третье село Карачаево,
«« А четверто село что ни лучшее Косоулицы;
«« И убили твоего зятя любимаго,
«« Увезли въ полонъ сестрицу любимую
«« Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячнымъ.
«« И поѣхали они ко рубежу Московскому,
«« Раздернули шатры бѣлополотняны,
«« Спустили добрыхъ коней
«« Во Московскія во травки во шелковыя,
«« Во Московскія пшеницы бѣлояровы.
«« А сами похваляются промежу собой:
«« — Что не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичь
«« — Показаться намъ на ясны очи. —
«« И стоитъ тутъ эта сила великая,
«« Дожидаютъ осени богатыя,
«« Богатыя осени хлѣбородныя,
«« Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
«« Повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
«« Тогда още грозятъ заѣхати
«« Во матушку во славну каменну Москву. »»
Тутъ Московскій князь Романъ Дмитріевичь
Вставалъ на рѣзвы ноги,
Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
« Ай же, моя сила-войско любезное,
« И князи-бояре, дьяки думные!
« Получилъ я вѣсточку нерадостну:
« Отъ Цимбала короля Литовскаго
« Наѣхала Литва поганая,
« Два витника, два совитника,
« Два любезныхъ королевскіихъ племянника.
« Пожгли четыре села что ни лучшіихъ,
« Убили моего зятя любимаго

« И увезли въ полонъ сестрицу любимую
« Со любимымъ племничкомъ, ребеночкомъ трехмѣсячнымъ.
« И поѣхали они ко рубежу Московскому,
« И сами похваляются промежу собой:
«— Что не смѣлъ князь Романъ Дмитріевичь
«— Показаться къ намъ на ясны очи.—
« И стоитъ тамъ эта сила великая,
« Раздернуты шатры бѣлополотняны,
« Спущены добры кони
« Во Московскія во травки во шелковыя,
« Во Московскія пшеницы бѣлояровы;
« Дожидаютъ осени богатыя,
« Богатыя осени хлѣбородныя,
« Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
« Повыростутъ пшеницы бѣлояровы:
« Тогда още грозятъ заѣхати
« Во матушку во славну каменну Москву.»
Говоритъ князь Романъ Дмитріевичь:
« Ахъ ты молодость моя молодецкая!
« Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молоду пору
« По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
« По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
« По крутымъ горамъ тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ,
« По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою.
« Ахъ ты старость моя глубокая,
« Да не въ пору молодца старость состарила!
« У меня ль головка состарѣла,
« Сердце молодецкое соржавѣло,
« Русы кудри посѣдатѣли *).
« Ай же, сила моя, войско сорокъ тысячей!
« Сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней
« Туго на туго и крѣпко на крѣпко,
« Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною

*) Сравни въ Словѣ о П. Игоря рѣчь Святослава, и выше, въ пѣсняхъ Московскихъ, ту же рѣчь Микиты Романовича, который, благодаря своему отчеству, сближенъ съ Романомъ.—*Изд.*

« За этою щенятью бѣлогубою,
« Чтобы не хвастали матушкой каменной Москвой! »
Сѣдлали-уздали добрыхъ коней
Туго на туго и крѣпко на крѣпко,
Поѣхали къ рубежу ко Московскому.

Какъ доѣхали до той рѣки до Березины,
Становился князь Романъ Дмитріевичь
У той рѣки у Березины,
Припущалъ силушку пить во рѣку во Березину.
Начала силушка пить во рѣкѣ во Березины:
Котора сила пила нападкою,
Говорилъ князь Романъ Дмитріевичь:
« Той силы на бою мертвой быть, »
Отпущалъ назадъ тую силушку;
Котора сила пила шеломамы да черепушкамы,
Тую силу съ собой бралъ.
Какъ выѣхалъ на далече-далече чисто поле,
Становилъ онъ силушку на чистомъ полѣ,
Самъ своей силушкѣ наказывалъ:
« Ай же, силушка моя великая!
« Кормите-тко добрыхъ коней,
« Кормите не травкою не шелковою,
« Кормите-тко пшеницей бѣлояровой,
« Кормите коней, а сами слушайте:
« Въ кой странѣ я заграю чернымъ ворономъ,
« На первый наконъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
« А заграю второй наконъ чернымъ ворономъ,
« Вы садитесь на добрыхъ коней;
« А третій разъ заграю чернымъ ворономъ,
« Такъ поѣзжайте скоро на скоро,
« Заставайте меня въ живностяхъ. »
Какъ самъ обернулся чернымъ ворономъ,
Полетѣлъ онъ по чисту полю,
Прилеталъ къ рубежу ко Московскому:
Стоитъ тамъ Литва поганая,
Раздернуты шатры бѣлополотняны,
Спущены добры кони

Во Московскія во травки во шелковыя,
Во Московскія пшеницы бѣлояровы.
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Добрыхъ коней по чисту полю порозгонялъ,
У иныхъ горлышко повырывалъ,
А иныхъ вогналъ во рѣку во Березину.
Обернулся тонкимъ бѣлымъ горносталемъ,
Заскакивалъ въ шатры бѣлополотняны;
Тамъ у нихъ луки поразметаны,
Сабельки, оружья пораскиданы,
Сила спитъ крѣпко, не пробудится.
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
У сабелекъ острійца повыщипалъ,
У оружьицевъ кремешки повывертѣлъ.
Тутъ-то племянничекъ трехмѣсячный
Испровѣщился языкомъ человѣческимъ:
« Ай же ты, моя родная матушка,
« Молода Настасья Дмитріевична!
« Твой братецъ любимый, мой дядюшка
« Поскакиваетъ по шатрику тонкимъ бѣлымъ горносталемъ,
« Выручаетъ насъ со полону со неволюшки. »
Какъ тутъ-то сила пробуждалася,
Пробуждалася она, перепалася,
Какъ вешняя вода всколыбалася;
Стала имать горносталя во шатрикахъ,
Соболиныма шубкамы призакидывать.
Онъ по шубкамъ по рукавчикамъ выскакивалъ,
На улушкѣ обернулся чернымъ ворономъ,
Вылетѣлъ во сырой дубъ,
Самъ заграялъ во всю голову.
Какъ сила его услышала,
Начала сѣдлать-уздать добрыхъ коней.
Говорятъ два витника два совитника:
— Не грай, не грай, Московскій князь, чернымъ ворономъ:
— Натянемъ мы туги луки,
— Кладемъ востры калены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти черна ворона,

— И спустимъ твою тушу на сыру землю,
— И распустимъ твое перье по чисту полю,
— И прольемъ твою кровь по сыру дубу,
— Предадимъ ти смерти скорыя. —
Заграялъ онъ во второй наконъ.
Начала сила садиться на добрыхъ коней,
Садиться на добрыхъ коней, приготовлятися.
Говорятъ два витника два совитника:
— Не грай, не грай, Московскій князь, чернымъ ворономъ:
— Натянемъ мы туги луки,
— Кладемъ востры калены стрѣлы,
— Застрѣлимъ ти черна ворона,
— И спустимъ твою тушу на сыру землю,
— И распустимъ твое перье по чисту полю,
— И прольемъ твою кровь по чисту полю,
— Предадимъ ти смерти скорыя. —
Заграялъ онъ во третій наконъ.
Услышала сила, наѣхала,
Начала сѣчь-рубить Литва поганая.
Тутъ-то Литва хватилась за оружьица:
У оружьицевъ всѣ кремешки повыверчены;
Хватилась Литва за сабельки:
У сабелекъ острійца повыщипаны;
Хватилась Литва за копьица:
У копьицевъ конечики повыломаны;
Хватилась Литва за туги луки:
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусаны.
Той порой тымъ времячкомъ
Присѣкли-прирубили всю Литву поганую,
Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему-то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
Садили безногаго на безглазаго,
Отпущали къ Цымбалу, королю Литовскому,
Отпущали, сами наказывали:
«« Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
«« Что Московскій князь Романъ Дмитріевичъ
«« Старостью не старѣетъ.
«« Голова его не сѣдатѣетъ,

«« Сердце его не ржавѣетъ,
«« Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ.»»

Какъ приходятъ во землю во Литовскую,
Увидѣлъ ихъ дядюшка Цимбалъ король:
« Ахъ вы любезные два витника, два совитника!
« Говорилъ я вамъ, удалымъ молодцамъ:
« Не ходите вы на святую Русь
« Ко князю Роману Дмитріевичу.
« Князь Романъ хитеръ-мудеръ,
« Знаетъ онъ языки воронины,
« Знаетъ языки всѣ птичіе.
« У меня была пора—сила великая,
« И терпѣлъ я славу вѣкъ по вѣку:
« А вы теперь получили безчестье великое,
« Великое безчестье, на вѣки нерушимое *)!»
Говорятъ они таковы слова:
— Ай же ты, родный нашь дядюшка!
— Не можемъ мы терпѣть безчестья великаго:
— Казни насъ казнью своеручною,
— Руби намъ буйны головы,
— Копай насъ во матушку сыру землю.—
Онъ какъ бралъ сабельку вострую,
Рубилъ имъ буйны головы,
Копалъ ихъ во матушку сыру землю.
Теперь-то двумъ витникамъ, двумъ совитникамъ
Славу поютъ.

75.

О ДВУХЪ ЛИТОВСКИХЪ КОРОЛЕВИЧАХЪ И КНЯЗѢ РОМАНѢ ДМИТРІЕВИЧѢ.

(Въ Сѣнной губѣ).

У короля земли Литовскія
Было два племянника любимыхъ.
И приходятъ къ дядюшкѣ, королю Литовскому,
И бьютъ челомъ, покланяются

*) Слова, напоминающія опять рѣчь Святослава въ Словѣ о П. П.— *Изд.*

До самаго шелковаго до пояса
И правой рукой до сырой земли:
« Дядюшка, король хороброй Литвы!
« Дай-ка намъ прощеньице-благословеньице
« Ѣхать ко городу Сребрянскому;
« И дай намъ силы сорокъ тысячей
« И казны сорокъ тысячей:
« Явимъ тебѣ выслугу великую,
« Привеземъ Настасью Митріѣвичну
« И съ малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ. »
И проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же вы, любимые мои племяннички,
— Два королевича Литовскіихъ!
— Не дамъ вамъ прощеньица-благословеньица
— Ѣхать ко городу Сребрянскому,
— И не дамъ силы сорокъ тысячей,
— И не дамъ казны сорокъ тысячей.
— Колько туды силы ни ганивалъ,
— Взадъ силы не выганивалъ;
— Колько туды добрыхъ коней ни ганивалъ,
— Взадъ коней не выганивалъ;
— А двѣнадцать путей ѣзживалъ,
— И одва самъ уѣзживалъ. —
И бьютъ челомъ ёны, покланяются:
« Дядюшка, король хороброй Литвы!
« Дай-ка намъ прощеньице-благословеньице
« Ѣхать ко городу ко Кіеву. »
Далъ прощеньице-благословеньице.
И выѣзживаютъ ёны на чисто поле,
И раздернули палатку полотняную.
И сидятъ ёны въ палаткѣ, думу думаютъ,
Думаютъ думу ёны недобрую:
А ѣхать ко городу Сребрянскому.

И тая побѣда *) учинилася,
Дома князя не случилося.

*) Бѣда.

Подломили три улицы любимыихъ:
Первую улицу Березину,
Другую улицу Крестовую,
А третью улицу Красныя Лавицы;
Увезли ёны Настасью Митріевичну
Со малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ.
И у этого князя Романа Митріевича
Было въ зеленòмъ саду голубь-голубушка.
Кормлёные и поёные.
И эты голубь-голубушка
Полетѣли на чисто поле
Искать князя Романа Митріевича.
И находили ёны во чистòмъ полѣ, во бѣлòмъ шатрѣ,
Садились голубь-голубушка
На бѣлъ шатеръ, на чуденъ крестъ,
И стали голубь-голубушка поваркивать,
Человѣческимъ голосомъ проговаривать:
«« Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
«« Ѣшь-пьешь, утѣшаешься,
«« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«« Пріѣзжали два королевича Литовскіихъ,
«« Подломили три улицы любимыихъ,—
«« Первую улицу Березину,
«« Другую улицу Крестовую,
«« А третью улицу Красныя Лавицы;
«« И увезли ёны Настасью Митріевичну
«« Со малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ.»»
Закручинился князь, запечалился,
Повѣсилъ буйную голову
И рветъ свою сѣдую бороду:
« Ахъ ты старость моя, старость глубокая!
« Налетала изъ чиста поля чернымъ ворономъ,
« Садилась на плечушки на могутные.
« А молодость моя, молодость молòдая!
« Когда жь ты была на моихъ плечахъ,
« Такъ не смѣялся воръ самъ король:
« А теперече насмѣхаются два королевича, два выблядка!»

Поѣхалъ князь ко городу ко Сребрянскому,
И голосомъ онъ кричитъ, и во трубу трубитъ;
И старые люди дивуются,
А молодые усмѣхаются:
«« Ѣдетъ нашъ князь на радости съ чиста поля,
«« А зоветъ насъ на почестенъ пиръ.»»
А старые люди проговорятъ:
«« Ай же вы, люди молодые!
«« Нашъ князь ѣдетъ не на радости съ чиста поля,
«« Зоветъ насъ не на почестенъ пиръ,
«« А зоветъ на мѣсто на ратнее
«« И на кроволитье великое.»»

И сбиралъ силу ровно въ три часу,
И кормилъ силу все солоныимъ,
Кормилъ солоныимъ, пить не давалъ.
И гналъ силу-рать великую любимую
До той рѣки до Березины.
На той рѣкѣ на Березины
Стала сила пить воды;
И которая сила колпакомъ пьетъ,
И которая сила шеломомъ пьетъ,
И которая сила нападчи пьетъ.
Которая сила нападчи пьетъ,
Тая сила будетъ мертвая;
Которая сила колпакомъ пьетъ,
Тая сила будетъ полоненая;
А которая сила шеломомъ пьетъ,
Тую силу съ собой беретъ.
И гналъ силу-рать великую любимую
На ту гору на Сарацинскую,
И розставилъ силу-рать свою великую,
И говорилъ силы, наказывалъ:
« Сила-рать моя великая любимая!
« Послухайте наказа княженецкаго:
« Вы коней кормите-тко
« И глядите на ту на гору Сарацинскую,
« На сырой дубъ кряковистый.

« Какъ первый разъ заграетъ черный воронъ на сыромъ дубу,
« Такъ вы коней кормите-тко;
« Какъ другой разъ заграетъ воронъ на сыромъ дубу,
« Такъ вы на коней садитесь-ко;
« Какъ третій разъ заграетъ воронъ на сыромъ дубу,
« Скачите на тую гору на Сарацинскую
« И хватайте два королевича Литовскіе,
« Ломайте имъ ноги по̀ колѣнъ
« И копайте очи ясныя. »
Обвернулся князь горносталюшкомъ,
Забѣжалъ въ палатки оружейныя,
У оружьицевъ замочки повыщербилъ,
У коней глоточки повыкусалъ,
У тугихъ луковъ тетивы по̀оборвалъ.
Забѣгаетъ горносталюшка во бѣлъ шатеръ:
Сидитъ княгина Настасья Митріевична
Со малымъ со отрокомъ двумѣсячнымъ.
И говоритъ Настасья Митріевична:
« Была бы у твоего батюшка прежняя молодость,
« Повыручилъ бы тебя съ полону великаго;
« А старость застигла глубокая,
« Не выручить тебя съ полону великаго! »
И говоритъ малый отрокъ двумѣсячный:
— Ай же ты, Настасья Митріевична!
— Нашь батюшка ходитъ—дѣло дѣлаетъ—
— Малымъ бѣлымъ горносталюшкомъ.—
Услыхали королевичи Литовскіе,
И хватали тулупъ собольчатый,
А малый горносталюшка подъ тулупомъ собольчатымъ
Выскочитъ въ тонкій рукавъ
И обвернулся черныимъ ворономъ,
И слетѣлъ во сырой дубъ кряковистый.
И первый разъ заграялъ во сыромъ дубу,
И другой разъ заграялъ во сыромъ дубу,

Какъ третій разъ заграялъ во сыромъ дубу,
Наскакала сила-рать великая,
Хватала два королевича Литовскіе,
По колѣнъ имъ ноги повыломали,
Очи ясныя повыкопали.

(Отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова; записано 13 Янв. 1861 г.).

76.

О ВАНЬКѢ УДОВКИНѢ СЫНѢ И ЦАРѢ ВОЛШАНѢ ВОЛШАНСКОМЪ.

(Деревня Буракова, Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда).

Народился Ванька Удовкинъ сынъ.
Приходилъ къ царю Волшану Волшанскому,
А бьетъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
О той о залогѣ о великія:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
« А есть у тебя любимая дочь,
« А тая Марья есть Волшановна:
« А отдай-повыдай за меня за мужь.
« А бью я съ тобой о великъ закладъ:
« Буду я отъ тебя обряжатися;
« Если я не обряжуся здѣ,
« Тожно сѣки буйну головушку;
« А если я обряжуся здѣ,
« Такъ отдать тебѣ любиму дочь за меня за мужь. »
Ударили они о великъ закладъ.

Пошелъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
Пошелъ Ванька обряжатися:
Не дойдетъ Ванькѣ сидѣть-то тутъ,
Сидѣть Ванькѣ, усиживать.
Вставаетъ Ванька по утру ранешенько,
Умывается Ванюшка бѣлешенько,
Трется въ миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,

Още Пресвятой Богородицы,
Самому Христу, Царю небесному:
« Вы храните меня, милуйте.»
Да тутъ опять Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ *) Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
« Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Опять сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичь,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
Начала ему Книга волховать и высказывать:
«« Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
«« Вставалъ по утру ранешенько,
«« Умывался Ванюшка бѣлешенько,
«« Утирался въ миткалиново полотенышко,
«« Молился Миколы Можайскому,
«« Еще Пресвятой Богородицы,
«« Самому Христу, Царю небесному:
«« —Вы храните меня молодца, милуйте.—
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
«« Заходилъ въ палату во царскую;

*) Махнулъ.—*Изд.*

«« Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
«« Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
«« Цѣлуется онъ, самъ прощается:
«« —Прощай, свѣтъ, моя любезная,
«« —Смогу ли я обрядитися!—
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Опять смануль онъ въ подворотенку,
«« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
«« Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
«« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
«« Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
«« И сидитъ тамъ добрый молодецъ. »»

Проговоритъ царь Волшанъ Волшановичь:
— Подите, слуги, возмите его!—
Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удовкинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
« Есть ли грѣшному прощеньице?
« Прости-тко въ этой вины великоей. »
Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичь,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
« Ударимъ опять о великъ закладъ:
« Буду еще отъ тебя обряжатися.»
— Ступай, Ванька Удовкинъ сынъ,
— Обряжайся еще во другой разъ.—

Ушелъ Ванька Удовкинъ сынъ.
Вставалъ по утру онъ ранешенько,
Умывался Ванюшка бѣлешенько,
Утирался въ миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,
Още Пресвятой Богородицы,

Самому Христу, Царю небесному:
« Вы храните меня, милуйте. »
Да тутъ опять Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
« Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичь,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
Начала ему Книга волховать и высказывать:
«« Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
«« Вставалъ по утру ранешенько,
«« Умывался Ванюшка бѣлешенько,
«« Утирался въ миткалиново полотенышко,
«« Молился Миколы Можайскому,
«« Еще Пресвятой Богородицы,
«« Самому Христу, Царю небесному:
«« —Вы храните меня молодца, милуйте.—
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
«« Заходилъ въ палату во царскую;
«« Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
«« Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,

«« Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
«« —Прощай, свѣтъ, моя любезная,
«« —Смогу ли я обрядитися!—
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Опять сманулъ онъ въ подворотенку,
«« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
«« Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
«« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
«« Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
«« Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
«« И сидитъ тамъ добрый молодецъ.»»

Проговоритъ царь Волшанъ Волшановичь:
— Подите, слуги, возмите его!—
Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удовкинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
« Есть ли грѣшному прощеньице?
« Прости-тко въ этой вины великоей.»
Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичь,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
« Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
« Если не обряжуся въ третій разъ,
« Ничего у меня не спрашивай,
« А прямо сѣки буйну голову.»
Отпустилъ царь Ваньку сына Удовкина,
Далъ ему срока-времячка третій разъ,
Еще третій разъ обрядитися.

Опять Ванька сряжается,
Опять Ванюшка обряжается,
Обряжается Ванюшка третій разъ.
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,

Заходилъ въ палату во царскую;
Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
Цѣлуется онъ, самъ прощается:
« Прощай, свѣтъ, моя любезная,
« Смогу ли я обрядитися! »
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
И выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ,
Пошелъ-поскакалъ о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришелъ-прискакалъ къ сыру дубу.
Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
Сидятъ они—всѣ перезябнули,
Сидятъ они—всѣ перемокнули,
Сидятъ они—всѣ перехолоднули.
Тутъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
Видитъ, что имъ бѣда пришла:
Перемокнутъ, перезябнутъ, перехолодуютъ.
Скидывалъ съ себя цвѣтной кафтанъ,
Покрывалъ этыхъ дѣтей птицы Могуль-птицы.
Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
Отворила ортину *) великую,
Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина.
Смолилилися же дѣти ейнины:
«« Ай же ты, родна наша матушка!
«« Не тронь удала добра молодца:
«« Это пришелъ къ намъ батюшка,
«« Слободилъ отъ смерти отъ напрасныя;
«« Всѣ бы мы перезябнули,
«« Всѣ бы мы перемокнули,
«« Ни одного жива не было.»»
Тутъ то птица Могуль-птица

*) Ротину, пасть.—*Изд.*

Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
— Ай же ты, Ванька Удовкинъ сынъ!
— Почему же ты зашелъ-загулялъ сюда,
— А кто тебя занесъ сюда?—
Тутъ то Ванька смолился ей:
« Ай же ты, птица Могуль-птица!
« Не можешь ли слободить отъ смерти напрасныя,
« Обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго?»
Проговоритъ птица Могуль-птица:
— Могу обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго.—
И вырвала птица изъ праваго изъ крылышка
Изъ крылышка изъ праваго три перышка,
И вырвала она, подаваетъ ему,
Даваетъ огнивце во третьiихъ *):
— Поди-ка ты, Ванька Удовкинъ сынъ,
— Заходи-ка во палату во царскую
— И помазуй перышками моими птичьими
— Того ли царя Волшана Волшанскаго,
— Помазуй, а самъ выговаривай:
—« Помазую я, заклинаю всѣ твои Книги Волшенскіе
—« И всѣ твои слова проклятыя.»
— Еще сѣки ты огнивце птичіе
— Надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскіимъ,
— Сѣки, а самъ выговаривай:
—« Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои Книги Волшенскіе
—« И всѣ твои слова проклятыя;
—« Чтобы та Книга не волховала, не просказывала
—« Про меня про добра про молодца.»
— Обрядись-ка ты подъ кровать ему:
— Не найти ему тебя добра молодца.—

Тутъ-то Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Опять онъ бѣжалъ скорымъ-скоро,

*) Вѣроятно Могуль-птица даетъ Ванькѣ Удовкину еще что ни будь во вторыхъ.

Обвернулся Ванька горносталемъ,
Заходилъ во палату во царскую
И помазывалъ перышками птичьими
Того ли царя Волшана Волшанскаго,
Помазуетъ, а самъ выговариваетъ:
« Помазую я, заклинаю всѣ твои Книги Волшенскія
« И всѣ твои слова проклятыя.»
И началъ сѣчь огнивце птичіе
Надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскіимъ,
Сѣчетъ, а самъ выговариваетъ:
« Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои Книги Волшенскія
« И всѣ твои слова проклятыя,
« Чтобы та Книга не волховала, не просказывала
« Про меня про добра молодца.»
Сказалъ, и сѣлъ подъ кровать ему.
Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичь,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
И начала Книга волховать и высказывать:
«« Вставалъ Ванька ранешенько,
«« Умывался Ванька бѣлешенько,
«« Утирался въ миткалиново полотенышко,
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Смануль Ванюшка въ подворотенку,
«« Заходилъ въ палату во царскую;
«« Во палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
«« Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
«« Цѣлуется онъ, самъ прощается:
««— Прощай, свѣтъ, моя любезная,
««— Смогу ли я обрядитися!—
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Опять онъ смануль въ подворотенку,
«« Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
«« Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
«« Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
«« И выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ,
«« Пошелъ-поскакалъ о сине море
«« По этому по крутому по бережку,

«« Пришелъ-прискакалъ ко сыру дубу.
«« Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
«« Сидятъ они—всѣ перезябнули,
«« Сидятъ они—всѣ перемокнули,
«« Сидятъ они—всѣ перехолоднули.
«« Тутъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
«« Видитъ, что имъ бѣда пришла:
«« Перемокнутъ, перезябнутъ, перехолодуютъ.
«« Скидывалъ съ себя цвѣтной кафтанъ,
«« Покрывалъ этыхъ дѣтей птицы Могуль-птицы.
«« Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
«« Отворила ортину великую,
«« Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина.
«« Смолилися же дѣти ейнины:
«« — Ай же ты, родна наша матушка!
«« — Не тронь удала добра молодца:
«« — Это пришелъ къ намъ батюшка,
«« — Слободилъ отъ смерти отъ напрасныя:
«« — Всѣ бы мы перезябнули,
«« — Всѣ бы мы перемокнули,
«« — Ни одного жива не было.—
«« Тутъ вышелъ Ванька съ сыра дуба,
«« Обвернулся Ванька горносталемъ,
«« Вошелъ въ палату во царскую.»»

Говоритъ царь Волшанъ Волшановичь:
— Подите, слуги, ищите Ваньку Удовкина,
— Есть Ванька въ моей палаты во царскія.—
Искали, искали, не могли найти.
Разгорѣлося сердце царское:
Онъ взялъ эту Книгу Волшанскую,
Растопилъ печь до красна,
Бросилъ въ печь Книгу Волшанскую,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ну, Ванька Удовкинъ сынъ!
— Какъ.
— Такъ выдамъ за тебя любезную дочь.—
Выскакалъ тутъ Ванька Удовкинъ сынъ

Изъ подъ той съ-подъ кроваточки царскія.
Говорилъ царь Волшанъ Волшановичъ:
— Обрядился ты отъ царя Волшана Волшанскаго,
— Отъ той отъ Книги Волшенскія:
— Пора честнымъ пиркомъ и за свадебку.—
И выдалъ свою любезную дочь
За того за Ваньку сына Удовкина.
Сталъ тутъ Ванька жить да быть,
Жить да быть, семью сводить.
Какъ преставился царь Волшанъ Валшановичъ,
Попрошаютъ его Ваньку на мѣсто царское.
И почалъ Ванюшка царствовать *).

(Отъ крестьянина Никифора Прохорова).

77.

О НАСТАСЬѢ КОРОЛЕВНЫ ПОЛИТОВСКОЙ **)

(Олонецкой губерніи).

Какъ бы на соловья не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотичкамъ,
По частымъ наволокищамъ ***):
Какъ бы на молодца не служба государева
[И не наборы солдатскіе],
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской Украины.

*) Волшанъ Волшановичъ — извѣстный по другимъ сказаніямъ и Стихамъ Волотъ Волотовичъ или Волотоманъ Волотомановичъ; его Книга — мать такъ называемыхъ «Стиховъ» или «Списковъ Ерусалимскихъ», бабушка Книги Голубиной. — Ванька — изъ ряда извѣстныхъ Ивановъ царевичей, дурачковъ и т. д.; Могуль-птица—Ногъ, Ной. Эта былина, крайне древняя по происхожденію, по складу близка уже къ сказкамъ.—*Изд.*

**) Старина.

***) Наволокъ—низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды волочится на сушу; наволоки по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, отъ того въ пѣсняхъ называются *частыми* (т. е. густыми).

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
« Ты батюшко, король Политовскій!
« Прими-ко меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи *).»

Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ
[Нейдетъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пьетъ молодецъ меду сладкаго,
Не пьетъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусываетъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ]:
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во клюшники.
Я во клюшникахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ жаловалъ
[Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ].

У того короля Политовскаго
Была дочь его Настасья Красивая.
Говорила королю Политовскому:
« Ты ей, государь родной батюшка!

*) Ср. выше пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ, о Сорока каликахъ со каликою. — *Изд.*

« Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника.»
Говорилъ король Политовскій:
— Ай же, дочь моя Настасья Красивая!
— Выбирай себѣ молодаго ключника,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
— А хоть изъ рускихъ могучихъ богатырей,
— А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ Татариновъ.—
Говорила Настасья королевична:
« Мнѣ не надо ко кровати кроватничка,
« Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
« Не изъ рускихъ могучихъ богатырей,
« Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ Татариновъ:
« А ты дай ко кровати кроватничка,
« Своего дай молодаго ключника. »
Онъ далъ ей молодаго ключника
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьицо
И натянуть одѣяло соболиное.

Тутъ служилъ молодецъ цѣло три года.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И напился молодецъ пива пьянаго,
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодецъ порасхвастался:
« Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
« Перво три года служилъ я во конюхахъ,
« Друго три года служилъ я во стольникахъ,
« Третье три года служилъ я во ключникахъ,
« Это три года служилъ я во кроватничкахъ.
« Меня Богъ добра молодца миловалъ,
« А король молодца любилъ-жаловалъ.
« Это три года служилъ я у кроватички:
« Не стилалъ перинки пуховыя,
« И не складалъ круто-складное зголовьице,
« И не натягалъ соболина одѣялышка,
« А я спалъ на кровати тесовыя
« Съ молодой со Настасьей королевичной.»

Тутъ схватили меня добра молодца,
Донесли королю Политовскому;
Приказалъ же король Политовскій
Посадить въ тюрьму богадѣльную.
Чрезъ три дни-то молодому рѣшеніе:
Отрубить-то ему буйну голову.
Тые сторожа Политовскіе
Повели какъ меня добра молодца
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
Говорилъ я удалой доброй молодецъ:
« Ай вы ей, сторожа Политовскіе!
« Берите съ меня золотой казны,
« Вы столько берите, сколько надобно:
« А ведите меня добра молодца
« Помимо окошко королевнино.»
Закричалъ какъ удалой доброй молодецъ:
« Прости-ка, Настасья королевична!
« Ведутъ какъ меня добра молодца
« Изъ той тюрьмы богадѣльныя
« На тую плашку на липову,
« Срубить-то мнѣ буйну голову *).»

Закричала Настасья королевична:
— Спустите-ка этого молодца,
— Возмите поганаго Татарина,
— Хоть мертваго его, мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову,
— А донесите королю Политовскому,
— Что отрублена буйна голова
— За его поступки неумильные **).
— Ай ты ей, удалой доброй молодецъ!
— Есть ли у тебя въ доми отецъ и мать,
— Есть ли у тебя молода жена,

*) Сколько извѣстно по другимъ многочисленнымъ разнорѣчіямъ, пѣсня до этого мѣста безпрестанно въ народѣ смѣшивается съ пѣснею о Ванькѣ Ключничкѣ. — *Изд.*

**) Ср. опять пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ. — *Изд.*

— Есть ли у тебя малы дѣтушки?—
Говорилъ-то удалой добрый молодецъ:
« Что есть у меня въ доми отецъ и мать,
« И есть у меня молода жена,
« И есть у меня малы дѣтушки.»
— Ай ты ей же, удалой доброй молодецъ!
— Ты бери-ка мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
— Бери-ка себѣ золотой казны,
— Столько бери, сколько надобно,
— Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.—
Онъ набралъ себѣ золотой казны,
Столько онъ взялъ, сколько надобно.

Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Помѣщено въ Олонецк. губ. вѣдом. за 1859-й годъ и доставлено туда тѣмъ же собирателемъ).

78.

О ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ И ЖЕНѢ НЕУДАЧЛИВОЙ.

(Петрозав. уѣздъ, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы).

Жилъ-былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ *) былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкою поженить его;
Поженили его отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ.
« Приданаго много,—человѣкъ худой:
« А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
« Думу думати, долгіе вѣки коротати.
« Золотой монисточки лежать во кованомъ ларцу,

*) *Дрокушка* отъ корня *дрок*—нѣжить: въ нѣгѣ.

« А цвѣтну платьицу на грядочки и на гвоздики,
« А худой жены на моей руки. »

Отдалился, загулялся добрый молодецъ
Вь хоробру Литву, къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить-быть, вѣкушку коротати.

Стосковался, сгоревался, шелъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго,
И ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
« Король тотъ меня жалуетъ,
« Королевна душка, красна дѣвушка Аннушка
« Во люби меня держитъ у сердечушка. »
И пригодилися слуги королевскіе,
И доносили такія рѣчи похвальныя
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца:
— Слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немилóсливые!
— Подите—свяжите ему ручки бѣлыя,
— Скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Закройте очи ясныя чернóй тафтой,
— Сведите его на чисто поле
— На тую на казнь на смертную.—

Шли тутъ слуги королевскіе,
Связали ему ручки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Завязали очи ясныя черной тафтой,
И повели его удалаго дородня добра молодца
Во чисто поле на казень смертную.
Проговоритъ удалый добрый молодецъ:
« Ай же вы, слуги королевскіе,
« Палачи вы немилóсливые!

« Возмите у меня денегъ пять рублей,
« Ведите мимо палату королевскую,
« И мимо тые окошечко косявчето,
« Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
« Съ душкой красною дѣвушкой
« Аннушкой королевичной. »
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо палату королевскую,
И мимо тые окошечко косявчетое.
Крычитъ дородній добрый молодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
« Прости, прости, душка красна дѣвушка Аннушка!
« Повели меня на казень смертную!»

Услышала душка красна дѣвушка Аннушка,
Кинулась въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ голосомъ:
— Ай же вы, слуги королевскіе,
— Палачи вы немилосливые!
— Ведите вы его, удала дородня добра молодца,
— Въ палату королевскую, въ покои особливые:
— Стану добра молодца допрашивать.—
Приводили удалаго дородня добра молодца
Въ палату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его удалаго дородня добра молодца допрашивать:
— Скажи, скажи, удаленькій дородній добрый молодецъ:
— Жилъ ты у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
— За что мой батюшка на тебя теперичу прогнѣвался?—
Говорилъ удалый дородній добрый молодецъ:
« Жилъ-былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
« Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ.
« Стосковался-сгоревался добрый молодецъ,
« Шелъ на царевъ кабакъ,
« И пилъ вина кабацкаго,

« И ударила хмѣлина кабацкая;
« Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
«« Король меня тотъ жалуетъ.
«« Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
«« Во люби держитъ меня у сердечушка.»
« И пригодилися слуги королевскіе,
« И доносили такія рѣчи похвальныя
« Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ
« Королевскому величеству.
« И воспылался королевское величество
« На удалаго дородня добра молодца.
« Приказалъ слугамъ своимъ королевскіимъ,
« Палачамъ немилосливымъ,
« Связать его ручки бѣлыя.
« Сковать ему ножки рѣзвыя,
« Закрыть очи ясныя черной тафтой
« И свести его на чисто поле,
« На тую на казень на смертную. »
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
— Ай же, слуги королевскіе,
— Палачи немилосливые!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесять рублей,
— Раскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Развяжите ручки бѣлыя,
— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою волю,
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своей жены неудачливой.—
И взяли у ней денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ему ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли ему очи ясныя
И спустили его на свою волю.
Дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.

И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
На свою родиму на сторонушку.

Во тую пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру̀гая дорожка къ роду-племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый молодецъ пораздумался:
« Въ котору мнѣ дорожку пойти будѐтъ?
« Какъ пойти къ отцу къ матери,
« Отца-матери, можетъ, живаго нѣтъ;
« А пойти какъ къ роду-племени,
« Не познаетъ родъ-племя любимое. »
Пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженькѣ
Приходила палата бѣлокаменная:
Столбики точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисицамы, куницамы
И дорогима соболямы заморскима;
Играетъ на улицы два юноша малыихъ.
« Ай же вы, юноши малые!
« Есть ли у васъ родима матушка,
« Есть ли у васъ родный батюшка? »
Проговорятъ юноши малые:
— Ай же ты, нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— И принесла насъ двухъ юношей малыихъ.
— А нашъ батюшка въ гульбу ушелъ,
— Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.—
Захватилъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ въ уста во сахарнiя:
« Ай же вы, юноши малые!
« Я вамъ не дядюшка, родный батюшка.
« Подите, скажите своей родимой матушкѣ:
«« Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришелъ. »»
Скорешенько бѣжали два юноши младые:
— Ай же ты, родимая матушка!
— Нашъ батюшка съ гульбы пришелъ.—

Бѣжитъ молода жена:
— Ай же ты, милая моя ладушка,
— Крѣпкая сдержавушка!
— Поди въ палату бѣлокаменну:
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися!—

(Отъ крестьянина Козьмы Романова).

79.

О МИТРІѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ И ДОМНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ *).

(Въ Кижской волости; ср. выше).

Ѣздилъ Митрій Васильевичь
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ.
Сидѣла Домна Александровна
Въ новой горенкѣ, подъ косявчетымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ подъ стеколышкомъ.
Думала она, удумливала,
Хулила его, охуливала:
« Ѣздитъ-то Митрій Васильевичь
« Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
« Напередъ горбатъ, назадъ покляпъ,
« Глаза у него бытто у совы,
« Брови у него бытто у жоги,
« Носъ-то у него бытто у журава.»

Приклакала сестрица Марья Васильевна:
— Ай же ты, братецъ Митрій Васильевичь!
— Заводи, братецъ, пиръ-пированьице,
— Зазови-тко Домну Александровну
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Приходили послы къ Домниной матушкѣ,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
На всѣ стороны поклапяются,
Сами говорятъ таковы слова:

*) Бабья старина.

«« Ай же ты, Домнина матушка!
«« Ты спусти, спусти Домну Александровну
«« На широкій дворъ, на почестный пиръ.»»
Говорила Офимья Александровна:
— Не спущу, не спущу Домны Александровны
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Первы послы со двора не сошли,
Още другіе послы на дворъ пришли,
Говорятъ Офимьѣ Александровной:
«« Ай же ты, Домнина матушка!
«« Ты спусти, спусти Домну Александровну
«« На широкій дворъ, на почестный пиръ. »»
Говорила Офимья Александровна:
— Не спущу, не спущу Домны Александровны
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Още другіе послы со двора не сошли,
А третьи послы на дворъ пришли,
Говорятъ Офимьѣ Александровной:
«« Ай же ты, Домнина матушка!
«« Ты спусти, спусти Домну Александровну
«« На широкій дворъ, на почестный пиръ. »»
Говорила Домна Александровна:
« Ай же ты, родна моя матушка!
« Если спустишь—пойду, и не спустишь—пойду. »
Говорила Офимья Александровна:
— Ай же ты, дитятко, Домна Александровна!
— Не ходи-тко къ Митрію Васильичу:
— Ты хулила его, охуливала.
— Я ночѐсь спала, грозенъ сонъ видлà:
— Бытто золота цѣпоцечка разсыпалася,
— Разсыпалася она и укаталася.—
Говоритъ Домна Александровна:
« Ай же, родна моя матушка!
« Про себя спала, про себя сонъ видлà!
« Уйду я за мужь за Митрія Васильича. »
Говоритъ же Домнина матушка:
— Ай же ты, Домна Александровна!
— Надѣвай-ка ты три платьица:

— Первое надѣнь вѣнчальное,
— А другое надѣнь опальное,
— А третье надѣнь умершее.—

Садилась она на добра коня,
Поѣзжала къ Митрію Васильевичу.
Пріѣзжала она на бѣлый дворъ.
Встрѣчаетъ ю Митрій Васильевичь,
Опущаетъ ю съ добра коня,
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Велъ ю за столы за дубовые.
Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ,
И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу:
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбивается.
Пала она на кирпичный полъ:
Схватились же Домны,—живой нѣту.

Прознала ея родна матушка,
Скоро прибываетъ на бѣлоемъ дворѣ,
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный полъ:
Схватились же ея матушки,— живой нѣту.
Говоритъ тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичь:
« Ай же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
« Ты сдѣлала три головки безповинныихъ! »
Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
Наставилъ тупымъ концемъ во кирпиченъ полъ
И острымъ концемъ во бѣлы груди.

80.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

(Тамъ же).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго
Выставала туча темная,
Туча темная, сама грозная,

Со дожжямы, со морозамы,
Со великима пригрозамы.
Во ту пору во то времячко
Дочка къ матушкѣ поѣхала.
Середь лѣсушка заѣхала,
Середь лѣсушка-то темнаго,
Середь садика зеленаго,
Съ соловьямы думу думала,
Съ молодцамы рѣчь говорила:
« Соловей мой, соловеюшка!
« Полетай-ка, соловеюшка,
« На мою родну сторонушку:
« Ты снеси-ка, соловеюшка,
« Снеси матушкѣ низкой поклонъ,
« Моимъ братцамъ челобитьице,—
« Потужили бы, поплакали.
« Меня сватаютъ какъ молоду
« На тую на чужую сторону
« За того ли за боярина,
« За злодѣя за Татарина.
« По утру будятъ ранешенько,
« Посылаютъ меня молоду
« Ко Дунай ко рѣчкѣ по воду,
« Меня босую и голую,
« И холодную-голодную.
« Я пришла ко той Дунай рѣкѣ:
« На Дунай-то на быстрой рѣкѣ
« Какъ сидѣли гуси сѣрые,
« Помутили воду свѣжую.
« Ужь я первый часъ простояла,
« А другой-то часъ проплакала,
« Въ третій часъ я воду черпала,
« А въ четвертый часъ домой пришла.
« Свекоръ батюшка журитъ-бранитъ,
« А свекровушка побить велитъ.
« Я золовушкѣ взмолилася,
« А золовушка вступилася:
«— Ахъ ты глупая невѣстушка,

«— Ужь ты глупа-неразумная!
«— Какова вода случилася,
«— Ты бы тую воду черпала!—» *)

(Отъ крестьянина Леонтія Богданова).

81.

ПРО ОНИКУ ВОИНА **).

(Святозерской волости, деревни Притокъ).

Во тыя было времена досюльныя ***)
Жилъ Воинъ Оника.
Не зналъ онъ себѣ супротивника ****):
Что хотѣлось ему, то и дѣялось.

Вотъ разъ и обсѣдлалъ онъ
Своего богатырскаго коня,
Выѣхалъ въ чистое поле.
А въ стрѣту ему
Ѣдетъ чудо великое;
Оника Воинъ ужáхнулся:
Голова у чуда человѣческая,
А туловище у чуда звѣриное,
А копыта лошадиныя.
Сталъ Оника у чуда доспрашивать:
« Кто ты такой чудо есть?
« Царь ли ты есть, али царевичь,
« Король ли, королевичь,

*) Эта пѣсня изъ Былевой-Безъимянной переходитъ уже въ простую Бытовую.—*Изд.*

**) Стихъ не выработанъ вполнѣ: мы раздѣлили сами.—Отселѣ начинаются въ былинахъ лица отвлеченныя, или лучше, то время, когда предметы, сдѣлавшіеся впослѣдствіи отвлеченными, представлялисѣ еще полными жизни дѣйствительной, съ тѣломъ и кровью истинной были: Смерть, Горе. На томъ же основаніи говорятъ и дѣйствуютъ Рѣки, Птицы, Растенія. — *Изд.*

***) Доселѣшнія, прежнія. — *Изд.*

****) Есть пословица: « Оникой глядитъ, щелчкомъ свалитъ. »

« Али поленица удалая *)?»
— Я не царь и не царевичь,
— Не король и не королевичь,
— И не поленица удалая:
— А я есть Смерть прекрасная,
— Безродная, безплемянная и безпосульная.
— Пришла я тебя воскушати.—
Замахнулся Оника палицей булатною,
Хочетъ Оника ударить Смерть
По буйной головы:
Свалилась у Оники
Палица черезъ плечо.
Возмолится онъ со слезамы:
« Дай мнѣ, Смерть прекрасная,
« Сроку на трѝ-года?»
Говоритъ ему Смерть прекрасная:
— Не дамъ я тебѣ сроку на трѝ-года.—
« Дай ты мнѣ сроку на двà-года?»
— Не дамъ тебѣ сроку и на двà-года.—
« Дай ты мнѣ сроку на три мѣсяца?»
— Не дамъ тебѣ сроку и на три мѣсяца.—
« Дай ты мнѣ сроку
« Хотя золоту казну растаскати?»
— Было тебѣ, Оника, пора-времячко
— Золоту казну растаскати.—
« Дай ты мнѣ хотя сроку
« Чистыя платья надѣти?»
— Было тебѣ, Оника, пора-времячко
— Чистыя платья надѣвати.—

Упалъ Оника съ добра коня Бахмата,
Тутъ ему было и конченіе.

(Отъ крестьянки Дмитріевой).

*) По объясненію разсказщицы, это—нечистая, волшебная сила.—*Собир.*— Переходъ отъ были уже къ отвлеченности. — *Изд.*

82.

БЫЛИНА О ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ НЕУДАЧЛИВОМЪ И РѢЧКѢ СМОРОДИНКѢ.

(Въ Тихвиноборскомъ погостѣ, Каргопольскаго уѣзда).

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Дружья-братья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И нѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы молодецкія.
Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальной сторонушкѣ
И бралъ за женою придапаго
Три черленыихъ три корабля:
Первый гружонъ карабль златомъ и серебромъ,
А другой гружонъ карабль скатнымъ жемчугомъ,
А третій гружонъ карабль жениnымъ приданымъ.
Тутъ-то добру молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.
Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,
И сѣдельшко Черкасское, и плетку шелковую;
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
«Лучше мнѣ сѣделко Черкасское всего женинаго приданаго,
«Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены.»
Да взялъ-то съ собою добрый молодецъ
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе *).

Поѣхалъ на чужую-дальную сторопушку,
Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,
Самъ говорилъ таково слово:

*) Доселѣ сходно съ былиной «о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой,» ср. выше.—*Изд.*

« Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
« Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,
« Перевозы-то узкіе, переброды то мелкіе?»
Отвѣчала она человѣческимъ голосомъ:
— Есть чрезъ меня перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе,
— Есть три мосточка, три калиновыхъ;
— На первомъ беру на мостѣ сѣделко кованое,
— На другомъ беру на мостѣ коня наступчива,
— На третьемъ самого добра молодца.
— А тебя добра молодца и такъ пущу.—
Переѣхалъ добрый молодецъ чрезъ рѣку Смородинку,
Самъ говорилъ таково слово:
« Сказали мнѣ добру молодцу,
« Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:
« А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотняя,
« Болотня вода со ржавчинкой.»
Да забылъ добрый молодецъ за рѣчкой Смородинкой
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе,
И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.
На первомъ мосту брала сѣделко кованое,
На другомъ брала добра коня наступчива,
На третьемъ брала самого добра молодца.
Взмолился добрый молодецъ:
« Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
« Не топи, не губи меня добра молодца!»
Говорила рѣка Смородинка таковы слова:
— Ай ты, удалый дородный добрый молодецъ!
— Не я тебя топлю, не я гублю,
— А топитъ тебя губитъ честь-похвала молодецкая *)!—

Только добрый молодецъ и живъ бывалъ,—
Оставалась его нелюба жена.

(Помѣщено въ Олонецк. Губ. Вѣдом. за 1860-й годъ и доставлено туда тѣмъ же собирателемъ).

*) Ср. выше былины о Добрынѣ и Пучай-рѣкѣ, былины у Кирши и многія другія позднѣйшія разнорѣчія.—*Изд.*

83.

ГОРЕ.

(Петрозаводскій уѣздъ).

Въ воскресеньицо матушка за мужь отдала,
Къ понедѣльничку Горе привязалося.

« Ужь ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во темны лѣса.»
Горе въ слѣдъ бѣжитъ, само говоритъ:
— Я лѣса срублю, тебя доступлю. —
« Ужь ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во чисты поля.»
Горе въ слѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я поля прижну, тебя доступлю.—
« Ужь ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда бѣдной съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя въ зелены луга.»
Горе въ слѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я луга скошу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду отъ горя во высокъ теремъ.»
Горе въ слѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я теремъ зажгу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во круты горы.»
Горе въ слѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я червомъ совьюсь, горы выточу,
— Горы выточу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во сыру землю.»

Горе въ слѣдъ идетъ
Со тупицами, вострыми заступами,
Устоялося, розсмѣялося:
— Ужь ты дочь моя родная!
— Ты умѣла горюшко повыгоревать *)! —

(Записано г. И. Миролюбовымъ и пріобрѣтено тѣмъ же собирателемъ).

84.

О ГОРЮШКѢ.

(Каргопольскаго уѣзда, Тихвиноборскаго погоста).

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося Горе отъ сырой земли,
Изъ подъ камешка изъ подъ сѣраго,
Изъ подъ кустышка съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки Горе пообулося,
Въ рогозиночки Горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось;
Приставало Горе къ добру молодцу.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды, —
Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ все шелковыя:
« Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ! »
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды, —
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковыя:
« Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ! » —

*) Стихъ этотъ на ряду съ другими пользуется большимъ уваженіемъ въ простонародьѣ.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во огнёвушку *),
Во огнёвушку, да во постелюшку.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, во ногахъ сидитъ:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткою да со телѣжкою:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.

Тому хоробру **) и славу поютъ.

85.

О горюшкѣ и добромъ молодцѣ.

(Кижская волость; ср. выше).

У батюшки у матушкѣ жилъ молодецъ,
Одинäкій сынъ во дрокушкѣ ***);
Ѣлъ сладкó, и носилъ краснó, работäлъ легко.
Захотѣлося дородню добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку
Людей посмотрѣть и собя показать.
Унимали молодца отецъ-матушка:
Онъ отца-матушки не слушаетъ,
Сряжается во путь во дороженьку;

*) Въ горячку.—*Изд.*

**) Молодцу, герою.—*Изд.*

***) Въ нѣгѣ.

Шубоньку сшилъ онъ собѣ кунью,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицо̀ кати,
Подъ пяту̀ подъ пя̀ту воробей лети;
Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтиною.

Онъ пошелъ на чужу дальню на сторонушку,
Приходилъ-то онъ ко городу ко чу̀жему:
Городъ чужь, люди не зна̀емы,
Не знаетъ онъ, куда бы пріютитися.
Подошелъ-то ко царѐвому ко ка̀баку,
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царѐва изъ ка̀бака
Выходила бабища курвя̀жица,
Туры̀жная бабища, ары̀жная *):
Станомъ ровна̀ и лицомъ бѣла̀,
У ней кровь въ лицы быдто у заяцы,
Въ лицы ягодицы **) цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
«Али городъ тебѣ чужь, люди не знаемы,
«Не знаешь ты, куда пріютитися?

*) *Турыжная*—потаскушка, *арыжная*—развратная.

**) *Ягодица*—щека.

« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ-то, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
Онъ послушалъ этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още другую,
Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли тутъ къ нему голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то купьюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.

Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
Пораскинулъ свои очи ясные:
Съ него снята одежица драгоцѣнная,
Надѣта одежица липова,
Поношена, да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабица, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:

«Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
«Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
«Испивай-ка чару зелена вина:
«Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
«И со мною, молодецъ, позабавишься.»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила она другую,
Подносила она третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился.

Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ, да годъ за годъ:
Прожилъ онъ поры-времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятдесятъ рублей,
Пятдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьяные:
Вокругъ носика-то носа яицо кати,
Подъ пяту подъ пяту воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать,

Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко ка̀баку.
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ ка̀бака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ будто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
« Али городъ тебѣ чужь, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още другую,
Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,

Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься.»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.

Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ, да годъ за годъ:
Прожилъ онъ поры времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;

Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицо̀ кати,
Подъ пяту̀ подъ пяту воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко ка̀баку.
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царевагo изъ ка̀бака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
« Али городъ тебѣ чужь, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още другу̀ю,
Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.

Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дороднiй добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ позабавишься.»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.

Встаетъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Палъ молодецъ о кирпиченъ мостъ,
Обернулся молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю:
А Горюшко за нимъ въ слѣдъ собакою.
Палъ онъ о матушку сыру землю,
Обернулся молодецъ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ по подоболочью:

А Горюшко за нимъ въ слѣдъ чернымъ ворономъ.
Тутъ молодецъ онъ преставился:
Свезли-то на могилу на родительску,
Положили во матушку сыру землю;
Горюшко сидитъ, само заплакало:
« Ты хорошъ-то былъ, дородній добрый молодецъ!
« А я още пойду на чужую сторонушку,
« Найду-то я много лучше тобя!»

(Отъ крестьянина Рябинина).

86.

О ГОРЮШКѢ СѢРОМЪ И УПАВѢ МОЛОДЦѢ *).

(Деревни Логмасы, Сѣнногубской волости, Петрозаводск. уѣзда).

Жилъ-былъ у батюшки у матушки единый сынъ,
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.
Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки Турецъ-сафьянъ,
И пошили ёму шубоньку дорогую,
И дали шапоньку ему черныхъ соболей,
И даваютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
« Чадо наше милое,
« Чаделко наше любимое!
« И будешь ты на чужей на дальней на сторонушкѣ,
« И прошла-пролегла дорожка
« Мимо тотъ царевъ кабакъ:
« И не ходи-тко ты на царевъ кабакъ,
« Не пей чарочки зелена вина.
« Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,

*) *Упавъ*, иначе *Купавъ*, женское же имя — *Купава*, *Упава*, *Запава*, и т. п., значитъ — красавецъ, красавица, Юго - Славянское *Хубавъ* , санскритск. *Шуб'а*. — *Изд.*

« Возьмутъ твою шапоньку черныхъ соболей,
« И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
« И возьмутъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
« И бросятъ тебѣ лапотки липовыя,
« Подержаны, поношены, да брошены,
« И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
« Подержану, поношену, да брошену;
« И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.»
Еще говорятъ ему, наказываютъ:
« Будешь ты какъ хмѣльная головушка,
« И будешь на почестномъ на большомъ пиру,
« Не садись во мѣсто во бо́льшее:
« Буде сто́ишь мѣста бо́льшаго,
« Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее,
« А буде не сто́ишь мѣста бо́льшаго,
« Такъ осмѣютъ люди добрые
« И удалые дородни добры молодцы. »
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
« Не водись со женщиной кабацкою.»

И пошелъ дородній добрый молодецъ
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабакъ
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая:
Лицюшко у ней быдто бѣлый снѣгъ,
Глазушки быдто ясна сокола,
Бровушки быдто черна соболя.
Говоритъ ему словеса приличныя:
« Ай же ты, Упавъ, дородній добрый молодецъ!
« Зайди, зайди на царевъ кабакъ,
« Выпей винца не со множечко,
« Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
« Развесели свою младую головушку,
« Ходючись-бродючись по той чужой по дальней сторонушкѣ.»
Не послушалъ наказа отца-матери;

И взяла ёна подъ рученьку подъ правую,
И ведетъ ёна на царевъ кабакъ,
И говоритъ словеса приличныя:
« Какъ будешь ухмѣльная головушка,
« Такъ провожу я тебя до своего до подворьица
« И до своего до помѣстьица.
« И тутъ я съ тобой спать лягу.»
И приходилъ ёнъ на царевъ кабакъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонушки.
Всѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дороднiй добрый молодецъ
Выходитъ за столика дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина,
И подносилъ Упаву добру молодцу:
« Выпей, выпей винца не со множечко,
« Облей-обкати свое ретивое сердечушко
« И развесели свою младую головушку.»
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ, высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ кипитъ,
А посереди чарочки дымъ столбомъ стоитъ,
А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь горитъ.
И выпилъ чарочку зелена вина,
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки Турецъ-сафьянъ,
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили лапотки ему липовыя,
Подержаны, поношены, да брошены,
И бросили ему рогоженку липову,
Подержану, поношену, да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается и пробуждается:
Легъ молодецъ, какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ, какъ мать родила.

И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
— Не послушался я наказа отца-матери!

Повыскочитъ Горюшко изъ за̀печья,
Стало Горюшко по кабаку поскакивати,
Поскакиваетъ, да поплясываетъ,
Поплясываетъ, да выговариваетъ:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Не кручинься-ка ты, не печалуйся.
« Учись горемычнаго припѣвочка:
«« Въ горѣ жить, не кручинну быть! »»
— Умѣй меня, Горюшко, кормить-поить,
— Кормить-поить, хорошо водить,
— Учить горемычнаго припѣвочка.—

Всѣ пошли добры молодцы на почестенъ пиръ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ёму было итти нѐ во чемъ,
А взять калачика нѐ во что.
Проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Надѣвай ты тулупецъ рогозенный,
« Опоясывай по подольчику опоясочкой,
« Обувай лапотки липовы,
« И учись ходить за бл.....й.»
Надѣвалъ ёнъ тулупецъ рогозенный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обуваетъ липовы;
И пошелъ на почестенъ пиръ.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрые людюшки:
По кресту дороднiй добрый молодецъ
Ученаго онъ отца-матери,
И по поклончикамъ дороднiй добрый молодецъ
Разумнаго роду-племени;
Посадить его во мѣсто во меньшое,—
Такъ быть ему кусочекъ поданный,

А пить чарочка ожурёная;
А посадить его во мѣсто во большое,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадили его осередъ стола.
И ѣлъ молодецъ до сыта,
И пилъ молодецъ до люби,
И тутъ молодецъ и спать залегъ за золотъ столъ.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается пробуждается.
Проговорятъ многи добрые людюшки:
«« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
«« Поди—задайся ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ:
«« Наживешь ты денегъ пятьдесятъ рублей,
«« Наживешь ты шубоньку дорогую,
«« Наживешь сапожки Турецъ-сафьянъ
«« И шапоньку черныхъ соболей.»

И пошелъ дороднiй добрый молодецъ,
Задался ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растетъ:
Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
И нажилъ шубоньку дорогую,
И нажилъ сапожки Турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
«« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
«« Не ходи на почестный пиръ,
«« А поженись-ка ты, удаленькiй добрый молодецъ,
«« Возьми ты душку, душку-дѣвушку.»»

Проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
« Не женись, не бери душки, душки-дѣвушки;
« Поди ты на царевъ кабакъ,

« И пей вина кабацкаго,
« И закусывай медамы стоялыма,
« Стоялыма медамы, сладкима.»
И шелъ Упавъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго,
И закусывалъ медамы стоялыма,
Стоялыма медамы, сладкима.
И пропивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
Пропивалъ шубоньку дорогую,
И сапожки Турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
Пошелъ дородній добрый молодецъ
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ,
И приходитъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;
Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
— Перевощички вы, перевощички!
— Перевезите меня на тую на сторону.—
Всѣ проговорятъ перевощички:
«« Есть ли у тебя дать перевознаго?»»
— Перевознаго дать нечего.—
«« А безъ перевознаго мы не перевеземъ.»»
И сѣлъ онъ на камешекъ,
Закручинился, запечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буйную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю,
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черну̀ рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
«« Перевеземъ мы на тую на сторону
«« Удалаго дородня добра молодца!»»

Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Іонъ летитъ яснымъ соколомъ,

А Горюшко въ слѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Хочешь у́летѣть, да не улетѣть:
« Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!»
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю,
Повернулся добрый молодецъ сѣры́мъ волко́мъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
Горюшко въ слѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Хочешь ускочить, да не у́скочить:
« Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!»
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Завернуться на боярскiй дворъ,
Задаться ко боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
« Не ходи ты на боярскiй дворъ,
« Не корми чужаго отца-матери!»

Велитъ Горюшко итти во честные во мона́стыри,
Велитъ Горюшко постричься и посхимитися.
И шелъ добрый молодецъ во честные во мона́стыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился,
И прошло тому времячка ровно три года,
И тутъ ему добру молодцу и смерть пришла.

(Отъ крестьянина Козьмы Романова).

87.

КАКОВО ПТИЦАМЪ ЖИТЬ НА МОРѢ.

(Кенозерскiй погостъ, Каргопольскаго уѣзда).

Отъ чего зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отъ зимы становилась весна красна,

Отъ весны становилось лѣто тепло,
Отъ лѣта становилась осень богата.

Во ту ли во теплую весну,
Отъ синяго Дунайскаго моря
Прилетѣла малая птица,
Малая птица—пѣвица;
Садилася малая птица
На то ли на дерево калину,
И зачала пѣть-жупѣти,
Пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати.
Услышали русскія птицы,
Слеталися птицы стадамы,
Садилися около рядамы,
Въ одну сторону головамы,
И стали оны пѣть-воспѣвати,
И стали къ той ли птицы прилегати:
« Ты скажи, заморская птица,
« Скажи намъ, не утай же,
« Скажи-то Божію правду:
« Кто у васъ на морѣ бóльшій,
« Кто на Дунайскомъ меньшій?»
Возговоритъ заморская птица:
— Глупыя вы, русскія птицы!
— За чѣмъ вы къ намъ прилетали,
— За чѣмъ про сине море спрошали?
— Всѣ у насъ на морѣ бóльши,
— А нѣту на Дунайскомъ мéньшихъ.
— Колпикъ у насъ—Бѣлый царь,
— А бѣлая колпица—царица,
— А ясный соколъ—тотъ воевода,
— Селезни—торговые гости,
— А утушки—тѣ купецкія жонки,
— Галицы на морѣ—черницы,
— Тѣ ли молодыя молодицы;
— И воронъ у насъ—игуменъ,
— А ворона—та богатая птица:
— Весной летаетъ по суслонамъ,

— Суслоны она разбиваетъ,
— По деньги суслонъ продаваетъ,
— Два она, три за копейку;
— А сорочка—та кабацкая женка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко подолъ поднимала,
— Тѣмъ свою голову питала;
— Синка—б. . . ка вертлива:
— Она работы работать не умѣетъ,
— Тѣмъ она голову питала,
— Что она скоро скакала,
— Отъ того сыта пребывала.
— Куропать бѣлая птица—безпомѣстна:
— Изъ куста въ кустъ летаетъ,
— Сама себѣ помѣстья не знаетъ.
— .
— Всѣ у насъ птицы по дѣламъ,
— Всѣ у насъ птицы по работамъ.
— .
— Волкъ—онъ на морѣ овчинникъ,
— Медвѣдка у насъ—кожедерникъ,
— А заяцъ на морѣ—колачникъ,
— Лисица—молодая молодица:
— Дорогъ *) хвостъ, да не наступитъ,
— И сдѣлаетъ хоть вину, не скажетъ.

(Отъ крестьянина Михайлы Богданова).

88.

О ХМѢЛѢ.

(Каргопольскаго уѣзда, Малоархангельскаго погоста).

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Самъ себя Хмѣль выхваляетъ:
« Нѣту меня Хмѣлюшка лучше,
« Нѣту меня Хмѣля веселѣе:

*) Дологъ? — *Изд.*

« Меня государь Хмѣля знаетъ;
« Князья и бояра почитаютъ;
« Монахи-патріярхи бласловляютъ;
« Безъ Хмѣлюшка свадебъ не играютъ;
« А гдѣ бьются, гдѣ дерутся, всѣ во Хмѣлѣ;
« Безъ Хмѣля не мирятся, имъ помирятся.

« Только лихъ на меня мужикъ садовникъ:
« Онъ по часту въ зеленый садъ гуляетъ,
« И глубокія борозды копаетъ,
« А навозомъ и соломой застилаетъ.
« Тутъ-то я Хмѣль догадался:
« По точиночкѣ въ верхъ подавался,
« Надъ богатымъ мужикомъ же насмѣялся,—
« Какъ ударилъ его въ тынъ головою,
« Още въ грязь широкой бородою! »

* * *

Конецъ I-й части.

ЗАМѢТКА.

Во всякой литературѣ, сколько ни будь сочувственной живому, неподдѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній:» надѣемся и теперь на то же.

Восемьдесятъ восемь Былинъ (употребляемъ названіе общее): изъ нихъ многія были доселѣ совершенно неизвѣстны литературѣ и теперь пріобщаются къ ней въ первый разъ; какія и были извѣстны, появляются въ разпорѣчіяхъ новыхъ или замѣчательнѣйшихъ; нѣкоторыя удивляютъ невиданнымъ прежде объемомъ, простираясь до тысячи стиховъ; почти всѣ отзываются глубочайшей древностію происхожденія; всѣ дышатъ истинною свѣжестію народнаго творчества, такъ и слышится, будто сей часъ онѣ изъ души народа, прямо съ устъ его, только что пропѣты (достоинство, зависѣвшее много отъ чуткости, точности и искусства со стороны ихъ записавшаго); языкъ области мало извѣстной, обильнѣйшая сокровищница для изслѣдователя.

Пѣсни, сѣдой древности, объ Олегѣ и Микулѣ, о Святогорѣ и Суханѣ, появляются въ первый разъ.

Въ пѣсняхъ объ Ильѣ Муромцѣ особенно ясно выражено, какъ этотъ старѣйшій богатырь сложившейся русской народности только что выходитъ изъ области предшествовавшихъ стихій и чудовищъ, занимая первенство и въ жизни новой. Ссора его съ Вла-

димiромъ, мягкость отеческихъ отношенiй къ богатырямъ юнымъ, позднѣе выступающимъ для творческаго народнаго сознанiя (къ Ермаку), служенiе Царю-городу, — все это очерчено выразительно въ первые для русской литературы.

Пѣсни о Добрынѣ, отличающiяся особеннымъ изяществомъ образовъ, составляютъ по объему и развитiю частностей цѣлую непрерывную поэму.

Дунай однимъ уже прозвищемъ Тихiй отводится разомъ къ древнѣйшей, обще-славянской порѣ творчества; Днѣпръ и Донъ выступаютъ въ первые.

Михайло Потыкъ, извѣстный доселѣ по отрывочнымъ обликамъ единственной былины у Кирши, возстаетъ теперь въ цѣломъ кругѣ баснословныхъ очертанiй, съ цѣлою цѣпью доисторическихъ русскихъ подвиговъ.

Сорокъ каликъ въ первые получили его во главу свою, какъ и должно быть по самому имени Потыка *).

Ставръ, до сихъ поръ имѣвшiй для себя также единственную былину у Кирши, выясняется теперь гораздо болѣе, благодаря особенно лицу жены своей, Василисы Микулишны (къ сожалѣнiю одна превосходная былина о немъ, позднѣе другихъ записанная, не успѣла уже войти въ изданiе).

Хотинъ и Чурило (причисляя сюда и пѣсню о женидьбѣ Дюка) вводятъ насъ близко въ подробности мало извѣстной внутренней жизни старинной русскаго города, съ ея общественными и семейными отношенiями, съ ея своеобразнымъ щегольствомъ и соблазномъ.

*) Корень *тък-* и *тьк-*, *ток-* и *тек-*: *тък-у* (*потъче*, бросился, потекъ); *ткачь* — одно изъ названiй калѣкъ; *за-точ-никъ*, *при-тък-а*, *приточный*, — вотъ нѣсколько представленiй этой кочевой области, изъ которой вышли калѣки перехожiе.

III

Дюкъ Степановичъ, удалецъ заѣзжій (вѣроятно съ Галицкой Руси, ознакомленной съ рыцарскимъ бытомъ запада), съ небывалою доселѣ выразительностію рисуетъ прелести иныхъ странъ, какъ представлялись онѣ, въ заманчивомъ свѣтѣ, воображенію русскаго домосѣдства. Борьба съ великаномъ Шаркомъ, въ которую завлекла Дюка почва чисто уже русскаго воззрѣнія, поспоритъ древностію съ любымъ стариннымъ сказаніемъ.

Соловей Будиміровичъ, опять встрѣчавшійся до сихъ поръ въ единственной только былинѣ изъ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній,» съ своимъ Соколомъ кораблемъ становится отнынѣ яркимъ и опредѣленнымъ образцемъ морскихъ наѣздниковъ, вѣроятно прибалтійскихъ, можетъ статься съ Волина *), плѣнявшихъ своею богатою добычей и заморскими диковинками русскихъ невѣстъ. Понятны теперь и намеки другихъ преданій **), по которымъ корабль русскаго представителя, Ильи Муромца, пустившись въ море, едва ушелъ отъ Сокола, отъ этихъ опытныхъ хозяевъ бурной стихіи.

Никогда еще жизнь Новгорода, съ своими представителями, поименно названными, съ предпріимчивостью своихъ торговыхъ гостей, съ отвагою своей молодежи-повольницы, съ рѣками, озерами, морями и ихъ подводнымъ царствомъ, не являлась въ такихъ живыхъ краскахъ, какъ въ напечатанныхъ пѣсняхъ о Васильѣ Буслаевѣ и Садкѣ.

Московскія былины, не богатыя объемомъ, драгоцѣнны въ особенности образомъ Грознаго царя, съ его «потухшимъ, мутнымъ окомъ;» здѣсь не только въ складѣ, но даже и въ мелкихъ пріемахъ и выраженіяхъ, слышна ясно современность пѣсне-слагателей совершавшемуся событію.

*) Такъ можно здѣсь толковать «Волынское море,» въ другихъ случаяхъ смѣшанное съ «Хвалынскимъ,» Каспійскимъ; Соловей «съ острова», изъ города «Леденца.» при которомъ невольно вспоминается Сербскій «Ледянъ,» городъ Итальянскихъ Норманновъ.

**) Сравни примѣчанія В. И. Даля къ I-му выпуску «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.»

Два королевича изъ Крякова (обрусѣвшіе, по весьма еще неопредѣленные въ другихъ былинахъ какъ «братья Збродовичи») появляются въ первый разъ подъ этимъ именемъ, съ этими обстоятельствами.

Два Ливика, два Вѣтника-совѣтника не были досихъ поръ знакомы русской литературѣ. При нихъ выдается громадная фигура князя Романа, въ которой трудно не узнать Романа Волынскаго, съ его отношеніями къ Литвѣ. Событіе, воспѣтое въ былинахъ, быть можетъ одно изъ тѣхъ, которыя заносились въ Лѣтопись, на примѣръ въ Ипатьевскую (Волынскую) подъ 1196-мъ годомъ: «Тое же зимы (въ былинахъ мщеніе Романа начинается также съ осени) ходи Романъ Мьстиславичь на Ятвягы отомыщеваться, бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде въ землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша во свои тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и отомстився возвратися во свояси.» Въ самомъ дѣлѣ, мудрено допустить, чтобы этотъ князь, названный въ Лѣтописи «приснопамятнымъ,» былъ забытъ въ русскихъ пѣсняхъ, памятливыхъ и на другія, менѣе крупныя лица. Его свойства оборачиваться въ животныхъ, владѣть ихъ силами и голосами, воспѣтыя въ былинахъ, вошли и въ Лѣтопись, хотя на языкѣ, ей свойственномъ: «ума мудростью ходяша (по заповѣдемъ Божіимъ) *), устремилъ бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же **) бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ ***) яко и туръ (Ипат., 1201 г.).» Но пѣсни объ Романѣ неоцѣненны еще въ томъ отношеніи, что своими выраженіями нѣсколько разъ напоми-

*) По древнимъ воззрѣніямъ *мудрость* выражалась способностію *оборачиваться*: ею растекались, ходили въ образахъ дочеловѣческой природы; такъ Боянъ «растекался *мыслію* по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки,» «леталъ *умомъ* подъ облаки.» Потому весь этотъ Лѣтописный отрывокъ объ Романѣ, проникнутый основою народныхъ поэтическихъ преданій, заставляетъ Романа «ходить ума мудростью» въ образахъ животныхъ, «преходить землю орломъ,» и т. п.; прибавка «по заповѣдемъ Божіимъ», явно вносная, принадлежитъ самому Лѣтописцу съ его позднѣйшей точки воззрѣнія.

**) Мужественъ сердцемъ, по юго-Славянски «серченъ (сердеченъ).»

***) *Храборъ*—молодецъ, юнакъ, богатырь.

наютъ Слово о полку Игоревѣ (мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ эти сближенія). И очень понятно: подробности о походѣ Игоря, ближайшія по выраженіямъ къ Слову, занесены въ списокъ той самой Волынской (или Ипатьевской, какъ чаще называютъ ее) Лѣтописи, которая, останавливаясь на Романѣ и Даніилѣ, говоритъ объ нихъ, о послѣднемъ же нѣсколько разъ, словами, прямо отзывающимися народнымъ поэтическимъ творчествомъ; два брата, съ ихъ неудавшимся походомъ противъ Романа, совершеннымъ вопреки дядиной волѣ, хотя творчество имъ и не сочувствуетъ, близки по своему положенію къ Игорю и Всеволоду; дядя ихъ, вспоминающій свою былую славу, осыпающій ихъ упреками за безчестіе, нанесенное на его сѣдую голову, по характеру своему тотъ же Святославъ Кіевскій.

Вообще въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, нынѣ напечатанныхъ, особенно въ княжескихъ и безъименныхъ, съ небывалою доселѣ рѣзкостію выставлены наши отношенія въ древней Литвѣ.

Ванька Удовкинъ и Волшанъ съ его Книгою становятся въ рядъ древнѣйшихъ русскихъ преданій, на ступени еще обще-славянской и дохристіанской, по ту сторону послѣдующихъ «Списковъ» или «Стиховъ Іерусалимскихъ» и «Голубиной Книги.»

Пѣсни о Горѣ спорятъ древностію происхожденія съ извѣстнымъ рукописнымъ «Горемъ-Злосчастіемъ» и превосходятъ его употребленіемъ устнымъ, живымъ, современнымъ.

Мелкія, заключительныя былины останавливаютъ вниманіе рѣдкою художественной отдѣлкой.

И по всему этому разбросано столько древнѣйшихъ баснословныхъ преданій и образовъ, столько—не искръ—огней могучаго творчества, столько истинныхъ перловъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ.

Достаточно лишь напечатать такой матеріалъ, чтобы дать пищу множеству выводовъ для области исторіи, для изученія народнаго творчества, для языкознанія. Въ выводахъ конечно и не будетъ недо-

статка: желаемъ только, чтобы со стороны внѣшней, дѣйствительной были, они держались ближе положительной исторіи, а въ области изученія внутреннихъ силъ, сложившихъ русскій народъ-языкъ для появленія на поприще лѣтописной были, въ области изученія силъ доисторическихъ, не отрывались отъ единственно-надежнаго пути—языко-изслѣдованія, въ современныхъ его требованіяхъ; то есть, *миѳологія* не превращалась бы въ пресловутое *чаромутіе*, *зори* были бы дѣйствительно для взора *ясныя*, *калиновые мосты* подъ изслѣдователемъ не подламывались; чтобы кромѣ *огня*, *свѣта*, *тепла*, *холода*, *лѣта*, *зимы*, и тому подобныхъ весьма важныхъ и любопытныхъ явленій, не забывали въ древнихъ воззрѣніяхъ и еще не менѣе любопытной стороны—*истины*. При всеобщемъ стремленіи впередъ, не совсѣмъ благовидно возвращаться на полторы тысячи лѣтъ назадъ, къ Макробію и Сервію, безспорно ученымъ, но нѣсколько тронутымъ истолкователямъ народныхъ преданій. Благоразумное поведеніе въ этомъ случаѣ не останется безъ пользы и въ практическомъ отношеніи: если по особенной условности нашего развитія мы поставлены иногда въ необходимость читать и понимать изложеніе древнѣйшихъ русскихъ воззрѣній, по видимому лишенное здраваго смысла, то въ настоящее время, призывая и ожидая *весь* русскій народъ къ нашей грамотности и письменности, къ участію въ нашей образованности, мы обязаны нѣсколько позаботиться и объ немъ; чтобы этотъ новый гость не лишенъ былъ права—нѣсколько уразумѣть рѣшенія, которыя произносили и произносимъ мы до него и объ немъ; чтобы, испуганный нашими выводами о древнѣйшихъ русскихъ воззрѣніяхъ, о старинныхъ миѳическихъ вѣрованіяхъ, русскій народъ не пришелъ бы къ грустному убѣжденію, что въ теченіе долгой доисторической эпохи онъ былъ нѣсколько страненъ и, выходя на поприще дѣйствительной исторіи, успѣлъ уже прежде того затерять потребный человѣку здравый смыслъ.

Не замедлитъ вѣроятно обнаружиться вліяніе предлагаемаго Сборника и на всю изящную русскую литературу, въ которую вносится вмѣстѣ съ нимъ такое богатое сокровище, доступное всякому художественному дарованію, не только *подражающему*, но и *воспроизводящему*, не только желающему вдохнуть въ себя потокъ прилившихъ свѣжихъ силъ, но достаточно уже окрѣпшему и къ тому,

чтобы воспроизводить простое, непосредственное творчество въ создаміе искуства сознательнаго, личнаго.

При такомъ положеніи дѣла, издателямъ было преждевременно пускаться въ подробности выводовъ и изслѣдованій, предупреждая ими чувство простаго наслажденія въ читающемъ или пользуясь возможностію высказать выводъ прежде, чѣмъ успѣлъ онъ свободнымъ путемъ прійти въ голову изучающаго. Издатели не воспользуются своимъ положеніемъ, хотя и не лишены на то права.

Одна только область требуетъ немедленнаго поясненія, и здѣсь-то считаемъ мы необходимымъ остановиться, хотя на самое краткое время. Это область—Старшихъ богатырей, времени до Владиміра.

Уже К. С. Аксаковъ, дѣвственному чусту котораго, въ отплату за горячую любовь къ народу, открывалось въ русской исторіи такъ много живѣйшихъ сторонъ, утаенныхъ отъ присяжныхъ гробокопателей историческаго кладбища, просмотрѣвши первую тетрадь, присланную П. Н. Рыбниковымъ, гдѣ заключалась пѣсня о Святогорѣ (въ печати № 7), поспѣшилъ передать намъ свое убѣжденіе, что съ этимъ богатыремъ открывается область богатырей Старшихъ. Мнѣніе это высказалъ онъ подробнѣе въ предсмертной статьѣ своей объ Ильѣ Муромцѣ (написанной передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы за границу и помѣщенной при 1-мъ выпускѣ Пѣсень П. В. Кирѣевскаго): «Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принадлежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по именамъ только и при случаѣ, исчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, которые—Богъ знаетъ откуда — появляются толпою и о которыхъ въ ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др... Не ихъ ли должно разумѣть подъ «Старшими бо-

гатырями,» которые, не извѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины (К. С. разумѣетъ здѣсь г. Рыбникова), превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія (К. С. разсказываетъ далѣе ея содержаніе: стр. XXXI).» Къ этой характеристикѣ Старшихъ богатырей можно прибавить развѣ только то, что эпохѣ стихій, проходившей въ вѣросознаніи, отвѣчала во внѣшнемъ быту эпоха кочевья, черезъ которую болѣе или менѣе прошли всѣ народы; и потому же, съ переходомъ вѣросознанія отъ космогоническихъ началъ къ человѣку, какъ средоточію, русскіе Славяне сосредоточивались въ міръ-народъ, слагались въ опредѣленные формы быта, въ то бытіе, которое, отъ появленія городовъ, обозначается именемъ политическаго. Эпоха Владиміра, ея главный представитель, Илья Муромецъ,—вотъ первое творческое выраженіе сложившагося русскаго народа, упрочившаго вскорѣ формы своего новаго бытія христіанствомъ и огласившаго развѣтъ новой жизни былевымъ словомъ. Богатыри пройденной передъ симъ эпохи отодвинулись въ сознаніи на планъ дальній: они явились какъ противуположность міру-народу русскому, съ его міромъ-сходками, съ его вервью, общиной, землей и земщиной.

Старшіе богатыри, упоминаемые въ разныхъ былинахъ, суть: *Самсонъ*, совершенно неопредѣленный; но по отрывочному преданію, что у него на головѣ было «семь власовъ ангельскихъ,» можно думать, что по крайности къ нему *примыгивались* сказанія ветхозавѣтныя; *Полканъ*, половинчатый, полу-человѣкъ или полу-конь *), извѣстный также лишь по нѣсколькимъ чертамъ изъ сказокъ; *Колыванъ*, не очерченный въ былинахъ, но по имени котораго языковѣдъ легко догадается (*колиба, куща, скитъ*), что это полнѣйшій представитель кочевья и скитальчества; наконецъ *Сухань* и *Святогоръ*, для открытія которыхъ судьба какъ будто нарочно привела П. Н. Рыбникова въ отдаленнѣйшее захолустье Руси.

*) Сравни при этомъ греческаго *Кен-тавра*; въ первой половинѣ слова покойный А. Ст. Хомяковъ видѣлъ загадочное для корнеслововъ, но вошедшее у Славянъ въ употребленіе слово *конь*: *коне-быкъ*.

Сухань или *Сухмань* (санскр. *суш-* или *шуш-*, сохнуть, наше *суш-ить,* откуда причастная форма *суш-мань*, сохнущій, изсушаемый и изсушающій, перешедшая въ названіе солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явные слѣды происхожденія миѳическаго, доисторическаго. Какъ всѣ богатыри, онъ затянутъ творчествомъ въ эпоху Владиміра, но на самый первый уже взглядъ далеко отстоитъ отъ нея: онъ чувствуетъ себя чужимъ на пиру Владиміра, онъ не пользуется его расположеніемъ; онъ берется за трудные подвиги, но не выполняетъ ихъ для Владиміра; ему не довѣряютъ, князь посылаетъ за нимъ подглядывать богатырей младшихъ, сверстниковъ эпохи, даже сажаетъ его въ подземелье, и когда воротилъ ему милость, Сухманъ не принимаетъ ее, какъ даръ: «Не умѣлъ меня солнышко жаловать, а теперь не видать меня во ясны очи!» Срываетъ онъ три маковыхъ листа, которыми прикрылъ старыя раны, и, огорченный всѣмъ окружающимъ, истекаетъ кровію (ср. у насъ № 6 *).

Святогоръ (см. у насъ №№ 7 и 8) обыкновенно пребываетъ «*на* Святыхъ *на* горахъ (см. у насъ стр. 175).» Нужно полагать, что это тотъ же богатырь, о которомъ приводилъ К. С. Аксаковъ слышанный разсказъ (Пѣсни П. В. Кир., вып. 1, стр. XXX, XXXI): какъ не держала его земля отъ непомѣрной силы, какъ нашелъ онъ себѣ одну гору и улегся на ней, прося подошедшаго Муромца не тревожить его покоя. «образъ, какъ говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ.» Преставитель стихійныхъ началъ, броженій, кочевья, титаническихъ подвиговъ, при наступленіи новой эпохи, эпохи устоявшейся *Земли,* сложившагося міра-народа, обреченъ былъ самъ на неподвижность. Но вотъ онъ по былинамъ является и въ движеніи: движеніе его медленно, тяжело, «грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени;» онъ движется какъ Шаркъ-великанъ (см. у насъ стр. 314), «съ

*) Отчество Сухмана, *Одихмантьевичь*, изъ котораго Христіанское воззрѣніе передѣлало Домантьевича, Дементьевича, мы склонны объяснять переходомъ изъ *Аримант-ьевичь*, или *Арис-Арих-мант-ьевичь*, тождесловіе съ *Сухманомъ*, появляющееся въ греч. Аресъ, латинск. *aresco.*

боку на бокъ переваливаясь.» Въ этомъ движеніи, хотя и медленномъ, онъ опять противуположенъ Землѣ русской. Онъ встрѣчаетъ Землю: она не велика, въ маленькой переметной сумочкѣ; но она уже «не скрянется, не сворохнется,» она окрѣпла. Святогоръ ищетъ «тягу земли,» тяжесть равную землѣ, равносильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю, — замыселъ титаническій: и онъ находитъ представительницу этой тяги, сложившуюся Землю русскую, кажется малую, кажется слабую. Но, попытался онъ сдвинуть,—и «по бѣлу лицу его не слезы, а кровь течетъ,» онъ поднялъ только выше колѣнъ, и самъ угрязъ въ эту же Землю: она сильнѣе, она побѣдила его.

Какъ эти, помянутыя нами сказанія, такъ въ особенности былина, напечатанная у насъ подъ № 8-мъ, въ ближайшее соотношеніе съ пройденнымъ Русью періодомъ (когда она была еще на ступени обще-славянской), съ періодомъ стихій и кочевья, ставятъ *Илью Муромца*. Какъ главный представитель жизни новой, Земли и земщины, онъ собственно противуположенъ представителямъ жизни былой, представителямъ движенія или, правильнѣе, броженія стихійнаго и кочеваго. Но жизнь новая, занятая конечно прежде всего упроченіемъ добытаго, поддержаніемъ крѣпости и стойкости выработанныхъ началъ, не могла же обречь себя на неподвижность. Примѣненіе, распространеніе началъ жизни новой, все это требовало движенія: Земля переходила въ Дружину, шедшую всегда впереди, и при распашкѣ новыхъ заселяемыхъ земель, при этихъ починкахъ и погостахъ, и при постройкѣ новыхъ городовъ, и при расширеніи круга частныхъ, мелкихъ общинъ, и при защитѣ окраинъ отъ вторженія. Сюда не привходили еще составныя части чужія: Дружина въ первичномъ своемъ видѣ есть таже Земля, только въ движеніи, подобно тому какъ артель есть таже община, тотъ же міръ, только въ движеніи, въ переходахъ (на заработки, подряды, и т. д. *). Этимъ и отличалась Дружина отъ броженія предшествовавшаго, переходнаго, кочеваго; тамъ Земля была въ движеніи такъ сказать *до себя*, пока еще не сложилась прочно въ міръ-народъ и только шла

*) По самому словопроизводству, *арт-ель*, съ понятымъ звукомъ *р* въ *ар*, есть то же, что *рот-а*, отрядъ, вышедшій изъ массы и соединенный взаимною клятвой.

къ этой эпохѣ; а здѣсь Земля приходила уже въ движеніе *отъ себя*, отъ началъ, прочно въ нее заложенныхъ, такъ что Дружина не была самозванцемъ, а ея представителемъ, только въ кипѣніи волновавшейся жизни, со стороны ея движенія. Такая Земская Дружина выражалась прежде всего въ Богатыряхъ, отнесенныхъ творчествомъ къ эпохѣ Владиміра (они по большей части и называются въ пѣсняхъ Дружиною), рядомъ—въ удальцахъ Новгорода, въ его *повольницѣ*, молодежи, неугомонной, распространявшейся отъ средоточія по всѣмъ направленіямъ рѣкъ и дорогъ, высматривавшей окрестныя страны, заносившей туда первыя начала торговли изъ своей метрополіи. Конечно эти дружины были и повсюду въ землѣ русской: но какъ съ раннихъ поръ, въ стремленіи къ большему и большему развитію новыхъ началъ, перевѣшивалъ Югъ и особенно Кіевъ, такъ и Земскую Дружину мы можемъ тамъ наблюдать всего яснѣе; перечтите всѣ подвиги богатырей Владиміра, разсмотрите обычаи и составъ *богатырской заставы*, и вы получите ясное понятіе о цѣляхъ, задачахъ и дѣйствіяхъ Земской Дружины. Съ расширеніемъ земли какъ территоріи, Земли какъ формы новаго народнаго быта, предѣлы этихъ богатырскихъ заставъ раздвигались по всѣмъ направленіямъ; одна и та же Дружина раздѣлилась на нѣсколько частей по *Украйнамъ*: образъ жизни и развитія, свойственный всѣмъ Славянамъ, — итти въ ширь и въ даль, и, на рубежѣ, гдѣ останавливается шагъ, и лицемъ къ лицу встрѣчается непріятель, располагать *Украйны*, *Крайны*, *Краины*, гдѣ поселялась, жила и дѣйствовала передовая дружина, по радіусамъ отъ центра выпустившей ее Земли; это средневѣковыя *Марки*, Славянскія Краины— Волошская, Дунайская, Нѣготинская, Хорватская, *Крайна*—нынѣшняя область, и т. д. Таковы же наши многочисленныя Украйны — Днѣпровская, Сѣверская, Запорожская, Сибирская, и т. д., доселѣ ожидающія достойнаго историка для изслѣдованія ихъ первоначальнаго происхожденія, взаимной связи, общихъ правилъ и уставовъ. Замѣчательно, что и творчество народнаго слова, съ былинами и пѣвцами, по видимому сначала гнѣздившееся въ Новгородѣ, въ Кіевѣ, въ самой Землѣ, въ самомъ народѣ, крестьянствѣ, съ теченіемъ времени потянулось за Дружинами на Украйны, образовало пѣвцевъ перехожихъ, и съ XV вѣка несравненно болѣе отдалось Дружинамъ, чѣмъ слагавшемуся тогда Государству; государство мало по малу со-

всѣмъ подавило и захотѣло замѣнить Землю; послѣдняя, сама въ себѣ подавляемая, сохраняла энергію жизни въ видѣ Дружинъ, такъ что онѣ являлись уже какъ бы замѣною ея, лучшимъ ея олицетвореніемъ; и вотъ почему о козакахъ всѣхъ видовъ сложено и сберeглось у насъ пѣсень въ тысячу разъ болѣе, чемъ о представителяхъ, и то весьма немногихъ, начала государственнаго.—И такъ Илья Муромецъ, какъ главный представитель Земли и начавшагося новаго порядка вещей, сопредѣленъ порядку предшествовавшему: онъ долженъ съ нимъ столкнуться, ибо сталкивались рубежи; какъ представитель же Земли въ движеніи, то есть Земской Дружины, онъ есть преемникъ движенія предшествовавшаго, наслѣдникъ тѣхъ силъ, двигающихъ впередъ, тѣхъ силъ поступанія, прогресса, которыя нѣкогда приводили въ броженіе всю массу обще-славянскаго племени, выдѣлили изъ нея народъ русскій и, по его новомъ устройствѣ, не переставали кипѣть внутри, возиться безостановочно, толкая впередъ къ дальнѣйшему развитію: съ этой стороны, говоримъ, Илья Муромецъ есть ближайшій наслѣдникъ эпохи предшествовавшей и ея представителей.

Такъ точно и изобразили его былины: его встрѣча и столкновеніе съ эпохою предыдущей, его отношенія къ ней, выражены творческими образами—во первыхъ *Калѣкъ перехожихъ*, во вторыхъ *Святогора*. Какъ маленькая « сума переметная, » непремѣнная спутница Калѣкъ и знамя бродячей, кочевой жизни, наполненная землею, получала неимовѣрную тягу и сама олицетворяла уже, какъ мы видѣли, русскую Землю: такъ точно Илья, въ малолѣтствѣ, сиднемъ сидитъ не движимъ и не тронется; поднять его, дать ему силу движенія могли только тѣ, кто владѣлъ движеніемъ какъ своимъ особеннымъ правомъ и признакомъ. Это были—Калѣки перехожіе. По неотъемлемому своему характеру, бродячіе, слѣпые, безобразные, они были на Руси всегда представителями періода стихійнаго, броженія и кочеванія; они вышли изъ этого періода непосредственно, и если не отринуты въ жизни новой, то это благодаря только тому, что ихъ заклеймило и такъ сказать акклиматизовало Христіанство: они перешли въ странниковъ *по святымъ мѣстамъ* и безобразный ихъ образъ осѣнился верховнымъ наитіемъ народнаго творчества,—они сдѣлались присяжными *пѣвцами*, въ особенности для *Стиховъ*

духовныхъ. Извѣстно всѣмъ сказаніе, какъ они подняли и отпоили Илью Муромца, какъ пустили его въ движеніе, сдѣлали представителемъ Дружины.

Не трудно оцѣнить, какого рода была сообщенная ими сила: Илья, напившись пива по ихъ повелѣнію, почувствовалъ, что онъ можетъ «*своротить всю землю*;» это та же сила, которую мы видѣли въ Святогорѣ, сила враждебная Землѣ, сила стихійная, титаническая, эпохи броженія и кочевья. Но Калѣки перехожіе, старцы, сами допущенные жизнью новой, получившіе пріютъ у русской Земли, не захотѣли повредить ей; они увидали, что сила слишкомъ велика, безъ мѣры, безъ образа, что ее « не снесетъ земля; » они велѣли испить еще, и, какъ выразился К. С. Аксаковъ, «умѣрили эту силу, возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой; Илья Муромецъ не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила.» Мы прибавимъ, что таковъ Илья со стороны вѣросознанія, того пути, который пройденъ русскимъ сознаніемъ въ язычествѣ, отъ ступени внѣшней-природной до внутренней-человѣческой, до человѣческаго духа; со стороны же внѣшняго быта и бытія политическаго, Илья есть первая *народная*, Земско-дружинная сила. И замѣчательно еще, что не рѣдко богатыри, отправляясь на подвигъ, просятъ въ займы у Калѣкъ клюки ихъ, посоха, какъ на пр. у насъ въ № 15: по всему видно, что въ нѣкоторомъ смыслѣ они были преемниками бродячихъ силъ. Пустивши Илью въ міръ, давши первый толчекъ этой жизни, совмѣстившей цѣлый длинный рядъ дружинныхъ подвиговъ за Землю, Калѣки напутствуютъ воспитанника своимъ завѣщаніемъ: 1., « Смерть тобѣ на бою не писана (такъ и исполнилось съ Ильею);» 2., «бейся-ратися со всякимъ богатыремъ, и со всей паленицею удалою (т. е. со сверстниками);» 3., « а столько (только) не выходи драться съ Святогоромъ богатыремъ , — его и земля на себѣ черезъ силу носитъ; не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ,—у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ,» то есть съ богатырями Старшими, съ которыми Ильѣ было драться не только не подъ силу, но и святотатственно, какъ съ предками, предшественниками. Но вотъ еще конецъ завѣщанія: « Не бейся и съ родомъ Микуловымъ,—его любитъ матушка сыра земля; не ходи още на Вольгу Сеславьича,—онъ не силою возьметъ, такъ хитрос-

тью-мудростью.» Что это еще за новыя лица? Сей часъ мы ихъ увидимъ, обратясь снова къ Святогору.

Въ подобныхъ же отношеніяхъ, какъ къ Перехожимъ калѣкамъ, является Илья къ Святогору, особенно у насъ въ № 8-мъ. Силы ихъ несоизмѣримы: Святогоръ превосходитъ Илью безъ мѣры. Но Святогоръ обреченъ уже на смерть, а Илья на жизнь. Потому стихійный или кочевой богатырь передаетъ Земскому дружиннику свое наслѣдство; онъ называетъ его «меньшимъ братомъ;» выучиваетъ Илью «всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ» и, умирая, передаетъ ему свою силу: «какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ, почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое.» Это та же сила, которую передали и Калѣки. Но здѣсь есть и важное различіе. Святогоръ, не такъ какъ Калѣки, не допущенъ новою жизнію ни подъ какимъ видомъ, обреченъ на смерть. Передавши силу, онъ, подобно всѣмъ классическимъ божествамъ или миѳологическимъ существамъ стараго порядка, допустивъ существо съ силами новыми, тотчасъ же вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ къ нему зависть: Святогоръ хочетъ передать Ильѣ еще своего духа, всю свою чрезмѣрную силу, которая въ Ильѣ, при новомъ порядкѣ вещей, была бы уже «духомъ мертвымъ,» мертвящимъ, и для него самого гибельнымъ. Калѣки умѣрили эту титаническую силу: здѣсь же вводитъ ее въ мѣру самъ Илья Муромецъ. На приглашеніе наклониться еще разъ ко гробу, чтобы Святогоръ «передалъ всю силушку великую,» Илья отвѣчаетъ: «будетъ съ меня силы, большій братецъ, не то земля (въ смыслѣ космогоническомъ, а въ смыслѣ народномъ, бытовомъ—Земля русская, земщина) на собѣ носить не станетъ.» Святогоръ признался въ своемъ недобромъ умыслѣ и похвалилъ Илью за мѣру. Тутъ «пошелъ изъ щелочки мертвый духъ,» пошелъ, чтобы пропасть безслѣдно, а Илья воспріялъ отъ представителя предшествующей эпохи только то, что̀ было жизненно, воспріялъ «духъ живой» и опоясалъ мечь-кладенецъ. Трудно выразить событія міра силъ и началъ въ образахъ болѣе ясныхъ и осязательныхъ.

Возвращаемся опять къ Святогору, чтобы, кромѣ встрѣчи съ Ильею, уяснить его отношенія и къ другимъ лицамъ, помянутымъ выше.

Упраздненный жизнію новою, мы видѣли, герой броженія и началъ стихійныхъ обрекается на косность, едва движется. Жизнь новая, называемая вообще Землею, при своихъ стремленіяхъ къ стойкости, изобилуетъ и началами поступанія, движенія: роли помѣнялись. Святогоръ встрѣчаетъ прохожаго: «припустилъ богатырь своего добра коня къ тому прохожему, никакъ не можетъ догнать его; поѣдетъ во всю рысь,—прохожій идетъ впереди; ступою ѣдетъ,— прохожій впереди.» Святогоръ принужденъ просить: «пріостановись не со множечко. Пріостановился прохожій, снималъ съ плечь сумочку и кладывалъ на сыру землю.» Богатырь не подыметъ сумочки, только могъ духъ поднустить, да и то угрязъ въ землю по колѣни. Дивится онъ, и получаетъ отвѣтъ: «въ сумочкѣ у меня тяга земная.» И такъ это та же сумочка, которую мы уже знаемъ, это таже земля, въ смыслѣ заключенія ѳеогоническаго пути въ вѣросознаніи и въ смыслѣ міра-народа, вышедшаго изъ періода кочеваго броженія, усѣвшагося земщиной. Но теперь, кромѣ образа сумы и земли, образа, *снятаго* съ жизни, является самъ *живой* образъ Земли, съ кровью и плотію. Святогоръ не знаетъ его, онъ не вѣдаетъ этой новой жизни, онъ ее встрѣтилъ на пути; на вопросъ, что же это за новое существо, получаетъ онъ отвѣтъ: «Я есть Микулушка Селяниновичь.» Передъ нами живой представитель Земли и земщины, селянинъ и сынъ селянина, оратай, пахарь, крестьянинъ. Вотъ почему Калѣки завѣщали Ильѣ не биться «съ родомъ Микуловымъ;» «его любитъ матушка сыра земля;» представитель дружины, той же Земли въ движеніи, вступивши въ битву съ представителемъ Земли въ ея покоѣ и стойкости, вступилъ бы въ битву съ отцемъ съ матерью, съ кровью, которая потекла у него въ жилахъ, съ соками, въ его тѣлѣ переливавшимися. Оставляемъ другія подробности, какъ Микула указалъ Святогору опредѣленную ему судьбину.

Кромѣ Земли и земской Дружины, тѣхъ началъ, которыя на современномъ языкѣ мы могли бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ назвать консервативными и прогрессивными, охранительными и двигательными впередъ, кромѣ нихъ, въ сложившемся быту народа явилось вскорѣ начало еще *третье*, допущенное и призванное со стороны, въ качествѣ *третьяго*, третейскаго посредника, судьи, разбирателя и рѣшителя, на случай борьбы между исконными и существенными

двумя началами, на случай защиты ихъ со стороны внѣшней, для безпрепятственнаго развитія ихъ внутри: князь съ его дружиною, какъ исполнителями его воли, начало, названное опять въ общемъ смыслѣ *Дружиною*, иначе Дружина съ княземъ во главѣ. Начало, скоро привтѣлившееся въ общую жизнь народа, но все-таки глубоко отличное, ибо кто же, и на первыхъ порахъ, смѣшаетъ, на примѣръ, богатырей Владиміра съ ратью княжескою, которая часто помогаетъ богатырямъ, но отнюдь не входитъ въ ту дружину, которую обыкновенно богатыри прибирали себѣ сами. Да и самъ Владиміръ въ отношеніи къ богатырямъ совсѣмъ иное, чѣмъ къ своей дружинѣ присной: онъ тамъ ласковый хозяинъ и по чертамъ близокъ къ земщинѣ. Въ отличіе отъ дружины Земской, новая дружина получила названіе *Княжеской*, а мы можемъ именовать ее, съ позднѣйшей точки зрѣнія, *Государственною*, въ томъ смыслѣ, что въ ней таились сѣмена послѣдующаго государства. Сначала она только служила Землѣ и всею своею задачею полагала «утереть поту за Землю русскую.» Мало по малу она отдѣлялась въ область особую, самолюбивую, а съ теченіемъ времени раздѣлилось все на двѣ половины, на Землю и Государство; та и другая половина сходилась какъ равная: Государство проникало внутрь Земщины своими учрежденіями; Земля подходила къ Государству въ Соборахъ. Но и это миновалось: Земля совсѣмъ скрывалась съ поприща исторіи, уходила внутрь себя, высылая однѣ лишь дружины свои въ краишникахъ и козачествѣ. Дружины сперва, какъ было сказано, дѣйствовали отъ имени Земли, но потомъ также перешли въ службу Государству, сдѣлались его слугою: тогда Земля какъ будто изчезла безъ слѣда; Государство думало замѣнить ее, но безъ Земли повисло сверху. По мѣрѣ поступанія къ такому заключенію, Государственное начало покидается народнымъ творчествомъ, меньше и меньше оглашается былевымъ словомъ; замолкаютъ и пѣсни о Дружинахъ, перешедшихъ отъ Земли въ иную сторону; устраненная съ поприща политическихъ событій, Земля перестаетъ пѣть и объ самой себѣ, въ новомъ своемъ положеніи, слабѣетъ въ былевомъ творчествѣ, дробитъ творчество на однѣ лишь пѣсни безъименныя, женскія, бытовыя, обрядныя. Былевое творчество уберегается только древнее, съ содержаніемъ древнимъ: оно живетъ только прошедшимъ, и главнымъ образомъ первымъ кругомъ, цикломъ Владиміра. Но пока дошло до этого, и чѣмъ меньше развивалось го-

сударственное начало, тѣмъ сочувственнѣе, особенно въ первую пору, останавливалось народное творчество на Дружинѣ благопріобрѣтенной, Княжеской. Мы знаемъ нѣсколько прекрасныхъ былинъ о разныхъ князьяхъ съ ихъ дружиною, о князьяхъ-дружинникахъ, о дружинѣ княжеской; мы имѣемъ Слово о полку Игоревѣ, мы имѣемъ превосходныя пѣсни о дружинникахъ *самыхъ первыхъ*. Къ нимъ-то и переходимъ мы. Народъ, распѣвая эти былины доселѣ, цѣлью творчества кладетъ выясненіе отношеній—не между Княжеской дружиной и дружиной Земской, ибо послѣдняя мало по малу перешла въ первую, а между Дружиной съ князем во главѣ и опять Землею, земщиной. Такія отношенія взяты въ минуту первую, при появленіи князей, при князьяхъ первыхъ: но не трудно замѣтить, что здѣсь же прообразованы и всѣ послѣдующія отношенія Земли къ Государству, прообразованы такъ, что заранѣе чувствуешь все добро отъ ихъ добраго союза, все зло отъ вражды и разрыва.

Передъ нами *Олегъ*, въ нѣсколькихъ былинахъ. Пѣсня, помѣщенная у Кирши, о *Волхѣ Всеславичѣ*, одинакова съ нашими. Несмотря на ея общеизвѣстность, мы рѣшились припечатать ее рядомъ съ нашими, для ближайшаго сличенія и удостовѣренія, что это одно и то же, и, признаться, изъ нѣкотораго опасенія, чтобы остроуміе, строившее столько мечтаній на Волхѣ, не возразило намъ тупостію: «это не Олегъ, это Волхъ Всеславичь.» Конечно, нельзя обвинять науку, если она заблуждалась, не имѣя подъ рукою достаточныхъ данныхъ; зная лишь единственную былину: загадочное имя Волха, отчество Всеславича, походъ въ царство Индѣйское вмѣсто Византійскаго или Турецкаго, всѣмъ этимъ поддерживалось заблужденіе. Тѣмъ не менѣе, теперь нельзя уже не указать на кривизну пройденныхъ путей. Больше всего сбивало отчество *Всеславича*: хотя тутъ же называлась и мать героя также Всеславною, и слѣдовательно опираться на томъ не приходилось, но имя *Всеслава* отводило къ знаменитому образу Всеслава въ Словѣ о полку Игоревѣ; тамъ Всеславъ рыскаетъ оборотнемъ, здѣсь Волхъ точно также; о Всеславѣ свидѣтельство лѣтописи касательно *наузъ* при его рожденіи, Волхъ родится также съ обстоятельствами миѳическими,—и вотъ построено цѣлое зданіе выводовъ о миѳическомъ героѣ. Самое имя *Волха* способствовало: его отождествляли съ *Волхвомъ* и

Волховомъ, забывая, что языковѣду это немножко стыдно. Церковно-славянское *влъхвъ* въ русскомъ языкѣ, по его *законамъ*, могло явиться не иначе, какъ въ формѣ *Волховъ* (такъ и было съ названіемъ рѣки), и много-много, если, при порчѣ, въ формѣ *волхвъ*, но никоимъ образомъ не *Волхъ*. По тождеству былинъ мы убѣждаемся, что *Волхъ* есть испорченное *Вольгъ* (Олегъ), въ произношеніи ли, или подъ перомъ записавшаго Киршевскую былину. *Всеславичь* испорчено изъ *Святославичь* также точно, какъ и Владиміръ нерѣдко называется въ былинахъ Всеславичемъ или Сеславьичемъ. И въ нашихъ пѣсняхъ передѣлано не только Всеславичь, но даже и *Буслаевичь*; за то въ двухъ правильно,—*Святославговичь*.

Имя *Олега*, начинаясь съ гласной, не любимой у насъ въ чистотѣ при началѣ слова, приняло придыханіе *в*: такъ и Ольга въ лѣтописяхъ часто именуется *Вольга*. Въ имени *Ольгъ*, которое должно считать первичнымъ, мало по малу русскій языкъ огласилъ *ь* и сдѣлалъ—*Олегъ*. Но и то было затруднительно для произношенія: огласили конечный *ъ*, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перенесли на молодую гласную удареніе,—образовалось *Вольгá*.

Олегъ родился, «когда возсіяло солнце красное на нашу на землю свято-русскую:» начало княжеской дружины или дружинниковъ-князей, если не современно періоду сложившейся Земли русской, какъ народа, то современно появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта (ибо конечно и самые князья призваны тогда, когда эти формы наиболѣе выяснились, съ своими достоинствами и недостатками).

Всеобщій переломъ, изображенный въ пѣсняхъ при нарожденіи Олега, помимо своего баснословнаго значенія, въ сферѣ бытовой означаетъ для Земли и ея Дружины появленіе новаго, небывалаго дотолѣ, *прибывшаго* начала. Впрочемъ эти образы повторяются въ пѣсняхъ и при рожденіи Добрыни: можетъ быть для очерка впечатлѣній отъ зародившейся Земской дружины, а можетъ статься и потому, что Добрыня ближе прочихъ богатырей къ дружинѣ Князя, по родству съ нимъ.

Народившись, Олегъ скоро «похотѣлъ мудрости,» и «много мудрости:» «обучался и обучился всякихъ хитростей-мудростей, всякихъ языковъ разныхъ,» «понимаетъ» и понялъ ихъ. Мудрость эта, съ своимъ послѣдствіемъ—вѣдѣніемъ, давала у насъ имя «вѣщаго:» «и прозваша Олега *Вѣщій*.» Это вѣдѣніе, изъ мудрости переходившее въ вѣдовство, дѣлавшее вѣдуномъ, знаемъ мы, выражалось въ народномъ творчествѣ переходомъ въ образы царства дочеловѣческаго, вынесенные изъ космогоніи: «а и первой мудрости учился—обертываться яснымъ соколомъ; ко другой-то мудрости учился—обертываться сѣрымъ волкомъ; ко третей-то мудрости учился —обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.» То же мы видѣли въ «ума мудрости» Романа; тоже было съ «вѣщею душой» Всеслава и «вѣщимъ» Бояномъ.

На первыхъ же порахъ Олегъ прибираетъ себѣ дружину: она явилась Землѣ вмѣстѣ съ нимъ, творчеству съ его образомъ. И замѣчательно, въ этой дружинѣ ни одного Земскаго богатыря.

Олегъ «пошелъ по сырой земли: мать сыра земля сколебалася,» звѣри, птицы, рыбы попрятались, разбѣжались, разлетались, разметалися. Впечатлѣніе отъ появленія гостей призванныхъ, когда, усѣвшись, зачали они въ Землѣ свое дѣло.

Все въ Землѣ повыловлено, въ угодьяхъ ея поимано, добыто добычею.

Олегъ ѣдетъ «со своей дружинушкой хороброю къ городамъ за получкою:» такъ и чаются погосты, дани, примучиванья. «Какъ начали они (по товариществу поѣздки, пѣсня въ это дѣло дружины затянула и Микулу, вопреки его характеру) мужиковъ чевствовать, чевствовать мужиковъ, жаловать, оплетьми они нахлыстывать, тутъ клянутся мужики, проклинаются.» Замѣчательно, что ни въ одной пѣсни богатыри Земскіе не занимаются подобными подвигами.

Но всего больше славенъ Олегъ походомъ подъ Византію: за то его (по Лѣтописному сказанью) и прозвали Вѣщимъ, тамъ-то были его корабли на колесахъ. Въ пѣсняхъ всю силу оборотня, всю,

стало быть, хитрость-мудрость приложилъ Олегъ въ походѣ на «Турецъ-землю,» на «Турецъ-салтана,» смѣнившихъ Византію съ ея императорами.

Такое же богатство добычи принесено оттуда по пѣснямъ, какъ разсказано и по лѣтописямъ.

Отчего же Олегъ явился *Святославичемъ?* Нашему народу трудно обойтись безъ отчества, безъ вывода отъ отца, изъ началъ предшествующихъ. Эти начала ближе всего занять изъ поры Владиміра, къ которому привыкло творчество возводить всѣ первыя мгновенія своей опредѣлившейся жизни. Отчество *Святославича* и *Всеславича* то же, какое придается Владиміру. Мало того: Владиміръ даритъ Олега тремя городами со крестьянами, — творчество еще тѣснѣе примыкаетъ къ эпохѣ Владиміра. Драма этой эпохи начинается *ловомъ* Олега Святославича, тою потѣхой, которая въ пѣсняхъ окружаетъ и Олега Вѣщаго, которая входила въ бытъ и каждаго князя-дружинника: «*Ловъ дѣющю* Свѣналдичю,» и проч. Развязкою, которая вывела на сцену Владиміра, была смерть Олега Святославича, подъ Овручемъ, подъ мостомъ: «Побѣгъшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый *Вручій*, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратомъ градньмъ; тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга *съ мосту* въ дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города *Вручего*, и есть могила его и *до сего дне у Вручего*.» Событіе, которому по драматичности трудно было изгладиться изъ народной памяти. Раскрываемъ пѣсни: «Жаловалъ его родный дядюшка, ласковый Владиміръ стольно-кіевскій, тремя городамы со крестьянамы: первымъ городомъ *Гурчевцомъ*, другимъ городомъ Орѣховцемъ, третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.» Послѣднее названіе явно вымышленное; то же думается о второмъ, но *Гурчевецъ*—*Вручевецъ*.

«Ѣхали впередъ доброы молодцы,
Поѣхали они въ *Гуршевецъ*, да Орѣховецъ.
Пріѣхали къ мужикамъ ко *Гуршевскимъ*,
Пріѣзжали къ мужикамъ къ Орѣховскимъ,

На бой на драку великую.
Тыи мужики *Гуршевскіе*,
Тыи мужики Орѣховскіе,
Они были, злодѣи, догадливы:
Подѣлали *мосточки поддѣльные*;
Они (дружинники) также были, молодцы, догадливы:
Посылали свою силушку великую
На тыи на мосточки на калиновы,
Пошла та силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки всѣ подломалися,
Тая сила вся въ рѣченькѣ подваляласи,
Начала силушка тонуть да гинуть.»

Ясно, что Олегъ Святославичь, братъ Владиміра, далъ половину своего имени и долю красокъ Олегу Вѣщему.

Но всѣ другіе образы, переданные въ былинахъ, совпадаютъ съ Олегомъ Вѣщимъ: сказанія о немъ, расбросанныя по лѣтописи, убѣждаютъ, что въ его время уже онъ былъ предметомъ народнаго поэтическаго творчества, которое сквозитъ въ показаніяхъ лѣтописной исторіи.

Теперь, какъ Святогоръ встрѣтился съ Микулою, какъ Илья Муромецъ предостереженъ отъ вражды съ нимъ, такъ третье начало, князь-дружинникъ встрѣчается съ нимъ же, чтобы въ этой встрѣчѣ выразить ярко взаимныя соотношенія.

Выѣхалъ Олегъ въ раздольице чисто поле; онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая: оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.

Олегъ заслышалъ издалека: только на третій день онъ могъ доѣхать до ратая; и не мудрено: ратай «съ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать.» Земля раскинулась необозримо, все соха, все пахари.

Земли представитель «оретъ да пашетъ, да крестьянствуетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, коренья-каменья вывертываетъ.»

Подъѣхавши на конѣ, Олегъ застаетъ ратая за сохою: «сошка у ратая кленовая, позолочена; омѣшики булатніе; гужики у ратая шелковые.» Такъ въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Чеховъ, пущенный конь останавливается передъ Премысломъ пахаремъ, представителемъ Чешкой земщины; бояре чешскіе, свергнувшіе Любушу, застаютъ Премысла за плугомъ, «оретъ мужь великій, обвивъ ноги свои лыками (лапти).» Также точно Чехи застаютъ его слишкомъ рано, за неконченнымъ урокомъ пашни: и у Микулы «сошка еще не обрана.» Также точно выспрашиваютъ и узнаютъ его имя, какъ выспросилъ у Микулы Олегъ; также точно имѣютъ повелѣніе посадить Премысла на коня и вести за собою, какъ поднялъ Микулу и всадилъ на коня Олегъ. Можно бы найти сближенія и еще: всего же ближе духъ сказаній, убѣждающій насъ, что древнѣйшее творчество Чеховъ и Русскихъ сошлось въ этомъ дѣлѣ. Но Премыслъ пошелъ въ государи, онъ женился на правительницѣ: Микула остался въ сторонѣ отъ государства, тѣмъ же пахаремъ, прежнимъ семьяниномъ. — Соха позолоченая отводитъ Микулу не только къ сказаніямъ братьевъ Славянъ, но и къ первообразамъ пахарей у всѣхъ Индо-европейскихъ народовъ, къ этому «золотому плугу,» столь извѣстному въ Миѳологіи.

Обряжая сошку, Микула оказался сильнѣе всей дружины: никто не могъ управиться съ сохою.

Сѣли на коней; кобылка Микулы далеко опередила княжескую: тотъ же образъ, какъ при встрѣчѣ съ Святогоромъ. Потому Земля крѣпче, что въ ней больше силъ для развитія, для движенія; потому хватаютъ дальше ея движенія или подвиги, что она стойче на основныхъ началахъ. Всякая дружина, отъ нея отдѣлившаяся, тѣмъ больше пришлая и допущенная, слабѣе Земли, ибо одностороннѣе; не быть Дружинѣ впереди Земли, какъ Государству не быть на мѣстѣ Земли, стойче Земли и крѣпче.—Дѣти знаменитой кобылки «Обнеси голова» перешли къ богатырямъ, Земскимъ дружинникамъ, Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу, Дюку и Чурилѣ.

Имя Микулѣ даютъ не подвиги ратные, не слава государственная, а дѣла пахаря, сельской бытъ, хозяйство крестьянина, гостепріимство, сборъ вокругъ него общины, міра:

«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
««Молодой Микулушка Селяниновичь!»»

Наконецъ Микула, не какъ Премыслъ, не даетъ дѣтей своихъ на царство. У него нѣтъ сыновей; у него три дочери, но за то всѣ «поляницы», всѣ героини. Онѣ пошли за богатырей, дружинниковъ земскихъ: старшая Василиса Микулишна, жена Ставра (по другимъ былинамъ Данилы), образъ величайшаго мужества, самопожертвованія; младшая Настасья Микулишна, кроткая и изящная, вѣрная мужу при всѣхъ искушеніяхъ, жена Добрыни. Это два лучшіе образа женщины во всемъ народномъ творчествѣ.

Трудно удержаться отъ толкованій, отъ выводовъ: такъ просты и доступны, такъ ярки и прозрачны до тла своего эти образы, и такъ все еще далеко до дна. Если мы останавливаемся, то лишь изъ боязни анализомъ нарушить впечатлѣніе художественности.

Мы окинули здѣсь взоромъ все, что только есть, конечно, самаго древняго и въ народныхъ русскихъ преданіяхъ, и во всемъ народномъ русскомъ творчествѣ; мы видѣли міръ самыхъ первичныхъ силъ, началъ, мыслей народа. Этотъ міръ предсталъ намъ въ *образахъ*, и непремѣнно въ образахъ: ибо на то и творчество. Но въ этихъ образахъ нѣтъ ничего почти миѳологическаго, такого, что можно бы назвать миѳологіей въ строгомъ научномъ смыслѣ. Да и задача народа—*выяснить* въ своемъ творчествѣ ликованіе новой жизни, начавшейся нѣкогда столь блистательно, выяснить, а не заслонить облаками жизни минувшей, сгустившимися еще болѣе съ принятіемъ Христіанства. Какъ періодъ, въ который творится языкъ

или, что то же, народъ, язычество само своимъ послѣдовательнымъ ходомъ вывело нашъ народъ къ тому, чтобы принять окончательную печать развитія духа, печать Христіанства. Борьбы, которую желали бы внести сюда для достиженія эффекта, къ сожалѣнію на Руси не оказалось. Обрадованный счастливымъ выходомъ на свѣтъ Божій, народъ запѣлъ былевую пѣсню. Прислушиваясь къ ея остаткамъ, мы не хотимъ выходить изъ ея воззрѣній, изъ воззрѣній самого народа, и только обставляемъ ее тамъ или здѣсь чертою положительной исторіи. Это всего проще, и этимъ же заранѣе отвѣчаемъ мы на возраженія тѣхъ, которые настойчиво рекомендуютъ намъ *язычество*, и въ *миѳологическихъ* толкованіяхъ своихъ думаютъ видѣть плоды современной науки.

П. Б.

—

Перечень пѣсень по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ онѣ записаны или собраны.

1. Полученныя отъ П. О. Б.,. помѣщенныя въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и доставленныя туда П. Н. Рыбниковымъ: №№ 24; 25; 38; 49; 77.

2. Сообщенная въ Олонецк. Губ. Вѣдомости А. А. Шкалинымъ, записанная въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и уступленная для Сборника П. Н. Рыбникова: № 51.

3. Напечатанныя въ Олонецк. Губ. Вѣдом. и записанныя П. Н. Рыбниковымъ: № 29, Пудожскаго уѣзда, Песчанской волости, въ деревнѣ Большой дворъ; разнорѣчіе того же №, въ Бережной Дубровѣ, того же уѣзда; 69, Петрозаводск. уѣзда, въ Кижской волости; 73, Пудожскаго уѣзда, въ Шальскомъ погостѣ, отъ крестьянина лодочника; 82, въ Тихвиноборскомъ погостѣ, Каргопольск. уѣзда.

4. Записанныя г. П. Миролюбовымъ и пріобрѣтенныя тѣмъ же Собирателемъ: № 52, въ Каргопольскомъ уѣздѣ; 83, въ Петрозаводск. уѣздѣ.

5. Записанныя (отселѣ всѣ) самимъ Собирателемъ: № 65.

6. Петрозаводскаго уѣзда, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы, отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова: №№ 1; 21; 23; 26; 30; 66 (и отъ Леонтія Богданова, ср. ниже); 75; 78; 86.

7. Волости Кижской, отъ крестьянина Рябинина: №№ 3; 10; 12; 15; 20; 27; 31, 34; 35; 36; 39; 41; 41; 43; 48; 58; 59; 61; 67; 72; 85.

8. Тамъ же, со словъ крестьянина деревни Середки, Леонтія Богданова: №№ 8; 40 (и отъ Латышова, ср. ниже); 44; 63; 66 (ср. выше); 71; 80.

9. Тамъ же, отъ крестьянина деревни Боярщины, Щеголенкова: № 22.

10. Тамъ же: № 46; 79.

11. Волости Святозерской, деревни Прятокъ, отъ крестьянки Дмитріевой: №№ 7; 16; 50; 81.

12. Погоста Великогубскаго: № 68.

13. Пудожскаго уѣзда, Купецкой волости, деревни Бураковой, отъ крестьянина Никифора Прохорова: №№ 4; 9; 14; 17; 18; 19; 32; 33; 54; 57; 62; 76.

14. Волости Шальской, отъ крестьянина лодочника: №№ 2; 5; 6; 53; 56; 60.

15. Волости Сумозерской: №№ 47; 64; 74.

16. Волости Колодозерской, отъ девяностолѣтняго старика: №№ 11; 37; 42; 45 (при этомъ разнорѣчіе отъ старухи изъ Бережной Дубровы); 55.

17. Волости Бережной Дубровы, деревни Кузнецовой, отъ калики Латышова: №№ 13; 40 (ср. выше).

18. Каргопольскаго уѣзда, волости Кенозерской, отъ крестьянина Михайлы Богданова: № 28 (при томъ же № разнорѣчіе изъ Красновскаго погоста Пудожскаго уѣзда); 87.

19. Тамъ же, Тихвиноборскаго погоста: № 84.

20. Тамъ же, въ Малоархангельск. погостѣ: № 88.

—

II

Оглавленіе I-й части.

Страницы.

Посвященіе. I.

Отъ Издателей. I. II.

Пѣсни.—I. Время до Владиміра, богатыри старшіе.

Олегъ Святославичъ: 1, 2, 3, 4, 5 (подъ числомъ 1—2 припечатана былина изъ «Древн. Росс. Стихотвореній»). 1 — 26

Суханъ или Сухманъ: 6. 26 — 32

Святогоръ: 7. 32, 33

Святогоръ съ Ильею Муромцемъ: 8. 33 — 42

Время Владимірово. Богатыри Кіевскіе.

Илья Муромецъ: 9, 10, 11. 43 — 65

Онъ же и Паленица удалая: 12. 66 — 75

Онъ же и Сокольничекъ-охотничекъ: 13. 75 — 80

Онъ же и младой Соловниковъ: 14. 81 — 85

Онъ же и поганое Идолище: 15, 16, 17. . . . 85 — 94

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ: 18. . 95 — 97

Онъ же и Ермакъ Тимоѳеевичъ: 19, 20, 21, 22. . 97—119

Добрыня Никитичъ. Купается, бьется со змѣемъ: 23. 120, 121

Тоже; Добрыня женится: 24. 122—129

Добрыня въ отъѣздѣ; Алеша Поповичъ: 25, 26. . . 129—146

Тоже, и Василій Казиміровичъ: 27. 146—172

Добрыня и Марина: 28. 172, 173

Василій Игнатьевичъ (или Казиміровичъ): 29. . . 174—177

Дунай Ивановичъ: 30, 31. 178—194

Днѣпра королевична и Донъ Ивановичъ: 32. . . . 194—197

Иванъ Годиновичъ: 33, 34. 197—205

Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ: 35, 36, 37, 38. 205—236

Тоже и Сорокъ каликъ со каликою: 39, 40. . . . 236—240

Ставръ Годиновичъ: 41, 42. 241—250

Хотинъ или Хотенъ Блудовичъ: 43, 44. 251—261

Чурило Пленковичъ: 45, 46. 261—270

Дюкъ Степановичъ: 47, 48, 49, 50. 271—311

Онъ же и Шаркъ-великанъ: 51. 312—315

Его женидьба: 52. 315—317

Соловей Будиміровичъ: 53, 54. 318—332

Страницы.

II. Удальцы Новгородскіе.
Василій Буслаевичъ: 55, 56, 57, 58. 333—360
Его поѣздка: 59, 60. 360—363
Садко купецъ, богатый гость: 61, 62, 63, 64. . . . 363—380

III. Москва.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ: 65, 66, 67. . . 381—402
Онъ же: Кастрюкъ и дѣти Андреевы: 68. . . . 403—406
Гришка Разстригинъ: 69. 406, 407
Князь Скопинъ: 70. 408, 409
Ванюшка ключничекъ: 71. 409, 410

IV. Пѣсни Былевыя—Княжескія, Молодецкія, Безъименныя.
О двухъ королевичахъ изъ Крякова, Петроѣ Петровичѣ и Лукѣ Петровичѣ: 72. 411—422
О двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ, и князѣ Романѣ Дмитріевичѣ: 73. 422—429
Тоже, о двухъ Вѣтникахъ-Совѣтникахъ: 74. . . . 429—438
Тоже, о двухъ Литовскихъ королевичахъ: 75. . . 438—443
О Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ: 76. 443—452
О Настасьѣ королевнѣ Политовской: 77. 452—456
О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой: 78. . . 456—461
О Дмитріѣ Васильевичѣ и Домнѣ Александровнѣ: 79. 461—463
На чужой сторонѣ: 80. 463—465
Онпка Воинъ: 81. 465, 466
О добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ: 82. 467—468
Горе, Горюшко: 83, 84. 469—471
О горюшкѣ и добромъ молодцѣ: 85. 471—479
О Горюшкѣ сѣромъ и Упавѣ молодцѣ: 86. 479—485
Каково птицамъ жить на морѣ: 87. 485—487
О Хмѣлѣ: 88. 487, 488

Замѣтка, П. Б. I—XXIV
Перечень пѣсень по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ онѣ записаны или собраны. XXV—XXVI

—

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Rybnikov, Pavel N.

Pěsni sobrannyja P. N. Rybnikovym s portretom, biografiej i ukazatelem ; v trech tomach

Bd.: I

Moskva 1861

P.o.rel. 3340-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036374-7